

ПАОЛО АЛАТРИ

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ФАШИЗМА**

И * Л

*Издательство
иностранной
литературы*

PAOLO ALATRI

LE ORIGINI DEL FASCISMO

ROMA • 1956

ПАОЛО АЛАТРИ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФАШИЗМА

Перевод с итальянского

И. Н. Бочарова, Н. К. Георгиевской,
К. Г. Холодковского

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1961

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая вниманию советского читателя книга принадлежит перу прогрессивного историка, много сделавшего для изучения истории возникновения фашизма в Италии. В частности, следует указать, что в книге «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», изданной в Италии под общей редакцией товарища Тольятти, была напечатана и интересная статья Паоло Алатри «Вооруженная борьба в 1920—1923 годах. Конец либерального государства»*.

Для правильного восприятия книги Алатри советскому читателю следует иметь в виду, во-первых, что книга представляет собой сборник статей, написанных в разное время (1948—1956 годы), и, во-вторых, что сам автор проделал за это время известную эволюцию — от позиций общедемократических к позициям марксистского исследователя — коммуниста. Это наложило, естественно, свой отпечаток на книгу: в сборнике статей, написанных в разное время, имеются определенные повторения, неизбежные в таких случаях, и, кроме того, подчас одна и та же проблема не всегда одинаково и последовательно рассматривается самим автором. Следует отметить, что автор широко использует всю имеющуюся литературу и источники, что позволило ему привести большой фактический материал. Вместе с тем Алатри, к сожалению, несколько увлекается цитированием и не во всех случаях ясно выражает свою точку зрения в связи с цитируемым литературным произведением или источником.

* См. русское издание книги «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», М., Издательство иностранной литературы, 1953, стр. 125—135.— *Прим. ред.*

При всем том сборник содержит интересный материал, показывающий приход к власти фашизма как открытой диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее агрессивных кругов финансового капитала. Правда, автор не ставил себе целью всесторонне показать приход фашизма к власти. В книге не рассматриваются вопросы экономического развития Италии в тот период, связи итальянского капитала с иностранными империалистическими кругами в деле подготовки фашистской диктатуры. Автор уделяет основное внимание показу той роли, которую сыграли правящие буржуазные партии, социалисты-реформисты и королевский двор в росте фашистского движения в стране, в установлении и расширении фашистской диктатуры. «В фашистской публицистике, — писал автор, — отношения между либерализмом и фашизмом поставлены на голову, она стремится создать впечатление, что фашизм спасает буржуазное общество от революционной опасности *вопреки* либеральным кругам, якобы сотрудничающим с пролетариатом, тогда как именно эти круги вызывают к жизни и питают фашизм, чтобы спасти самих себя в качестве буржуазных сил... В некоторых же случаях доходят до прямого извращения социально-политической действительности, дабы изобразить фашизм революционным движением» (стр. 122).

Алатри нарисовал в своей книге яркую картину бесчинств фашистских отрядов при попустительстве официальных властей, пособничество кабинетов, возглавляемых Джолитти, Бономи и Факта, росту фашистского движения. Автор пишет о союзе «между силами фашизма и правительством, бюрократией, церковной иерархией, земельными собственниками, крупным промышленным и финансовым капиталом» (стр. 415) и приводит многочисленные факты, подтверждающие его тезис и относящиеся к периоду прихода фашистов к власти, введения так называемых «чрезвычайных законов» и установления неограниченной фашистской диктатуры.

При подготовке русского издания книги сделаны некоторые сокращения за счет отдельных повторений или материала, не представляющего интереса для советского читателя.

Помещаемое нами предисловие товарища Р. Баталья к русскому изданию написано по просьбе Издательства.

При всех особенностях книги, которые нужно иметь в виду, ибо она представляет собой сборник статей, написанных в разное время, причем сам автор прошел определенную эволюцию как историк, книга Алатри, несомненно, звучит актуально и в наши дни. В связи с возрождением очага реваншизма и фашизма в ФРГ и определенной активизацией фашистских элементов в ряде других капиталистических стран, в том числе и в Италии, исследование путей прихода фашизма к власти является не только академическим трудом, но представляет собой посильный вклад в общую борьбу миролюбивых сил за разрядку международной напряженности, за мир, демократию и социальный прогресс.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

26 сентября 1945 года Ферруччо Парри, первый председатель совета министров Италии после ее освобождения, выступая во время прений в Учредительном собрании, решительно заявил: «Я считаю, что в этой неопределенной ситуации превыше всего для вас должно быть то, что я называю интересами демократии, это ваши самые сокровенные интересы. Не забывайте, что демократия у нас практически только рождается. Я не уверен и не думаю, что можно называть демократическими те режимы, которые существовали у нас до фашизма... Я не хотел бы, чтобы мои слова оскорбили эти режимы... Мне жаль, что мое определение неприятно. Я хотел сказать следующее: понятие «демократия» имеет определенный, я бы сказал, организационный смысл. Это были режимы, которые мы можем определить как либеральные... Ваши протесты показывают, как трудно нам думать о демократическом режиме и какой путь предстоит еще нам пройти, прежде чем в итальянских политических сферах разовьется настоящее понимание и чувство демократии».

Это заявление человека, которого даже в его партии, «партии действия», считали умеренным, человека, враждебного по своему характеру и привычкам всякой риторике, неоднократно прерывалось бурными протестами значительной части присутствующих, и Парри с трудом смог закончить свою речь. На следующий день в том же Учредительном собрании взял слово для ответа Парри виднейший представитель итальянского либерализма, философ-идеалист Бенедетто Кроче: «То восхищение и благодарность, которые я, как итальянец, питаю к Парри за его вклад в героическую и упорную борьбу про-

тив немецких и итальянских фашистов, настолько велики и настолько искренни, что не только не мешают, но побуждают меня решительно опровергнуть ту историческую оценку, которую он высказал вчера и которая не столько скандализировала всех, сколько повергла в изумление. Он сказал, что еще до прихода фашизма к власти в Италии не существовало демократических правительств. Но это утверждение находится в вопиющем противоречии с действительностью, ибо в период с 1860 по 1922 год Италия была одной из самых демократических стран мира, а ее развитие представляло собой непрерывное и, как правило, быстрое продвижение по пути демократии, демократии, несомненно, «либеральной», как всякая истинная демократия...»

Может показаться, что рассказанный мною эпизод — это один из многих эпизодов той парламентской политической дискуссии, которая развивалась в накаленной, полной неопределенности атмосфере, существовавшей в Италии непосредственно после окончания войны, — атмосфере, которая особенно благоприятствовала возникновению различных политических инцидентов. На деле же он не только выявляет характерные особенности тогдашней политической обстановки (именно либералы, таскавшие каштаны из огня для Де Гаспери, вызвали затем кризис правительства Парри), но имеет и более глубокий смысл. Этот эпизод прежде всего очень наглядно показывает те идеологические и политические разногласия, которые уже в ходе борьбы за освобождение обнаружились в антифашистском лагере, разногласия по вопросу о том, что должно быть конечной целью Соппротивления: простое ли «восстановление демократии, существовавшей до фашизма», то есть «возврат к прошлому», согласно тезису, которого придерживались правые группы Комитета Национального Освобождения, или же «основание демократического государства нового типа», согласно тезису левых.

Кроме того, значение полемики Парри с Кроче не исчерпывается только тем влиянием, которое она оказала на существовавшую в тот момент политическую ситуацию; она ставит дилемму чисто исторического характера и предвещает «пересмотр всех оценок» современной истории Италии, требования которого становились в дальнейшем все более решительными и настой-

чивыми. Поэтому я счел правильным привести эту полемику в самом начале предисловия, чтобы сразу показать, в каком направлении вел свое исследование Паоло Алатри и каковы были общие условия, в которых он предпринял свою работу.

В период двадцатилетней фашистской диктатуры подлинную историю фашизма нельзя было, разумеется, написать в Италии, ибо в стране была ликвидирована всякая свобода мысли; поэтому подлинная история фашизма находила отражение в разоблачениях антифашистских политических групп, в драматических и фрагментарных публикациях тайной печати и в работах, издаваемых изгнанниками за рубежом. В Италии же честный историк-демократ, желавший заниматься своим делом, должен был ограничить свои изыскания «прошлым» и вести свою полемику с фашизмом в скрытой форме, намеками. Что же касается истории прошлого, то изучение Рисорджименто и первого периода истории объединенной Италии было пробным камнем для антифашистской историографии. Доказывая в тех условиях благородство идеалов свободы периода Рисорджименто или же отзываясь с похвалой о деятельности правительств дофашистской Италии, историк, несомненно, выполнял полезную для дела освобождения страны от диктатуры работу. Он вел в области культуры, несомненно, полезную борьбу против схем официальной историографии, прославлявшей фашистский режим, ибо он противопоставлял «итальянскую цивилизацию» недавнего прошлого «господству варварства» и коррупции, установившемуся со времени прихода фашистов к власти.

Этим, например, объясняется и тот факт, что труд Бенедетто Кроче «История Италии с 1871 по 1915 год» (автор стремился доказать положительное значение деятельности дофашистских правительств) приобрел в эти годы, даже независимо от намерений автора, явно антифашистское и прогрессивное значение, а также тот факт, что труд Кроче был одной из тех работ, на которых воспитывались многие молодые итальянские ученые, ставшие впоследствии активными борцами, которые все дальше отходили от концепций своего учителя.

После крушения фашизма должен был рухнуть и миф об объединенной Италии, созданный крочеанской историографией, миф, который был все же полезен и в некотором смысле необходим в самые мрачные годы диктатуры. Теперь же именно этот миф мешал более правильному и ясному историческому пониманию фашизма. В самом деле, если Италия до фашизма была столь цивилизованной нацией, если она столь уверенно шла по пути демократического прогресса, как это изображал в своем труде Бенедетто Кроче, то как же объяснить тот факт, что она оказалась первой страной в Европе, в которой утвердилась диктатура и которая стала родиной самого слова «фашизм»?

«Мы точно пробуждаемся от кошмара», — писал Кроче в 1943 году, трактуя фашизм как внезапную катастрофу, как «моральную болезнь», которая таинственным образом завладела здоровым и крепким организмом. Но как можно принять его «объяснение», которое в действительности ничего не объясняло и создавало, напротив, непонятный разрыв в современной истории Италии? Так рождалась и прокладывала себе дорогу — прежде всего как реакция на концепцию Кроче — мысль о необходимости проследить «корни фашизма» в период гораздо более ранних, чем момент его официального рождения, отыскать истоки зла, какого бы типа они ни были, именно в той Италии, которая вышла из Рисорджименто и затушевыванию и сокрытию теневых сторон которой способствовали в силу необходимости работы антифашистов.

Первым результатом Освобождения в области исторической науки было, таким образом, возникновение стремления к переосмысливанию всей современной истории Италии. И в этом направлении вели свою работу итальянские историки, как принадлежавшие к старшему поколению, так и молодые, вступившие на поприще науки только в первые послевоенные годы.

Новые возможности, открывшиеся для исследователей с завоеванием свободы, открытие или систематизация архивов, до этого недоступных или мало изученных, опубликование значительного количества неизданных документов — от официальных актов итальянской дипломатии до собрания писем Кавура относительно событий на Юге, а также целый ряд благоприятных момен-

тов дали новый толчок развитию итальянской исторической науки, сделав его более интенсивным. Среди этих благоприятных моментов наиболее важным был выход в свет исторических и философских трудов Грамши, виднейшего руководителя итальянских коммунистов. Опубликование этих трудов, созданных в безмолвном одиночестве тюрьмы, было настоящим открытием, воспринимавшимся как откровение. Это была самая надежная предпосылка для возникновения в Италии марксистской историографии, которая с первых же шагов (и не случайно) взялась за изучение самой сути наиболее сложных проблем современной истории. Речь шла, однако, не просто о том, чтобы «опровергнуть традиционную точку зрения», надо было совершить гораздо более трудную и сложную работу: нужно было использовать результаты, уже достигнутые учеными-демократами, чтобы затем пойти вперед, опираясь на гениальные догадки Антонио Грамши. Невозможно понять развитие молодой марксистской историографии в Италии, не учитывая одного, несомненно, весьма важного факта: она родилась и развивалась не только «в споре» с наиболее передовой буржуазной историографией, но и как ее продолжение и дальнейшее развитие.

Типичным примером в этом отношении является, как мне кажется, и Паоло Алатри, который, занимаясь уже более десяти лет изучением истоков фашизма и его происхождения, отправлялся сначала от демократических позиций, чтобы затем постепенно приблизиться к позициям марксистским. Чтобы вернуться к эпизоду, о котором я говорил вначале, и сделать наш разговор более конкретным, ибо он рискует стать слишком общим и, следовательно, абстрактным, скажу без дальних слов, что «отправным пунктом» для Алатри является, по существу, та мысль, которая лежала в основе выступления Парри, то есть отрицательная оценка правящих кругов дофашистского периода, столь характерная для всех интеллигентов, недовольных гегемонией крочеанства и принимавших участие в политическом движении, связанном с именем «партии действия» (аналогичный путь прошел и автор данной статьи). Эта оценка (возникновение которой относится уже к периоду становления фашистской диктатуры и особенно связано с идеями Пьеро Гобетти) лежала в основе всей деятельности

«партии действия» и была мотивом непосредственной политической борьбы и теоретическим, идеологическим фундаментом программы «итальянской революции», выдвинутой ею в ходе Соппротивления. Теперь же, когда в «партии действия», лишенной собственной массовой базы, быстро наступил кризис, распался и тот «союз интеллигентов», который составлял когда-то ее ядро и основой объединения которых (хотя и временной) являлась моральная антифашистская непримиримость и разоблачение традиционных недостатков итальянского государства.

Таким образом, каждый должен был вновь избрать свой собственный путь: или замкнуться в «разочаровании» по поводу «несостоявшейся революции» и банкротства своей партии, или же, критически оценив свой опыт, совершить решающий поворот и присоединиться к тем, кто продолжал борьбу, все более усиливая ее, то есть примкнуть к рабочему движению и к его передовой партии.

Я думаю, что не ошибусь, сказав, что начало исторических изысканий Паоло Алатри, самый выбор темы, которой он так долго оставался верен, предвещали и тот выбор, который он должен был сделать в области политики. Вновь и вновь возвращаясь все к той же теме, углубляя разработку этой темы, характерной для движения, в котором он участвовал в период Соппротивления, он стремился «обобщить свой опыт»: исторические изыскания помогли ему лучше осознать, насколько узко ставилась до сих пор эта тема.

Поэтому, приняв марксистскую концепцию истории и вступив в Итальянскую коммунистическую партию, Паоло Алатри совершил шаг, который нельзя рассматривать как нечто «не имеющее отношения» к его исследованиям; напротив, он установил полное единство между своими научными изысканиями и своей практической политической деятельностью. Именно этим в первую очередь интересна эта серия очерков, объединенных под общим названием «Происхождение фашизма»; хотя они написаны в различные годы, однако они не страдают неорганичностью или фрагментарностью. Они свидетельствуют о едином процессе формирования определенных воззрений, об одном господствующем направлении изысканий, и их нужно читать и трактовать как не-

сколько последовательных этапов одного и того же исследования. И различные даты их написания представляют не только хронологический интерес: они являются вехами, существенными моментами указанного процесса.

Первый очерк, опубликованный в 1948 году, — «Националистическая идеология и фашистский эксперимент» — уже содержит в зародыше все или почти все темы изысканий Алатри, которые он разработал затем более широко. Алатри намечает здесь «программу» своих будущих исследований: непосредственные предпосылки появления фашизма, которые он видит в распространении националистической идеологии уже в период десятилетнего правления Джолитти; значение вступления Италии в первую мировую войну; появление фашизма, возникшего на базе националистической идеологии, однако отличавшегося от старого национализма наличием собственной массовой базы; определение приспосабливаемости как основной черты характера Муссолини; установление диктатуры в результате «пособничества крупной буржуазии». Далее он дает беглые зарисовки последующих фаз развития фашистского режима — «три акта», определившие вступление Италии во вторую мировую войну и явившиеся прелюдией катастрофы: война в Эфиопии, фашистская интервенция в Испании, Стальной пакт. В заключение Алатри резюмирует причины бесповоротного осуждения фашизма: «Так был завершен, хотя и различными путями, последний цикл развития национал-фашизма как в Италии, так и во Франции: начав с разжигания крайней вражды ко всему иностранному, с монополизации «патриотических» чувств, используемых в своих узкопартийных целях, национал-фашизм кончил подчинением страны иностранному владычеству».

По этой схеме, или «программе», хорошо видно, что некоторые события уже ясны автору, в то время как оценка других еще окончательно не сложилась. Вся проблема еще не обрела строгих и стройных очертаний, сказывается влияние непосредственного импульса исследования — возмущения той катастрофой, в которую фашизм вверг Италию.

В очерке «Истоки фашизма и правящие круги Италии» (1950 год) программа исследования вырисовывает-

ся все яснее: Алатри концентрирует свое внимание на теме, которая станет затем центральной темой всех его научных изысканий,— непосредственная ответственность правящих кругов Италии за приход фашизма к власти. Кроме того, Алатри ясно указывает и теоретическую цель изысканий: досконально изучив этот вопрос, он намерен «синтезировать» две концепции, которые являются, как он указывает, основными научными концепциями фашизма: точку зрения того течения в историографии, которое «видит в фашизме не что иное, как проявление несостоятельности государственной организации, созданной при объединении Италии», и другую точку зрения, согласно которой фашизм является «порождением особого периода борьбы между капитализмом и пролетариатом не только в Италии, но и во всей Европе и во всем мире», иными словами, демократическую концепцию, которой Алатри придерживался в период своей политической деятельности в рядах «партии действия», и марксистскую концепцию, решительным сторонником которой он теперь становится. «Синтезирование» ни в коем случае не означает, однако, «смещения» различных идеологий: оно осуществляется путем критического отбора, сопоставления и взаимного дополнения результатов, достигнутых тем и другим течением. Ибо Алатри, правильно понимая опасность «абстрактного морализирования», присущего демократической концепции, столь же верно, на мой взгляд, подмечает и другую опасность: догматически понимаемая «классовая точка зрения» тоже может превратиться в застывшую схему, навязываемую развивающейся действительности, бесконечно разнообразной и всегда изобилующей непредвиденными событиями.

Итак, поставив перед собой эту теоретическую цель, автор ведет тщательное и кропотливое исследование, никогда не сводя его к простой хронике событий; он все время старается четко выделить политические силы, которые действовали в Италии в первые послевоенные годы, и ясно показать их сложную игру.

Автор уделяет большое внимание выявлению характерных черт фашизма, начиная с первой вспышки этого движения — аграрного сквадризма — до кровавых эпизодов гражданской войны, которую фашизм развязал, обрушившись на организации трудящихся, на все со-

циальные и демократические завоевания народных масс, которых им удалось добиться после войны. Но главное внимание исследователя привлекает поведение старых политических групп, еще находившихся у власти; он рассматривает их не в одном плане и не как единое целое, но ясно различает и выделяет линию каждого видного представителя этих групп — либералов и демократов, внимательно прослеживая ее во всех ее поворотах. Таким образом, утверждает Алатри, обвинительный акт против этих правящих групп «естественно» вытекает из самой действительности, из фактов: «пассивное или активное пособничество государственных властей все усиливавшимся разрушительным и захватническим действиям фашистов уже в то время показало тем, кто не желал закрывать глаза, что это государство было государством классовым, а не либеральным, или, если быть более точным, что либеральная форма государства — это та форма, которая более выгодна буржуазии с точки зрения ее классовых интересов, но последняя склонна отказаться от нее, когда эта форма становится неудобной или опасной. Именно таковой сочла ее буржуазия после первой мировой войны, сплотившись под знаменем реакции и вручив свою судьбу фашизму».

Все в том же направлении ведет свое исследование Алатри и в последующих очерках, написанных в 1953—1955 годах. Теперь, когда обрисован общий фон, автор концентрирует свое внимание главным образом на отдельных деятелях периода, непосредственно предшествовавшего приходу фашизма к власти; он рассматривает их деятельность в тесной связи с конкретными историческими условиями. И самым интересным из этих рельефно очерченных портретов является, пожалуй, портрет Луиджи Альбертини, прежде всего благодаря глубокому анализу того влияния, которое последний оказывал на общественное мнение Италии как директор крупнейшей буржуазной газеты «Коррьере делла сера» (будучи историком, Алатри является, кроме того, журналистом, и собственный профессиональный опыт дает ему возможность лучше, чем кому-либо другому, проникнуть в сущность его темы).

Основу последнего очерка — «Интервенционизм и фашизм в новейшей историографии» — составляет систематизированный и весьма полный библиографический

обзор, являющийся ценным пособием для всех ученых. Алатри свободно владеет столь сложным и животрепещущим материалом и одним из первых подходит к нему во всеоружии исторического метода.

Последний по времени написания очерк «Второй кабинет Факта и «поход на Рим» (1956) является в то же время самым всеобъемлющим и значительным. Изображая в нем последнюю фазу развития либерального государства, Алатри полностью осуществляет программу, намеченную им в 1948 году. Очерк содержит богатый фактический материал, большое число эпизодов, причем некоторые могут показаться второстепенными; в нем много пространных цитат, и все же он никогда не становится сухим или вялым; он весь пронизан ясной и напряженно работающей мыслью, в результате чего автор приходит к весьма знаменательным выводам. Здесь и определение тактики, которой придерживались фашисты с целью захвата власти, чередуя метод насилия и метод «обольщения» старых правящих групп, и вывод о том, что буржуазная власть имела «два лица» — лицо Джолитти и лицо Саландра, оценка реального политического значения коммунистической партии в тот период и заключительный суровый, но правильный вывод относительно той роли, которую сыграла социал-демократия в кульминационный момент драмы («Социал-демократы никогда еще не опускались так низко»).

Но я не считаю, что в мою задачу входило оценивать отдельные выводы Паоло Алатри, проследить всю длинную цепь его изысканий, чтобы отметить, в чем я с ним согласен, а в чем, может быть, не согласен. Мне представляется более желательным указать то место (что я пытался уже сделать вначале), которое занимает работа Алатри в итальянской историографии, что позволит лучше понять и показать общую ценность достигнутых им результатов. Ему одному из первых пришлось работать в той области, которая до сих пор еще не исследована, но уже со времени первых попыток ее научно-исторической разработки стала ареной откровенной и острой идеологической полемики.

Значение его вклада состоит не только в том, что он сумел применить во всей полноте метод исторического исследования к той теме («Происхождение фашизма»),

которая в воспоминаниях главных участников борьбы трактовалась обычно односторонне и освещалась лишь частично. Оно состоит, как мне кажется, в том, что в своем историческом исследовании на конкретном материале, подтвержденном документами, он с самого начала отражает яростную атаку, которая ведется сейчас против марксистской концепции (или, чтобы быть более точным, против Итальянской коммунистической партии, верной этой концепции и принципам классовой борьбы), атаку, ведущуюся с двух сторон.

С одной стороны, выступают социал-демократы, чья точка зрения нашла свое наиболее ясное выражение в работе Таска «Возникновение и победа фашизма» («Nascita e avvento del fascismo»), изданной в Италии в 1951 году. Эта работа содержит очень богатый фактический материал, но в то же время весьма тенденциозна, к тому же автор постоянно занят сведением своих личных счетов. Отождествляя приход фашистов к власти с поражением социалистического движения в Италии, автор этой концепции, в конце концов, возлагает наибольшую ответственность за это на само послевоенное социалистическое движение, которое будто бы совершило непоправимую ошибку, не послав своих представителей в лице реформистских деятелей в буржуазное правительство, и тем самым открыло дорогу реакции. За дальнейшие события Таска возлагает ответственность на коммунистов, которые якобы раскололи партию в самый неподходящий момент, что в результате ослабило антифашистскую борьбу рабочего класса.

На тезис социал-демократов Алатри отвечает спокойно и четко. Он показывает, какие политические силы в действительности потерпели поражение — это старые правящие группы, разьедаемые раковой болезнью вражды к социализму и к народу. «Я стремился,— писал он в дальнейшем, после выхода в свет данной книги,— исследовать все существенные моменты этого кризиса и предполагал показать, что основным элементом этого кризиса была эволюция в сторону реакции старых правящих кругов, выразивших интересы буржуазии, припертой к стене в результате изменения соотношения сил между общественными классами — изменения, которое грозило окончательно нарушить старое равновесие. Оказавшись перед альтернативой — или пойти по пути, бо-

лее соответствующему понятию демократии, или вернуться к методам насилия и подавления требований пролетариата и мелкой буржуазии,— эти правящие круги без колебаний избрали второй путь. Они строили иллюзии, что в результате этого останутся, как и прежде, хозяевами положения. Но на самом деле они должны были уступить руководство государственными делами новой группе — более динамичной, более непосредственно выражавшей устремления наиболее агрессивных кругов буржуазии, склонных изменить также и конституционные порядки, то есть создать новые орудия для осуществления политики, означавшей реакционный переворот, завуалированный демагогией. Именно в этом видел я главное значение событий, происшедших в Италии после первой мировой войны; другие моменты представлялись мне второстепенными и побочными».

Вся его работа является недвусмысленным доказательством того факта, что социал-демократический тезис висит в воздухе, что он полностью противоречит реальным фактам исторической действительности, о чем свидетельствуют даже ясные признания самих реформистских вождей того периода, например Филиппо Турати. Признать тяжелую ответственность старой социалистической партии послевоенного периода, оказавшейся в безвыходном тупике дилеммы: максимализм или реформизм, как это неоднократно и недвусмысленно делает Алатри, не значит, однако, ставить дело с ног на голову, приписывая рабочему классу, еще остававшемуся тогда «на вторых ролях», то, в чем виноват, за что несет вполне конкретную ответственность класс буржуазии, являвшийся «гегемоном». Это значит, напротив, еще более решительно подчеркнуть необходимость основания Итальянской коммунистической партии, партии действительно революционной, единственной партии, способной гарантировать рабочему классу и всей нации создание предпосылок освобождения и крушения диктатуры.

Атака на марксистскую концепцию ведется и с другой стороны. Начав с отрицания «природы фашизма» как открытой диктатуры наиболее реакционных и шовинистических групп финансового капитала, демократическое течение (которое в прошлом тоже внесло свой вклад в общую антифашистскую борьбу) проделало в лице некоторых своих представителей типичную и

опасную эволюцию. Характерным примером является заключение, к которому пришел Луиджи Сальваторелли в конце своего недавно вышедшего очерка «Демократическая оппозиция фашизму» [опубликован в сборнике «Второе Рисорджименто» («Il Secondo Risorgimento»), 1955]: «Демократической оппозиции были чужды предвзятость и все ниспровергающие крайности; фашизм имел достаточно времени и возможностей встать на правильный путь; и когда оппозиция стала открытой и безоговорочной, она уже действительно была необходима». Вывод явно реакционный: ибо, с одной стороны, он ведет к оправданию, по крайней мере частичному, тяжелой вины правящих кругов дофашистского периода (их капитулянтская политика по отношению к фашизму будто бы объяснялась их крайней осторожностью и демократическим благоразумием); а с другой — подрывает в конечном счете сами идейные основы антифашистской борьбы, выдвигая нелепую гипотезу о том, будто фашизм, если б он послушался совета демократов, мог одуматься и встать на правильный путь.

Обвинительный акт, научно-историческое доказательство ответственности правящих политических групп дофашистского периода, данное Алатри именно в борьбе с этим последним тезисом, является прочным завоеванием всей итальянской историографии, и не только марксистской.

Важно также, что Алатри дал бой своему идеологическому противнику на его собственной территории и здесь, то есть в области исследования «политической надстройки», нанес ему поражение, во многих отношениях окончательное.

Необходимо еще предпринять более конкретные исторические изыскания в области социально-экономического анализа, анализа тех изменений в производственных и классовых отношениях, которые были вызваны послевоенным кризисом, и рассмотреть проблему фашизма в связи с этими изменениями. В данных очерках, посвященных исключительно изучению «политических верхов», Паоло Алатри ограничивается тем, что внимательно отмечает наиболее очевидные проявления тех изменений, которые происходили в это время в экономической «структуре», отмечает их в тех случаях, когда результаты этих изменений находили отражение в поли-

тической и идеологической борьбе. Было бы неверно требовать от него того, чего он не собирался дать. В этом смысле его работа сделала ясным и отчетливым то, что раньше было смутным и неопределенным и открывало простор для любых, самых произвольных толкований,— она дала нам представление о политической атмосфере, царившей в Италии накануне прихода фашизма к власти, и в то же время расчистила путь для дальнейшего углубленного изучения этой темы. Она явилась и является сейчас неперенным ориентиром для всех, кто желает продвинуться дальше в изучении истории фашизма и современной истории Италии вообще.

Роберто Батталья

*Моим детям
Стефании и Джанни.
Пусть они растут в атмосфере
свободы и прогресса.*

В эту книгу я включил ряд статей и очерков, которые были опубликованы мною в различных периодических изданиях и сборниках, за исключением одного, наиболее крупного — «Второй кабинет Факта и «поход на Рим», публикуемого здесь впервые.

И хотя отдельные очерки данной книги были написаны и опубликованы в различных изданиях и по различному поводу, всех их объединяет одна общая мысль, один интерес — интерес к истокам фашизма, корни которого уходят значительно дальше 1922 года (года прихода фашизма к власти) и тяжелое наследие которого дает себя чувствовать в Италии и сейчас, через десять лет после краха фашистской диктатуры. Происхождение фашизма прослеживается в данной книге в тесной связи с анализом структуры и позиции старых правящих групп, которые, став обладателями наследия Рисорджименто и приобретя опыт правления в объединенной Италии, постепенно вырождались, растрачивая свои былые идеалы и отказываясь от практики подлинного либерализма.

Таким образом, проблема происхождения фашизма тесно связана с исторической перспективой и историографической проблематикой современной Италии, которая, преодолев мучительный период борьбы и жертв Рисорджименто, родилась вместе с объединением страны и стала составной частью Европы, достигшей в целом к тому времени более высокой ступени политического, экономического и социального развития. К этой исторической перспективе, к этой проблематике нынешняя итальянская историография в целом проявляет столь большой интерес, что никто из крупнейших итальянских историков не смог остаться в стороне от оценки фашизма.

П. А.

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ФАШИСТСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В основе национализма как идеологии лежит абстрактная концепция нации, рассматриваемой как некий абсолют, а не как единый диалектический организм, состоящий из разнообразных конкретных элементов нравственного, социального, политического и экономического порядка, соединяющихся вместе в одном народе и в одной стране.

Корни национализма как теоретического и идеологического течения преимущественно иностранные и восходят главным образом к литераторам. Речь идет о полукультуре самых разношерстных направлений, которая приводит в восторг мелкую буржуазию, поддерживая в ней ее предрассудки о нравственном и политическом превосходстве, а также ее склонность к риторической трескотне.

Луиджи Сальваторелли написал об этом проникновенную глубоким психологизмом страницу, которую стоит перечитать.

«Сущность мировоззрения мелкой буржуазии, получившей гуманитарное воспитание, исчерпывается одним-единственным словом — риторика. Получая, как правило, свое воспитание в классической школе (впрочем, технические и педагогические учебные заведения Италии, как известно, почти не имеют профессионального характера), она владеет так называемой «общей культурой», которую можно было бы назвать «безграмотностью грамотных». Она, эта общая культура, заключается в весьма поверхностных историко-литературных познаниях, причем в области литературы это чисто формальные грамматические сведения, тогда как в области истории она сводится к набору отрывочных сведений о битвах и государях, сведе-

ний, которые соответственным образом обработаны или искажены применительно к патриотическому чувству и основу которых составляет прославление Рима и Римской империи как предшественников нашего государства и представление о Рисорджименто *ad usum Delphini**. Все их обучение сводится к массе общих, абстрактных сведений, предназначенных для механического запоминания без какого бы то ни было критического осмысления и без всякой связи с историческим процессом и повседневной действительностью. Поэтому у мелкой буржуазии, воспитанной в таком духе, наблюдается тенденция к догматизму, к легковерию в *ipse dixit*** , стремление заменить живое дело и глубокую мысль одними словами да попой, слепая вера в раз и навсегда установленные и неоспоримые истины.

Получив такую великолепную подготовку и столкнувшись с жизнью, мелкий буржуа кончает тем (если жизнь не выбила его совсем из колеи и если он не остался совсем без занятий), что снова отгораживается от жизни в бюрократических учреждениях, в школьных аудиториях либо в узком и бесплодном русле одной какой-нибудь жалкой свободной профессии. В итоге он выдумывает некий фантастический абстрактный идеальный мир и игнорирует действительные ценности современного мира; когда же он сталкивается с этим миром без прикрас, он чувствует к нему какую-то смесь морализирующего и неумного отвращения и безграничной зависти. Капиталист для него — акула эксплуатации, а квалифицированный рабочий — *выскачка*, который незаслуженно пользуется большим вниманием, чем он сам. Этому миру, который он считает чисто материалистическим, мелкий буржуа противопоставляет свой идеальный мир; экономической реальности производящих и борющихся классов он противопоставляет миф об абстрактной и трансцендентной нации, думая таким путем утвердить — вопреки ненавистным ему производительным классам — свое нравственное превосходство. Исходя из своего апо-

* *Ad usum Delphini* (лат.) — буквально: для дофина (наследник французского престола). Этим выражением обозначают крайне упрощенное и далекое от действительности представление о каком-либо явлении. — *Прим. перев.*

** *Ipse dixit* (лат.) — буквально: сам сказал (об авторитетах). — *Прим. ред.*

литичного морализма, он считает преступниками, предателями и врагами отечества всех тех, кто не признает этого самого отечества в той безжизненной и бесформенной кукле, которую он прижимает к груди»¹.

Удачным является также замечание одного неглупого политического наблюдателя, примкнувшего впоследствии к фашизму, — Марио Миссироли, который в 1923 году, говоря о буржуазии, как о «глубоко реакционном классе», выражался следующим образом:

«Она состоит из той огромной массы, которая владеет собственностью, но не мыслит; которая всегда голосует за правительство, хотя и говорит о нем дурно; которая не отличается государственным мышлением, устойчивыми идеалами и любовью к своей стране. Чуждая проблем религии и культуры, внешней политики и экономики, она платит налоги и ворчит, шумно аплодирует всему риторическому и склоняется ниц перед знаменами. Переменчивая и нерешительная, безразличная и циничная, она знает только одно глубокое чувство — ненависть к социализму»².

От абстрактной концепции нации ведет свое происхождение и присущая национализму абстрактная концепция отечества. Вполне очевидно, что содержание патриотизма существенно изменяется в зависимости от политической доктрины, которая лежит в его основе; националистические же убеждения являются по существу метафизическими. Любовь к отечеству, поскольку последнее не желают рассматривать как нестройное согласие различных сил, становится достоянием одной только политической группы, а посему она считает вполне допустимым и логичным обвинять в «антипатриотизме» либералов, социалистов и демократов, то есть всех тех, кто является противником националистического тоталитаризма.

Психология националиста отличается, таким образом, догматической нетерпимостью, а себя он считает единственным обладателем всех политических и нравственных достоинств. Национализм захватывает и как бы монополизирует национальное чувство, любовь к отече-

¹ L. Salvatorelli, *Nazionalfascismo*, Torino, Gobetti, 1923, p. 21—23.

² M. Missiroli, *Una battaglia perduta*, Milano, Corbaccio, 1924, p. 376.

ству, преданность своему народу. «Национализм,— говорил уже в 1912 году Леонида Биссолати,— это реакционная сила, которая использует национальное чувство в своих узкоэгоистических целях»¹.

Итак, каковы же эти цели? Известно, что национализм заявляет о своем намерении преодолеть во имя нации в целом всякие классовые различия, всякие партийные интересы. В действительности же он является выразителем вполне определенных классовых интересов и литературно-политическим выражением не только экономических, но и психологических потребностей буржуазии.

Откровенные признания этой классовой сущности национализма можно обнаружить скорее в высказываниях его основателей, чем в выступлениях более поздних и более осмотрительных его эпигонов. Возьмите, к примеру, первоначальный национализм Папини и Преццолини. Признания их ясны, более того, они открыто декларированы; конечные цели буржуазии как класса они признают с откровенностью, доходящей до цинизма. «Если мы, буржуа-монархисты,— утверждает первый,— хотим занять наше место руководящего класса, господствующей касты, которая владеет и командует, мы должны проводить прежде всего национальную политику»². Ударение при этом сделано целиком на прилагательном «национальную», в результате чего вся фраза приобретает двойной смысл, а именно: что буржуазия, чтобы выполнять свои руководящие функции, должна уметь выполнять функции, полезные для всей нации, и что единственной политикой, которая соответствует защите и усилению буржуазии как «господствующей касты, которая владеет и командует», буржуазии как привилегированного класса, отстаивающего свои привилегии, является националистическая политика: великая и блестящая внешняя политика, развитие империалистической экспансии с целью отвлечения внимания напирающих снизу классов и подавления их борьбы за удовлетворение своих внутривполитических требований.

Правильность подобного истолкования этой цитаты подтверждается другим отрывком из той же речи Папи-

¹ Выступление на конгрессе социалистов в Реджо-Эмилии. См. L. Bissolati, *La politica estera dell'Italia dal 1897 al 1920*, Milano, Treves, 1923.

² G. Papini e G. Prezzolini, *Vecchio e nuovo nazionalismo*, Milano, Studio editoriale lombardo, 1914.

ни: «Итак, буржуазия слаба и инертна и не думает о своем спасении, она не видит даже средств для спасения, одним из которых как раз и является национализм, то есть такое мировоззрение, которое направляет силы всех индивидуумов и всех классов к единой цели». Отсюда совершенно ясен смысл слова «национализм» — подлинный безжалостный классовый смысл, скрывающийся под лживым прикрытием национальной политики.

Можно было бы привести здесь еще много доказательств в подтверждение этой классовой сущности национализма, но я хочу ограничиться лишь одним отрывком из письма, которое Преццолини написал в 1904 году Парето¹. «Вы видите в теории Аристократии научную теорию; я же вижу здесь научное оправдание актуальной политической надобности»; это очень точно раскрывает сущность вещей и наиболее ярко разоблачает классовый характер националистической идеологии.

Эта теория аристократии была призвана скрыть весьма неприглядную социальную действительность, которую в нескольких словах можно обрисовать следующим образом: армию национализма (и, как увидим дальше, фашизма) составляла патриотствующая мелкая и средняя буржуазия, но генералами этой армии были крупные промышленники и аграрии. По мысли националистов, разбудить буржуазию — это значит поставить ее на более прямую и действительную службу высшим социальным кастам. Вот как формулировал Папини программу национализма: «Надо разбудить класс буржуазии *при помощи аристократии, чтобы направить его против социалистической или полусоциалистической демократии. Это значит, что надо вывести на арену национальной жизни славную историческую аристократию, дабы она стала центром возрождения промышленной аристократии* и, сделав энергию и дисциплину достоянием всего класса, повела бы его на борьбу против нажима и атак разлагающих отечество сил»².

Основная установка, из которой с самого начала исходят все националистические писатели, заключается в том, что буржуазия должна уметь сама защищать

¹ Опубликовано в «Regno» (1904, gennaio, п. 5) и перепечатано в цит. соч., стр. 53.

² G. Papini e G. Prezzolini, op. cit., p. 23—24 [курсив мой.— П. А.].

свои интересы. Некоторые из них доходят даже до утверждения, что в этом деле не нужна никакая посредническая деятельность государства: это уже прелюдия к созданию фашистских отрядов.

Реакционная буржуазия, вооружившись националистическими теориями, начинает уже работу по разложению, критике и дискредитации либеральных и демократических институтов. Она принимает их только для того, чтобы подготовиться и предать их, лишив их всякого значения, всякой конкретной ценности, всякого практического эффекта, прежде чем окончательно отбросить их.

Указанная абстрактная концепция нации, нации, понимаемой как некая метафизическая, трансцендентная, неизменная, натуралистическая и поэтому исключающая всякую политическую борьбу сущность, логически ведет к непримиримому противопоставлению национализма либерализму, демократии и социализму. Она включает в себя как следствие тезис о борьбе наций вместо тезиса о борьбе классов, тезис о различии между нациями богатыми и бедными, нациями капиталистическими и «пролетарскими» вместо социалистического тезиса о различии между классами. И, разумеется,— подведение теоретической базы для оправдания самого непримиримого империализма. Ибо, когда утверждают, что страна должна быть единым блоком, готовым к любому испытанию, что «пролетарские» нации должны вооружаться, дабы заставить считаться со своими «требованиями», то внешняя политика такой страны неизбежно будет отвечать этим настроениям и непременно станет империалистической политикой, политикой насилия и агрессии, угрозой для всякого политического равновесия.

Антилиберальные, антидемократические и антисоциалистические тенденции являются неизменной и весьма характерной чертой всех основателей и теоретиков национализма — как Коррадини, так и Папини, как Федерцони, так и Маравилья и Рокко. Первый из них писал: «Как в теории, так и на практике итальянский национализм всегда был антилиберальным, антидемократическим, антипарламентарным и антимасонским»¹.

¹ «Il libro d'Italia» (Nel Decennale della Vittoria), edito dall'Istituto Fascista di Cultura, Milano, 1929, p. 19; особенно см. E. Corradini, Il nazionalismo italiano, Milano, Treves, 1914 (особенно главу «Stato liberale e Stato nazionale»).

И далее: «Многие настаивают на том, что национализм — это то же самое, что и патриотизм, и что националист — это то же самое, что хороший итальянец... Национализм — это нечто отличное от патриотизма и в некотором отношении даже противоположное ему»¹. В своих статьях и речах, собранных в трех томах², Рокко настаивает на том, что национализм не является, так сказать, приправой, с которой можно подать любое блюдо; что не может быть националистического либерализма, националистической демократии, националистического социализма; что национализм сам по себе является подлинной партией, более того, в отличие от либеральных партий он является партией, исключаяющей существование всех других партий, и имеет свою собственную, сильнейшую логику, которая приводит его к самым радикальным отрицаниям. «Национализм, — писал Рокко, — это не то чувство, которое можно совместить с любой политической доктриной, ибо национализм сам по себе является социальной и политической доктриной. При этом социальная и политическая доктрина национализма в корне противоположна всем господствующим в настоящее время доктринам, от чистого либерализма до демократии и социализма»³.

Но после ликвидации свободной конкуренции политических противников, к чему стремится наиболее последовательный национализм, остается только один способ правления: диктатура. «Если национальная политика шире классовой политики, — писал Папини, — то верно также и то, что нация не может существовать без класса. Класс — это орудие нации, и иногда его можетлицетворять весьма узкая олигархия и даже — один человек»⁴. На память приходит одна фраза Преццолини из его письма к Парето, которое мы уже цитировали: «До сих пор не доставало одного примера и одного голоса, то есть одного человека».

И это еще не столь откровенно, как в программной статье, которая была опубликована в органе национали-

¹ Il libro d'Italia, p. 27—28.

² A. Rocco, Scritti e discorsi politici, Milano, Giuffrè, 1928.

³ A. Rocco, op. cit., v. I, p. 95 sgg. (из статьи от 6 июня 1914 года, опубликованной в «Довере национале»).

⁴ См. статью в «Regno» dell' 8 agosto, 1904, воспроизведенную в книге Папини и Преццолини.

стического движения «Политика»¹ и в которой Аттилио Тамаро открыто призывал к установлению «диктатуры национальных характеров».

Националистические мифы и сюжеты только внешне кажутся возвышенными; в действительности же за этой маской фальшивого блеска скрывается рабство и смерть. Они сводятся к прославлению крови и войны как импульса нравственного возрождения человечества; насилия как школы мужества; слепого повиновения, в котором загадочным образом растворяется индивидуальность; к прославлению олигархии и диктатуры как идеальных систем правления, не терпящих компромиссов, отлагательств, связывающего и сдерживающего контроля; к прославлению «конкретной» свободы сильной нации в противовес «абстрактной» свободе индивидуумов; «первенства», «миссии» и «высокого предназначения», которыми провидение неисповедимо отметило судьбу нации; к прославлению «стремления к мощи», диктующего нации политику безграничного экспансионизма; империализма, незаметно превращающегося из «спиритуального» (как его вначале определяли, дабы сделать более приемлемым) в политический и военный империализм; к прославлению количества как единственного показателя силы, что приводит к отрицанию всех духовных и нравственных ценностей.

Тот, кто умеет читать, обнаружит все это в одной фразе Коррадини из его письма к своему другу: «Националистом можно стать только одним путем — империалистическим путем. Средство? То же, что и всегда: война. Итальянский национализм всегда прославлял *мораль человека-солдата*, стремясь установить в Италии *культ воинственной морали*»².

В своем докладе на I конгрессе националистов Коррадини высказался по этому же вопросу следующим образом: «Подобно тому как социализм разъяснил пролетариату значение классовой борьбы, мы должны разъяс-

¹ «Politica», agosto — settembre 1920. Статья так и названа: «Необходимость диктатуры» («La necessità della dittatura»).

² «Il libro d'Italia», p. 16. *Мораль же человека-солдата* означает попрание всех демократических норм и норм гражданского общества. «Настоящим отражением души народа, — писал другой националист, Маурицио Маравилья, — является Армия, а не Парламент» (Maurozio Maraviglia, *Momenti di vita italiana*, Roma, Pinciana, 1930, p. 94).

яснить Италии значение международной борьбы. Но международная борьба — это же война? Ну что ж, пусть война. И пусть национализм пробудит в Италии жажду победоносной войны...»¹ Он был прав: логичным и последовательным националистом может быть только тот, кто поддерживает политическую систему, в основе которой лежит диктатура и война.

Как политическая идеология итальянский национализм обязан своим рождением одному человеку — Энрико Коррадини. Потрясенный поражением при Адуа в 1896 году, он не увидел в этом злополучном событии национального и социального предостережения и стал уже тогда по своим взглядам реваншистом. С этого времени Коррадини занялся разнообразной литературной деятельностью, пропагандируя те идеи, которые впоследствии стали основополагающими для националистического движения. Так, например, в 1902 году он опубликовал роман «Юлий Цезарь», в котором прославлял гений и силу Цезаря и императорского Рима. 7 ноября 1903 года вышел первый номер «Реньо», первого органа, в котором Коррадини мог пропагандировать свои идеи. Эта газета была создана с ясно выраженной целью — защищать и вести за собой класс буржуазии.

Распространение националистической идеологии особенно усилилось в Италии после 1908 года, после аннексии Боснии и Герцеговины Австрией, приведя к созданию на Флорентийском совещании в декабре 1910 года Итальянской националистической ассоциации.

Начиная с 1 марта 1911 года еженедельным печатным органом движения стала газета «Идея национале», основанная Энрико Коррадини, Луиджи Федерцони, Франческо Коппола, Роберто Форджесом-Давандзати и Маурицио Маравилья с целью возрождения и прославления духа Рима и Римской империи, усиления власти государства, борьбы против «разлагающей деятельности партий», а также против социализма, демократии и парламентаризма. Газета ставила своей целью подъем престижа монархии и защиту союза государства и церкви, укрепление мощи вооруженных сил и разжигание импе-

¹ «Il nazionalismo italiano. Atti del Congresso di Firenze», Firenze, Quattrini, 1911, p. 34.

риалистических колониальных устремлений, особенно в отношении Африки. Она должна была толкнуть правительство на проведение внешней политики, отвечающей «величию и престижу» страны, и подготовить нацию к осознанию своей силы и к объединению всех сил в борьбе против других наций.

В 1912 году на конгрессе в Риме «национальный принцип» был противопоставлен демократическому принципу, а в 1914 году на конгрессе в Милане национализм был противопоставлен либерализму. Полный разрыв с истинными традициями Рисорджименто был отныне завершен.

Вследствие решений Миланского конгресса либералы, участвовавшие в националистическом движении, отошли от него, образовав группы националистов-либералов, печатным органом которых (сначала болонской, а затем миланской группы) была «Ационе». Они принадлежали к числу тех политических группировок, которые наиболее пагубно повлияли на развитие послевоенного политического кризиса в Италии, ибо именно они не поняли, что националистическая идеология и практика абсолютно несовместимы со свободной, демократической жизнью страны; ибо именно они явились связующим звеном между находившимися в упадке старыми либерально-демократическими силами и новыми растущими национал-фашистскими силами, господствовавшими в дальнейшем в Италии более двадцати лет.

Националистическое движение достигло значительно-го успеха в своем развитии и укреплении своей организации в тот день, когда оно стало располагать ежедневной газетой «Идеа национале», основанной 4 октября 1914 года и переименованной 31 декабря 1925 года в «Трибуна», после того как национализм уже слился в марте 1923 года с фашизмом¹. Сразу же после войны национализм располагал также своим ежемесячным журналом «Политика», основанным в 1918 году и руководимым сначала Форджесом-Давандзати и Коппола, а затем одним Коппола.

Как уже было сказано, националистическому движению положил начало Коррадини, которого оно и считает

¹ «История итальянского национализма» Витторни Горрезно была опубликована уже после появления настоящей статьи в «Мондо» в номерах от 19 и 26 августа и 2, 9 и 16 сентября 1950 года.

своим вождем. Поэтому будет не лишним кратко охарактеризовать эту фигуру. «С какой бы стороны мы ни подошли, национализм Коррадини,— писал 13 мая 1909 года в «Воце» Преццолини, хорошо знавший последнего,—является чем-то весьма туманным и абстрактным. Он не знает, какое значение имеет для Италии эмиграция — положительное или отрицательное, ибо он не изучал проблему эмиграции. Он не знает, что лучше, фритредерство или протекционизм, ибо он никогда не занимался этими вопросами. Он ровным счетом ничего не знает о реальных и актуальных проблемах. Национализм остается у него голым словом, только словом, так как он не знает даже истории нашего Рисорджименто, так как он понятия не имеет о наших традициях и совершенно не знаком с развитием итальянской мысли и с влиянием на нее зарубежных мыслителей. В его писаниях очень трудно обнаружить следы эпохи Рисорджименто: один лишь Рим, римский дух, Цезарь, Вергилий и т. д.».

Итальянский национализм, по существу, целиком совпадает с национализмом Коррадини: бессодержательный, напыщенный, риторический, являющийся результатом поверхностных обобщений, нелепых и опасных формул, вроде «племени», «предназначения», «первенства», «латинского духа» (тогда еще не были изобретены понятия «расы» и «арийской крови») и «неотъемлемых и священных требований империалистического развития Италии».

И все же национализм широко распространился среди итальянской буржуазии и оказал серьезное влияние на процесс формирования ее политических взглядов. Он определял ее главные мысли и чувства до тех пор, пока она не убедилась, что наступил час окончательно разрушить «полулиберальную, умеренную и разменивающуюся на мелочи Италию»¹.

Так наступил канун мировой войны. И национализм во всех европейских странах, и особенно во Франции и Италии, немало способствовал созданию воинственных настроений.

¹ Это не ироническое и шаржированное выражение: об этом вполне серьезно говорит М. Маравилья в одной своей статье, опубликованной в «Трибуна» 21 октября 1926 года и перепечатанной в «*Momenti di vita italiana*», р. 65.

Позиция итальянского национализма в отношении гигантского конфликта 1914 года была до конца последовательной. Положительно относясь к войне как таковой, к войне как к великому национальному испытанию и грандиозной кровавой купели, очищающей от всякой скверны, национализм накануне первой мировой войны крайне благосклонно относился к Германии и враждебно к Франции и Англии. Авторитарный германский режим был близок политическому идеалу националистов, тогда как французский и британский демократический либерализм казался им его противоположностью. Национализм в лице своих главных представителей действительно никогда не скрывал своих германофильских настроений и не раз намекал на возможность зступления Италии в войну на стороне Германии против Франции и Англии, рассматривая эту войну как войну народов «молодых» против народов «старых», из которых первым суждено унаследовать мощь последних¹.

Итальянские националисты рассматривали немецкую цивилизацию как единственную подлинно великую политическую цивилизацию Европы; националисты видели образец централизованного, «сильного», милитаристского, абсолютистского, ничем не ограничиваемого государства именно в Германии, причем в Германии, как писал Франческо Коппола², «националистической, воинственной, религиозной, государственной, грубой и метафизической».

Однако, когда разразилась война со всеми своими ужасающими последствиями, настроения, господствовавшие среди итальянского общественного мнения, заставили националистов отказаться от их первоначальных симпатий и планов в отношении Тройственного союза. Этому, в частности, способствовали — и это надлежит признать — антиавстрийские устремления Италии на Адриатическом побережье, которые, впрочем, в прошлом никогда не могли заглушить идеологических симпатий национализма к немецкой государственности. Еще в канун мировой войны Альфредо Рокко писал: «Против Тройственного согласия и в пользу австро-германского союза были настроены все те, кто восхищался неукро-

¹ В подтверждение вышесказанного см. E. Coggini, op. cit., главу «Nazionalismo e socialismo» (особенно стр. 161—162).

² F. Coppola, *La crisi italiana*, Roma, «L'Italiana», 1916, p. XVII.

гимой энергией германской расы, ее социальными и военными институтами и изумительной немецкой культурой... Несомненное влечение к Центральным державам, особенно к Германии, было характерно для тех, кто боялся пагубного влияния пороков французских институтов на политическую и социальную жизнь Италии и предпочитал, чтобы наша национальная жизнь строилась по образцу более здоровой и стабильной жизни Германии»¹.

Таким образом, в истории отношений итальянского национализма к войне имеется три фазы: стремление вступить в войну на стороне Тройственного союза, нейтралитет и вступление в войну на стороне Антанты.

Оставалось решить лишь одну-единственную задачу: придать войне чисто итальянский характер, строго-на-строго итальянский характер, лишив ее всякого европейского значения и исключив возможность какого-либо послевоенного обновления международной системы и изменения социального равновесия. И то и другое предполагалось потом изменить, но сообразно националистической морали, которая была прямо противоположна господствовавшей тогда в лагере Антанты «демократической морали». Словом, надо было лишить войну какого бы то ни было революционного значения, и усилили националистов, направленные в продолжение всех четырех лет войны на достижение этой цели, не остались безуспешными. Вот почему для национализма война была чем-то совсем другим, чем для демократических фракций, начиная от чистых либералов и кончая социалистами-реформистами, которых возглавляли Биссолати и Бономи. Можно сказать, что в 1915—1918 годах Италия вела не одну, а две войны².

¹ Из статьи, опубликованной в «Довере национале» 15 августа 1915 года и перепечатанной в «Scritti e discorsi», р. 144—145.

На конгрессе во Флоренции Гаэтано Лимо дошел даже до того, что стал выражать свое восхищение националистом перед типом цивилизации, созданной японской автократией (см. «Il nazionalismo italiano. Atti del Congresso di Firenze», р. 68). И так, уже в 1910 году существовали все идеологические предпосылки для... Тройственного пакта Гитлера и Муссолини!

² Это было ясно самим националистам. Ради краткости я отказываюсь от цитирования и ограничиваюсь ссылкой на статью Ф. Коппола («Politica», 1920, fasc. XIV); см. также В. Giuliano, L'esperienza politica dell'Italia, Firenze, Vallecchi, 1924, р. 144 и вообще «Манифест», предпосланный первому выпуску «Политика» за декабрь 1918 года.

Во имя каких же «идеальных целей» вступили демократы в войну? Вклад кровью всей нации в борьбу за разрешение не только итальянских проблем (завершение борьбы за национальную независимость, завоевание естественных и устойчивых границ), но и ради достижения более широких, общеевропейских по своему характеру и значению конечных целей, заключающихся в ниспровержении искусственных наднациональных империй и усилении национального принципа, в учреждении новой системы международной солидарности, дабы предупредить в будущем возникновение войн, в торжестве либеральных и демократических принципов над авторитарными принципами внутри своей страны. Только в этом случае первая великая война была бы, с их точки зрения, войной революционной. Между тем она выродилась в националистическую борьбу, увенчавшуюся в Версале путаным и недолговечным миром.

Дать определение фашизма довольно трудно. Это было не только движение и система, он нашел свое воплощение в лице одного человека. Муссолини, сначала состоявший в социалистической партии, примыкал к тому крылу максималистского, демагогического и революционного на словах социализма, который в Италии противостоял робкому реформизму правого крыла. Максималистская тенденция отчетливо проступает в его политической деятельности вплоть до первых фашистских выходов.

Согласно установкам его партии, Муссолини накануне первой мировой войны был нейтралитом. Впрочем, в дело вскоре вмешался французский посол, и доводы в пользу вступления Италии в войну оказались ему более убедительными с помощью доброй звонкой монеты: Муссолини превращается в интервенциониста. В октябре того же 1914 года он был исключен из социалистической партии; месяц спустя Муссолини создает интервенционистский орган — газету «Пополо д'Италия». С точки зрения политической последовательности такой шаг не находит оправдания¹. В действительности «туры вальса»

¹ Убогими выглядят попытки оправдать этот поворот Муссолини, предпринимаемые официальным историком фашизма Джоаккино Вольпе в его работе «Storia del movimento fascista» (Milano, ISPI, 1939, p. 14). Удивительно другое — как Коррадо Барбагалло, историк, которого считали даже социалистом, мог впасть в своей

Муссолини надо рассматривать как проявление главной черты его характера: приспособленчества. Для Муссолини в любой момент его карьеры, пока он не нашел в национализме свой *ubi consistam**, речь шла о том, чтобы добиться любым путем наибольшей популярности, используя самые крайние тенденции итальянского общественного мнения.

Войне Муссолини стремился придать «революционное» значение, понимая, однако, под этим термином нечто совершенно другое, нежели демократы. Исключая возможность обновления международной системы, во что Муссолини в глубине души не верил, выражая неясные устремления к некоей возрождающей социальной «революции», начало которой должна была положить война, но которая отнюдь не должна была развиваться в демократическом духе, интервенционизм Муссолини имел характер весьма туманной демагогии.

Фашизм как политическое движение возник после войны, в 1919 году, и носил сначала весьма неопределенный и смутный характер. Программа центрального комитета фаши, опубликованная 28 августа 1919 года в Милане, изобиловала революционной демагогией. Фашисты требовали в ней ликвидации Сената, созыва Учредительного собрания, создания технических советов труда, проведения социализации, учреждения народной милиции, набираемой на короткий срок и только для оборонительных целей, введения прогрессивных налогов и секвестра некоторых имуществ (например, 85 процентов военных прибылей и т. д.). Один теоретик фашизма, принадлежащий к числу наиболее ортодоксальных националистов, Бальбино Джулиано, определял позднее эту программу как «вызывающую горестное недоумение». Подобная программа, признавал впоследствии и сам Вольпе, «не могла обеспечить большого числа сочувствующих. Более того, она вызвала оппозицию и иронические насмешки»: на выборах 1919 года, которые прекратили существование палаты, избранной в 1913 году, и ознаменовались триумфом партии «пополяри» (ка

книге «Lettere a John — Che cosa fu il fascismo» (Napoli, Fiorentino, p. 34) в непростительную ошибку, определяя циничную и продажную выходку Муссолини как «проявление редкой смелости и беспристрастности».

* *Ubi consistam* (лат.) — буквально: на том стою.— *Прим. перев.*

голической «народной партии»), фашисты действительно собрали крайне незначительное число голосов.

Действительно, период 1919—1920 годов — это момент наибольшего успеха социалистического движения; и в этот период Муссолини придает своему движению внешне социалистический и радикальный оттенок, чтобы затем в 1921—1922 годах, когда начался спад революционного движения, совершить резкий поворот вправо.

Все развитие фашизма в период с 1919 года и до прихода фашистов к власти представляет собой все более решительное освобождение от остатков «радикализма» и переход к идеологическим и практическим установкам откровенно националистического характера. И если сравнить фашистскую программу 1919 года с программой национализма того же периода, то не останется сомнений, что «фашистской» (в том смысле, в каком впоследствии употреблялся этот термин) является не первая, а вторая; это предвещало неминуемое отождествление фашизма с национализмом, что и произошло позднее.

Первые шаги фашизма были, таким образом, довольно неопределенными; еще на III съезде фаши в ноябре 1921 года Муссолини выражал идеи, которые отнюдь не раскрывали лица того фашизма, который действительно пришел к власти. «В области экономики,— говорил он,— мы являемся либералами, ибо считаем, что национальная экономика не может быть доверена коллективным и бюрократическим обществам»; на деле же фашистская корпоративная политика привела, как известно, к созданию огромного бюрократического аппарата. «Мы хотим,— добавлял Муссолини в своей речи в Удине 20 сентября 1922 года,— освободить государство от всех его экономических атрибутов. Долой железнодорожное государство, почтовое государство, страховое государство. Долой государство, разоряющее всех итальянских налогоплательщиков и обременяющее и без того истощенные финансы итальянского государства». И тем не менее уже наметилась некоторая эволюция, ибо за несколько месяцев до этого, 14 января 1921 года, Муссолини обещал в «Пополо д'Италия» отдать крестьянам землю, а в марте того же года, во вторую годовщину основания фаши, он заявил, что по вопросу организационного, административного и политического устройства государ-

ства фашистская программа ничем не отличается от социалистической программы.

От всех этих либеристских и социалистических мотивов фашизм постепенно освобождался, усваивая националистическую идеологию, типично антилиберальную и антисоциалистическую, и усиливая наступление с целью ликвидации не только социалистической партии, но и тех экономических организаций и обществ взаимопомощи, которые ее поддерживали и на которые она опиралась: народные дома, Палаты труда, рабочие, кооперативные, профсоюзные объединения и конфедерации.

Впрочем, Муссолини еще не перестал называть себя то либеристом, то социалистом, когда, войдя в 1921 году в парламент, занял место среди крайне правых и произнес речь, которую сам оценил как реакционную¹.

Эволюции Муссолини в этом направлении весьма способствовали также его сторонники. Так провалилась, например, попытка «дуче» (о которой он объявил в палате 23 июля 1921 года) вернуть фашизм к его «республиканским» и «демократическим» истокам путем союза между фашистской и социалистической партиями и партией «Пололяри»; провалилась и предпринятая лично Муссолини нелепая попытка умерить реакционные тенденции фашизма путем введения Филиппо Турати в состав первого фашистского кабинета; провалился из-за сопротивления римских и тосканских сквадристов и Пакт умиротворения, заключенный 3 августа 1921 года с социалистами, ибо спустя несколько месяцев на Римском съезде в ноябре 1921 года Муссолини капитулировал перед лицом противников этого пакта.

В связи со всеми этими событиями фашистское движение конституировалось к концу 1921 года в партию. Теперь его задачей стало завоевание власти в государстве.

Эволюцию фашизма можно объяснить, лишь учитывая в первую очередь социальный состав участников этого движения.

Мы уже говорили, что национализм можно рассматривать как движение мелкой и средней буржуазии, связанное, однако, с крупным аграрным и особенно с круп

¹ B. Mussolini. Scritti e discorsi, Milano, Hoepli, 1934, v. II, p. 166.

ным промышленным капиталом. Но национализм сам по себе никогда не становится массовым движением: он имеет своих литераторов и доктринеров, но не имеет крупных политических деятелей; достаточно указать на то, в какой грубой и невежественной манере были возведены символы националистической веры, несколько образчиков которых мы здесь приводили.

Фашизм между тем очень быстро стал массовым движением; он представлял с социальной точки зрения весьма маневренную массу, которой национализм мог воспользоваться для достижения своих целей. Отсюда фатальная неизбежность соединения и растворения в одном движении обоих течений.

Война создала условия, благодаря которым движение этого типа могло найти широкую массовую базу: в самом деле, она породила целый слой людей, выбитых из колеи, выходцев из народа и мелкой буржуазии, которые привыкли носить галуны, представлять власть, а теперь должны были влачить нищенское существование в бюрократической рутине государственных и частных учреждений или, того хуже, совсем не имели никаких занятий. Этот слой выбитых из колеи людей и явился базой фашизма. Такие люди, естественно, были склонны соединять мнимо патриотическую идеологию национализма с демагогией социалистической окраски, ненавидя при этом организованное социалистическое движение. Вот почему их социалистическая демагогия рассеялась, как туман под лучами солнца, когда понадобилось атаковать социалистические Палаты труда и разрушить все рабочие организации, в которых угадывался авангард сопротивления демократических партий.

Поэтому в эти послевоенные месяцы, в период зарождения и развития фашизма, Энрико Коррадини мог радоваться, видя пробуждение той буржуазии, в интересах которой он вызвал к жизни и возглавил националистическое движение.

Хотя фашистское движение является по преимуществу мелкобуржуазным движением, однако, как и национализм, оно развивается при соучастии крупной буржуазии¹. Тезис о необходимости увеличения производ-

¹ Этот тезис был выдвинут уже Н. М. Фовелем в его ожесточенной полемике с Сальваторелли по поводу работы последнего (Salvatorelli, Nazionalfascismo). Фовель первый написал на

ства превращается у националистов и фашистов в самый неприкрытый протекционизм (главным образом в интересах тяжелой промышленности) в соответствии с идеями, которые национализм всегда имел мужество (или глупость) открыто провозглашать¹. По свидетельству своих же верных фашистских соратников, националист Федерцони (ставший впоследствии одной из наиболее видных фигур «режима») «снабжался» капиталистами, владельцами металлургических заводов, уже с 1914 года.

Новым в этом отношении в фашистском движении по сравнению с националистическим движением являлась прямая поддержка фашизма аграриями. В Паданской равнине, например, фашизм носил полностью и исключительно аграрный характер, он проявил себя в «карательных экспедициях», имевших своей целью уничтожение крестьянских лиг и аннулирование сельскохозяйственных договоров, достигнутых в результате долгой и упорной борьбы и являвшихся законным завоеванием сельского пролетариата².

Фашизм никогда не изменял своему мелкобуржуазному духу, но крупный капитал сумел очень выгодно использовать фашистский режим в своих интересах. В одном письме секретарю фашистской партии от 1 сентября 1928 года Арнальдо Муссолини простодушно писал: «Фашизм создал капиталистической экономике исключительно благоприятные условия»³. Впрочем, капиталистическое перерождение фашизма можно совершенно неопровержимо доказать на основе самого фашистского законодательства, от первых распоряжений о ликвидации именных ценных бумаг, а также отмены налога на наследование имущества отца сыном и роспуска нее рецензию в «Критика политика» в июле 1923 года: «Фашизм можно, в сущности, определить как переход большей части мелкой буржуазии на сторону поистине привилегированных классов».

¹ Теоретиком националистического протекционизма был до 1919 года, то есть до выхода из рядов этого движения, Филиппо Карли, автор доклада об экономической политике на первом националистическом конгрессе во Флоренции (см. «Il nazionalismo italiano»). Впоследствии он стал ярким фашистом.

² Речь Джакомо Маттеоти, произнесенная им 31 января 1921 года в палате депутатов, см. у G. Perticone, *La politica italiana nell'ultimo trentennio*, Roma, Leonardo, 1945, v. II, p. 89 sgg.

³ «Panorami di realizzazioni del fascismo», Roma, Cataldi, 1942, vol. II, p. 85.

комиссии по военным сверхприбылям (какая уж тут конфискация 85 процентов этих прибылей!) до законов «имперского» периода о новых промышленных предприятиях и распределении сырья.

Эти социально-экономические тенденции фашизма не могли не привести к отождествлению фашизма с национализмом. Лишь в силу более широкой массовой базы фашизм вынужден был принять некоторые социальные аспекты, усилив элемент «народности» и использовав некоторые коллективистские тенденции, и должен был удовлетворить некоторые устремления и развить некоторые мифы. Это не меняет, однако, того, что фашизм не правил страной не только, скажем, вместе с народом, но и для народа.

И поскольку фашизм все более сливался с национализмом, националисты приобретали все больший вес в фашистском движении. Из националистического движения вышли очень многие из наиболее видных представителей фашизма; достаточно назвать имена Федерцони, Коррадини, Рокко, Маравилья, Форджес-Давандзати, Коппола, Дино Альфьери, Ф. Т. Маринетти, Джузеппе Бевионе, Бальбино Джулиано, Уго Ойетти, Кончетто Петтинато.

Это тождество стало ясно, едва лишь фашизм уточнил свою политическую программу и показал свое преобразенное лицо и душу, взятые напрокат у национализма. Эклектизм фашизма исчезает, уступив место монопольному положению националистической идеологии, доказательством чего является двадцатилетнее развитие фашизма после его прихода к власти. Антилиберализм, антидемократия, антисоциализм — эти фундаментальные основы национализма были целиком восприняты фашизмом, который осуществил их на практике, ликвидировав все гарантии свободы, существовавшие в государстве дофашистского периода, отказавшись от какой бы то ни было формы народного опроса (и, следовательно, от возможности осуществления власти большинства над меньшинством) и целиком уничтожив профсоюзную организацию, приведшую к расцвету в Италии социалистического движения.

Практика морального и политического насилия, осуществляемого фашистскими отрядами, концепция цен-

трализованного, авторитарного, абсолютистского государства с однопартийным фашистским правлением, усиление (по крайней мере формально) монархической власти, железная дисциплина, насаждаемая путем полицейских мер; тезис, согласно которому политические проблемы должны решаться с помощью силы (то есть насилия), поскольку политика — это вопрос соотношения различных сил, что приводило к установлению внутри государства, а также в области международных отношений законов джунглей, — таковы краеугольные камни националистической доктрины, легшие в основу нового фашистского государства¹. При разрушении демократического буржуазного государства и построении тоталитарного государства, что осуществлялось одновременно, националисты были теоретиками и учителями, а фашисты — подручными и исполнителями.

Фашизм, таким образом, победил национализм как партийная организация и как метод сознательного использования психологии масс; но в то же время это была победа национализма как образа мыслей, как идеологии ввиду окончательного отказа фашизма от своих первоначальных, неясных и смутных псевдосоциалистических идеалов и принятия на вооружение характерного для национализма динамического консерватизма, о котором Сальваторелли сказал², что «он стремится не к сохранению существующих отношений между политическими силами как к наименьшему злу, а к их революционизированию в ущерб левым партиям».

«В действительности, — замечает Аугусто Монти³, — фашизм ничем бы не был и ничем не мог бы стать без национализма. Без него фашизм был бы мимолетным эпизодом наших послевоенных конвульсий 1919 года; с национализмом же фашизм стал в 1922 году хозяином всей Италии и оставался им вплоть до 1943 года».

Избирательная реформа знаменовала собой начало претворения в жизнь типично националистической идеи о подавлении воли меньшинства. Этот процесс был за-

¹ В подтверждение этого легко можно было бы привести высказывания крупнейших представителей фашизма и национализма; но это заняло бы слишком много места.

² L. Salvatorelli, *op. cit.*, p. 103.

³ Augusto Monti, A. XXX E. F., Firenze, Parenti, 1953, p. 129.

вершен избирательной реформой 1928 года, в результате которой был учрежден единый общенациональный список кандидатов в депутаты. И когда благодаря избирательной реформе 1923 года фашизм стал безраздельным деспотическим хозяином парламента, начались конституционные реформы. В 1925—1926 годах были приняты так называемые «чрезвычайные фашистские законы», которые с полным правом можно назвать «чрезвычайными националистическими законами», ибо они были подготовлены министром юстиции националистом Рокко в соответствии с наиболее традиционными схемами националистической идеологии. Это были законы о запрещении тайных организаций, об эмигрантах, о лояльности служащих (средство избавиться от антифашистов), о защите государства (введение смертной казни, учреждение особых трибуналов, ссылка в качестве меры наказания и т. п.), о праве исполнительной власти устанавливать юридические нормы, об обязанностях и прерогативах «главы правительства», о политическом представительстве, об учреждении Большого совета. И весьма знаменательно то, что законы, при помощи которых было локончено с демократическим и либеральным государством и воздвигнуто фашистское тоталитарное государство, подготовил один из виднейших представителей национализма¹.

Это постепенное отождествление национализма с фашизмом ясно видели и сами вожди того и другого движения²; это было замечено и теми, кто занимался изучением данных вопросов, начиная от не раз упоминавшегося здесь Сальваторелли и до официального историка фашизма Джоаккино Вольпе; последний говорит о «националистическом содержании фашизма, усилившемся после слияния последнего с националистической партией»³.

¹ Третий том сочинений Рокко (A. Rosso, Scritti e discorsi) содержит его доклады и речи в палате депутатов и Сенате, комментирующие «чрезвычайные фашистские законы».

² Недостаток места снова вынуждает меня опустить необходимые документальные материалы.

³ G. Volpe, Storia del movimento fascista, p. 149. Можно также привести высказывания Марио Миссироли, который в 1921 году писал: «Фашизм — это национализм широких масс» («Una battaglia perduta», p. 303), и Оливьеро Дзуккарини, который в январе 1923 года писал в «Критика политика» («Nazionalisti e fascisti»): «Фашизм

Но нельзя сказать, чтобы подобная ясность была характерна для представителей демократического и либерального лагеря. Дело в том, что в своем стремлении к власти фашизм встретил широкую поддержку итальянских либерально-демократических правящих кругов, что ныне уже не требует особых доказательств: Орландо, Саландра, Кроче, Бономи, Нитти не считали фашизм своим врагом до тех пор, пока он прочно не утвердил своей власти; когда же фашизм делал свои первые шаги, они ему помогали и содействовали или же, во всяком случае, не выступали против него.

Их позиция объясняется двумя причинами: во-первых, глубоким антисоциалистическим консерватизмом, который был присущ почти всем политическим деятелям либерально-демократических правящих кругов, в силу чего они рассматривали фашизм как полезное орудие в борьбе с социализмом. На этот счет существует документ исключительной важности: письмо Нитти к Амэндола от 23 апреля 1923 года¹. В нем мы читаем следующее: «Я откровенно изложил Вам в письме свою точку зрения: необходимо, чтобы фашистский эксперимент совершался без помех: никакой оппозиции с нашей стороны. Я не могу примкнуть к нему, но я не хочу и противодействовать ему. Я более чем когда-либо убежден, что вне моей программы нет спасения; но оставаясь при этом убеждении, скрашиваю мое одиночество, я не хочу больше ничего предпринимать. В статьях, которые я пишу для заграницы, я даже стараюсь избегать разговоров об Италии, дабы не заставляя себя говорить что-либо такое, что носило бы характер порицания или критики. Факты сами должны показать, на чьей стороне правота. Мы при всех обстоятельствах останемся в выигрыше, если не будем принимать участия в конфликте...

представляет собой нечто вроде импровизации, порхая с одного предмета на другой, усваивая то одну, то другую исходную установку. то одну, то другую формулу, которые принадлежат либо социализму, либо демократии, либо национализму, он пережил за время своего существования бесчисленные колебания от одной крайности к другой и кончил тем, что абсорбировал и целиком принял центральные идеи и формулы национализма.

¹ Это письмо было впервые опубликовано мною в одной из статей в «Италия либера» от 23, 24, 25, 26 и 28 мая 1946 года, имевших общее название «Как итальянские либералы защищали свободу Италии».

Если эксперимент не удастся, никто не сможет сказать, что в этом повинны мы или хотя бы что мы чинили препятствия. Если же он удастся, все должно будет вернуться к нормальному порядку вещей и к конституции, а это единственное, чего я желаю и в чем фашисты могут сослужить нам службу». Итак, фашистскому эксперименту не надо было чинить каких-либо помех, ибо в случае его удачи фашисты должны были бы по существу вытащить каштаны из огня, то есть раздавить социализм, а затем передать «очищенное» таким путем государство святошам либерализма и демократии.

Но письмо Нитти, которое приобретает особенно серьезный характер, ибо свидетельствует по меньшей мере о симпатиях к фашизму представителей старых правящих кругов, помогает нам понять и другую причину сотрудничества либерально-демократических правящих групп с фашизмом — непонимание ими тоталитарного характера фашизма. Либерально-демократические правящие группы тешили себя иллюзиями, что фашизм будет временным, переходящим явлением, что его легко можно будет перевести на рельсы нормальной конституционной жизни. Это была грубая ошибка, ибо позиция Муссолини всегда были антилиберальными, а либеральное возрождение нельзя было осуществить без поддержки политических и экономических организаций народных масс, которые фашизм стремился уничтожить еще до прихода к власти¹.

Этот промах либералов и демократов объясняется одним: они не понимали в достаточной мере того, что

¹ Муссолини, естественно, не только не старался покончить с подобными иллюзиями, будто фашизм после разрушительных анти-социалистических погромов и насилий вернется к конституционным нормам, но делал все возможное, чтобы поддержать их. Поэтому, с одной стороны, он постоянно размахивал перед широко раскрытыми глазами либералов пугалом социал-коммунизма (см., например, его речь в Сенате 5 декабря 1924 года), а с другой стороны, не отказывался, пока это было ему выгодно, и от своих либеристских формул и старался всячески сгладить расхождения между фашистской и либерально-демократической концепциями государства. Достаточно вспомнить об успокоительных заверениях фашизма после фашистской реформы избирательной системы, в то время как один факт учреждения фашистской милиции, милиции партийной, но содержавшейся на средства всего народа и превратившейся в орган государства, не оставлял камня на камне от основ либерального государства.

фашизм сливается с национализмом и что идеология последнего является тоталитарной идеологией, несовместимой с демократической и либеральной идеологией; они не понимали и того, что в тот день, когда Муссолини придет к власти при поддержке либералов и демократов, он полностью разрушит старое государство, дабы создать государство абсолютистского типа.

В области внешней политики фашизм также придерживался линии, начертанной национализмом; более того, Муссолини стал проводить националистические идеи в первую очередь именно в области внешней политики, что легко подтвердить документами, взяв для примера его речь в Триесте 6 февраля 1921 года¹. В этом выступлении, помимо основной националистической идеи о Риме, призванном руководить западной цивилизацией, мы находим уже все элементы, присущие доктринерскому национализму. Едва отойдя от страшно революционного на словах и бессодержательного на деле социализма, Муссолини примкнул к национализму. Увлеченный внешней стороной мифа о великой международной державе, он всегда удовлетворялся в своей внешней политике кажущимися победами, постоянно жертвуя ради внешнего блеска действительными интересами страны, что целиком соответствует образу мыслей, стилю и методам национализма.

В 1921—1922 годах фашизм сделал своим лозунгом в области внешней политики типично националистический лозунг «урезанной победы». В эти годы близорукое увлечение националистов Фиуме уже как будто отвлекло итальянское общественное мнение от других, более существенных проблем, для решения которых итальянской дипломатии следовало бы приложить побольше энергии. Игра отныне была возобновлена. «Урезанная победа» означала первый, пусть только потенциальный, тур вальса с Германией; она означала также отказ, пусть тоже только потенциальный, от славянофильской политики, начертанной Мадзини и претворявшейся в жизнь Биссолати, Сальвемини и Сфорца.

Знакомясь с заявлением оппозиции по поводу Рапальского договора, которое было зачитано в палате де-

¹ В. Mussolini, Scritti e discorsi, v. II, p. 137—150.

путатов одним из главарей национализма Федерцони¹, легко обнаружить типично националистическое происхождение тезиса, согласно которому Италия ни в коем случае не должна отказываться от овладения Далмацией. То же в общем можно сказать не только о «требованиях», предъявляемых Югославии, Англии и Франции и ставших впоследствии девизом всей довоенной внешней политики фашизма, но и о способе выдвижения этих «требований», когда исходили не из действительных политических или экономических потребностей страны, а из соображений понимаемого абстрактно престижа, порожденных внутривнутриполитическими интересами, что в конечном счете не могло не привести Италию к столкновению с соседними народами и к политической и дипломатической изоляции.

Что же касается сближения с Германией, завершившегося впоследствии военным союзом, то мы уже указывали на чисто националистическое происхождение этого стремления к союзу с Германией.

Эти директивы национал-фашистской внешней политики нашли выражение в том недоверии и презрении, которые национализм и фашизм в одинаковой мере питали ко всем формам международного сотрудничества и кооперации. Все большее принижение роли и снижение эффективности и значения Лиги наций² завершились выходом Италии из этой организации и развязыванием совместно с Германией агрессивной войны. Первым признаком перехода к этому методу и образу мыслей являются действия фашистского правительства в связи с инцидентом с Корфу осенью 1923 года: это была первая внешне-политическая акция в стиле национал-фашистов, ибо именно в этом случае Муссолини впервые попытался разрешить международный конфликт в обход Лиги наций путем прямых действий. Правда, Муссолини по

¹ L. Federzoni, *Presagi alla Nazione*, Milano, Editrice Imperia, 1924, p. 177 sgg. Другой националист, Аттилио Тамаро (см. «*Politica*», ottobre, 1920) расценивал Рапальский договор как «предательство национальных интересов». Муссолини в цитированной уже здесь речи в Триесте назвал его «неудачным компромиссом».

² В упоминавшейся уже речи Муссолини в Триесте он говорил: «Фашизм не верит в жизнеспособность так называемой Лиги наций и в принципы, которыми она руководствуется». См. также F. Coppola, *La diplomazia di fronte alla guerra*, «*Politica*», 1919, gennaio.

сути дела потерпел поражение, ибо Греция приняла требования международного органа — конференции послов, а не фашистского правительства; однако с точки зрения простакон Муссолини вышел из этого инцидента победителем. Благодаря целому ряду триумфов такого рода Муссолини довел страну за двадцатилетний период своего правления до полной катастрофы, заставив ее пережить жестокое поражение, бесконечные разрушения, утрату территориальной целостности, нищету, голод и отчаяние.

Стремясь к усилению своей власти, фашизм не мог пренебречь помощью, которую ему могла оказать католическая церковь, поэтому фашизм сразу же стал строить планы примирения государства с церковью. Эта мысль еще ранее стала навязчивой идеей националистического движения; между тем настоящие либералы всегда выступали против подобного примирения, видя в отделении церкви от государства наиболее надежную гарантию сохранения светского характера государства¹.

В своем прославлении «римского духа» национализм охотно присоединял к воспоминанию о величии Римской империи воспоминание об универсальности католицизма — сочетание довольно причудливое, но вполне достаточное для пробуждения лирических и риторических эмоций. Как признает сам Вольпе², именно националистическая суть фашизма побудила его принять старую идею Джоберти о папстве как олицетворении национального единства, мировой славы и великого будущего Италии. Во время своего первого выступления в парламенте 21 июня 1921 года Муссолини заявил, что «единственной универсальной идеей, существующей в настоящее время в Риме, является идея, исходящая от Ватикана».

Ватикан отнюдь не беспокоил новый фашистский миф об императорском Риме: ведь речь, в сущности, шла о достижении соглашения, которое можно было бы рассматривать как выгодное для обеих сторон; эта цель как раз и была достигнута примирением и Конкордатом

¹ См. речь Сильвио Спавента, произнесенную им в Бергамо 20 сентября 1886 года (Silvio Spaventa, *La politica della Destra*, Bari, Laterza, p. 181 sgg.).

² G. Volpe, *Storia del movimento fascista*, p. 149.

1929 года. Устами Бенедетто Кроче (единственного из сенаторов, кто имел мужество выступить тогда против этого акта, выразив чувства, охватившие всю Италию) либерализм заявил, что, заключив соглашение с католической церковью, фашистское государство отреклось от всего того, что было современного в итальянском государстве, завоевавшем Рим, ибо это соглашение восстанавливало давно преодоленную и осужденную светскую власть папы¹.

Но это не могло удержать фашизм от акта, сулившего ему много несомненных выгод. Заключив союз трона с алтарем, Муссолини действительно получал уже тогда официальную санкцию церковной власти. Умело используя свой антикоммунизм, отвечавший интересам церкви, ему удалось привязать католическую церковь к фашистскому режиму, который она поддерживала до последних дней его существования².

Нет нужды добавлять, что энциклика Пия XI против «неумеренного национализма» (его первая энциклика, изданная 23 декабря 1922 года) оставалась мертвой буквой каждый раз, когда церковь имела возможность извлечь из союза с одним из многих «неумеренных национализмов» Европы какую-либо пользу: это нашло яркое выражение в тесном союзе церкви с фашистской диктатурой Муссолини, с испанским диктаторским режимом де Ривера, а позднее в союзе с фалангистской диктатурой Франко, союзе, существующем и поныне.

Можно ли в настоящее время надеяться, что после жестокого урока, преподанного итальянским национал-фашизмом, католическая церковь убедилась в том, что именно такого рода «верующие» люди стремятся к подобному союзу трона и алтаря и что, если говорить словами Сальваторелли, перед церковью всего лишь два пути — «либо покровительствовать, отказавшись от всяких политических компромиссов, тому христианскому рвенению, главным защитником которого она всегда вы-

¹ Ответ Муссолини в Сенате на речь Бенедетто Кроче является одним из наиболее ярких примеров невежества и нахальства «дуче». Очень интересную статью, которую написал тогда о примирении Пальмиро Тольятти (под псевдонимом Эрколи), можно прочитать и сейчас, так как она перепечатана под названием «Конец римского вопроса» в «Ринашита» за июнь 1948 года.

² По этому вопросу см. превосходный очерк Lucio Lombardo-Radice, *Anticomunismo e fascismo*, Torino, Einaudi, 1948.

ступала, либо приспособливаться к рабскому союзу с тем государственным абсолютизмом, который является ее худшим врагом, ибо он является главным врагом всякой религиозной жизни, подавляющим свободу духа»¹.

* * *

Когда при помощи избирательных законов 1923 и 1928 годов, антиконституционных законов 1925—1926 годов и примирения 1929 года фашизм укрепил свою власть (наиболее мрачными для антифашистского движения действительно были 1929—1936 годы), то после небольшой передышки он приступил к осуществлению своих внешнеполитических задач, намеченных, как мы уже говорили, национализмом, что не могло не привести к полному разрыву с демократическими державами, к союзу с Германией и к войне «молодых» наций против наций «старых».

Первым актом драмы была эфиопская кампания. Здесь национал-фашизм был в своей стихии — ожили «римские орлы», устремлявшиеся к Африке, легионеры и «фатальные» римские холмы. Колониализм всегда был одной из главных черт итальянского национализма. Все соображения о том, что данная затея, обеспечив Италии обладание территорией, для эксплуатации которой у нее не было свободных капиталов, приведет к нарушению международного равновесия и к дипломатической изоляции Италии; что в случае возникновения общеевропейского конфликта (предпосылки для которого были уже заложены) империя в силу своего географического положения по отношению к метрополии будет свинцовым грузом на ногах Италии (как потом в действительности и случилось), значили очень мало по сравнению с возможностью развернуть безудержную националистическую демагогию и отвлечь таким путем внимание итальянского народа от внутренних трудностей.

Вторым актом драмы явилась поддержка со стороны фашизма франкистского мятежа в Испании. В данном случае фашизм вынашивал еще более широкие и далеко идущие замыслы, чем при осуществлении эфиопской авантюры: обеспечить фашизму в Европе и на Средизем-

¹ L. Salvatorelli, *Nazionalfascismo*, p. 171—172.

номорье прочные позиции в будущей мировой войне, которую между тем подготавливали Германия и Италия. Победив в Испании, фашизм приблизил начало этой войны, окончательно порвал с демократическими державами и упрочил свой союз с Германией.

Третий акт драмы — это ось Берлин — Рим, Стальной пакт и Тройственный пакт. Фашизм, несомненно, чтит каноны националистической традиции.

События развивались в заданном направлении; война была неотвратима. И вот она действительно началась. Немало итальянцев, поддерживавших до этого фашизм, с недовольством встретили вступление Италии в войну, рассуждая насчет тех блестящих возможностей и перспектив обогащения и роста могущества, которые могли бы открыться перед страной, если бы Муссолини, сделавший, дескать, до этого времени столько хорошего, не сошел вдруг с ума. И когда начались военные действия, итальянцы обнаружили, что для ведения этой войны, о которой в течение двадцати лет им трубили как об очистительной купели и высшей благодати, не было приготовлено ни самолетов, ни танков, ни обуви, ни шерстяных носков — словом, ничего из того, что было необходимо и без чего совершенно немисливо вести современную войну. Таким образом, «купание» действительно было основательным и стоило итальянцам серьезного потрясения.

Они не поняли, что вступление в войну — это не манифестация и не результат внезапного помешательства Муссолини, а логическое завершение его внешней и внутренней политики, в течение двадцати лет подготавливавшей этот день¹. Они не поняли, что режим, который всегда и при всех обстоятельствах предпочитал пустые формулы разумным действиям, форму содержания, слепое повиновение критическому сотрудничеству, не мог серьезно подготовить и осуществить такое гигантское испытание, каким является для любого народа современная война.

Во всяком случае, отход итальянского народа от фашизма, начало которого относится к тому периоду, ко-

¹ Полное подтверждение вышесказанного см. в книге М. Donosti, *Mussolini e l'Europa. La politica estera del fascismo*, Roma, Leonardo, 1945. Под этим псевдонимом скрывается один из консервативных чиновников министерства иностранных дел.

гда фашистская внешняя политика стала развиваться более ускоренными и опасными темпами (ибо риторический буржуа по существу ленив и робок), принял широкий, почти всеобщий характер после вступления Италии во вторую мировую войну.

Это являлось, как правило, не результатом осознания действительной сущности национализма, а лишь результатом разочарования национализмом, не сдержавшим своих обещаний¹. Национал-фашизм ведь обещал проводить триумфальную внешнюю политику, теперь же стало ясно, что все эти обещания ничего не стоили, раз они вели к катастрофе. Национал-фашизм обещал, что в результате имперской экспансии итальянский народ, чересчур стесненный своими национальными границами, достигнет процветания и, быть может, даже изобилия. Теперь же обнаружилось, что весьма непродолжительное относительное процветание сменилось настоящей нищетой и что богатство было сосредоточено и продолжало сосредоточиваться лишь в руках немногих маклеров и спекулянтов, которым покровительствовали высшие чиновники режима. Национал-фашизм твердил стране о блестящей войне, с помощью которой Италия добьется удовлетворения всех своих «требований». Теперь же стало ясно, что война отнюдь не была блестящей, что правительство абсолютно не подготовилось к ней, и хотя первый этап мировой войны закончился для Италии с некоторым активом, ее союзник все равно не позволил ей воспользоваться плодами, как это случилось после «героической» кампании на западном фронте: напад на сломленную уже Францию, Муссолини не добился согласия Гитлера на реализацию тех аннексионистских притязаний, которые явились главной причиной агрессии.

Это было, следовательно, не отречение от национализма, а сам разочарованный и неудовлетворенный национализм, который начал отходить от фашизма и изолировать его в глазах итальянского общественного мнения. И когда стало ясно, что войну уже выиграть нельзя и что Италия приближается к катастрофе, страну охватила ненависть к фашизму.

¹ В данном случае мы не имеем, конечно, в виду организованное и закаленное антифашистское меньшинство, к которому совершенно не относятся высказанные здесь суждения.

Фашизм же тем временем завершал с неизбежной закономерностью цикл своего политического существования. В силу диалектики развития он кончил, как и большая часть европейских националистических движений, верной службой иноземным силам, что кажется парадоксальным, но не лишено своей логики. Точно так же было во Франции, где крайние националистические круги, всегда выступавшие за политику силы в отношении Германии, требовавшие территориальных приращений за счет своего соседа и усиленно насаждавшие чувство недоверия к демократическому режиму и восхищения тоталитарным режимом муссолиниевского типа, силы, связанные с самыми высшими кругами социальной иерархии, толкнули страну на союз с ее врагом — Германией, ибо подобные идеалы националистической и антидемократической реакции можно было осуществить, только выступив совместно с автократической Германией против демократических держав. Это — самое веское подтверждение, если в этом имеется необходимость, того, насколько национализм отличен от патриотизма.

Так был завершен, хотя и различными путями, последний цикл развития национал-фашизма как в Италии, так и во Франции: начав с разжигания крайней вражды ко всему иностранному, с монополизации «патриотических» чувств, используемых в своих узкопартийных целях, национал-фашизм кончил подчинением страны иностранному владычеству.

ИСТОКИ ФАШИЗМА И ПРАВЯЩИЕ КРУГИ ИТАЛИИ

Среди исследователей фашизма — историков и публицистов — можно наметить два больших течения: одни видят в фашизме не что иное, как проявление несостоятельности государственной организации, созданной при объединении Италии, и связывают его с так называемым «итальянским характером»; другие, рассматривая проблему только с точки зрения ее классового содержания, считают фашизм порождением особого периода борьбы между капитализмом и пролетариатом не только в Италии, но во всей Европе и во всем мире.

И те и другие могут привести в обоснование своих выводов серьезные аргументы. Фашизм как специфическое политическое явление возник в Италии, в результате чего к нашей стране было привлечено внимание всего мира и все консерваторы мира стали смотреть на Муссолини как на великого человека, точно так же как все революционеры мира стали считать его типичным образчиком реакционного диктатора. Однако впоследствии фашизм стал, так сказать, предметом экспорта из Италии, потому что не только в Германии, но и во многих странах Европы и за ее пределами были установлены режимы, совершенно аналогичные режиму Муссолини. Вместе с тем справедливо, что послевоенный кризис пролил яркий свет на пороки государственного механизма объединенной Италии, подрывавшие его устойчивость и коренившиеся в условиях его образования и развития. Справедливо и то, что дух плоского приспособленчества к обстоятельствам и вульгарного макиавеллизма, характерный для воспитания большинства итальянцев, получил в фашизме свое классическое развитие. Но справедливо также и то, что, приступая к ана-

лизу конкретного содержания той борьбы, которую вел фашизм, стремясь одержать верх над другими силами, выступавшими на политической арене Италии, приходится констатировать, что эта борьба имела ярко выраженное классовое содержание. Такое же примерно классовое содержание носила борьба и в тех странах, где впоследствии победили политические формы, подобные фашизму.

В зависимости от того, на какой из этих двух аспектов обращал основное внимание исследователь, он становился либо на одну, либо на другую точку зрения. Разумеется, той или иной точки зрения можно было придерживаться с большей или с меньшей строгостью; некоторые историки и политики, более склонные к психологизму, просто-напросто низводили фашизм до уровня чисто итальянского явления, связанного только с «итальянским характером», не обращая внимания ни на какие другие моменты; в то же время историки и политики, рассматривавшие явления исключительно с точки зрения их классового содержания, схематизировали иногда свой анализ настолько, что создавалось впечатление, будто фашизм возник не в послевоенной Италии с ее характерными особенностями, а в некоей гипотетической среде, свободной от каких бы то ни было рамок времени и пространства.

На самом деле эти два подхода к анализу проблемы легко примирить. Утверждение, что победа фашизма является событием, которое имеет определенный классовый смысл и которое поэтому, произойдя в Италии после первой мировой войны, может повториться (как и случилось в действительности) в других странах,— это утверждение не исключает изучения, выяснения и истолкования тех специфических по сравнению с другими странами условий, в которых это событие произошло в Италии¹.

¹ Еще в 1928 году в статье, опубликованной в русском издании журнала «Коммунистический Интернационал», Пальмиро Тольятти выступал против схематизма и искажения действительности, являющихся неизбежным следствием механического истолкования фашизма исключительно как явления классового характера. Его статью «Относительно фашизма» с введением, освещающим историю истолкования природы фашизма различными группами крайней левой в первые годы фашистского режима, можно прочесть сейчас в журнале «Società», 1952, п. 4.

Само же изучение пороков государственной организации объединенной Италии, обусловленных определенными историческими причинами, неизбежно приводит к анализу точного классового содержания этой организации, так что именно здесь начинается непосредственное совпадение двух подходов к проблеме.

В своей попытке проследить историю возникновения и первые этапы развития фашизма и выяснить отношение к нему итальянских правящих кругов я старался придерживаться именно такого конкретного исторического подхода; иными словами, не отказываясь от классовой точки зрения и исходя из нее, я старался учитывать в соответствии с этим исторические традиции Италии и ее специфические условия. В преимуществах этого метода меня убеждают авторитетные примеры, хотя работы, дающих критический анализ этого периода итальянской истории, еще очень мало.

* * *

Чтобы понять, каким образом кризис, охвативший Италию после войны, разрешился победой фашизма, необходимо помнить, как разрешился в свое время в результате действий Пьемонта кризис старой итальянской многогосударственной системы. Такое разрешение кризиса послужило основой, на которой сложилась впоследствии вся политическая, экономическая и социальная система Италии, характеризуемая в целом скудостью материальных ресурсов, крайней неравномерностью в распределении богатств, а также и культурных ценностей, узостью и ограниченностью правящих каст и, наконец, трансформистской * традицией, которая возникла сразу же после окончания революционного движения за объединение и продолжала существовать и развиваться в последующие десятилетия.

По сравнению с другими европейскими странами Италия продвигалась по пути развития конституцион-

* Трансформизм — политика тех «левых» элементов итальянской буржуазии после воссоединения Италии, которые, боясь роста народного движения, постепенно отказались от своих буржуазно-демократических республиканских взглядов и, совершая непрерывную эволюцию вправо («трансформацию»), превратились в ярых реакционеров и сторонников монархии.— *Прим. ред.*

ных политических институтов крайне медленно и робко. Чтобы убедиться в этом, достаточно было бы сопоставить данные о выборах в Италии (как по числу граждан, имевших право голоса, так и по числу избирателей, участвовавших в голосовании), имевших место на трех этапах развития итальянской избирательной системы, отмеченных тремя «сводными текстами»* — 1882, 1913 и 1919 годов.

С момента возникновения Италии в качестве современного государства ею управляла кучка «либералов» и «демократов», вышедших из среды чрезвычайно узкого круга политических деятелей, в свою очередь избравшихся на основе очень ограниченной избирательной системы, при которой количество избирателей составляло (если учитывать, какая часть имеющих право голоса участвовала в выборах) сначала (1861—1882 годы) один процент населения, а затем (1882—1913 годы) — 4—5 процентов.

Избирательная реформа 1913 года, мировая война, реформа 1919 года (в результате которой в избирательные списки были включены все неграмотные и была установлена пропорциональная система) — это три крупных события, которые нельзя не принимать в расчет при изучении происхождения фашизма.

Эти две реформы разбили узкие рамки старого избирательного корпуса, в результате чего новые массы населения приобщились к политической жизни страны и получили возможность оказывать хотя бы косвенное влияние на решение дел. Это явление приобрело еще большее значение в результате психологического, политического и социального развития итальянского общества, вызванного участием нашей страны в мировой войне.

Вступление Италии в войну вопреки желанию громадного большинства как в самой стране, так и в парламенте было навязано народу исполнительной властью, впервые осуществившей в таких больших масштабах опыт прямого насилия над общественным мнением страны. Соннино и Саландра, возглавлявшие правительство, подписали Лондонский договор, обязывавший Италию

* «Сводные тексты» (*testi unici*) — государственные акты, в которых сводится воедино все предшествующее законодательство по какому-либо вопросу, а иногда вносится и кое-что новое. В данном случае речь идет об избирательных реформах. — *Прим. перев.*

вступить в войну не позже 29 мая 1915 года, не проконсультировавшись ни с парламентом, ни с кем-либо из влиятельных политических деятелей, не уведомив никого о заключении договора; более того, они согласились сохранять его в тайне. В результате у них в руках остался бланковый вексель*, по которому нужно было заставить платить тот самый парламент, который в своем громадном большинстве вовсе не желал оплачивать его. И тогда им пришлось устроить «радужные дни»**: они подняли на ноги служащих, вывели из школ лицеистов, послали для участия в шествии определенное количество специально обученных людей и таким путем организовали демонстрацию, в ходе которой толпы смутьянов впервые вторглись в зал заседаний парламента и депутаты, выступавшие против участия в войне, подверглись оскорблениям и даже избитию¹.

Это был первый тяжелый удар по конституции (означавший также ее формальное нарушение), по конституции, которая уже сама по себе была мало либеральна, и этот удар нанесли люди, называвшие себя либералами.

Это был всего лишь эпизод в междоусобной борьбе, которую вели между собой одни и те же группы «либералов» и «демократов»; в борьбе, которую группы, находившиеся под более непосредственным влиянием национализма, вели против политической системы Джолитти, которую они рассматривали не в истинном ее значении — главной и наиболее устойчивой опоры «режима»², а как политическую систему и систему управле-

* Бланковый вексель — вексель, на котором поставлена лишь подпись векселедателя, текст же не заполнен.— *Прим. перев.*

** «Радужные дни» («giuose giornate») — так империалистическая пропаганда Италии именует майские дни 1915 года, когда сторонники вступления Италии в войну организовали шовинистические манифестации, чтобы оказать давление на парламент, в котором большинство составляли сторонники нейтралитета.— *Прим. перев.*

¹ См. Domenico Maglio Leva, *Cronache del fascismo romano*, Istituto dei «Panorami di realizzazioni del fascismo», Roma, 1943, p. 25 sgg. Аугусто Монти писал в 1923 году, что активизация националистов по случаю ливийской войны являлась «генеральной репетицией «радужных дней» 1915 года и исходным моментом интервенционизма, возникшего четыре года спустя» (см. «Antologia della «Rivoluzione liberale», a cura di Nino Valeri, Torino, De Silva, 1948, p. 392—394).

² Я буду пользоваться этим термином, в кавычках и без кавычек, на протяжении данного очерка в том смысле, в каком упо-

ния, идущую на слишком большие уступки демократии¹. Один автор, в чьей ортодоксальности как либерала никто не может усомниться, писал, что Саландра «не видел и не признавал иных нужд, кроме нужд буржуазного класса, иных прав, кроме прав Государства и Политики»². Что касается Соннино, то он «был по духу ретроградом, но действовал ловко, как человек, надежный здравым смыслом»³.

Джолиттианская система представляла собой средство, позволившее буржуазии выйти из *impasse* [тупика], в который она зашла в результате кровавых репрессий 1893—1898 годов. Отказавшись от чрезмерно свирепой диктатуры, поставившей под угрозу само существование режима, буржуазия — и в особенности буржуазия Севера — передоверила управление государством Джолитти в расчете на его более гибкое политическое искусство. Руками опытного государственного деятеля «господствующий класс положил начало новой политике, политике классовых союзов, классовых политических блоков, то есть буржуазной демократии. Нуж-

требляет его Гуидо Дорсо, то есть в смысле системы, с помощью которой итумие классы защищают свои интересы через посредство консервативного, бюрократического и централизованного государства. (Guido Dorso, *La rivoluzione meridionale*, Torino, Einaudi, 1945 и «*Dittatura, classe politica e classe dirigente*», Torino, Einaudi, 1949).

¹ Так, например, в 1928 году в письме к Кроче Саландра писал («*Quaderni della Critica*», п. 10, р. 108—109): «Победа Джолитти и К⁰ над Пеллу и К⁰ означала поворот не от реакции к либерализму, а от либерализма к демократии, к которой Италия была совершенно не подготовлена и не приспособлена. Отсюда все то, что последовало за этим».

² Vincenzo Galizzi, *Giolitti e Salandra*. A cura di Benedetto Croce, Bari, Laterza, 1949, p. 19. Тот же автор замечает дальше: тот факт, что Саландра объявил себя сторонником либерализма в области торговли, не помешал ему потребовать, чтобы во внутреннем законодательстве и при сношениях с другими странами учитывались должным образом интересы сельского хозяйства, так же как и любой другой отрасли национальной экономики; это означало требовать увеличения пошлин на хлеб и государственного вмешательства с целью обеспечения земельным собственникам возможности пользоваться долгосрочным кредитом на условиях умеренного процента. Он замечает также, что Саландра никогда не голосовал против какого бы то ни было законопроекта протекционистского характера.

³ Piero Gobetti, *La rivoluzione liberale*. Saggio sulla lotta politica in Italia, Torino, Einaudi, 1948, p. 69.

но было выбирать: или сельская демократия, то есть союз с южным крестьянством, политика таможенной свободы, всеобщего избирательного права, административной децентрализации, низких цен на промышленные товары; или промышленный блок капиталистов и рабочих без всеобщего избирательного права, за таможенный протекционизм, за сохранение государственной централизации, в которой выражается господство буржуазии над крестьянами, особенно крестьянами Юга и Островов, за реформистскую политику в области заработной платы и профсоюзных свобод. Был избран (и отнюдь не случайно) этот второй путь. Джолитти олицетворял господство буржуазии; социалистическая партия превратилась в инструмент джолиттианской политики»¹. Но эта новая политика социалистической партии вызвала среди самих социалистов недовольство и сопротивление, приведшее к возникновению синдикалистского течения. Положение окончательно определилось после 1912 года.

Я не случайно отметил, что расширение избирательного права, которое выторговал Джолитти в 1911 году в ходе ливийской войны*, представляет собой одно из исторических событий, подлежащих внимательному рассмотрению при изучении нашей темы: действительно, борьба наиболее реакционных групп итальянских либералов против джолиттианства усилилась после этой реформы, и люди, возглавлявшие итальянское правительство в 1914—1915 годах, почувствовали необходимость немедленно перейти в решительное наступление. Такой ход событий, являвшийся одновременно симптомом внутренних противоречий существовавшего режима, впервые обнаружил то явление, которое повторилось и в послевоенный период, когда консервативные силы оказали поддержку фашизму и прибегли к методам государственного переворота, лишь бы расчистить путь к установлению политических порядков, означающих прямую и открытую реакцию.

¹ Antonio Gramsci, Alcune note sulla questione meridionale, напечатано в «Stato operaio» за 1930 год и перепечатано в № 2 «Rinascita» за 1945 год (см. А. Грамши, Избранные произведения, т. I, ИЛ, М., 1957, стр. 488).

* Ливийская война — итало-турецкая война 1911—1912 годов, в ходе которой империалистическая Италия отняла у Турции ее владения в Северной Африке (Ливию).— *Прим. перев.*

Именно таков смысл различных событий, связанных с вступлением Италии в войну в 1915 году, они знаменуют собой борьбу самых реакционных групп господствующего класса против его наиболее умеренной и сравнительно передовой части; попытку путем нажима со стороны исполнительной власти и посредством уличных манифестаций изменить психологическую, политическую и общественную атмосферу в стране; намерение использовать напряжение сил, связанное с войной, чтобы сломить волю и задуть стремления низших классов с помощью военной дисциплины, которая дала бы правящим слоям новую возможность туже затянуть узду контроля над подвластными им классами; наконец наличие программы расширения промышленного производства во имя удовлетворения военных нужд. Таким образом, вполне очевиден классовый смысл политических событий, которые привели к вступлению Италии в первую мировую войну. Само собой разумеется, однако, что все это было непосредственно связано с общим ходом событий в Европе; об этом говорит хотя бы то, что Италия ввязалась в предприятие, масштаб которого был слишком велик для ее ограниченных дипломатических и военных возможностей, и впоследствии ей пришлось расплачиваться также и за это. И действительно, на существующем положении не могло не сказаться внутреннее противоречие между двумя задачами, на разрешение которых претендовали интервенционистские группы: задачей сохранения существующих порядков и задачей нарушения безмятежного спокойствия, царившего в годы правления Джолитти, на которое их толкало соперничество в рамках данного режима.

Как бы то ни было, но повсюду в Европе можно было наблюдать одно и то же явление: господствующий класс каждой страны надеялся, помимо всего прочего, спастись при помощи войны от революции и сломить рабочий класс, который стал слишком силен. Господствующий класс каждой страны надеялся победить не только внешнего, но и внутреннего врага — организованный пролетариат, социализм и революцию.

Конечно, во время войны буржуазии удалось установить режим диктатуры, используя те чрезвычайные формы дисциплины, которых требовали обстоятельства.

Что же касается промышленного развития, то все войны приводят к мобилизации огромной массы богатств, которые сосредоточиваются в руках немногих лиц, и в этих условиях проблема производства становится главной проблемой, а проблема распределения — второстепенной, что всегда благоприятствует «патриотическим» маневрам крупных промышленных, торговых и банковских монополий, имеющих тенденцию к усилению и консолидации.

Но все это дало господствующему классу лишь кратковременные и мимолетные выгоды. Вместо того чтобы обеспечить этим группам более прочную власть, война со всеми неизбежно вытекавшими из нее последствиями глубоко расшатала самые основы власти и подвергла ее непосредственной опасности. Классовые противоречия, вместо того чтобы смягчиться, еще более обострились во время войны и особенно после ее окончания: средние слои, которые обеднели в результате инфляции, поглотившей мелкие и средние сбережения, лишь пополнили ряды участников революционного движения, а революционная волна стала с неизбежностью нарастать, как только кончилась война, которая была выиграна с таким трудом, что казалась проигранной. В результате войны в рядах пролетариата установилось большее единство взглядов в его борьбе с господствующим классом, что необычайно углубило пропасть между двумя классами. Ограничусь только следующими знаменательными данными: социалистическая партия, насчитывавшая до войны около 50 тысяч членов, ко времени послевоенного съезда в Болонье охватывала уже свыше 200 тысяч человек; число членов Всеобщей конфедерации труда возросло за время войны в пять раз.

Таким образом, господствующий класс, спустивший сначала с цепи реакцию последнего десятилетия XIX века, доверивший затем Джолитти более гибкое осуществление своего господства и, наконец, ввергший Италию стараниями Соннино и Саландра в пучину мировой войны, пожинал отравленные плоды своей политики. По окончании войны Италия являла собой совсем не ту картину, которую надеялся увидеть господствующий класс: в Италии сложилась революционная ситуация.

Мне кажется, теперь надо более ясно, чем я это делал до сих пор, показать, почему я брал в кавычки прилагательные «либеральный» и «демократический», когда употреблял их применительно к господствующему классу Италии тех десятилетий, которые предшествовали возникновению и приходу к власти фашизма.

Я ограничусь тем, что приведу высказывания нескольких писателей и политических деятелей, среди которых нет ни одного коммуниста и только двое являются левыми.

Прежде всего привожу высказывание одного либерала, которого я уже имел случай цитировать,— Винченцо Галицци. Вот что он писал по этому вопросу:

«Несправедливая или недостаточно справедливая налоговая система была одной из наиболее слабых сторон административного аппарата либерального государства, существовавшего с 1870 года и сохранившего в моральном отношении почти феодальный, абсолютистский характер, когда налоговые обязательства носят форму тяжелой повинности подданного в отношении государя, а не сознательного участия в политической жизни заинтересованного в этом гражданина... Так называемый правящий класс — буржуазия,— обладая слабым моральным и политическим чутьем и не заботясь о своем нравственном и политическом престиже, был целиком поглощен своекорыстными расчетами, высокомерно проповедуя в то же время патриотическую мораль, сотканную из одних абстрактных формул и риторических образов»¹.

А чему посвящены статьи, опубликованные между 1918 и 1923 годами либералом Марио Миссироли², как не непрерывной полемике против фальшивых либералов и подлинных консерваторов из либеральной партии и, даже более того, доказательству фатальной неизбежности выполнения отныне либерализмом как доктриной консервативной функции?³

Рассуждая о «Южном вопросе», католик Луиджи Стурцона писал в свою очередь:

¹ Vincenzo Galizzi, *op. cit.*, p. 30—32.

² Позже они были собраны в книге «Una battaglia perduta», Milano, Corbaccio, 1924.

³ M. Missiroli, *Una battaglia perduta*, Milano, Corbaccio, 1924

«Юг никогда не мог добиться ни реального контроля над государственной властью, ни политического преобладания по отношению к Северной Италии, так как его экономическая структура (докапиталистическая и сохранившая многое от феодализма) и географическое положение (удаленность от торговых центров) не позволяли ему противопоставить в борьбе свои интересы интересам Северной Италии. Итальянская политика не могла выйти за пределы треугольника Милан—Генуя—Турин с примыкающими к нему долиной По, Эмилией и Романьей. Интересы этих экономических групп по той или иной причине — потому ли, что они обеспечиваются за счет эксплуатации остальной Италии, особенно Юга, либо потому, что они связаны с отраслями хозяйства, носящими паразитический или почти паразитический характер и требующими экономического посредничества государства между ними и остальной массой потребителей,— могли сохранять жизнеспособность лишь постольку, поскольку на их стороне была политика (диктатура замаскированная или открытая) и поскольку эта политика была консервативной. А так как политические идеи или партийные течения не могли быть названы консервативными (название неприятное и непопулярное), то они сначала были либеральными, потом демократическими с социалистическими вкраплениями (в разумных рамках) и, наконец, социалистическими; поэтому представители этих интересов выступали внешне как либералы или демократы, а теперь выступают как фашисты, с тем, однако, чтобы правительство — будь оно фашистским, демократическим или либеральным — всегда проводило политику по сути своей консервативную»¹.

Те же мысли лежат в основе критической концепции «либерального» периода истории Италии, разработанной Гвидо Дорсо, независимым меридионалистом*, которому было бы трудно дать какую-либо точную политиче-

¹ Рецензия на труд Дорсо (G. Dorso, La rivoluzione meridionale, «Bollettino bibliografico di scienze sociali e politiche», а. III, п. 1). Рецензия воспроизведена самим Дорсо в приложении к его работе.

* От итальянского «meridione» — Юг. Меридионалист — сторонник движения за возрождение и автономию Юга и Островов.— *Прим. перев.*

скую характеристику. Он справедливо замечает, что в некоторых странах Европы «наименования «либеральных», «демократических» принимались как раз теми партиями и группировками, которые отличались наиболее сильным антилиберальным и антидемократическим духом»¹.

Я мог бы увеличить этот ряд цитат во много раз, для этого стоило бы только обратиться к сочинениям Пьеро Гобетти и группы писателей, объединившихся вокруг него и его журнала «Риволуционе либерале», но достаточно будет напомнить определение, которое Гобетти, глава этого направления, дал «старому, умеренному течению общественной мысли», которое «не хочет идти ни вправо, ни влево и старается замаскировать свои консервативные интересы, выдавая их за всеобщие интересы»², а также следующее его высказывание: «В довоенный период только отдельные и не нашедшие отзвука эпизоды культурной и политической жизни могли бы с полным правом войти в аналитический очерк истории либерализма»³.

Таково было историческое прошлое, таковы были традиции, с которыми «либеральные» и «демократические» правящие круги Италии оказались перед лицом послевоенного кризиса.

Нависшая над ними опасность была так велика, как никогда еще со времени объединения: война, которую желал в свое время сам правящий класс, способствовала развитию революционного движения, и это движение росло не по дням, а по часам. В это время Нитти показал себя в известном смысле единственным наследником джолиттианского духа. Он попытался добиться компромисса: сохранить исторические условия, породившие консервативную систему, и в то же время удовлетворить новые революционные силы, развивавшиеся в стране.

Позиция Нитти в отношении движения Д'Аннунцио весьма характерна для его политической концепции.

Создание и восторженное распространение д'аннунцианской легенды было делом рук Соннино и Саландра. Поэт находился в Париже (куда он вынужден был бе-

¹ G. Dorso op. cit., p. 167.

² P. Gobetti, *La rivoluzione liberale*, cit., p. 65.

³ Там же, стр. 70.

жать, обремененный, как обычно, долгами, причем и там он чувствовал себя не слишком хорошо, потому что средств, имевшихся у женщин, которых он эксплуатировал, ему никогда не хватало при его привычках и склонности к роскоши), когда накануне вступления Италии в войну правительство, по совету Луиджи Альбертини, издателя газеты «Коррьере делла сера», вызвало его для участия в чествовании памяти Гарибальди, которое должно было послужить интервенционистским целям. Возвратившись на родину, Д'Аннунцио был встречен там грандиозными манифестациями, организованными в его честь правительством. Услуга за услугу: Саландра доставил поэту почести и деньги, а Д'Аннунцио стал для правительства признанным бардом интервенционизма. За кулисами же действовала, раздувая огонь, газета «Джорнале д'Италия», которая принадлежала Соннино и которую редактировал Альберто Бергамини.

После войны Д'Аннунцио организовал экспедицию в Фиуме. Рассматриваемая сквозь призму последующих событий, эта экспедиция представляется генеральной репетицией «похода на Рим». Как и «поход на Рим», это был заговор, сочетавшийся с военным мятежом, то есть политическая интрига, развитию которой способствовали своей поддержкой и советами некоторые генералы и высшие офицеры; с точки же зрения итальянской внешней политики это был опаснейший акт. Газета Соннино и в этом случае выполнила свою задачу, и на этот раз даже с особенным рвением. Вся героическая легенда, созданная вокруг экспедиции, включая объятия с генералом, который якобы должен был арестовать Д'Аннунцио (а на самом деле был одним из заговорщиков), была сфабрикована «Джорнале д'Италия», посвящавшей целые страницы под кричащими заголовками комической «Хартии Куарнаро»* и всем другим литературно-патриотическим упражнениям Д'Аннунцио.

Когда, находясь в Фиуме, Д'Аннунцио выдвинул предложение о «походе на Рим», Нитти, стоявший во главе правительства, принял меры предосторожности,

* Хартия Куарнаро — документ, определявший устройство «Республики Фиуме», которую пытался создать Д'Аннунцио после захвата этого города.— *Прим. ред.*

дабы поэт никоим образом не смог осуществить свой план.

Но гораздо большую озабоченность вызвала у Нитти в этом случае позиция Савойского дома. Во-первых, король «смотрел на вещи несколько иначе, чем *он*, и думать не думал о Д'Аннунцио и его так называемых легионерах»¹; во-вторых, впервые обнаружилось опасное явление, затрагивающее конституционные устои государства: угроза мятежа против царствующего представителя Савойской династии со стороны ветви королевского дома — герцогов д'Аоста. Во время событий в Фиуме поведение герцога и герцогини д'Аоста едва ли могло рассеять опасения, что королевскому дому угрожает опасность: герцог много раз ездил в пограничную зону, герцогиня же отправилась в Фиуме, чтобы поплакать над телом убитого сподвижника Д'Аннунцио. Нитти вынужден был приказать герцогу не выезжать из Рима без его разрешения и имел бурное объяснение с герцогиней, во время которого угрожал ей суровыми мерами.

Исход инцидента в Фиуме определился в то время, когда Нитти уже не был председателем совета министров; но его позиция в начале авантюры Д'Аннунцио свидетельствует о том, что он питал очень мало симпатий к подобным мятежным выступлениям, которые начали организовывать в ультраконсервативных целях реакционные круги страны.

Тем временем зародился фашизм. Поскольку он возник как движение бывших фронтовиков, движение националистическое и в то же время «революционное», то в силу самого своего происхождения он относится к традиционному типу мятежных, но в основе своей реакционных движений, вроде движения Саландра и движения Д'Аннунцио, на которые мы уже указывали как на характерные примеры. В самом деле, «революционизировать» определенные порядки — это не обязательно означает создание порядков более прогрессивных, более передовых, более демократических; это может также означать создание более реакционных порядков, в некотором роде возвращение к прошлому. В таком духе дейст-

¹ F. S. Nitti, *Rivelazioni*, Napoli, E.S.I., 1948, p. 337.

вовали Соннино, когда в 1897 году он выступал за «возвращение к Статуту»*, то есть за фактическое уничтожение парламентского режима, Саландра — когда он вверг Италию в войну, а также Д'Аннунцио, когда он, организуя авантюру в Фиуме, мечтал о «походе на Рим».

Хотя фашистская программа была вначале по тону и по содержанию «революционной», все же это не обмануло наиболее проницательных политических наблюдателей, а также те плутократические слои общества, которые никогда не оказывали сопротивления фашизму, а, напротив, очень скоро начали его поддерживать. Марио Миссироли, который был тогда одним из наиболее проницательных и умных наблюдателей, утверждает, что уже с самого начала никто по-настоящему не верил в левизну фашизма, воспринимая ее как хитрость, рассчитанную на обман масс¹.

В свою очередь и Витторио Эмануэле Орландо еще в июне 1919 года считал Муссолини представителем крайне правого националистического течения².

Собрание, на котором было создано первое «фашо»** — фашо Милана, состоялось 23 марта 1919 года в особняке на площади Сан-Сеполькро, № 3, в зале, представленном фашистам Миланским торгово-промышленным клубом. Странные обстоятельства для возникновения «революционного» движения! Тем не менее именно в эти дни, а точнее 20 марта, Муссолини хвалил и призывал к дальнейшей борьбе рабочих предприятий

* Статут — конституция Пьемонтского королевства, действие которой после воссоединения было распространено на всю Италию. Предусматривала установление конституционной монархии с двухпалатным парламентом и очень высоким имущественным цензом, отстранявшим от участия в выборах подавляющее большинство населения. В 1882 году избирательное право было несколько расширено. Толкуя Статут в реакционном духе, Соннино считал даже тот буржуазно-либеральный строй, который сложился в Италии к концу XIX века, слишком демократическим и противоречащим Статуту.— *Прим. перев.*

¹ М. Missiroli, Il fascismo e la crisi italiana, Bologna, Cappelli, 1921, p. 19.

² О встрече в Париже по римскому вопросу см. дневник Черрети (в книге V. E. Orlando, *Miei rapporti di governo con la S. Sede*, Milano, Garzanti, 1944, p. 176).

** Фашо (союз) — наименование фашистских организаций, созданных на местах и впоследствии объединенных в фашистскую партию.— *Прим. перев.*

Франки и Грегорини (в Далмине), которые начали 17 марта забастовку.

Что же касается тактики, то движение появилось на свет с тяжелой гирей на ногах. Не осмеливаясь открыто выступать против революционной тенденции, преобладавшей в стране, Муссолини (хотя он и восхвалял войну и интервенционизм и выступал в явно националистическом духе) усиленно использовал демагогию социалистической окраски. Тем самым фашизм преграждал себе дорогу к успеху: с одной стороны, он не мог рассчитывать на успешную конкуренцию с социалистами, а с другой стороны, он казался недостаточно надежным и противной стороне, которая вначале вела себя по отношению к нему сдержанно и выжидала. Зайдя таким образом в тупик, фашизм потерпел вначале тяжелое поражение: на выборах 1920 года его кандидаты не набрали даже минимума голосов, необходимого для избрания, и даже сам Муссолини не смог добиться успеха в Милане.

1920 год ознаменовался серьезным поворотом: спустившись с небес на землю, фашисты начали на практике показывать буржуазии, оставшейся до сих пор простым наблюдателем, каково их действительное политическое лицо.

В послевоенном социалистическом движении, характеризовавшемся большим подъемом, можно наметить четыре этапа: волнения в связи с дороговизной весной 1919 года, крупные забастовки почтово-телеграфных служащих и железнодорожников в январе и феврале 1920 года, восстание в армии в Анконе в июне того же года и, наконец, занятие фабрик в августе — сентябре. Это последнее, важное событие является политическим и хронологическим водоразделом между восходящей и нисходящей линией послевоенного революционного движения. Занимая фабрики, рабочие на деле не бросали вызов работодателям, а лишь принимали их вызов¹. И если рабочие попали при этом в безвыходное поло-

¹ Артуро Лабриола (во время указанных событий он занимал пост министра труда) очень четко доказывает это на основе документов в работе «Le due politiche Fascismo e riformismo», Napoli, Morano, 1923, Appendice. О занятии фабрик можно прочесть также у Mario Montagnana, Ricordi di un operaio torinese, Roma, Edizioni di Cultura Sociale, 1957 (см. М. Монтаньяна, Воспоминания туринского рабочего, М., ИЛ, 1951).

жение, то не столько из-за ловкого маневра Джолитти, который отказался от использования против них силы, сколько в результате самого настоящего саботажа со стороны Всеобщей конфедерации труда, находившейся в руках реформистов, считавших, что революционное движение противоречит всем традициям итальянского унитарного социализма — традициям приспособленчества¹. Обещание издать закон об участии рабочих в контроле над фабриками было лишь чечевичной похлебкой по сравнению с полным и безраздельным управлением фабриками, опыт которого худо ли, хорошо ли, но уже начал осуществляться. Исход этого эпизода был, следовательно, для революционного движения скорее поражением, чем победой; это было первое его поражение после окончания войны.

Фашизм, вначале придерживавшийся «благожелательного нейтралитета» в отношении движения за занятие фабрик, именно в этот момент перешел в решительную атаку. В соответствии с общим наступлением реакции, которое развернулось в стране под руководством правительства², фашисты начали свои сквадристские действия и организовали крупную провокацию в

¹ «Коррьере делла сера» призналась тогда (29 сентября 1920 года): «Революция не произошла не потому, что кто-то противодействовал ей, а потому, что Конфедерация труда не хотела ее». Уяснению сути этой реформистской и капитулянтской традиции итальянского социализма способствовали своей критикой Гаэтано Сальвини [которую он развернул главным образом в газете «L'Unità» (не путать с органом компартии, газетой того же названия.— *Перев.*), см. Gaetano Salvemini, *Scritti sulla questione meridionale* [1896—1955], Torino, Einaudi, 1955], Пьеро Гобетти (Piero Gobetti, *op. cit.*), Антонио Грамши [полное собрание его сочинений публикуется издательством Эйнауди; особого внимания заслуживает в связи с данным вопросом цитированная работа и сборник «L'Ordine Nuovo» [1919—1920], Torino, Einaudi, 1954 (см. А. Г р а м ш и, *Избранные произведения*, т. I, М., ИЛ, 1957)] и Гуидо Дорсо (Guido Dorso, *La rivoluzione meridionale*).

² Не прошло и месяца после окончания движения за занятие фабрик, как начались репрессии сначала против наиболее слабой из «мятежных» групп — против анархистов; с 10 по 20 октября были арестованы под смехотворными предлогами (настолько смехотворными, что все арестованные были потом оправданы во время следствия или на суде) Борги, Малатеста, несколько редакторов и административных работников «Уманита нуова», миланской анархистской газеты, и многие другие участники движения. Об этом см. Armando Borghi, *Mezzo secolo di anarchia* (1898—1945), Napoli, Edizioni Scientifiche Italiane, 1954, p. 258.

Болонье, кровавым завершением которой явилось убийство 21 ноября 1920 года адвоката Джордани *. В своих воззваниях к населению фашисты объявили о сражении, которое должно было состояться в этот день, предупредив женщин и детей, чтобы они держались подалеже от места беспорядков¹; когда на балконе муниципалитета были водружены красные знамена муниципального большинства и появился мэр-социалист, раздались первые выстрелы².

По этому случаю «независимые» газеты прибегли к своему искусству искажения действительности, в котором они, впрочем, уже значительно преуспели в течение первых послевоенных лет: с апреля 1919 года по сентябрь 1920 года имело место 140 конфликтов между социалистами и полицией со смертельными исходами, причем было убито свыше 320 рабочих, в то время как число жертв со стороны полиции было совершенно незначительным; несмотря на это, «независимые» газеты представляли дело своим читателям таким образом, будто нападающей стороной всегда были рабочие.

Полиция во время столкновения в Болонье 21 ноября 1920 года тоже оказалась «на высоте положения»: оставаясь безучастной во время самого столкновения, она затем произвела массовые аресты активистов левых партий; из числа же фашистов вместо лиц, виновность которых была известна, она арестовала нескольких человек, явно невиновных, которые были, разумеется, освобождены через несколько дней.

Два месяца спустя, в январе 1921 года, опять-таки в Болонье, фашисты подожгли Палату труда, хотя они не имели ни малейшего повода, ничего такого, что они могли бы истолковать как вызов. Двинув по улицам го-

* 21 ноября 1920 года в зале палатцо Д'Аккурсио (Болонья) во время торжественного заседания, посвященного избранию социалистического муниципалитета, фашисты бросили бомбу. В последовавшем за этим столкновении был убит член муниципалитета адвокат Джордани.— *Прим. перев.*

¹ См. текст фашистского воззвания в работе Giacomo Petticone. *La politica italiana nell'ultimo trentennio*, Roma, Leonardo, 1945, vol. II, p. 134—135.

² См. Luigi Fabbri, *La cotrorivoluzione preventiva (Riflessioni sul fascismo)*, Bologna, Cappelli, 1922, p. 31—33 и Pietro Nenni, *Storia di quattro anni (1919—1922)*, Torino, Einaudi, 1945, p. 118, 119. О «зловещем ветре контрреволюции» говорил также Тревес в палате депутатов 3 декабря 1919 года.

рода на глазах у бездействующей полиции колонну машин с вооруженными людьми, «фашисты в результате двух последовавших одна за другой атак беспрепятственно совершили этот акт гражданской войны, направленный против местной профсоюзной организации.

В эти немногие месяцы конца 1920 и начала 1921 года фашизм, представлявший до этого течение, влачившее жалкое существование и состоявшее из мелких групп, разбросанных там и сям по полуострову, с весьма скромным организационным центром в Милане, превратился в дерзкое, вооруженное, внушающее страх движение, решительно перешедшее в наступление. Особую силу он представлял в Болонье и Эмилии.

Что же произошло?

А произошло то, что фашизм нашел наконец свой собственный путь: он стал создавать вооруженные отряды, авангард превентивной контрреволюции. Решительно отказавшись от своих левацких, квазисоциалистических и псевдореволюционных поползновений, фашизм яснее показал свое лицо, проявив себя как решительно антисоциалистическое и антирабочее движение. И в результате он получил поддержку «либеральных» и «демократических» правящих групп и всего бюрократического, военного и полицейского аппарата консервативного государства.

Это был важный исторический момент, и не только для Италии, но и для Европы. Вооруженная контрреволюция фашистского типа выступила в Италии раньше, чем в любой другой европейской стране, потому что здесь сильнее всего проявились слабости государства и общества, связанные с особенностями формирования Италии как единой нации: большая, чем в других странах, незавершенность буржуазной революции; аграрный капитал, который так никогда и не смог достичь стадии индустриального развития; поздно сложившийся промышленный монополистический капитал; отсталая в социальном и психологическом отношении буржуазия.

Дело шло о превентивной контрреволюции, потому что в действительности революция так и не произошла и плутократические слои и выражавшие их интересы политические группы испытали не саму революцию, а только страх перед ней — страх тем более безумный и безудержный, что речь шла как раз о слоях и группах

далеко не современного типа, малоразвитых, легко отступавших даже при виде тени призраков.

«Отсутствие политического чутья, достоинства, сдерживающих начал морального порядка — таковы характерные черты, которыми отмечены действия консервативной буржуазии в эти месяцы, прошедшие под знаком фашистского движения», — писал в 1921 году либерал Миссироли, до того как сам присоединился к фашистам¹. Это отсутствие достоинства в высших буржуазных кругах едва ли возмещалось идеализмом искренних юношей — тех, которые возвратились с войны и переживали разочарование, характерное в какой-то степени для всех послевоенных периодов, и тех, которые не участвовали в войне по причине возраста и которые, так сказать, заимствовали у первых взгляды и настроения. Крупная капиталистическая буржуазия безошибочным инстинктом выбрала подходящий момент и возвала ко всем реакционным силам, которых в стране было немало.

Небезынтересно выяснить состав первых фашистских организаций, так как это поможет понять действительный политический смысл движения². Угроза со стороны пролетариата сплотила господствующий класс; но господствующий класс — это не только крупная капиталистическая промышленная буржуазия в узком смысле слова: в него входят, составляя его самые отсталые слои, все касты, паразитирующие на теле промышленности и сельского хозяйства или на древе государства, разветвления которого они образуют: домовладельцы, маклеры, спекулянты, барышники, лавочники, правительственные поставщики и предприниматели отраслей, пользующихся покровительством государства; полиция, численность которой чудовищно возросла, высшая бюрократия и суд, настроенные более или менее профашистски. Сюда нужно присоединить аграрную буржуазию, консервативную по своей природе и традициям, прижатую к стене растущими требованиями крестьян, натиск которых она не смогла бы долго выдержать, не отказываясь от громадных прибылей, то есть от самой привилегии собственников. И, наконец, группы, которые

¹ M. Missiroli, op. cit., p. 54—55.

² Интересные указания по этому вопросу содержатся в работах M. Missiroli, op. cit., p. 19, L. Fabbrì, op. cit., p. 52—53, G. Zibordi, Critica socialista del fascismo, Bologna, Cappelli, 1922, p. 9.

вследствие свойственных им ложных представлений строили себе иллюзии, будто они живут или могут жить (благодаря поддержке государства или за счет других привилегий) лучше, чем рабочие. Это мелкая буржуазия, многие служащие и преподаватели, некоторые категории лиц свободных профессий и так далее. Их ряды пополняют все безработные от политики и журналисты-ремесленники, оставшиеся без места в результате кризиса промежуточных демократических, радикальных и тому подобных партий и разгневанные на рабочий класс, который ничего не желает знать о них и об их шарлатанских панацеях от всех зол.

Что скрепляет этот союз столь разнородных элементов? Его скрепляет ненависть к социализму и рабочему классу; в этом сходятся старые феодальные землевладельцы и нувориши, аграрии и торговцы, реакционеры классического типа и большая часть «либералов» и «демократов», то есть все те, кто составляет существующий режим, буржуазно-консервативную систему. Под знаменем фашизма объединились плутократы и капиталисты, средние и мелкие буржуа, ибо первая категория осуществляет свою превентивную контрреволюцию, а вторая воображает, что осуществляет свою революцию — революцию, которая должна восстановить наконец «естественное» равновесие в обществе и ликвидировать безобразное положение, при котором рабочему не грозит голодная смерть, в то время как «крахмальному воротничку» * трудно давать своим детям университетское образование.

Создание столь широкого «священного союза», являющегося лучшей защитой режима,— это крупный успех истинного господствующего класса, который сумел сплотить вокруг себя средние слои и направить их против пролетариата. В действительности интересы крупной буржуазии резко противоречили не только интересам пролетариата, но и интересам средней и мелкой буржуазии, и иногда даже в большей степени последним, чем первым (доказательством чему служит политика социалистов-реформистов). Успех господствующего класса состоял именно в том, что ему удалось привлечь на свою сторону как раз те силы, которые должны были бы находиться в противоположном лагере.

* Имеется в виду мелкая и средняя буржуазия.— *Прим. перев.*

Кое-кто может выразить сомнение, не является ли произвольным утверждение об антисоциалистической и антирабочей сущности фашизма. Вся фашистская пропаганда так усиленно напирала на тезис, согласно которому борьба сквадристов была якобы направлена против «антинациональной» идеологии и «эксцессов большевизма», а не против социализма или пролетариата как таковых и согласно которому фашисты намерены были установить большую социальную справедливость и «идти к народу», и следовательно, фашизм не может быть антирабочим движением, что определение фашизма как чисто реакционного — антисоциалистического и антипролетарского — движения может показаться некоторым людям, сохранившим большую восприимчивость к этой пропаганде, неточным, а то и прямо неверным. Кроме того, следует учитывать также то впечатление, которое создалось у среднего итальянца под влиянием антифашизма крочеанского типа, который никогда не стремился исследовать скрывающееся под внешней оболочкой реальное классовое содержание диктатуры, ограничиваясь бездоказательным утверждением, что фашист — это не только граф Вольпи ди Мизурата, но и темный сапожник или даже батрак из долины По.

Обратимся к анализу событий, происшедших с осени 1920 года и до «похода на Рим»; последующие годы выходят за рамки той темы, которую мы избрали для настоящего очерка, но было бы нетрудно показать, что деятельность фашистского правительства также подтверждает классовую сущность фашизма.

Прежде всего: фашизм как движение сквадристов, действующее насильственными методами, впервые выступил в Эмилии и в Паданской долине и сразу проявил себя как внушительная сила, ибо располагал значительными материальными и финансовыми средствами благодаря денежным субсидиям аграриев, которые щедро оказывали сквадристам любую помощь. Почему же именно в Эмилии и в Паданской долине? Потому, что это те области Италии, где проблема батрачества стоит наиболее остро и где социалистам удалось создать наиболее крепкую организацию для защиты интересов рабочих.

Эти особые условия заслуживают внимательного изучения, ибо они представляют собой ключ к понима-

нию движения фашистов и сквадристов и помогают уяснить его политическое и социальное значение.

Хотя батракам Эмилии и Паданской долины принадлежит главная заслуга в проведении крупных мелиоративных работ, изменивших состояние почвенного слоя и превративших эти земли в район высокой земледельческой культуры, однако во многие периоды года здесь ощущается избыток рабочей силы батраков. Их справедливо считают настоящими «творцами» земли; они представляют собой сельскохозяйственный пролетариат, обладающий всеми особенностями, характерными для промышленного пролетариата. Они не могут жить, не могут обрести достойной человека уверенности в своих правах, не доверив своей судьбы профсоюзной организации: перед лицом фактической монополии земельных собственников (которые в годы войны получали прямо таки баснословные прибыли) батраки тоже должны установить монополию — монополию рабочей силы, если они хотят находиться не то чтобы в равном, но хотя бы в не слишком неравноправном положении по отношению к работодателям, если они хотят иметь каждый день пищу для себя и для своей семьи даже в том случае, если им придется работать не больше 150—200 дней в году.

Если верно, что эта масса батраков не может и не должна эмигрировать (не может из-за трудностей, связанных с эмиграцией, не должна потому, что рабочая сила, избыточная в некоторые периоды года, становится почти недостаточной в период сезонных сельскохозяйственных работ), то очевидно, что все эти батраки должны найти средства к жизни там, где они работают. А так как почва здесь плодородна и при преобладании интенсивного земледелия нуждается в большом уходе, то очевидно, что возможность обеспечить всех работой существует и должна быть эффективно использована. Но это неосуществимо без регламентации труда в форме установления очередности участия в работах и строгого контроля за наймом, причем осуществлять эту регламентацию могут только профсоюзные организации и биржи труда.

В этой ситуации аграрии все время преследовали одну цель: расколоть единство крестьянского движения, ликвидировать унитарный характер крестьян-

ских организаций, ту монополию рабочей силы, которая является единственным препятствием на пути установления полной диктатуры аграриев над крестьянами и батраками в смысле продолжительности рабочего дня, размера заработной платы и общих условий жизни.

Вот почему штрейкбрехеры вызывают такую ненависть трудящихся, сознающих свои наиболее элементарные жизненные нужды: они в одно и то же время пользуются благами организации (ибо в результате улучшения общих условий жизни трудящихся эти блага автоматически распространяются и на них) и преимуществами, выпадающими на долю тех, кого хозяевам весьма выгодно поставить в особо благоприятные условия, с тем чтобы они предавали организацию, ослабляли эффективность ее действий и в конце концов лишили бы ее какой бы то ни было реальной возможности действовать и добиваться успеха.

Что профсоюзное движение батраков и крестьян ограничивает прибыли аграриев — это верно; но что оно наносит ущерб производству, как утверждают крупные собственники, — это самая настоящая ложь; истина состоит как раз в обратном, о чем свидетельствует самый опыт прогресса в земледелии, достигнутого именно в тех областях, где профсоюзная организация крестьян была всегда более сильной, и о чем говорит простой здравый смысл, ибо очевидно, что обязательная норма рабочей силы является мощным стимулом, заставляющим хозяев и в «мертвые» месяцы проводить работы на своих землях и, следовательно, увеличивать их плодородие и получаемый с них доход.

Итак, в чем состояла «диктатура» пролетариата в эмилианской и паданской деревне? С заключением коллективных договоров 1911 и 1920 годов крестьяне добились следующих двух основных завоеваний: 1) признания их организаций и профессиональных лиг, причем хозяева обязались при найме на работу обращаться не к отдельным лицам, а к организациям; 2) обязательной нормы рабочей силы при соблюдении следующего порядка: поскольку в течение зимнего сезона собственники предпочитали оставлять крестьян без работы, а в месяцы сельскохозяйственных работ, наоборот, спрос на рабочие руки можно было удовлетворить с трудом, то было установлено, что каждое земледельческое хозяй-

ство обязано использовать определенное количество рабочей силы; в то же время крестьяне договаривались, чтобы зимние работы не предоставлялись одному только семейству, что обрекло бы другие семьи на голодную смерть или эмиграцию, но распределялись бы по очереди между всеми семьями трудящихся¹.

Тогда и выступили на сцену фашистские сквадры, начались насилия и вооруженные нападения на палаты и биржи труда; речь шла о том, чтобы терроризировать и разрушить профсоюзную организацию крестьян, посягающую на прибыли аграриев. Кроме того, фашисты организовывали нападения на социалистические муниципалитеты, чинили всякого рода насилия, запугивая членов социалистических муниципалитетов, чтобы заставить их выйти в отставку, и все это потому, что в ряде городов и селений социалистическая коммунальная администрация усвоила «дурную привычку» организовывать потребителей в кооперативы, что наносило ущерб торговцам и спекулянтам².

Наблюдатели и политические деятели этого времени, к какой бы партии они ни принадлежали, от либерала Миссироли до анархиста Фаббри, от республиканца Бергамо до католика Дельи Окки из партии «попюляри», должны были признать классовый смысл наступления фашизма в городах и селах Эмилии и Паданской долины.

Вот некоторые оценки и наблюдения этих писателей: «Когда фашизм начал свое наступление осенью 1920 года,— пишет Фаббри³,— то первыми организациями, которые он атаковал с наибольшей злобой, были не социалистические клубы, не секции социалистической партии, а Палаты труда и кооперативы, которые придерживались в большинстве социалистической ориентации, но объединяли также и рабочих из других партий или рабочих, равнодушных к политике. Объектом нападения

¹ По этому вопросу см. Luigi Preti, *Le lotte agrarie nella valle padana*, Torino, Einaudi, 1955.

² Обо всем этом говорится в речи, произнесенной в палате депутатов Джакомо Маттеотти (см. G. Perticone, *op. cit.*, vol II, p. 89 sgg. См. также G. Zibordi, *op. cit.*, p. 28—30 и M. Missiroli, *Il fascismo e la crisi italiana*, p. 20—49 и «Una battaglia perduta», p. 245—254).

³ F a b b r i, *op. cit.*, p. 54.

сразу же, с первой минуты, стал не большевизм, а пролетариат в целом».

Гuido Бергамо пишет ¹:

«Для так называемых людей порядка важно было не столько наступление против социалистов в плане борьбы против социалистических идей, сколько возможность подорвать всевластие лиг в красных провинциях, расторгнуть уже заключенные договоры с колонами, отказать Палатам труда в признании их представительного характера».

Таким образом, несмотря на «республиканскую направленность» фашизма, уже в начале 1921 года все считали его «реакционной силой, обращенной не столько против социализма, сколько против всех движений, имевших своей целью обновление политических институтов и усиление роли рабочего класса». И, наконец, Чезаре Дельи Окки писал ²: «В первую очередь и гораздо чаще погромам и поджогам подвергались не партийные секции и клубы, а Палаты труда, кооперативы и крестьянские лиги».

И в городе, в Болонье например, деятельность фашистов отвечала определенной цели, определенным интересам крупных и средних буржуа-дельцов, терпевших ущерб в результате деятельности социалистических организаций; так, например, социалистический муниципалитет во главе с Дзанарди (который содействовал развитию кооперативного движения и создал Независимое общество потребителей) вызвал особую злобу буржуазии, которую фашисты перевели на язык насилия. Эпизод 21 ноября 1920 года — кровавый взрыв этой злобы ³.

Но теперь этот вопрос нужно рассмотреть более широко как в географическом, так и в политическом плане. Действительно, если мы раздвинем географические рамки и ознакомимся с первыми выступлениями фашизма не только в Эмилии, но и в других областях Италии, то мы увидим, что фашизм носил вполне определенный классовый характер антипролетарского движения.

¹ Guido Bergamo. Il fascismo visto da un repubblicano, Bologna, Cappelli, 1921, p. 13, 24.

² Cesare Degli Occhi, Che cosa ho pensato del fascismo mentre ero «popolare», Bologna, Cappelli, 1923, p. 30.

³ Доклад Делла Сета в парламенте см. в книге G. Perticone, op. cit., vol. II, p. 136—137.

Прежде всего удар был нанесен не только по районам, традиционно считавшимся «красными» и «бунтовщическими», но и по таким районам, как Полезине и Реджо-Эмилия, где пролетариат добился прочных завоеваний, однако политическая и экономическая борьба всегда носила умеренный характер. Те реформистские политические деятели, которые с таким упорством препятствовали революционной тенденции, первыми стали объектом ненависти и угроз фашистов и подверглись нападению и изгнанию.

В каждой области «враг Италии» (ярлык, изобретенный фашистами) принимал различный облик, и всегда это была та партия и та организация, которую в данной местности наиболее широко поддерживал пролетариат. Поэтому там, где, подобно Ровиго, Модене и Реджо, преобладали реформистские организации, именно они стали для фашистов воплощением большевизма и объектом вражды и насилий сквадристов; в Болонье и Ферраре это были организации социалистов-унитариев, в Тревизо — республиканские и католические организации, причем «преступление» этих последних состояло в том, что они потребовали передать им в коллективную аренду земли, которые приносили фирме аграриев Пасти и Фарина примерно 700 процентов прибыли; в провинции Бергамо объектом сквадристских насилий стали католические организации; в Карраре и Вальдарно — анархистские; в Пиаченце, Сестри и Парме — организации синдикалистов и даже те, которые примыкали в свое время к интервенционистам и поддерживали Д'Аннунцио; в Турине — коммунистические организации, а в некоторых местах, как, например, в Падуе, — даже кооперативные организации, совершенно аполитичные и руководимые «людьми порядка». В Триесте фашизм носил националистический и антиславянский характер¹, во Флоренции — литературно-студенческий, в тосканской деревне фашистское движение было тесно связано с земельными собст-

¹ «Фашизм выступил в нашем крае под маской защитника итальянских национальных интересов, которым угрожает «славянский большевизм», и полчища бандитов получили оружие из казарм, покровительство властей и деньги от различных Козуличей», — пишет Витторио Видали в предисловии к сборнику документов, составленному Тиберио (Tiberio, *Il fascismo a Trieste negli anni 1919—1923. Documenti e reminiscenze*, Udine, Del Bianco, 1956).

венниками, в апулийской — с «мацьеры»; там, где республиканцы конкурировали с социалистами, фашизм принимал республиканскую окраску, в других местах — монархическую.

Если же мы раздвинем политические рамки и рассмотрим вопрос в плане более широком, чем ситуация в Эмилии, с которой мы начали наш анализ, то мы должны будем прийти к выводу, что ту борьбу, которую фашисты вели, по их собственным заявлениям, якобы против идеологии и эксцессов большевизма, они в действительности вели по всей Италии против центров организованного сопротивления пролетариата.

Один аспект этой борьбы, узко экономический, был хорошо изучен и показан синдикалистом Артуро Лабриола. Он останавливается прежде всего на антиреформистском и антикооперативном аспекте борьбы фашистов и делает при этом интересное замечание:

«Панталеони, который, несмотря на свой прежний либерализм, является единственным серьезным теоретиком фашизма, довольно ясно показывает, что фашисты называют большевизмом. Под его пером понятие большевизма расширяется до бесконечности. Большевистским является наше правительство. Большевистской является наша бюрократия. Большевистской является организация социального страхования. Большевистской является кооперация. Большевистский характер носят ограничения, налагаемые на торговлю. Большевистским является повышение уровня жизни наших трудящихся классов. («По милости большевизма исчезла также та скромность в образе жизни, которая отличала итальянца.») Коммунизм — это лишь одна из форм большевизма»¹.

Такая ненависть к реформизму и кооперативному движению (число кооперативов увеличилось с примерно 5 тысяч в 1910 году до 20 тысяч в 1922 году) объяснялась, конечно, вполне определенными, весьма специфическими причинами сугубо экономического порядка, не имеющими ничего общего с идеологией. В этой связи интересный факт сообщает тот же Лабриола:

«Я думаю, что фактором, заставившим промышленную и аграрную буржуазию выступить против социаль-

¹ По мнению «Идеа национале», газеты националистов, «большевистскими» газетами были, помимо реформистской «Аванти», также «Темпо» и «Стампа».

ного реформизма, была угрожавшая ей опасность перехода Миланской сберегательной кассы с ее несметными капиталами в руки социалистов... Миланской сберегательной кассой, которая является юридическим лицом, управляют три делегата от Милана, три — от Миланской провинции и по одному делегату от провинций Павии, Мантуи, Новары, Бергамо и Комо. Все три делегата от провинции Мантуя [так в тексте.— П. А.] и делегаты от Милана принадлежали к социалистической партии. Еще немного, и социалисты получили бы большинство в административном совете. Миланская сберегательная касса располагала в самом Милане вкладами на сумму 299 043 493 лиры (230 487 сберегательных книжек), а в кассах-филиалах — на сумму 593 440 735 лир (510 474 книжки). Социалисты уже представили свой обычный план финансирования кооперативов. Можно себе представить, что бы произошло, когда они наложили бы руку на миллиардную сумму вкладов миланской кассы. Чтобы избежать этой печальной перспективы, промышленная буржуазия организовала карательные экспедиции против городских и провинциальных муниципалитетов, управляемых социалистами, в Милане, Мантуе, Новаре и Павии!»¹

Что касается промышленности, то и здесь реакция, нашедшая в лице фашистов свою вооруженную гвардию, поставила своей целью не что иное, как уничтожение завоеваний рабочих. Наступление хозяев, стремившихся навязать рабочим снижение заработной платы на 50 процентов, было совершенно необоснованным, поскольку оно не сопровождалось планомерной деятельностью по снижению цен, что было торжественно обещано Конфедерацией промышленности (Конфиндустрией)*; на деле же капиталы, вложенные в промышленность, подвергались непрерывному воздействию инфляции, продолжалось распределение высоких дивидендов, упорно осуществлялись меры по спасению за счет государства предприятий, обреченных на банкротство, а

¹ Arturo Labriola, op. cit., p. 131—132. См. M. Franceschelli, L'assalto del fascismo alla cooperazione italiana (1921—1922), Roma, Editrice Cooperativa, 1949.

* Ассоциация итальянских промышленников. В период прихода фашизма к власти и в годы фашистской диктатуры она вдохновляла и направляла фашистскую политику.— *Прим. ред.*

главное, проводилась протекционистская политика — политика запретительных таможенных пошлин, которые, намного увеличивая стоимость машин, сырья, полуфабрикатов и продовольствия, должны были сохранить за капиталистами золотую жилу высоких цен и в то же время урезать и без того нищенские заработки рабочих¹.

Особенно же страшились крупные промышленники того рабочего контроля на предприятиях, принцип которого был официально признан в сентябре 1920 года, в заключительный момент движения за занятие фабрик. Такой контроль сделал бы с течением времени невозможными те махинации с переходом акций из рук в руки, посредством которых можно довести до разорения крупные предприятия, отнюдь не разоряя этим капиталистов и спекулянтов; точно так же он воспрепятствовал бы сколачиванию громадных состояний за счет разорения предприятий и в то же время облегчил бы рабочим приобретение тех технических познаний, которые оказались им столь необходимы именно в период революционного брожения.

И если еще более расширить наш критический анализ, то следует заметить (хотя более подробно об этом будет сказано ниже), что когда фашизм захотел выйти на арену политической и парламентской борьбы и прикнул к блокам либералов и демократов, существовавшим под крылышком Джолитти, то эти блоки повели борьбу не только против коммунизма, но и против реформистского и соглашательского социализма.

Справедливы комментарии католика Дельи Окки:

«Выборы, проходившие под знаком борьбы против социализма, нужно расценивать не как *реакцию* на эксцессы, которых больше не было, а как *реакционные* выборы, имевшие своей целью обеспечить с помощью фашистских методов реакционный состав палаты. Фашизм олицетворял в блоках организаторские способности; аграрии и промышленники предоставили необходимые средства, дабы эти организаторские способности могли

¹ Об этом писал в то время экономист Джино Луццатто, которого цитировал Родольфо Мондольфо во введении (р. XXXIII) к книге *Adolfo Zerboglio e Dino Grandi, Il fascismo*. Эта книга является первым томом серии «*Il fascismo e i partiti politici*», изданной в 1922 году Каппелли в Болонье в «Исторической библиотеке под редакцией Р. Мондольфо».

проявиться. По тому, как проводились выборы, можно и должно было сделать заключение, имеются ли в виду выборы, открывающие путь реформам, или выборы, открывающие путь реакции. Если считать, что выборы на следующий день после устранения коммунистов должны были положить начало реформам, то их следовало бы проводить против «революционеров», но бок о бок с умеренными социалистами. Но так как выборы должны были открыть дорогу реакции, то были заключены блоки против всех пролетарских сил и фашизму была доверена ведущая роль»¹.

Итак, следуя логическому развитию мысли, мы были вынуждены коснуться темы, о которой нельзя говорить мимоходом, — а именно отношения правящих политических кругов к нарождающемуся фашистскому движению.

Мы уже имели случай констатировать, что в определенный момент и почти внезапно фашисты смогли использовать большие материальные и финансовые средства, располагая всесторонней поддержкой высшей бюрократии, суда, полиции, войска; этот факт необходимо объяснить исторически.

Вернемся поэтому к тому же правительству Нитти, о котором мы уже имели случай говорить. Именно оно предприняло самую решительную и, пожалуй, единственную попытку найти выход из послевоенного кризиса, идя по единственно возможному пути — по пути проведения радикальной политики, наподобие той, которую проводил до войны, но в иных общих условиях Джованни Джолитти, по пути восстановления равновесия, уничтоженного в результате наступления наиболее реакционных групп буржуазии, олицетворяемых Соннино и Саландра. Нитти, которому были свойственны искренние демократические наклонности, пошел дальше Джолитти, ибо он готов был сломить господство этих групп в сфере политических институтов.

Но попытка Нитти оказалась неудачной и не имела успеха. Чего ему не хватало — это доверия буржуазии, ибо ясно, что его правительство было фактически опрокинуто оппозицией отнюдь не социалистов и левых, а оппозицией националистов и правых. Буржуазия уже всту-

¹ Degli Occhi, Che cosa ho pensato del fascismo mentre ero «popolare», Bologna, Cappelli, 1923, p. 31.

пила на путь контрреволюции, и человеком, которому суждено было стать истолкователем и выразителем такого рода настроений, был Джолитти. Сменив Орландо в июне 1919 года, Нитти вынужден был уйти в отставку ровно через год. Когда стало известно, с какой программой вернулся к власти старый парламентарий из Дронеро, пользовавшийся к тому же почти всеобщим доверием, стало ясно, что кризис государства, являвшегося — по крайней мере формально — либеральным и демократическим, идет к своему завершению, к катастрофе¹.

¹ Тем временем на политической арене Италии появились пополяри, о которых мы не считаем необходимым говорить специально, дабы не увеличивать размеры настоящего очерка. На деле они вели политику, которая целиком укладывалась в старые рамки «либерального» и «демократического» государства; и в этом смысле я не согласен с Гуидо Дорсо, который в своем труде (Guido Dorso, *Rivoluzione meridionale*) переоценивает роль пополяри и их стремление к обновлению существующих порядков. Сам Луиджи Стурцо (Luigi Sturzo, *Popolarismo e fascismo*, Torino, Gobetti, 1924) свидетельствует, что и после отозвания из кабинета Нитти министра Нава и помощника министра Санжюста во время первого кризиса того же кабинета (март 1920 года) пополяри продолжали голосовать за Нитти, так как падение его послужило бы основанием для новых выборов и наверняка завершилось бы крупным успехом социалистов, которые только что одержали значительную политическую победу в двух забастовках — почтово-телеграфных служащих и железнодорожников (январь и февраль 1919 года). Известно, что на съезде пополяри в Неаполе в апреле того же года была принята резолюция против участия пополяри в кабинете Нитти («Оссерваторе романо» посвятила этому факту заметку, отнюдь не благожелательную для пополяри), но во время второго кризиса кабинета, начавшегося в мае, партия «пополяри», несмотря на совет Стурцо, решила вновь принять в нем (кабинете) участие, а месяц спустя поддержала возвращение Джолитти. Поэтому, когда тот же Стурцо пишет (Luigi Sturzo, *op. cit.*, p. 66): «Ошибка итальянской партии «пополяри», если это можно назвать ошибкой, состояла в том, что партия в течение четырех лет поддерживала демократические правительства, которым она инстинктивно и в силу своей программы была враждебна. Но ее заслуга состоит в том, что она помешала тогда социалистам добиться классового решения проблем...» — то тем самым он признает на деле то, что являлось важнейшим элементом политики пополяри в эти годы. Позднее, после «похода на Рим», пополяри, ничем не отличаясь от других партий, поддерживавших фашистов, вошли в кабинет Муссолини (министры — Кавациони и Тангорра и помощники министров — Гронки, Мерлин, Вассалло, Милани). И кроме того, не кто иной, как Стурцо, выступая на страницах римской «Пополо» 25 ноября 1922 года и жалуясь на то, как трудно сотрудничать с фашистами,

Программа Джолитти состояла теперь из двух основных пунктов: 1) провести радикальные мероприятия, намеченные еще в его старой программе (и действительно, он предложил конфискацию военных сверхприбылей, повышение налогов на богачей и введение именной регистрации ценных бумаг), дабы лишить оппозицию в ее идейной борьбе аргументов; 2) разбить социалистов с помощью фашистов. Чтобы осуществить этот второй пункт программы, он (первый среди премьер-министров) поставил государственную машину на службу сквадристам и, кроме того, назначил выборы, во время которых либералы, демократы и фашисты выступали сообща, заключив избирательные блоки.

Это важнейший момент кризиса, который необходимо иметь в виду, чтобы понять, какова была позиция правящего класса Италии в отношении нарождавшегося фашизма.

До осени 1920 года фашизм не имел никакого реального значения; в период с осени 1920 года и до начала 1921 года он стал вооруженной гвардией реакционной буржуазии, чем-то вроде вспомогательных вооруженных сил, которые консервативное правительство использовало в своей борьбе против социализма; и в тех случаях,

которые хотят только подчинения и сервиллизма, утверждает, что пополяри не могут тем не менее перейти в оппозицию, так как отставка Муссолини привела бы к возвращению «того демократического прошлого», против которого они боролись и которое не должно больше повториться, и так как они придерживаются «реалистического» мнения, согласно которому «эксперимент Муссолини должен идти своим путем и развиваться в направлении возврата к законности». 3 января 1923 года Филиппо Меда, один из наиболее крупных деятелей и видных фигур партии «пополяри», в письме, опубликованном в католической печати, заявил, что сотрудничество с фашизмом уместно и необходимо. 17 апреля, в разгар кризиса, который должен был привести к «изгнанию» представителей пополяри из фашистского правительства (см. мою статью в «Италия либера» от 1 июня 1946 года, где я показал, что это было настоящее изгнание), г-н депутат Чинголани заявил: «Я считаю, что мы сделали достаточно заявлений и шагов с целью достижения сотрудничества, ибо мы хотим, чтобы эксперимент был доведен до конца и увенчался успехом («Corriere d'Italia», 17 agosto 1923). Таким образом, давая общую оценку исторической роли пополяри во время послевоенного кризиса и прихода к власти фашистов, следует сказать, что во всем существенном она совпадала с ролью либералов и демократов, бывших наряду с пополяри, представителями обанкротившихся правящих групп.

когда конституционные традиции либерального государства не позволяли добиться цели, эта гвардия, которая, по крайней мере формально, носила частный характер, без труда достигала ее. С точки зрения конституции скандальным было то, что характер ее был двойственным: и частным и политическим.

С этого момента эти действия каст, стоявших у кормила власти и симпатизировавших фашизму в силу своих застарелых ретроградных традиций, получили поощрение и санкцию со стороны правительства, что в такой стране, как Италия, бывшей колыбелью трансформизма, является самым мощным стимулом. С этого момента фашизм приобрел громадную силу, ибо он получил возможность сочетать все средства организации и деятельности, выходящей за рамки законности, и все формы пассивной или активной помощи со стороны закона.

Так, например, 20 октября 1920 года административный отдел генерального штаба армии разослал командному составу циркуляр, в котором извещал о возникновении фашистских организаций и рекомендовал оказывать им поддержку¹.

Хотя в своим мемуарах Джолитти пытается опровергнуть подобное обвинение, свидетельства современников сходятся в этом: для борьбы с социалистами он вооружил фашистов, предоставив в их распоряжение казармы и арсеналы². Так было положено начало тому сообщни-

¹ Это вызвало подозрение (которое при нынешнем состоянии документов трудно опровергнуть или подтвердить, но которое не кажется надуманным), что отказ фашистов поддержать фиумскую авантюру Д'Аннунцио объясняется сговором между Муссолини и правительством Джолитти. Несомненно одно: на следующий день после так называемого «кровавого рождества» 1921 года фашистский Центральный комитет принял единогласно, при одном лишь голосе против, резолюцию протеста против Джолитти и в знак солидарности с Д'Аннунцио; этот единственный голос «против» принадлежал Муссолини. См. Giuseppe De Falco, *Il fascismo milizia di classe. Commenti alla cronaca*, Bologna, Cappelli, p. 26; Cesare Rossi, *Mussolini com'era*, Roma, Ruffolo, 1947, p. 226—227.

² «Правительство не только готовило и направляло наступление,— пишет Гульельмо Ферреро в книге «От Фиуме до Рима» (Guglielmo Ferrero, *Da Fiume a Roma*, Milano, Athena, 1945, p. 80), но и предоставило мобильным отрядам фашистов «карт бланш» и оружие, настоящее оружие: пистолеты, карабины, бомбы, повозки, автомобили и тому подобное добро, оставшееся после великой бойни». То же пишет и Луиджи Стурцо (Luigi Sturzo, *La libertà in Italia*, Napoli, Morano, 1943, p. 23): «Это факт, что при

честву фашистов и высшего военного командования и офицерства, которое принесло свои плоды во время последовавших непосредственно за этим событий и во время событий, связанных с «походом на Рим»¹.

Правительство Джолитти, в лице министра юстиции Луиджи Фера, издало декрет о неприкосновенности лиц, нарушивших законы «во имя блага нации», то есть фашистов, совершивших преступления против социалистов. Таким образом кровавые насилия сквадристов получили первую легальную, хотя и антиконституционную, санкцию. Душой этого сговора между правительством и фашистами был помощник министра внутренних дел Камилло Коррадини.

И, наконец, в атмосфере, порожденной этой поддержкой фашистов правительством, страна подошла к назначенным Джолитти выборам; выборы, на которых демократы, либералы и фашисты выступали сообща, заключив избирательные блоки, состоялись 15 мая 1921 года. Система блоков, помимо особого значения, которое придавало ей участие фашистов, имела для Джолитти, старого доки по части трансформизма, и другую ценность: она позволяла ему обойти принцип пропорционального представительства, разрушая отдельные партии при помощи системы коалиций.

Но расчет Джолитти не оправдался: социалисты, имевшие 156 мест, вновь получили 146 мандатов (унитарные социалисты и коммунисты), не считая 25 мандатов реформистов; пополяри вместо 101 мандата получили 106, либералы и демократы получили 158 мест, фашисты — 32.

Ничьи высказывания не представляются, пожалуй, столь знаменательными, как замечания фашиста Дино Гранди, который на II Национальном съезде фашистов, состоявшемся в Риме 9 ноября 1921 года, говорил о вы-

Джолитти фашизм был вооружен и организован по-военному, был выведен на парламентскую арену и сменил роль демагогического, квазисоциалистического, квазиреспубликанского и антиклерикального движения на роль опоры консервативных либералов и националистов».

¹ Что касается сообщничества фашизма и полиции, то это вещь настолько известная, что даже нет смысла останавливаться на этом. Даже фашистский депутат Адольфо Цербольо публично признал наличие этого сообщничества (см. A. Zerboglio e D. Grandi, *op. cit.*, p. 5 sgg).

борах, проходивших на основе блокирования, следующее:

«Консервативные и либеральные группы очень радовались этим выборам, полагая, что временный союз фашистов со старыми партиями порядка, заключенный из слишком очевидных соображений военной тактики, не будет внезапно разорван во время выборов и, следовательно, консервативные партии обязательно выигрывают от этого союза в смысле количества избранных депутатов и влияния в парламенте. Короче говоря, они хотели извлечь из фашистских боевых отрядов, из вооруженной силы всю возможную пользу. Так и получилось в действительности. Настало время выборов. Фашисты помимо своей воли вынуждены были разделить с избирательными блоками их фортуны. Никто или почти никто не поднял голос, чтобы сигнализировать об опасности. Фашистские боевые отряды превратились в охрану старых кандидатов-либералов, которые, не желая вызывать лишних подозрений, не стали даже ворошить свои открытые пылью старые политические катехизисы, позволили, соблюдая осторожность, возить себя на специально оборудованных грузовиках, приняли в качестве избирательной эмблемы эмблему фашистов и тоже кричали на всех перекрестках «Эйя, ала-ла!» в честь Габриеле Д'Аннунцио, Бенито Муссолини и республики Куарнарс. Они безропотно согласились сдать в архив старые трехцветные знамена с большим савойским гербом, заменив их фашистскими знаменами. Выборы были проведены между двумя карательными экспедициями; для фашистов же они были всего-навсего эпизодом гражданской войны, которую они вели. Избирательная борьба шла без программ, она была просто борьбой *против социалистов*. Повсюду считали, что фашистские кандидаты должны внести в парламент новый дух — дух порыва и поэзии и играть в парламенте роль «карательного отряда». Наибольшего успеха на выборах добились те, кто обещал народу осуществить в палате революционные действия. Они добились победы, возглавляя коалиционные списки, а за ними, молчаливо пристроившись в хвосте, прошли аграрии, демократы, либералы, министерялы — вся пестрая публика из старых партий порядка. Выборы кончились. Великая гвардия осталась в целости и неприкосновенности, еще более многочисленная, еще более

сильная. Фашизм казался победителем. Но в действительности он им не был. Победителем был опять Джолитти».

Другим казалось обратное, то есть что победил фашизм или по крайней мере что он заложил основы для своей победы. Джованни Амендола считал, например, эти выборы «необходимой предпосылкой для захвата фашистами власти»¹. История говорит нам, что победителями оказались оба, ибо они были детьми одной матери. Для них победой был уже их союз.

Перед лицом изменившейся социально-политической обстановки даже Джолитти, самый демократический из буржуазных государственных деятелей довоенного режима, повел себя теперь так, что разоблачил свое подлинное лицо: лицо политика, для которого демократия — это не цель, а средство сохранения консервативной системы. Он обращался к правым так же, как раньше обращался к левым, ибо оба этих союза имели для него одну цель: помешать победе сил, стремившихся ниспровергнуть режим; и довоенный союз с левыми, имевший своей целью внести разложение в ряды социалистического движения, был лучшим средством притупить оружие и истощить ресурсы противника.

«В первой половине 1920 года,— писал в ноябре 1924 года в «Риволуционе либерале» Гобетти,— фашизм не был ни опасен, ни грозен; корридонинское движение* в некоторых городах, движение, руководимое аграриями и собственниками, в некоторых провинциях — эти проявления фашизма носили частный, разрозненный, ограниченный характер. Лишь при Джолитти фашизм превратился в правительственное движение. Именно в это время на военных грузовиках карабинеров рядом с треуголками и красными воротниками появляются первые черные рубашки».

А Франческо Чиккотти, провозгласивший себя искренним другом и ревностным почитателем Джолитти, осо-

¹ Giovanni Amendola, *Una battaglia liberale, Discorsi politici (1919—1923)*, Torino, Gobetti, 1924, p. 10.

* Корридо́ни, Филиппо — один из националистических «героев» Италии. До 1914 года анархо-синдикалист, во время мировой войны — интервенционист. В 1915 году погиб на фронте. Националистические круги использовали его имя для возбуждения шовинизма в массах.— *Прим. перев.*

бенно его реализма, заявлял: «Придя к власти, Джолитти сразу же понял, что две одновременно действующие неумные силы — социалистический экстремизм во внутренней жизни Италии и фашизм в области внешних сношений — быстро подрывают *устойчивость государственной системы*, при условии сохранения которой он готов допустить самые смелые эксперименты. Тогда он решил нейтрализовать одну силу с помощью другой и содействовал (и содействует) перемещению активности фашистов из сферы внешней в сферу внутренней политики, толкая их — и притом по возможности так, чтобы его рука не была слишком заметна — против большевизма. Его руку можно было почувствовать в «беспристрастном» применении закона «против всех насильников, как бы они ни именовались», если не считать, конечно, использования королевской гвардии для поощрения, попустительства, а в случае необходимости и оказания помощи фашистским насильникам и для обуздания, подавления и разоружения большевистских насильников». «За кулисами стоят хозяева марионеток — мятежные политиканы-пройдохи, извлекающие выгоду из фашизма, и некоторые банкиры и промышленники, которые надеются найти в возрастающей активности фашистских групп противоядие против опасных максималистских выступлений и защиту от покушений на их добычу»¹.

Много лет спустя Армандо Борги² писал: «Джолитти, министр внутренних дел, и Бономи, военный министр... фактически установили в Италии господство реакции, прикрытой юридическим фасадом свободы,—реакции, не освященной законом, но действующей от имени, при покровительстве и под охраной государственной власти. Джолитти и Бономи превратили фашистское движение в эффективное орудие гражданской войны, заставляя карабинеров действовать бок о бок с чернорубашечниками и вводя представителей армии в фашистские отряды в надежде, что представители этих отрядов никогда не будут включены в армию. Фашисты были в привилегированном положении: они могли носить оружие, подчинялись центральному руководству, имели возмож-

¹ Эта статья, относящаяся к 1920 году, перепечатана в книге Francesco Ciccotti, *L'Italia in rissa*, Milano, 1925.

² В «*Mezzo secolo di anarchia (1898—1945)*», cit., p. 257.

ность быстро осуществлять массовую переброску своих сил на грузовиках, предоставленных военными властями и частными владельцами-капиталистами. Они имели возможность сосредоточить в заранее намеченных пунктах большие силы, чтобы потопить там в крови всякую оппозицию и сделать невозможным всякую попытку ее возобновления. Отдельные попытки разделаться с фашистами ни к чему не приводили. Бедняга, убивший в маленьком селении какого-нибудь ничего не значащего фашиста—по сути дела, такого же несчастного малого!—не разрешал этим никакой общей проблемы и даже, наоборот, ухудшал ситуацию в этой местности. Достаточно было одного телефонного звонка, чтобы через несколько часов туда примчались из окрестных селений десять, пятнадцать, двадцать грузовиков с вооруженными людьми. И начиналась стрельба по жилым домам, избиение, убийства, всякого рода жестокости. Селение, пережившее подобный ужас, уже не осмеливалось больше пошевеливаться. Любая попытка оказать противодействие вновь вызывала «карательную экспедицию». Весь секрет фашистских побед заключался в этом — в телефоне и грузовике».

Пьеро Гобетти следующим образом охарактеризовал Джолитти этого периода: «бывший нейтралист*, заключивший союз с фронтовиками для проведения антипролетарской политики и вооружения фашистов»¹. А за спиной Джолитти стояла «старая, германофильская и нейтралистская буржуазия, пристроившаяся в хвосте фашистской молодежи (полностью воскресившей на следующий день после заключения мира идеологию войны и интервенционизма) и выполнявшая функции статистов и хора»².

Некоторое время спустя между Аугусто Монти и Луиджи Сальваторелли, которые оба сотрудничали в органе Гобетти «Риволуционе либерале», развернулась полемика³ о корнях фашизма; первый был склонен усмат-

* Нейтралист — сторонник нейтралитета Италии в годы первой мировой войны.— *Прим. ред.*

¹ См. *L'Antologia della «Rivoluzione liberale»*, p. 209.

² М. Missiroli, *Il fascismo e la crisi italiana*, Bologna, Cappelli, 1921, p. 44.

³ Об этой полемике см. документы в «*Antologia della «Rivoluzione liberale»*, p. 376—416.

ривать их преимущественно в джолиттианском нейтраллизме; второй, наоборот, целиком выводил их из интервенционизма и движения «радужных майских дней»*. Оба приводили убедительные аргументы! И действительно, правы были оба, так как невозможно точно определить, какая доля ответственности за возникновение фашизма падает на джолиттианский нейтраллизм, а какая — на интервенционизм Саландра и Соннино. Прав был как Монти, так и Сальваторелли, ибо джолиттианство и саландризм представляли собой лишь два фланга или, если хотите, две возможные разновидности существовавшего режима; и именно этот режим, следуя своей внутренней логике, должен был перед лицом мирного и легального развития социализма выйти за рамки легальности, вооружить фашизм и доверить ему свою судьбу¹.

«Если бы Джолитти и Бономи могли открыто изложить свои действительные цели, они стали бы оправдываться, утверждая, что не имели ни малейшего намерения прокладывать дорогу диктатуре; но раз уж было положено начало повороту старых правящих политических кругов к диктаторским формам правления, то кто мог спасти старое государство? Даже возвращение умеренных социалистов к демократической практике не могло совершить чуда, поскольку правящие политические группы, поддерживая фашизм, преследовали лишь одну цель — сохранение своей власти, даже более того, своего всевластия, а не осуществление чистой демократии, которая в Италии могла существовать лишь при том необходимом (но не достаточном) условии, что конституционная монархия и старые правящие группы выйдут из борьбы окончательно разбитыми»².

* См. примечание на стр. 63.— *Прим. перев.*

¹ Об этом «единодушии буржуазии» см. то, что писал в 1920 году, хотя и в тенденциозно хвалебном тоне, М. Миссироли (M. Missiroli, *Una battaglia perduta*, Milano, Corbaccio, 1924, p. 182).

² Далее Guido Dorso писал (*Guido Dorso, Dittatura, classe politica e classe dirigente*, 1949, p. 111): «Начавшаяся в результате этого полемика между фашизмом и исторически сложившимся государством, рост настойчиво выдвигаемых претензий фашизма полностью заменить старые правящие политические группы свидетельствовали об окончательном поражении этих последних. Чистая демократия никогда не существовала в Италии, а псевдодемократию итальянский господствующий класс всегда лишь терпел как некое излишество. Наконец представилась историческая возможность из-

Вот почему призыв образовать «конституционную оппозицию фашизму», с которым Сальваторелли и Монти

бавиться от этой псевдодемократии. Почему же не воспользоваться этим? Подобные исторические возможности всегда фатальны для тех, кто позволяет соблазнить себя ими, но эти возможности никогда не остаются неиспользованными». Заметим, что гипотеза об участии социалистов в правительстве (она выдвинута здесь в чисто полемическом аспекте, но авторы, заинтересованные в том, чтобы свалить на других ответственность консерваторов за победу фашизма, пролили реки чернил, обсуждая ее) была лишь одним из средств, которые господствующий класс охотно использовал бы для своего спасения, скомпрометировав при этом социализм. Проблема в действительности заключалась не в участии социалистов в правительстве, а в коренном изменении структуры власти. Когда же, однако, это завоевание власти новыми социальными силами началось, началось так, как это было возможно, то есть снизу вверх, не с правительства, а с коммун,—тогда прибегли к помощи фашизма, вооружив его и сделав все, чтобы усилить его. Это понимал тогда даже один из либеральных писателей — Миссироли (см. M. Missiroli, *Il fascismo e la crisi italiana*, Bologna, Coppelli, 1921). Тот же Дорсо замечает, что джолиттианцы, спустив с цепи фашизм, хотели спасти режим и в то же время намерены были воспользоваться левыми, чтобы спасти самих себя, тогда как эти последние «намеревались добиться такой формы государства, при которой господство парламента было бы безраздельным» («*La Rivoluzione meridionale*», p. 84). Но всего этого большинство буржуазных авторов не понимает или делает вид, что не понимает. Смотри то, что говорят о попытке примирения между фашистами и социалистами («пакт умиротворения», подписанный в августе 1921 года, в период правительства Бономи и при покровительстве председателя палаты депутатов Энрико Де Никола) тот же Бономи (I. Bonomi, *Dal socialismo al fascismo*, Garzanti, 1946), Пьетро Горголини (Pietro Gordolini, *Il fascismo nella vita italiana, con prefazione di V. Mussolini*, Torino, Edizioni «Italianissima», 1922 [январь]), Ч. Росси (C. Rossi, *Mussolini com'era*, cit.) и Ивон де Беньяк (Yvon de Bénéjac, *Palazzo Venezia. Storia di un regime*, Roma, La Rocca, 1950, p. 168—169). Как известно, пакт был отвергнут фашистами Эмилии (Дино Гранди) и Тосканы, где фашистское движение, находясь прежде всего на службе у аграриев, не могло дать передышки противнику, так как дело шло не о политической борьбе, которая ведется обычными методами, а о борьбе социальной, которая должна была вестись до полного уничтожения социалистических организаций. Поставленный перед фактом мятежа рядовых фашистов, Муссолини подал в отставку с поста члена центрального комитета фашистского движения, но его отставка не была принята, и он, подчинившись, остался во главе своей партии. Конфликт был улажен на Национальном съезде фашистов в Риме в результате капитуляции Муссолини. Как бы то ни было, пакт являлся симптомом кризиса, наступившего в отношениях между фашизмом и общественным мнением,—кризиса, о котором говорят современные политические писатели, относя его к середине 1921 года; однако, несмотря на это, правительства продолжали поддерживать фашизм.

в заключение своей полемики единодушно обратились ко «всем поборникам законности и патриотам», должен был остаться благочестивым и наивным пожеланием идеалистов. Неспособность либеральных и демократических групп объединить свои силы означала их неспособность конституироваться в настоящий правящий класс, могущий играть надлежащую роль, и это несмотря на то, что в их руках находилась правительственная власть и они всегда имели большинство в парламенте. Но в силу «непонимания и трусости они подавляли и уничтожали те силы, которые одни только могли поддержать правящий класс: массовые организации»¹. Даже «Джорнале д'Италия» вынуждена была признать это (27 ноября 1921 года): «То, что мы переживаем,— это не только кризис старой либеральной партии, которая утратила многие свои позиции, но и кризис самого буржуазно-демократического режима».

В какой степени удалось спасти режим, придав ему фашистскую форму? Лишь в некоторой степени, ибо эта попытка привела к поляризации интересов и установлению безраздельного господства более сильных и лучше организованных групп, которые смогли также преодолеть затруднения, связанные с личной диктатурой Муссолини; другие же группы, менее надежно защищенные, были по большей части сметены. Эта попытка удалась, кроме того, ценой смены правящих политических групп, поскольку старые правящие политические группы, состоявшие из либералов и демократов и строившие иллюзии, что они смогут подчинить фашизм своим макиавеллистским целям, впоследствии пережили крушение своих надежд и были оттеснены со сцены, что послужило причиной запоздалого антифашистского раскаяния либеральных и демократических политических деятелей, хотя и не исключало новых порывов страстной любви².

Как бы то ни было, деградация джолиттианства свидетельствовала о крахе даже самой продуманной попытки итальянского капитализма «обеспечить итальян-

¹ G. Perticone, *op. cit.*, vol. I, p. 297.

² Подобных тем, которые обнаружили во время фашистской кампании в Ефиопии такие люди, как В. Э. Орландо, написавший Муссолини верноподданническое письмо.

скому государству более широкую базу, чем та, которую оно имело первоначально»¹.

Как мы уже указывали, планы Джолитти в отношении парламента потерпели крах на майских выборах 1921 года: его тактические цели не были достигнуты — социалисты и пополяри все еще оставались сильнейшими партиями. По крайней мере в отношении первых трудно было ожидать чего-либо иного, если вспомнить, что на муниципальных выборах в октябре-ноябре 1920 года социалисты завоевали 3 тысячи коммун. Джолитти, очевидно, возлагал очень большие надежды на систему давления и насилий, уже использовавшуюся в прошлом, а теперь усовершенствованную в результате появления фашистских сквадр; тем не менее даже этого оказалось недостаточно, чтобы существенно изменить решение общественного мнения. Правящие политические круги были более испорчены, чем страна.

Сразу же после выборов Джолитти ушел в отставку. Его преемником стал Бономи, который в дальнейшем воспользовался случаем подчеркнуть чрезвычайно активное содействие, оказанное Джолитти фашистам²; но он имел весьма мало прав быть столь строгим судьей — он, фигурировавший на этих выборах в одном списке с фашистами («во имя возрождения национальных ценностей», как писал он в цитируемой работе), а после прихода к власти, способствовавший своей политикой уступок фашистам организации и все более широкому развитию фашистских сквадр.

Сфорца рассказывает по этому поводу характерный эпизод³: 21 июля 1921 года в Сарцане колонна из 500 сквадристов под командованием Америкго Думини, будущего убийцы Маттеотти, была до смешного легко обра-

¹ A. Gramsci, Discorso parlamentare del 18 maggio 1925, in *Antologia*, p. 456.

² I. Bonomi, *op. cit.*

³ Sforza, *L'Italia dal 1914 al 1944*, Milano, Mondadori, 1946, p. 134—135. О столкновении в Сарцане см. также Umberto Banchelli (который был «начальником генерального штаба» фашистской «экспедиции»), *Memorie di un fascista*, Firenze, 1922 и Ernesto Rossi, *L'Italia Libera* (очерк, предпосланный фотоконии журнала «Нон молларе»), Firenze, *La nuova Italia*, 1955, p. 56—57. Хвалебную, но совершенно необоснованную версию этого эпизода дает Джузеппе Грегори (*Giuseppe Gregori, L'eccidio di Sarzana*, Roma, anno XV).

щена в бегство 11 карабинерами, которыми командовал капитан. Это был невероятный факт, о котором говорила вся Италия. Невероятным здесь было только одно: первый раз с тех пор, как появился сквадризм, полицейские силы употребили оружие против карательной экспедиции и фашисты, привыкшие побеждать с помощью всех существующих властей, бежали, хотя их было 500, от 11 человек. Когда, однако, главному командованию карабинеров было предложено вознаградить капитана и его людей, это предложение положили в долгий ящик: таково было отношение правительства к тем, кто осмеливался сопротивляться сквадристам.

Деятельность Бономи была, следовательно, весьма сомнительной: когда он еще был военным министром в кабинете Джолитти, один полковник объехал всю Италию, чтобы подготовить наступление против социалистов, и в докладе, представленном в министерство, предложил учредить «ополчение идеалистов, составленное из самых опытных, самых мужественных, самых сильных и агрессивных», которые смогли бы наряду с полицией и армией выполнять функции сопротивления и одновременно политические функции¹. Это был период, когда в Триесте армия открыто сотрудничала с фашистами, получившими оружие и боеприпасы для своих антиславянских выступлений; в Модене и Гроссето были организованы совместные экспедиции фашистов и карабинеров. Министерские циркуляры против «вооруженных отрядов» давали возможность местным полицейским и

¹ См. L. Fabbri, *op. cit.*, p. 29. Тот факт, что Бономи издал циркуляр об использовании офицеров армии в «фашо», отрицается тем не менее Л. Сальваторелли в рецензии на работу Таска (A. Tascia, *Nascita e avvento del fascismo*, «*Rivista storica italiana*», 1952, fasc. I, p. 114); однако в целом рецензия Сальваторелли заслуживает большого внимания, ибо содержит важные уточнения. Фашизм не встретил отказа в оружии «даже со стороны Бономи — военного министра», — писал Джулио Алессиньо (Giulio Alessio, *La crisi dello Stato parlamentare e l'avvento del fascismo*, Padova, Cedam, 1946, p. 2). Луиджи Стурцо (Luigi Sturzo, *Politica di questi anni. Congressi e critiche. Dal settembre 1946 all'aprile 1948*, Bologna, Zanichelli, 1954, p. 62) также пишет: «Возглавляя кабинет, Джолитти согласился на изъятие из военных складов оружия и передачу его фашистам». 25 июля 1922 года «Стампа» писала: «Г-на Бономи в бытность его военным министром считали, справедливо или ошибочно, человеком, содействовавшим распространению фашизма (*il propagatore del fascismo*) в Италии».

судебным властям преследовать и арестовывать «народных смельчаков»*, отряды которых создавались в целях сопротивления фашистским сквадрам, в то время как эти последние продолжали действовать, не встречая помех или даже получая помощь. Дело дошло до того, что человека арестовывали по простому подозрению в том, что он вступил в отряд «народных смельчаков». Когда же, увидев, что ему угрожает опасность стать пленником фашизма, Бономи решил распустить «сквадры» (что являлось первым долгом любого конституционного правительства), фашистская партия бросила открытый вызов правительству, приняв резолюцию, которая была настоящим объявлением войны. Правительство, немного поколебавшись, уступило¹.

Последнее из правительств, существовавших перед «походом на Рим», возглавлял Факта, креатура Джолитти. Начальник его кабинета Ефрем Феррарис свидетельствует в своем дневнике², что последовательное осуществление фашистского плана мятежа с весны до осени 1922 года (захват муниципальных органов, в том числе муниципалитета Болоньи, вторжение в Трентино³, нанесение ударов левым политическим и профсоюзным организациям и т. д.) не встретило ни отпора, ни какой бы

* «Народные смельчаки» (*arditi del popolo*) — антифашистские народные боевые дружины.— *Прим. перев.*

¹ См. C. Sforza, *L'Italia dal 1914 al 1944*, p. 136. У Бономи были особые мотивы проявлять слабость в отношении фашистов, поскольку между его администрацией и самими фашистами существовал сговор. П. Ненни (P. Nenni, *op. cit.*, p. 166) опубликовал текст телеграммы, которую руководство флорентийского «фашо» направило депутату Капанни, требуя в том случае, если не будут выпущены из тюрьмы арестованные фашисты и не будут аннулированы ордера на их арест, пригрозить Бономи опубликованием серьезных разоблачений о должностных лицах, «которые во время фашистских экспедиций оказывали фашистам безоговорочную поддержку, поставляя оружие, информацию, подстрекая к поджогам и убийствам».

² E f r e m F e r r a r i s, *La marcia su Roma vista dal Viminale*, Roma, Leonardo, 1946.

³ Незадолго до «похода на Рим», захватив Больцано, фашисты заставили мэра-«италофоба» Ператонера выйти в отставку, заняли немецкие школы, прогнали гражданского комиссара Луиджи Кредаро и ликвидировали Управление по делам новых провинций, которое возглавлял Франческо Салата. См. C i r r i a n o G i a c h e t t i, *Fascismo liberatore*, Firenze, Bemporad, 1922 и G i o a c c h i n o V o l p e, *Storia del movimento fascista*, Milano; Ispi, 1939, p. 91.

то ни было помехи со стороны правительства. В своих официальных отчетах власти сами говорили о фашистах и о «мятежных элементах» (социалистах и коммунистах). 3 октября «Пополо д'Италия» опубликовала «Дисциплинарный устав фашистской милиции»; правительство молчаливо допустило это самое что ни на есть наглое нарушение конституции. За несколько дней до этого Муссолини урегулировал один спорный вопрос: в речи, произнесенной 20 сентября в Удине, он отказался от «республиканской тенденции» и заявил о лояльности по отношению к монархии.

Сфорца вспоминает¹, что при правительстве Факта освобождение из-под следствия фашистов, обвиняемых в убийстве, стало обычным явлением и что в тех редких случаях, когда дело доходило до суда, из Рима приходил приказ о временном освобождении обвиняемых; последние обычно скрывались, и полиция вторично никогда их не находила.

Феррарис заявляет даже, что на заседаниях совета министров именно Факта противился принятию мер против фашистов; и Лузиньоли, открытый сторонник фашистов и личный друг Муссолини, являвшийся его доверенным лицом при Джолитти, был оставлен на своем посту префекта Милана, и благодаря этому главарь фашизма смог без помех расположить там свой главный штаб для организации мятежа против государства (на всякий случай он разместил его не слишком далеко от швейцарской границы).

Такова была позиция правящих либерально-демократических групп по отношению к фашизму. Даже Нитти, проявлявший еще за год до этого некоторую твердость, не устоял теперь перед новой волной реакции. В середине 1922 года он разработал план образования «правительства национального единения», о характере которого мы можем судить по тому, что он сам рассказывает в своих «Признаниях»², и в еще большей степени по тому, что рассказывает Анджело Таска в недавно опубликованной статье³, а также по документам, опублико-

¹ C. Sforza, op. cit., p. 137.

² F. S. Nitti, Rivelazioni, p. 344—349.

³ «Rivelazioni di e su F. S. Nitti», «Pontè», gennaio 1949, p. 22—25 (опубликовано под псевдонимом Анджело Россси). В этой статье Анджело Таска сообщает, что он более широко осветил данный вопрос

ванным Джованни Коста в двух других недавно появившихся статьях¹.

В июле того же года Томмазо Антонджини отправился в Неаполь в качестве представителя Д'Аннунцио, что-

в книге «La naissance du fascisme. L'Italie de 1918 à 1922» (Paris, Gallimard, 1938; итальянское издание вышло под названием «Nascita e avvento del fascismo», Firenze, La Nuova Italia, 1950). Росси неправильно указывает относящиеся к данному эпизоду страницы «Признаний» Нитти (очевидно, это опечатка), кроме того, этот эпизод имел место не в 1921 году, как пишет Росси, а в 1922 году (в настоящее время в итальянском издании ошибка исправлена).

¹ Giovanni Costa, Carteggio fra Nitti, D'Annunzio e Mussolini per un governo democratico e pacificatore; см. его же «La caduta di d'Annunzio dalla finestra impedì l'incontro con Nitti e Mussolini»; обе статьи опубликованы в «Паэзе» соответственно 26 и 27 февраля 1955 года. Вот текст неизданного письма (впервые опубликованного Коста, имевшим возможность изучить бумаги Нитти), которое Нитти послал Д'Аннунцио из Рима 1 августа 1922 года: «Дорогой и многоуважаемый друг, мы очень долго шли врозь. Мы разными путями стремились к одной и той же цели. Ты веришь, так же как и я, в спасение и величие Италии. Но мы не были согласны и, может быть, не согласны еще и сейчас в том, что касается методов. Я убежден, что Италия после окончания войны должна была сразу же поставить своей целью реконструкцию. Наша страна потеряла значительную часть своих богатств и, чтобы быть свободной и играть на международной арене свою роль, должна была прежде всего восстановить их. В современном обществе экономически порабощенные народы не могут предпринимать ни крупных начинаний, ни продолжительных акций. Я думал, что Италия после окончания войны, сознавая нависшую над ней опасность, должна была, мобилизовав всю свою волю и отдавшись напряженному труду, с твердой решимостью устремиться к новой цели. Страна не захотела пойти за мной и не согласилась с той жесткой дисциплиной и суровой программой, которую я предлагал. Но она не добилась также ни одной из тех целей, которые выдвигал ты. Наоборот, из-за неспособности и скептицизма она не только не добилась того, что никто не хотел ей предоставить, но отказалась... даже от того, что все были согласны уступить, и отказ от Валлоны явился величайшим унижением после величайшего воодушевления. Но за последние два года внутри Италии все более углубляется раскол и с нею все меньше считаются за рубежом. Богатства расходятся и не восполняются; займы остаются самым существенным источником доходов. Никакой энергии, никакой программы. Гибнут банки, приходит в упадок промышленность, дезорганизуется производство. Что будет с нами? То, что страна поддержала программы, являющиеся отрицанием идеалов, во имя которых мы вступили в войну, лишило нас также и всякого престижа. Сосредоточив все свои жизненные усилия, исполненная трудолюбия и веры, Италия должна была стать после войны великим центром европейской реконструкции, должна была стать образцом новой демократии. Насилие стало основой общественных отношений. Разгораются местные страсти, и Италия, которая столько веков состояла из отдельных земель, забывает свои национальные идеи и живет склоками. Классы, ведущие паразитический образ жизни, использовавшие в своих

бы предложить Нитти «публичное примирение, которое показало бы, что живые силы страны объединились в едином стремлении». Нитти потребовал, чтобы в попытке примирения участвовал также Муссолини. Антонджини согласовал с Д'Аннунцио и Муссолини все детали: встре-

целях мир, так же как в свое время — войну, теперь превозносят на силе, и государство ослабевает. Фашизм, который мог стать силой, укрепляющей страну, в свою очередь превратился в причину беспорядка, и если его не направят к более возвышенным целям, он приведет к еще более глубоким потрясениям в жизни страны. Я написал *«Европа без мира»*, сейчас я пишу *«Закат Европы»*. Но то, что происходит в Италии, дает мне все новые причины для грусти. Хочу отойти в сторону и даже в том случае, если у меня будет широкая парламентская база, не имею никакого желания встать сейчас у власти. Что делать, когда все предаются фантазиям? Ты имеешь счастье оказывать большое влияние на молодежь, на участников войны, на всех тех, кто любил твое искусство и следил за твоими деяниями. Не сможешь ли ты нарушить свое молчание и обратиться с призывом к итальянцам? Не сможешь ли ты восстать против насилия и варварства, которые угрожают самому нашему существованию? Не сможешь ли ты указать молодежи новые демократические идеалы? Это дело более важное, чем то, которое некогда тебя привлекало. Повторяю тебе, что мы идем по двум разным дорогам и, может быть, вновь обретем друг друга; но сейчас речь идет не о тебе и не обо мне, а об Италии. Нужно объединить все силы, направив их к одной цели — спасению. Если бы у нас была возможность увидеться (а пока это, по-видимому, невозможно), я бы показал тебе в личной беседе, какова опасность, угрожающая жизни Италии, и обратил бы твое внимание на самые прискорбные явления. Ты считаешь, что я слишком сильно озабочен экономикой; но разве ты не был свидетелем того, что происходило после заключения мира? Неужели ты не видишь, какая борьба идет сейчас за экономическую гегемонию над побежденными и за разорение менее сильных победителей? Мне бы хотелось, чтобы мы употребили все наши силы, дабы положить конец этому режиму тупости и насилия, дабы вернуть Италию к ее идеалам демократии, свободы и труда. В конце концов, дело не во мне; ты видишь опасность, и ты можешь воздействовать на молодежь, воодушевив ее и возвратив на правильную стезю. Никогда, может быть, художник не выполнял в отношении своей аудитории столь великой задачи, и я прошу тебя собрать все свои силы и пойти вместе с нами в деле осуществления этой программы жизни. Не будем вспоминать то, что нас разделяет, будем думать только о том, чтобы подчинить всю нашу деятельность этой программе спасения. Прошу тебя как следует обдумать в своем уединении этот мой призыв. Никогда не чувствуешь себя столь сильным, как тогда, когда говоришь — как можешь говорить ты — с людьми, которые отравлены предрассудками и разум которых затуманен насилем. Исполненный, как и прежде, дружеских чувств, шлю братский привет от лица Италии. Всегда преданный тебе Нитти». Д'Аннунцио принял совет Нитти и выступил в Милане 3 августа; но, думая содействовать умиротворению, он способствовал, наоборот, победе фашизма (см. об этом в очерке о втором кабинете Факта, помещенном в настоящем сборнике).

ча должна была состояться 15 августа в Тоскане; один довольно известный фашист должен был вести машину Нитти, которому Муссолини собирался выдать пропуск, чтобы он мог путешествовать в большей безопасности. «Речь шла не о сформировании нового правительства,— объясняет Нитти,— а о том, чтобы положить начало движению, которое сделало бы возможным образование серьезного правительства в спокойной обстановке. В охваченной хаосом стране оно выглядело как национальное и идеалистическое движение. И поэтому я отнесся к идее такого движения без недоверия и принял ее».

Нитти уже составил набросок коммюнике для газет, которое он должен был окончательно отредактировать после бесед с Д'Аннунцио и Муссолини, и приготовил вещи, когда 13 августа Д'Аннунцио едва не погиб, выпав из окна.

Но переговоры продолжались. В сентябре Муссолини послал Шифф Джорджини, а затем посла Романо Авеццана в Аквафредду, в Калабрии, где находилась резиденция Нитти, предлагая ему произнести речь, которая подготовила бы созыв палаты депутатов, отставку Факта и образование правительства широкой коалиции. Барон Романо Авеццана носился между Миланом и Аквафреддой до тех пор, пока Муссолини и Нитти не пришли к соглашению на следующих условиях: в специальной речи Нитти уточнит свою мысль о серьезности обстановки и будет отстаивать идею необходимости немедленного проведения новых выборов; «Пополо д'Италиа» напечатает эту речь без комментариев; Муссолини выступит затем на фашистском съезде в Неаполе, нападая на всех, за исключением Нитти; будет спровоцирован внепарламентский кризис, в результате которого будет сформировано широкое министерство с участием Нитти и Муссолини. 14 октября соглашение Нитти — Д'Аннунцио — Муссолини было достигнуто и приобрело законченный вид¹.

Нитти выполнил условия договора. 19 октября в театре г. Лаурия близ Потенцы он выступил с обещанной речью; после речи, в конце банкета, данного в его честь друзьями, он произнес еще более решительные и многозначительные слова, недвусмысленно потребовав, чтобы

¹ См. документы, содержащиеся во второй из вышеупомянутых статей Дж. Коста.

палата самораспустилась и были бы назначены новые выборы, дабы положить тем самым начало «разрешению нынешних затруднений, в обход обычных норм управления страной», и чтобы к делу создания нового правительства были привлечены «все живые силы», а у фашизма был заимствован «его идейный аспект, который обеспечил ему такой рост»¹.

«Пополо д'Италия» воспроизвела полностью на первой странице две речи в Лаурии, воздержавшись от комментариев. Маневр разворачивался в соответствии с соглашениями. Но возникло новое обстоятельство: Муссолини почувствовал, что ситуация оказалась более благоприятной, чем он мог ожидать, и принял решение о «походе на Рим». О Нитти забыли, и он напрасно себя скомпрометировал.

Оружием, с помощью которого фашизм утвердился в стране (осень 1919 года — осень 1922 года), был, как мы уже говорили, сквадризм, который фашизм смог использовать против своих политических противников постольку, поскольку его поддерживали все власти буржуазного государства. На этом сквадризме стоит остановиться несколько подробнее.

Имеется подробное описание действий фашистов в период зарождения сквадризма, которое лучше всякого другого рассказа может дать представление о том, как развивались события²; оно относится к провинции Ред-

¹ Воспроизведенные здесь слова Нитти, произнесенные после банкета, получили не меньший общественный отклик, чем речь в театре, поскольку они были опубликованы в газетах. Об этом и о неизданных письмах Нитти к Амендола, о которых я буду говорить позднее, я подробно рассказал в серии статей, озаглавленных «Как итальянские «либералы» защищали свободу Италии» и опубликованных в «Италия либера» от 24 и 25 мая 1946 года. Как явствует из письма от 1 ноября 1923 года, Нитти считал своей заслугой, что во время июльского кризиса 1922 года он воспротивился созданию левого правительства и решительно настаивал на сформировании «истинно национального и способствующего умиротворению» правительства с участием фашистов.

² Описание содержится в публикации «Фашизм — первые материалы социалистического расследования о действиях фашистов в Италии» («Fascismo — primi elementi di un'inchiesta socialista sulle gesta dei fascisti in Italia», Milano, Società Editrice «Avanti!», 1921 [giugno], p. 31—38). Пространность цитирования, как нам кажется, оправдана, ибо документ крайне интересен и редок. Яркое описание действий сквад-

жо-Эмилия, где «до 31 декабря 1920 года о фашизме не было и речи, хотя он свирепствовал уже в провинции Модена, особенно в Карпи...»

«С этого момента (март 1921 года) мы наблюдаем в провинции Реджо,— говорится в этом документе,— методическое осуществление четкого плана подрыва и полной ликвидации позиций социалистов как в местных органах управления, так и в экономических организациях — лигах, кооперативах, бюро по найму, которые Палата труда создала во всех коммунах провинции.

Начинается с создания фашо и церемонии освящения фашистского знамени. Первые фашистские ячейки образуются из приезжих, к которым скоро присоединяются кое-какие местные элементы, почти всегда люди без определенной профессии, конечно оплачиваемые... неизвестно кем. Но в фашо вступают затем другие элементы местного населения, как-то: землевладельцы, крупные торговцы скотом и молочными продуктами, крупные фермеры, бывшие должностные лица коммун и некоторые чиновники, у которых обострены отношения с нынешней администрацией. Они-то и будут потом изо дня в день указывать боевому отряду программу действий...

Сначала на балконе мэрии вывешивается трехцветное знамя; затем устанавливается охрана из двух десятков фашистов, которые разгуливают по местечку, в то время как остальное население работает. Когда прибывает почта, они устраивают пикет перед почтовой конторой, и если кто-нибудь приходит за социалистической газетой, идут за ним следом и просят отказаться от газеты, которую у него «вежливо» отбирают. Чтобы возместить убытки, бросают ему на землю двадцать чентезимо... Если он ими дорожит, пусть подберет. Если он будет протестовать против такого нарушения своей свободы, ему посоветуют ради его же блага не слишком горячиться. Могло быть и хуже. Между тем население охватывает то ощущение нравственного беспокойства, вызванное гневом и страхом, которое приводит наиболее отважных к

ристов, данное фашистом, содержится в книге *Emilio Parsogli, Fascismo, Firenze, Vallecchi, 1923*; богатую документацию (в том числе фотографии) о действиях сквадристов можно найти в фашистском источнике «*Panorami di realizzazioni del fascismo*», Roma, Castaldi, 1942, volumi IV, V e VI.

мысли об открытом сопротивлении этим первым признакам установления тирании, о подвигах которой в других местах им уже стало известно; в то же время наиболее умеренные думают, что не нужно придавать слишком большого значения мелким инцидентам, которые, без сомнения, должны скоро прекратиться. Но инцидентов, наоборот, становится все больше. Некто любит широкополые шляпы — нехорошо. Ему необходимо изменить вкус, ибо по нынешним временам такие «зонтики» свидетельствуют о недозволенных идеях. А этот развевающийся красный галстук? Нельзя его так носить. Нужно завязывать его более скромно. И фашист проделывает эту операцию на улице на глазах у публики, которая смотрит и посмеивается, а кое-кто качает головой, как бы говоря: «Посмотрите-ка, что приходится терпеть!»

Это предварительная работа, имеющая целью подготовить психологическую атмосферу, которая сделает возможным нанесение более значительных ударов.

Перед руководителями [социалистических] организаций стоит проблема: избежать перерастания мелких инцидентов «морального» насилия в серьезные конфликты. Следовательно — «не поддаваться на провокации». Таков лозунг. Терпеть и молчать. Или, самое большее, информировать о случившемся власти. Жива́ еще иллюзия, что существует закон, и требуют, чтобы его уважали все.

Более значительные удары не заставляют себя долго ждать... Прежде всего стремятся изгнать социалистов из муниципалитетов, которыми они управляют в некоторых местечках по двадцать лет, в других — по семь и только в одном (Корреджо) — со времени последних выборов (ноябрь 1920 года).

Как это делается? Никакое обвинение нельзя предъявить ни старым, ни недавно избранным муниципалитетам. И потом, фашисты не желают тратить зря времени на обращения к префекту и государственному совету: это музейные экспонаты. Еще меньше у них желания обращаться к избирателям, чтобы они высказались, довольны они или недовольны социалистическим муниципалитетом. Конституционные антимонии! У фашизма есть безотказные методы борьбы, — разумеется, безотказные тогда, когда знаешь, что можно рассчитывать на *laisser faire* государственной власти*.

* *Laisser faire* — не мешать, позволять (франц.). — Прим. ред.

И вот берутся за мэров и муниципальных советников; им дают понять, что они должны оставить свой пост и «во имя собственного блага» решиться на это быстро. Должностные лица, избранные всеобщим голосованием, не желают верить такой наглости и медлят в течение нескольких дней, будто предупреждения, исходившего от неизвестных лиц (так как, по фашистским правилам, действия, которые должны развернуться в местечке А, всегда поручаются сквадре, сформированной из элементов, набранных в местечках В и С), и не существовало.

Руководство местного фаши сообщает начальству, что предупреждение не произвело никакого эффекта, и сразу же получает ответ: приступить к действию. Тогда сквадра отправляется на дом к мэрам и муниципальным советникам и либо заставляет их немедленно написать письмо о «добровольной» отставке, как это было с мэрами Новеллары и Роло, либо советует уйти в отставку ради их собственного блага и блага их домочадцев; этих последних, насмерть перепуганных, заставляют удалиться на время, пока действуют эти «посольства». Если известно, что кто-либо склонен проявить упорство, его избивают палками, напад на него, когда он ночью возвращается домой или выходит из помещения муниципалитета, как это было в Мандрио и в Фосдондо ди Корреджо; или, если боятся коллективного сопротивления, нападают на социалистическую секцию, когда она собирается для того, чтобы обсудить положение, как это было в Рио Саличето, где фашистская сквадра ворвалась в помещение, в котором шло собрание, обыскала и избивала всех, особенно сильно «вожаков», обыскала помещение муниципалитета, объявила смещенными должностных лиц, закрыла клуб и терроризировала местечко.

В других коммунах (Фаббрико, Сан-Мартино ин Рио, Кампаньола, Гуасталла, Луцарра, Баньоло ин Пьяно, Рубьера) фашисты или пишут письмо, давая 48 часов на размышление, или отправляются лично в мэрию, дабы устно передать мэру такое же требование об отставке. И чтобы постановление об отставке было не только формальным актом, но и политическим торжеством, «просят» муниципальных советников не пропустить заседания, на котором будет решаться вопрос об отставке. А так как некоторые из них за несколько дней до этого получили предупреждение, чтобы их ноги больше не было в

муниципалитете, то за ними посылают грузовик и доставляют их в зал заседаний муниципального совета (так было в Корреджо, в Сан-Мартино ин Рио, в Рио Саличето), чтобы они подняли руки, когда будет поставлено на голосование предложение об отставке.

Таким способом *«ушли в отставку»* социалистические муниципалитеты Корреджо, Рио Саличето, Баньоло ин Пьяно, Новеллары, Кампаньолы, Фаббрико, Роло, Реджоло, Гуасталлы, Луцарры, Сан-Мартино ин Рио, Рубьеры, и в то время, как мы пишем эти строки, фашисты *«действуют»* таким же образом в других управляемых социалистами коммунах бывшего избирательного округа Монтеккьо».

Указав на полную пассивность властей, авторы доклада продолжают:

«После того как указанными методами добиваются отставки муниципальных советников, к большой радости чиновников префектуры, которые сразу же начинают хлопотать о назначении их комиссарами префектуры, а может быть, даже и королевскими комиссарами, население подпадает под полную власть фашистов.

Фашисты захватывают биржи труда, опустевшие в результате устранения руководителей (что произошло, разумеется, под давлением фашо), и заставляют рабочих и работниц идти работать туда, куда решит фашо. Пока еще не изменены ни заработная плата, ни рабочий день, но уже объявлено, что контракты и расценки подлежат пересмотру.

Кооперативы не подвергаются полному разгрому. Фашисты приказывают руководителям — после соответствующего избиения или просто угрозы, — чтобы они немедленно покинули селение. Потом занимают помещение и говорят оставшимся членам правления: «Теперь командуем мы, мы отделяем вас в административном отношении от Палаты труда и от вашей федерации, с тем чтобы присоединить вас к национальному [фашистскому] экономическому профсоюзу, не занимающемуся политикой».

Ликвидировав таким образом всякие остатки социалистических властей или порядков, установленных социалистами, фашисты привлекают на свою сторону местных противников [социализма], уже полностью сбросивших флер показного отвращения к этим насилиям, ко-

торые «в наших краях (как бормотали они в первые дни) не должны были бы иметь место», и полностью вводят свои законы. Их закон — это дубинка. Это, несомненно, самая унижительная и отвратительная часть развертывающейся ныне страшной страницы в истории нашего края. Руководство фашистского движения одновременно является трибуналом. Оно производит обследование, касающееся частной жизни и политической деятельности всех граждан, и выносит приговоры, которые становятся известны лишь тогда, когда они приводятся в исполнение. Такому-то, который столько-то лет назад сказал такую-то фразу, 6 палочных ударов. Другому, на таком-то основании (а любая клевета, любое измышление или преувеличение является подходящим основанием) — 8, 10, 12 ударов. Исполнение этого приговора поручается специальным сквадрам, которые знают также, по какому месту они должны бить приговоренного: если он молод — по голове, если пожилой — по спине и груди.

Разумеется, фашистское движение организовано по-военному, со штабом, который часто помещается в гостинице или в доме, любезно предоставленном каким-нибудь аграрием, — с очередностью дежурств, обходов, действий. Когда темнеет, фашисты отправляют народ домой. Они не хотят, чтобы люди ходили туда и сюда. И так как те, кого намечено избить, остаются вне селения, фашисты до рассвета сторожат вход в него, обыскивая всех проходящих и спрашивая у них, с какой целью они идут.

Какие-либо собрания или даже беседы, конечно, невозможны. Каждый замкнулся в самом себе — дома или на работе — в ожидании, что режиму террора наступит конец. Единственным утешением социалистов были газеты, но когда прибывает корреспонденция, фашисты устраивают пикет перед почтовой конторой, следят за почтальоном при распределении почты и, если видят, что кому-нибудь вручают «Аванти» или «Джуститиа», отбирают их у получателя, говоря: «Вы не должны читать эти газеты. Сегодня мы позаботимся о том, чтобы отправить их назад, но будет хорошо, если вы сообщите редакции, чтобы их больше не присылали!»

Описав некоторые случаи опустошений большого масштаба, совершенных фашистами, особенно в городах, авторы доклада продолжают:

«В городе Реджо эти действия фашистов объясняются той деятельностью, которую развернули социалисты для защиты потребителей. Муниципальная аптека, объединившая все аптеки города, вызвала неукротимую ненависть... Муниципализация аптечного дела разорвала тонкие нити... связывавшие медиков и фармацевтов «узами братства» ... мельница и макаронный завод, муниципальная хлебопекарня ударили по частным торговцам; точно так же Управление продовольственным снабжением задевало интересы многих трактирщиков, владельцев гостиниц, коммерсантов, спекулянтов и т. д. Это новое общество производителей, создающих и распределяющих продукты, возникает в противовес миру старых интересов, и можно себе представить, какое удовольствие испытывают все эти люди, видя своих сыновей действующими под знаменем фашизма!»

Помимо этого описания, публикация содержит весьма обширную документацию о действиях фашистов в этот первый период сквадризма во всех частях Италии. Прежде всего там имеется речь, произнесенная Маттеоти в палате депутатов 10 марта 1921 года о насилиях, совершенных в провинции Ровиго аграриями-фашистами при поддержке полицейских сил, судебных властей и т. д.: 28 марта истек срок сельскохозяйственных договоров, речь шла о том, чтобы не допустить их возобновления, следовательно, необходимо было разгромить к тому времени профсоюзные организации и биржи труда; Палата труда Ровиго, опустошенная и разгромленная, самораспустилась в начале апреля.

Кроме того, имеется документация о террористических насилиях во время джолиттианских выборов 1921 года: в области Венето, в Беллуно например, фашисты впервые начинают действовать в период избирательной кампании; заслугу в этом деле следует приписать Джолитти, крупнейшему представителю правящих либерально-демократических кругов.

В Ферраре фашисты организовали в ноябре 1920 года с целью борьбы против крестьянских организаций и ликвидации договора 6 марта о биржах труда.

И сообщения следуют одно за другим, похожие одно на другое, из разных провинций — из Пармы, Пиаченцы, а затем из провинций пьемонтских, ломбардских, апулийских и сицилийских. Это длинный список убийств,

нападений, поджогов, разрушений, опустошений, вторжений, карательных экспедиций, часто организуемых таким образом, чтобы фашисты получили возможность совершить те действия, которые они обязались выполнить по случаю освящения фашистского знамени.

Все это всегда было тесно связано или с предстоящими выборами, или с конкретным случаем экономической борьбы.

Так, в Тортоне «в некоторых коммунах, например в Каstellнуово Скривии, которая долгое время управлялась господчиками и в результате муниципальных выборов была отнята у них социалистами и коммунистами, группы буржуа организовали после выборов первые нападения на наших товарищей; произошли мелкие стычки между социалистами и буржуа, принадлежавшими к конституционным и либеральным партиям. Эти партии не могли примириться с исходом выборов».

Другой типичный случай произошел близ Мантуи «В Сан-Джованни дель Доссо без всякого на то повода фашисты ворвались в помещения профсоюзных лиг и разгромили их. С этого дня установилась новая жизнь. Заработная плата была уменьшена, а рабочий день увеличен с 8 до 10 часов».

В Остилье руководство фаши просто направило правлению процветавшего Потребительского и сельскохозяйственного кооператива (который приобрел один из самых красивых домов городка, открыв там элегантнейшее кафе, может быть, лучшее место для встреч во всем городке) письмо, составленное в следующих решительных выражениях: «Правлению кооператива предлагается ликвидировать свое имущество и продать свою недвижимость до конца мая, поскольку владельцы кафе имеют право заниматься своим делом и не должны терпеть убытки из-за кооператива».

В Марцано (Павия) сельские хозяева уменьшили оплату вопреки соглашению, заключенному между Федерацией крестьян и Ассоциацией сельских хозяев *. Следствием этого явилась забастовка. В селение прибыл грузовик с карабинерами, возглавляемыми капралом и полицейским комиссаром. Этот последний созвал комиссию и приказал дать согласие на разрыв соглашения, угро-

* Ассоциация сельских хозяев — организация помещиков и аграриев данной провинции. — *Прим. перев.*

жая, кроме того, арестовать тех, кто попытается помешать осуществлению «свободы труда». Тем временем прибыли три грузовика с фашистами, которые начали обычную террористическую деятельность, в то время как карабинеры угрожали крестьянам пустить в ход оружие, если они посмеют вмешаться. Наконец комиссар возобновил переговоры, исключив, однако, из комиссии самого энергичного представителя и угрожая принять «соответствующие меры», если соглашение не будет достигнуто, и в этой атмосфере запугивания соглашение, конечно, было заключено.

Социалистическая организация, направившая сообщение об этом, комментирует его следующим образом: «Необходимо заметить, что все акты фашистского бандитизма, которые мы перечислили, ни в коей мере не были вызваны несдержанностью со стороны отдельных товарищей или организаций. Известны традиции гуманности и уважения к закону, отличающие социалистов Павии... У нас, как и в некоторых других краях Италии, так называемый максимализм не имел успеха, об этом свидетельствует сплоченность, с которой наши секции голосовали на съезде в Болонье за резолюцию Ладзари, и то, что после раскола партии коммунисты нашли в нашей провинции незначительное число последователей. Фашисты хотели уничтожить у нас не «разрушительное безумие большевизма», а изумительное сооружение, которое трудящиеся Павии создавали в течение тридцати лет ценой упорного труда и жертв во имя своего освобождения и построения нового мира цивилизации и справедливости».

В Бусто-Арсизио фашо некоторое время существовало, никого не беспокоя. В один прекрасный день его председатель вышел в отставку, разоблачив в открытом письме группу членов, готовых принять деньги от промышленников, и заявив, что ему лично претят подобные методы борьбы, которые идут вразрез с его совестью. Прошло немного времени, и стало ясно, что предложения промышленников приняты. Некоторые лица, находившиеся без работы, оказались на жалованье у фашо. Вскоре после этого начались обычные инциденты, причем некоторые были весьма серьезны.

В Апулии фашизм проявлял в этот период особенную активность в районе Фоджи — Барлетты: в Чериньоле,

Гравине, Спинаццоле, Андрии, Минервино-Мурдже — одним словом, в том районе, где было много батраков и существовали сильные профсоюзные организации. Здесь создается та же ситуация, что и в Эмилии. Боевые кадры фашизм вербовал среди «мащъери», давно уже ставших орудием аграрного консерватизма. Как и везде, фашисты действовали в союзе с карабинерами, и, может быть, даже в еще более тесном, чем обычно (если это вообще возможно). Часто их штаб-квартирой являлось местное отделение карабинеров. Муниципалитеты, в течение двадцати лет находившиеся в руках социалистов, были принуждены выйти в отставку. В период выборов случаи насилия еще участились. Список блока, в котором участвовали и который с помощью сквадризма поддерживали фашисты, возглавлялся Антонио Саландра; за ним следовали латифундисты Эулженио Манри Антонио Де Туллио, Риккардо Чечи, Доменико Спада и другие.

Подходя к событиям с исторической точки зрения. Гуидо Дорсо определил то, что происходило на Юге, тот план консервативных кругов, который претворялся в жизнь в указанных нами событиях, следующим образом:

«Воссоздать джолиттианство на других, более современных основах, придать национализму демагогическую окраску и восстановить с помощью народных сил блок тех групп, интересы которых находятся под угрозой»¹.

Наконец, в Сицилии фашистский мятеж начался, как всегда, в самом сильном опорном пункте социалистов, в Виттории (около Сиракуз), где социалистическая секция существовала с 1899 года, причем никогда не было никаких инцидентов или арестов. В ноябре 1920 года социалисты добились большого успеха: на муниципальных выборах они завоевали муниципалитет, собрав 4 тысячи голосов против 3 тысяч, поданных за буржуазную коалицию. Тогда и началось наступление реакции. На майских выборах 1921 года карабинеры и «мащъери» заставляли избирателей голосовать открыто, не заходя в кабинку, и, конечно, победил фашистский список во главе с Ломбардо Пеллегрини. В Аугусте повторилось то же самое.

¹ Guido Dorso, *Dittatura, classe politica e classe dirigente*, p. 36. Полезно также ознакомиться с характеристикой фашизма на Юге у G. De Falco, *op. cit.*, p. 17—20.

После победы на парламентских выборах консервативно-фашистского блока члены социалистических муниципалитетов вынуждены были выйти в отставку. То же самое произошло в Комизо: победа социалистов на муниципальных выборах 1920 года, победа фашистов на выборах в парламент в 1921 году; во главе списка стоял демократ Финоккьяро Априле.

В Рагузе произошел более серьезный инцидент — резня 9 апреля 1921 года: трое убитых и 60 раненых среди трудящихся. Группа погромщиков во главе с банкиром Филиппо Пеннавариа (который впоследствии стал фашистским бонзой и дипломатом) была окружена карабинерами, но через несколько часов всех их выпустили. Пеннавариа удалось добиться своего избрания на выборах.

В Модике (60 тысяч жителей) 18 апреля 1921 года после прибытия усиленных нарядов королевской гвардии и карабинеров начались фашистские погромы в зданиях муниципалитета, социалистических кружков и лиг, в домах мэра, муниципальных советников и левых депутатов. Все это совершалось глубокой ночью. Когда наступал день, фашисты собирались под окнами вице-префекта, который появлялся на балконе и произносил речь, выражая радость по поводу действий сквадристов. Полицейский комиссар был одним из главарей местных фашистов. Была сделана попытка обратить на этот скандальный случай внимание помощника министра внутренних дел Коррадини, но он являлся душой подобных союзов и, естественно, ни в коем случае не желал вмешиваться.

* * *

Пассивное или активное пособничество государственных властей все усиливавшимся разрушительным и захватническим действиям фашистов уже в то время показало тем, кто не желал закрывать глаза, что это государство было государством классовым, а не либеральным или, если быть более точным, что либеральная форма государства — это та форма, которая более выгодна буржуазии с точки зрения ее классовых интересов, но последняя склонна отказаться от нее, когда эта форма становится неудобной или опасной. Именно таковой сочла ее

буржуазия после первой мировой войны, сплотившись под знаменем реакции и вручив свою судьбу фашизму¹.

Это классовое государство «приходит в крайнее волнение и принимает меры, вызывая ко всем абстрактным принципам морали и справедливости, лишь тогда, когда нарушение или кажущееся нарушение этих принципов наносит ущерб элементам, входящим в состав или охраняющим это государство, а также привилегированным, обладающим богатством и властью; оно приходит в волнение лишь тогда, когда пострадавшие прямо или косвенно являются составной частью его политических или представительных органов, даже если они случайно оказываются социалистами; оно приходит в волнение и в том случае, если насилие осуществляется неумело, что способно породить худшие беды, опасные для самого государства. В других же случаях оно ничего не знает и не замечает»².

¹ «Те либералы, а их очень немного, которые глубоко чувствуют революционное значение принципов, коим либерализм обязан своим возникновением и существованием, должны убедиться, что нельзя отождествлять буржуазию, понимаемую как класс, с либерализмом, понимаемым как политическая партия. Либерализм есть отрицание догм и привилегий. Он начинается с отрицания бога и кончается отрицанием собственности. Если в прошлом либерализм прилагал все старания для утверждения личности путем обеспечения для всех гражданского равенства и свобод, общественных и личных, то сегодня либерализм должен возобновить свою работу, обратившись к широкому организованному массам и перенеся свою критику с политической почвы на экономическую. Гражданская свобода не терпит экономического рабства. Социализация средств производства есть крайний вывод из посылок свободы. Новое доказательство правильности этого утверждения явил нам фашизм. Добившись легальным путем политических и гражданских свобод, рабочие и немущие классы неизбежно стремятся к распространению своего господства на область экономики. В этот момент господствующие классы, которые, казалось, уснули, поднимают бунт и отказываются от самих политических свобод». Этот отрывок написан в мае 1923 года не каким-нибудь социалистом, а писателем, который был тогда либералом,—М. Миссироли (M. Missiroli, *Una battaglia perduta*, p. 380).

² Так пишет Л. Фаббри (L. Fabbrì, *op. cit.*, p. 81), который в свете дальнейших событий кажется нам еще слишком оптимистичным! Подобные же соображения можно высказать и в связи с частным вопросом о «бойкоте», направленном против профсоюзных штрейкбрехеров или собственников, не выполняющих соглашений, который так усиленно дебатировался в период после первой мировой войны. «Двадцать лет назад,—заявил аттеотти в парламенте 31 января 1921 года, обращаясь к буржуазным депутатам,—бойкоту подвергались отдельные семьи тружеников, и эти семьи были обречены на гибель, так как не

Артуро Лабриола писал¹: «Органическая реакционность наших официальных политических сфер... легко дополнялась тревогой класса, ставшего свидетелем явления, затрагивавшего его интересы и угрожавшего ему,— социалистического движения, которое пробуждало в сельском и городском плебсе чувство человеческого достоинства. Когда социалистическое движение выросло, на него стали смотреть с почтительным страхом, иногда заискивали перед ним, но всегда ненавидели и считали пагубным. И в глазах всех — от крайне правых до левых, даже наиболее близких к крайне левой, социализм стал врагом... Форма, в которую облеклась реакция, была патриотической и национальной; многие, даже среди первых фашистов, так понимали это движение и так интерпретировали его на практике; по своему же существу оно было классовым и определялось жесткими рамками интересов хозяев. Конкретно речь шла о том, чтобы унижить и обуздать ставших невыносимыми мужланов и их вожakov, заважничавших и заживших более или менее обеспеченной жизнью. Но когда оказалось, что эти люди ничего не предпринимают для своей защиты, что при первом нападении они рассеиваются, подобно стае птичек, испуганных помахиванием рук пугала из тряпок и дощечек, связанных между собой, то вся сдерживаемая социальная злоба имущего класса бурно, с италийским неистовством прорвалась наружу и все яростно ринулись штурмовать раскрашенные и оштукатуренные бастилии

могли работать и жить; двадцать лет назад наши трудящиеся эмигрировали толпами из Полезине и уезжали за границу, так как ваши аграрии, отсталые по части культуры, воспитания и сельскохозяйственного производства, не хотели предоставить им работу. Тогда бойкот был дозволенным оружием, ибо существующая в государстве экономическая свобода позволяла хозяину отказывать крестьянину в заработной плате и ежедневной работе, но не желает сейчас позволить крестьянину отказать в своем труде хозяину!» См. также М. Missiroli, *Il fascismo e la crisi italiana*, p. 24—28 и G. Zibordi, *op. cit.*, p. 29—33; этот последний вспоминает о бойкоте, организованном буржуазией против «горячих голов», ставших объектом преследования «тройственного союза — священника, собственника и бригадира carabinieri».

¹ А. Labriola, *Polemica antifascista*, Napoli, Ceccoli, 1925, p. 22—23. Следует отметить, однако, что реакция не была «пугалом из тряпок и дощечек, связанных между собой», ибо ее лагерь составляли самые могущественные аграрные, промышленные, банковские и финансовые капиталистические круги страны.

социалистического могущества — смехотворную бутафорию, не оказавшую даже того сопротивления, какое могла оказать бумага, из которой она была сделана. Реставрация господства аграриев и капиталистов под аккомпанемент патриотической литературы в стиле Д'Аннунцио и шумовых эффектов Маринетти — вот что такое фашизм».

Фаббри рисует несколько более детальную картину: стремление «помешать движению пролетариата вперед, подорвать его политическое могущество, сломить его растущую силу в экономической области» «объединяет всех — фашистов, состоящих в партии, и лиц, симпатизирующих фашистам, фашистов по своим наклонностям; аграриев долины По, Венето и Апулии и сицилийских латифундистов; паразитов — крупных банкиров и биржевиков — и промышленников, нуждающихся в государственном покровительстве; заплесневевших безработных политиканов и журналистов без идеалов; домовладельцев, жаждущих повысить квартирную плату, и акул, не желающих платить налог на военные сверхприбыли и страшущихся введения именных ценных бумаг; тех, кто боится революции, и тех, кому даже реформизм намозолил глаза»¹.

«Из этого положения, — отмечал также Фаббри, — из стихийного образования настоящего консервативного блока извлекают выгоду, конечно, старые партии, консервативные по названию и по своим традициям, влияние которых вновь достигает своего апогея. Фашизм является в некотором роде знаменосцем для всех, и ему оказывают хороший прием, с ним всюду заигрывают... Настоящие фашисты, со значком в петлице, были сравнительно немногочисленны; но солидарность, прямая и косвенная поддержка, плохо замаскированное сообщничество самых разнообразных сил социального консерватизма делают их сильными»².

Мощным толчком, ускорившим организацию и выход на арену борьбы этих сил, послужили действия двух конфедераций капиталистов — промышленников и аграриев, основанных соответственно 7 марта и 18 августа

¹ L. F a b b r i, *op. cit.*, p. 52—53.

² Там же, стр. 12.

1920 года. Как пишет историк партии «пополяри»¹, «уже (в сентябре) они добивались кристаллизации всех сил сопротивления, дабы эта иллюзорная победа пролетариата стала напрасной». В 1921 году произошли «столкновения, явившиеся первым проявлением аграрной реакции, получившей свое дальнейшее развитие на конгрессе сельских хозяев (осенью того же года), который показал определенную ориентацию класса сельскохозяйственных капиталистов на фашизм и открытое превращение этого последнего, бывшего до этого городским явлением мелкобуржуазного и умеренно-демагогического характера, в орудие репрессивной политики сельскохозяйственных капиталистов». Кроме того, «арбитраж Бьянки» в январе 1922 года относительно доли хозяина и исполщика при дележе продукции не был принят аграриями и вызвал массовый переход последних на сторону фашизма.

Подводя итоги, мы можем вместе с Оливьеро Зуккарини² сказать: «Появление фашизма не означало заметных изменений в положении преобладающих политических групп, скорее оно означало заострение этих групп, замкнувшихся в самих себе, желание создать более прочные гарантии сохранения своих привилегированных позиций путем исключения все более многообразных аспектов и интересов, настоятельно требующих к себе внимания»³.

¹ Stefano Jacini, Storia del Partito popolare italiano, Milano, Garzanti, 1951, p. 82, 87, 89.

² Oliviero Zuccharini, Esperienze e soluzioni. Stato liberale, Stato fascista, Stato repubblicano, Roma, Edizioni di «Critica Politica», 1944 (2^a edizione), p. 100.

³ В экономической политике фашизма, отмечает также Артуро Лабриола в цитированной книге «Антифашистская полемика» (Arturo Labriola, Polemica antifascista, p. 137), «под классом (буржуазным) понимаются лица, обладающие в данное время некоторыми таможенными, банковскими и промышленными привилегиями. Эта политика имеет целью упрочение привилегий, а вовсе не создание условий для общего процветания; и задерживается она установлением над всем буржуазным классом господства узкой группы олигархов, сложившейся в области банковского дела и экспорта капитала — двухсот или трехсот лиц, самое большее, а возможно, и еще меньше».

В фашистской публицистике отношения между либерализмом и фашизмом поставлены на голову; она стремится создать впечатление, что фашизм спасает буржуазное общество от революционной опасности вопреки либеральным кругам, якобы сотрудничающим с пролетариатом, тогда как именно эти круги вызывают к жизни и питают фашизм, чтобы

Те самые политические деятели, которым надлежало явить доказательство своих самых высоких либеральных и демократических добродетелей, показали на деле (казалось, что решался только вопрос политического достоинства, но в большинстве случаев это был также вопрос личной порядочности), что и они являются носителями только классовых добродетелей: в момент опасности ни один из них не остался верен принципам либерализма и демократии и все (кроме редчайших, достойных уважения исключений) или призывали, или поддерживали, или терпели фашизм.

На рассвете 28 октября 1922 года король Виктор Эммануил III отказался подписать декрет об осадном положении, представленный ему председателем совета министров Факта и уже разосланный для исполнения. Трудно сказать, о чем говорили эти два человека в то утро, однако несомненно одно: двор был одной из главных сил, способствовавших тому, что послевоенный кризис разрешился приходом фашизма к власти. Но и гипотеза, которая была выдвинута в свое время и согласно которой Факта так слабо убеждал короля подписать декрет, что последний понял это как поощрение к отказу от подписи, отнюдь не кажется смелой, если, помимо прецедентов, вспомнить о том, что Факта рассчитывал сразу же после этого отказа достигнуть соглашения с

спасти самих себя в качестве буржуазных сил. В качестве примера такого искажения см. Camillo Pellizzi, *Fascismo-Aristocrazia*, Milano, Alpes, 1925, p. 55. В некоторых же случаях доходят до прямого извращения социально-политической действительности, дабы изобразить фашизм революционным движением. Пример тому Пьетро Горголини, который в книге «Фашизм в жизни Италии» (Pietro Gorgolini, *Il fascismo nella vita italiana*, Torino, Edizioni «Italianissima», 1922 [gen], p. 135) пишет: капиталистическая буржуазия «безусловно способна с помощью насильственного государственного переворота уничтожить конституционные свободы и круто повернуть руль, чтобы решительно направить государственный корабль к анахронистическим реакционным берегам. Это факт, что сейчас легальность ее убивает». Здесь подразумевается, что государственный переворот будет совершен в антифашистских целях, дабы воспрепятствовать социальной революции, которую якобы несет с собой фашизм!

Муссолини относительно совместного формирования правительства¹.

Разумеется, Муссолини отбросил Факта прочь, как он сделал это ранее с Джолитти, получив от последнего оружие, и с Нитти, после того как скомпрометировал его, как он сделал это затем с Саландра, которому король вначале собирался поручить формирование нового правительства, поделив власть между ним и главой фашистов. Заметим здесь, между прочим, что обращение к старому «либеральному» реакционеру свидетельствует о том, что, оказывая поддержку фашизму, двор намерен был прежде всего спасти режим и рассматривал либерального деятеля и деятеля фашистского под одним и тем же углом зрения. Как бы то ни было, преемственная связь между старым и новым режимом не была нарушена, и первый кабинет Муссолини был коалиционным правительством с участием либералов, демократов, пополяри и независимых.

Но возвратимся к 28 октября 1922 года. Ситуация была такова: мобилизованных фашистов было около 50 тысяч, а в одной только столице насчитывалось 12 тысяч солдат². С этими регулярными частями было бы нетрудно подавить мятеж, поднятый людьми, привыкшими за эти три года побеждать с помощью карабинеров.

Но Виктор Эммануил был озабочен соображениями не только общего, но и семейного характера: его кузен герцог д'Аоста находился в Беванья, недалеко от Перуджи (невзирая на то, что никакие дела службы его туда

¹ См. C. Sforza, op. cit., p. 332—333. Луиджи Стврцо добавляет, что в ночь на 28 октября Факта послал к нему министра Аниле, чтобы узнать, будет ли партия «пополяри» поддерживать осадное положение, и получил от него утвердительный ответ [см. статью, озаглавленную «Заблаговременное оправдание второго похода на Рим» («Giustificazione preventiva della seconda Marcia su Roma»), опубликованную в римской газете «Пополо» 25 января 1949 года]. Позиция, которую занял Факта в период фашизма, подтверждает подозрения относительно его поведения во время «похода на Рим»: 18 сентября 1924 года (после убийства Маттеотти и до государственного переворота 3 января 1925 года) парламентарий-джолиттианец принял от Муссолини назначение в сенаторы, являвшееся наградой за его соучастие. Факта умер в Пинероло 13 ноября 1930 года. (См. Paolo Tosel, Luigi Fatta, Torino, sett. 1955.) Обо всем этом более подробно говорится в статье о втором кабинете Факта, включенной в настоящий сборник.

² См. Gaetano Salvemini, Anniversario, «Ponte», novembre 1948.

не призывали), где квадрумвиры* устроили свою штаб-квартиру, чтобы руководить «походом на Рим»; он готов был решиться на попытку узурпации, если бы король воспротивился фашистскому государственному перевороту¹. Кроме того, советниками короля в этой чрезвычайной обстановке были генерал Диас, адмирал Таон ди Ревель, генерал Читтадини, Федерцони, то есть крупнейшие столпы милитаризма и национализма, которые все уже стали убежденными поклонниками фашизма.

О том, сколь велика была трусость правящего класса, подготовившего и обеспечившего из ненависти к социализму победу фашизма, свидетельствуют парламентские прения, развернувшиеся 16 ноября 1922 года в палате депутатов, когда Муссолини в качестве главы правительства вновь открыл ее заседания, бросив в лицо ее депутатам знаменитую фразу, прозвучавшую как пощечина: «Я мог бы превратить эту тупую и бесцветную палату в солдатский бивак!» Дважды прозвучавший в этот момент клич «Да здравствует парламент!» исходил не со скамей либералов и демократов, а со скамей социалистов. Модильяни несколько раз предлагал Джолитти поднять свой голос в защиту парламента, которому Муссолини нанес оскорбление, но последний отказался, повторяя каждый раз: «Я полностью одобряю речь председателя совета министров»².

* Квадрумвиры — четверка фашистских главарей (Бальбо, Бьянки, Де Боно и Де Векки), руководивших «походом на Рим». — *Прим. перев.*

¹ Стефано Ячини (Stefano Jacini, *Il regime fascista*, Milano, Garzanti, 1947, p. 53) пишет: «Пособничество фашизму, оставшееся платоническим у королевы-матери с ее глубоко реакционным мышлением, приняло более конкретные формы у бывшего командующего третьей армией, уже давно обольщенного риторикой Д'Аннунцио; это соучастие недавно отрицал, по весьма достойным соображениям фамильного приетета, ныне здравствующий брат герцога, но тем не менее автору этих строк это достоверно известно. Подготовительные операции проводились, если не ошибаюсь, в августе 1922 года; они получили одобрение некоторых высших офицеров армии, и король знал об этом». Ф. С. Нитти с авторитетностью, ибо он в это время занимал пост председателя совета министров, утверждает («Rivelazioni», p. 459), что с начала 1921 года герцог д'Аоста лелеял мысль возглавить государственный переворот, который привел бы к ликвидации партий и установлению абсолютной монархии; тогда, однако, все это было бы совершено в пользу Виктора Эммануила III, который отказался, опасаясь стать пленником своего кузена.

² «Il Secolo» del 17 novembre 1922.

Клич Модильяни «Да здравствует парламент!» относился, конечно, к институту, а не к людям, которые в это время входили в состав парламента. Что представляли собой выступления ораторов? Наслаждение сервиллизмом у либералов и демократов, слабые оговорки у пополяри и недвусмысленная непримиримая отповедь со стороны классовой оппозиции — социалистов и коммунистов.

Као, депутат от сардинской «партии действия», первый оратор, записавшийся в прениях, закончил свою речь следующим образом: «Синьор Муссолини! Да здравствует конституция, да здравствует свобода, да здравствует народный суверенитет, который нельзя уничтожить!»

Потом взял слово Турати: «Итальянский парламент перестал существовать», все рабские поклоны правящих либеральных и демократических кругов окажутся бесполезными, ибо, невзирая на оказанные ими услуги, фашизм всех их выметет вон; «ваш пресловутый государственный переворот совершился не в эти последние дни, как кажется глупцам; он совершился уже давно... В тот день, когда сначала г-н Джолитти, а затем — увы! — г-н Бономи и, наконец, г-н Факта отреклись в пользу ваших банд от самого грозного права суверенной власти — права карать и допустили создание частной армии наряду и в противовес (или в качестве дополнения) армии национальной — в этот день ваш государственный переворот уже совершился в потенции». И далее: «Это Конфедерация крупных промышленников дала вам программу... Вы продадите всю Италию крупным промышленникам». И еще: «Или вы будете синдикалистами и снова будете сторонниками той классовой борьбы, которую вы так проклинаете и которая является необходимым и разумным двигателем всякого исторического прогресса, и плутократия выступит против вас; или вы будете орудием плутократии и потеряете расположение масс, которые разочаруются в людях, на словах исповедующих синдикализм, а на деле предающих его»¹.

¹ Насколько обоснованным оказалось это второе предположение, знают по личному опыту все те добросовестно заблуждавшиеся фашисты, которые попытались на самом деле развернуть профсоюзную работу, но были потихоньку отстранены фашистскими властями. По этому вопросу полезно прочесть автобиографию Руджеро Дзангранди (Ruggiero Zangrandi, *Il lungo viaggio*, Torino, Einaudi, 1948), которая представляет собой интересный документ.

Добившись полновластия, фашисты были озабочены созданием угодной им обстановки в парламенте, ибо, как отмечал Ферреро¹, заткнув рот парламенту, «новое правительство является теперь пленником средних классов и крупных финансистов, которые помогли ему захватить власть и которые ему необходимы, чтобы ее сохранить. Крупная финансовая буржуазия — это сводница, обеспечивающая правительству благосклонность печати: услуга эта имеет для него жизненно важное значение, ибо правительство, хотя и не боится больше парламента, дрожит перед общественным мнением так, как никогда не дрожало ни одно правительство».

Так родилась чрезвычайная избирательная реформа, носящая имя одного из крупных фашистских бонз — Ачербо, на основании которой список, собравший относительное большинство голосов, получал две трети мест: это означало, что список, собравший 25 процентов голосов, мог получить 66 процентов мест!

Закон был принят палатой депутатов² в исключительных условиях морального и политического принуждения; были мобилизованы все средства: фашистская милиция (антиконституционная армия, поскольку она подчинялась приказам одной партии) была переведена на военное положение; новая волна сквадристского террора, который на сей раз получил и официальную поддержку государственной власти, прокатилась по всей Италии. По-прежнему либералы и демократы (Джолитти, Саландра, Бономи, Орландо, Кроче) продолжали оказывать поддержку фашизму; немногие же отошедшие от него придерживались, однако, своего старого убеждения, согласно которому «либеральное возрождение возможно [говоря словами Сальваторелли, который выступал тогда с очень резкой критикой]³ и без организации народных масс и укрепления их мощи», и тем самым обрекали на неудачу любое сопротивление. Даже те из старых политических деятелей, которые менее других сочувствовали

¹ Ферреро, *op. cit.*, p. 101.

² Он был принят 235 голосами против 139 при 77 воздержавшихся. В числе голосовавших «за» были Орландо, Черабона, Гаспаротто, Эмануэле Финоккьяро Априле.

³ См. Nino Valeri, *La lotta politica in Italia*, Firenze, Le Monnier, 1946, p. 504.

фашистам, отказались по тем же причинам встать на путь антифашистской борьбы.

Типичным для этой последней категории политических деятелей было поведение Нитти. 23 апреля 1923 года из Акуафредды, куда он удалился, и не только на летние месяцы и время парламентских каникул, он так ответил Амендола, призывавшему его к совместным действиям в парламенте против фашизма¹:

«Я искренне высказал Вам в письме свою мысль: необходимо, чтобы фашистский эксперимент совершался без помех; с нашей стороны не должно быть никакой оппозиции. Я не могу примкнуть к фашизму, но я не хочу и препятствовать ему. Я более чем когда-либо убежден, что вне моей программы нет спасения; но, оставаясь при этом убеждении, которое озаряет мое одиночество, я не хочу больше ничего предпринимать... Факты должны показать, на чьей стороне правота. Мы при всех обстоятельствах останемся в выигрыше, если не будем принимать участие в конфликте... Если эксперимент не удастся, никто не сможет сказать, что в неудаче повинны мы или хотя бы что мы чинили препятствия. Если же он удастся, все должно будет вернуться к нормальному положению и к конституционным порядкам (это единственное, чего я желаю), и тем самым фашисты окажут нам услугу».

Нитти, следовательно, также считал, что фашизм является полезным орудием антисоциалистической борьбы и что, «оказав им услугу», он вновь передаст Италию в руки «конституционных политиков» (занимавших в это время позицию наблюдателей).

В письме далее говорилось: «Но страна слишком взбудоражена и не нуждается в новых потрясениях. Нам не следовало бы давать даже видимости повода думать об оппозиции с нашей стороны. К сожалению, неминуемо наступят смутные времена... Тем более мы должны избегать того, чтобы нам приписали какую-либо ответственность».

В этой обстановке, когда не было никого, кто должен был бы и мог бы сопротивляться, фашизм спровоцировал вмешательство Ватикана — силы, которая еще в

¹ Это письмо Нитти и некоторые другие письма, относящиеся к тому же периоду, были впервые опубликованы мною в «Италия либера» 24 мая 1946 года.

первые годы текущего века превратилась из злейшего врага режима в его важнейший оплот. Это было грубое вмешательство; фашисты шантажировали Ватикан, заявляя, что если они не добьются желаемого, то против церкви поднимется волна насилий¹, а Ватикан утешался тем, что шантажировал партию «пополяри» (если она не будет поддерживать фашистскую избирательную реформу, то Ватикан от нее отречется). Это малоизвестный, но оттого не менее достоверный эпизод нашей истории недавнего времени. Авторитетное свидетельство о нем оставили нам пополяри Ячини и Стурцо. Именно тогда Стурцо вынужден был оставить пост секретаря партии, который перешел к менее решительному антифашисту, человеку, более склонному к компромиссу,— Альчиде Де Гасперии².

¹ См., например, статью, опубликованную Б. Муссолини в «Пополо д'Италия» 27 июля 1922 года, в настоящее время перепечатанную в книге G. D o r s o, Mussolini alla conquista del potere, Torino, Einaudi, 1949, p. 251.

² С. Ячини (S. J a c i n i, Il regime fascista, p. 35—36; см. также его работу «Storia del Partito popolare italiano», p. 183 sgg.) пишет: «Как конституционные партии решились проголосовать за него (закон Ачербо) или как пополяри решились воздержаться, когда решался вопрос о переходе к постатейному голосованию (июль 1923 года),— остается тайной. Кроме угроз и лести, объяснение происшедшему можно найти только в некоторых темных маневрах агентов-provokatorov, которые посеяли рознь в недрах соответствующих партий и помешали свободному развитию борьбы мнений, в маневрах, обнаружившихся в ходе самой дискуссии, когда некоторые элементы, которые только что внутри групп выступали в пользу законопроекта, официально отмежевывались от него во время дискуссии». Все обстоятельства дела в том, что касается пополяри, подробно объясняет Артуро Карло Йемоло (A r t u r o C a r l o J e m o l o, Stato e Chiesa in Italia negli ultimi cento anni, Torino, Einaudi, 1948, p. 606—607), который делает следующий вывод: «Если до тех пор кое-кто не понимал тайной мысли Ватикана, то теперь все знали, что партия «пополяри», несмотря на все официальные заявления о нейтралитете, рассматривается как препятствие, мешающее защите католических интересов». Это подтверждает главный герой этих событий Луиджи Стурцо, который рассказывает о них в книге «Италия и фашизм» (L u i g i S t u r z o, Italy and Fascism, London, 1926, p. 137). В другой книге («Popolarismo e fascismo», p. 222) Стурцо пишет по поводу этих событий: «Обратите внимание на странную судьбу этих известнейших знатоков права, профессоров и государственных советников,— таких, как Саландра, Орландо, Перла [председатель государственного совета и председатель сенатской комиссии по изучению закона Ачербо.— П. А.] и Моска [Гастано]. Будучи либералами самой чистой формации, а Орландо к тому же чистокровным демократом, они вынуждены зачеркнуть свое прошлое, объявить о банкротстве либерализма, фальсифицировать историю публичного права,

Такова была обстановка, когда осложнения, связанные с принятием избирательной реформы, остались позади и дело подошло к выборам 1924 года, для проведения которых Конфиндустрия передала фашистской партии 25 миллионов лир, что составляло примерно 1250 миллионов нынешних лир. Выборы не были свободным соревнованием: это была кампания запугиваний и насилий, торжество дубинки, касторки и револьвера. Даже либералы и демократы, сочувствовавшие фашистам, не могли выступить публично, если они не входили

провозгласить догмат о праве меньшинства, опирающегося на насилие, и в конце концов прийти к созданию правительства, которое не является больше ни королевским правительством, ни правительством народа, но правительством господствующей политической группировки, облаченной в легальные одежды псевдобольшинства. И эти люди, убежденные поборники монархического начала в конституции итальянского государства, вынуждены против воли сотрудничать в деле создания инструмента, с помощью которого правительство ограничит действия этой самой монархии, которая отныне не сможет разрешить ни конфликт между правительством и королем, апеллируя к выборной палате депутатов, включающей 356 избранных палачо Виминале [дворец, где помещается правительство. — *Прим. перев.*], ни конфликт между королем и парламентом, апеллируя к стране, которая будет иметь к этому весьма мало отношения, поскольку сможет избирать лишь каких-нибудь 179 депутатов меньшинства».

Воспроизводя свое оппозиционное выступление в палате от 12 июля 1923 года, которое все время прерывал Франческо Джунта, Джованни Амендола также отметил: «Эта попытка закончилась неудачно из-за поддержки, оказанной [фашизму] старыми либералами конституционных партий, и из-за кризиса, возникшего внутри партии «пополари» вследствие позиции Ватикана» (op. cit., p. 182). По вопросу о роли монархии Амендола пишет следующее: «Обращает на себя внимание ненормальное и не приносящее никакой пользы положение королевской власти: или она власть, которой принадлежит роль арбитра между партиями, между политическими силами, существующими в стране, и тогда она имеет возможность проявлять инициативу, а также осуществлять вмешательство, пользуясь конституционными каналами, или же она больше не является таким арбитром (а она перестает им быть в тот момент, когда палата отождествляется с постоянным большинством, ибо это отнимает у страны и передает самому правительству право выбора определенного курса на весь срок полномочий парламента), и тогда, поскольку ее конституционная деятельность по разрешению конфликтов между партиями не является больше необходимой и возможной, она превращается в символ, в бесполезную фикцию, в геральдическое украшение государства». Тот же самый вопрос имел в виду А. Грамши, когда он писал в «Ордине нуово» в конце 1921 года (см. N. Valeri, op. cit., p. 517): «Правительство представляет монарха в национальном парламенте, правительство даже несет ответственность за действия монарха перед национальным парламентом и перед народом. Если правительство допускает безнаказанное нарушение конституции,

в «большой список» («il listone»); правительство объявило, что те, кто представит списки во всех избирательных округах страны, будут считаться «врагами» и с ними будет поступлено соответствующим образом. Джолитти, выдвинувший маленький независимый список в местном масштабе, поспешил заявить, что это не означает враждебности фашизму. Более того, в предвыборной речи в Дронеро 16 марта 1924 года¹ он оправдывал создание правительства Муссолини, доказывая, что оно имеет если и не парламентский, то вполне конституционный характер, и защищал избирательный закон Ачербо, напоминая, что как председатель специальной комиссии палаты депутатов он содействовал его принятию.

Но многие из либералов и демократов вошли в фашистский «большой список». В беседе, которую в начале 1949 года я имел с Чезарино Росси, бывший сподвижник Муссолини сказал мне, что, по его мнению, фашистский

если правительство разрешает создание в стране вооруженных банд, если правительство позволяет, чтобы десятки тысяч вооруженных частных лиц, по-военному организованных, в касках и с карабинами, беспрепятственно промаршировав по стране, врываются в столицу и открыто выставляли напоказ свое «могущество», то что это может означать, как не то, что правительство, ответственное за действия монарха, нарушило присягу верности конституции? Что это может означать, как не то, что государственные органы, которые объединяются понятием исполнительной власти, подготавливают государственный переворот? Что это может означать, как не то, что мы в Италии уже живем в атмосфере, которая автоматически должна привести к государственному перевороту?» Выдвигая этот тезис, Грамши мог опереться на знаменитый прецедент — предостережение умеренного либерала и монархиста, теоретика либерального и конституционного государства — Сильвио Спавента. В далеком 1882 году он утверждал (см. *Silvio Spaventa, La politica della Destra. Scritti e discorsi raccolti da Benedetto Croce, Bari, Laterza, 1910, p. 125—126*): «Юридической фикции освобождения короля от ответственности и возложения ответственности на министров до известной степени достаточно для охраны репутации и безопасности монарха, а именно до тех пор, пока речь идет о случайных и частичных отклонениях правительства от норм справедливости и общественного блага; но когда действия министров выливаются в систему коррупции и несправедливости, тогда фигура короля, который покрывает своим именем и скрепляет своей подписью акты, в которых воплощается эта система, становится в глазах народа настолько презренной, что он по своему моральному весу оказывается ниже любого обыкновенного уважающего себя гражданина, который постыдился бы служить орудием преступных действий других людей; и судьба конституционной монархии, доведенной до такой крайности, решена».

¹ G. Giolitti, *Discorsi extraparlamentari*, a cura di Nino Valeri, Torino, Einaudi, 1952, p. 340 sgg.

список имел в 1924 году большой успех прежде всего благодаря 135 либералам и демократам, которые вошли в этот список¹; таким образом, необходимо подчеркнуть услугу, которую в этом случае вновь оказали фашизму эти политические деятели. Подтверждение этому можно найти у Стурцо, который 10 июня 1923 года писал в римской газете «Пополо нуово»²: чтобы добиться успеха, «фашисты будут вынуждены включить в свой «большой список» (356 кандидатов) по меньшей мере сотню демократов из групп Орландо и Де Никола, а также (почему бы и нет?) из группы Джолитти».

Это участие демократов и либералов имело особенно большое значение на Юге, где почти безраздельно господствовали представители старых правящих групп, трансформистских по традиции. И на Юге голосовали, можно сказать, только фашисты, зачастую каждый по нескольку раз. В других местах имели место аналогичные эпизоды. Сфорца рассказывает³: «В маленьком местечке, в зоне Луниджана, где я находился в этот день, первые пятнадцать избирателей сплоченно проголосовали против правительства; час спустя все они были избиты до крови; при первых же их криках карабинеры перешли речку, отделявшую селение от леса, и исчезли на весь день; остальные избиратели были силой согнаны к урнам и проголосовали за правительственный список».

Впрочем, Муссолини заявил, что, если даже результаты выборов окажутся для него неблагоприятными, он ни в коем случае не откажется от власти⁴.

Описание многих деталей махинаций и насилий можно найти в книге Стурцо «Италия и фашизм» («Italy and fascism»), которую мы цитировали, на стр. 175; большое впечатление производит документация о насилиях, совершенных за все эти годы и, следовательно, во время

¹ О роли, которую играл Чезарино Росси вообще и в частности, когда он отстаивал целесообразность включения либералов и демократов в «большой список», см. «Antologia della «Rivoluzione liberale», p. 201—202 e 209.

² Воспроизведено в «Popolarismo e fascismo», p. 197.

³ С. Sforza, op. cit., p. 149.

⁴ Несмотря на все это, успех «большого списка» не соответствовал затраченным усилиям: он собрал примерно 4,5 миллиона голосов против почти 3 миллионов, поданных за оппозицию. Разочарование фашистов выразил Джоаккино Вольпе (Gioacchino Volpe, Guerra, dopoguerra, fascismo, Venezia, La Nuova Italia, 1928, p. 307).

выборов 1924 года, которая содержится в книге Г. Сальвини «Фашистский террор» (G. Salvemini, La terreur fasciste), опубликованной издательством Галлимар (Gallimard) в Париже в 1930 году. Но в первую очередь следует перечитать речи, которые произнесли в парламенте Амендола и Маттеотти.

Амендола выступил 6 июня. Он разоблачил махинации и насилия, объявил выборы недействительными и заявил: чтобы положить конец данной ситуации, необходимо «широкое и решительное восстановление конституционных порядков». Муссолини прервал его пренебрежительным возгласом: «Попробуйте!» Много раз председатель палаты предлагал ему заканчивать, почти на каждом слове его прерывал сам Муссолини, но Амендола довел свою речь до конца.

Еще более содержательной по приведенной в ней документации, еще более лаконичной была обвинительная речь, с которой выступил за несколько дней до этого, 30 мая, Маттеотти. Это была замечательная речь, которая, несмотря на то что текст ее можно было прочитать за полчаса, длилась два часа, постоянно прерываемая репликами и угрозами со стороны фашистского большинства¹.

Выходя из Монтечиторио*, Маттеотти сказал своим друзьям: «Ну, теперь можете готовить для меня надгробную речь». Десять дней спустя — время, необходимое для подготовки «удара», — социалистического лидера похитили, увезя в автомобиле, и зверски убили.

10 июня 1924 года Джакомо Маттеотти был убит; 11 июня утром Артуро Фашоло, личный секретарь Муссолини в палаццо Киджи**, встретившийся в ночь с 10 на 11 в кафе Пикароцци, в Галерее [на площади Колонна.— *Прим. перев.*] с убийцами, возвратившимися с места преступления, информировал Муссолини о всех деталях дела. Муссолини был обеспокоен тем обстоятельством,

¹ Эта речь со всеми прерывавшими ее репликами перепечатана теперь в книге Giacomo Matteotti, Reliquie, Milano, Dall'Oglio, 1946.

* Монтечиторио — дворец, в котором помещается итальянская палата депутатов.— *Прим. перев.*

** Палаццо Киджи — дворец, в котором находится министерство иностранных дел Италии.— *Прим. перев.*

ством, что номерной знак автомобиля не был изменен; несколько дней спустя, возвращаясь к этому вопросу, он так комментировал происшедшее: «Проклятье, достаточно было помочиться на знак!» Действительно, знак сыграл роковую роль: один портье указал его номер, и в 13 часов 12 июня полиция выследила машину. В 19.30 в палате депутатов Муссолини взял слово: «Я думаю, что палата тревожно ждет известий о судьбе депутата Маттеотти, который внезапно исчез в прошлый вторник после полудня *при обстоятельствах, еще точно не известных в том, что касается времени и места*, но все же оправдывающих гипотезу о преступлении, которое, *если оно совершено*, не может не вызвать у правительства и парламента волнения и негодования».

Когда стране стало ясно, что Филиппелли, Думини, Росси, Финци, Де Боно и Муссолини — все связаны одной нитью ответственности, возмущение правительством убийц приняло невероятные размеры. Италия вся стала антифашистской. Очень немногие фашисты, оставшиеся верными своему движению, дрожали от страха и не осмеливались больше носить в петлице фашистский значок. Документация, освещающая эти события, весьма обильна. В своих письмах к Анне Кулишовой Филиппо Турати день за днем рассказывает о проявлениях симпатии, объектом которых он стал после убийства Маттеотти¹.

«В воздухе, пишет он 14 июня, ощущается нечто совсем иное: те же группы людей, которые собирались перед Монтечиторио, чтобы освистать и побить Амендола и Бенчивенга с товарищами, сейчас стоят шпалерами при нашем проходе, приветствуя нас и выказывая нам свое почтительное одобрение».

И девять дней спустя: «Мне трудно избежать демонстраций, аплодисментов, криков «Да здравствует Турати!» и «долой...», и т. д.».

Один мой друг², который хорошо помнит эти дни, рассказал мне:

«Вечером на площади Монтечиторио собралась, как обычно, большая толпа, ожидавшая выхода депутатов

¹ Filippo Turati ed Anna Kuliscioff, La tragedia di Giacomo Matteotti nelle lettere scambiate fra l'11 e il 27 giugno 1924, Forlì, Editrice Socialista Romagnola, 1945.

² Журналист Эмилио Фраттарелли.

палаты. Последние выпуски газет известили об оживленной перепалке, происшедшей в зале заседаний между депутатами оппозиции и депутатами-фашистами. В толпе знали подробности — о суровой отповеди, данной депутатами Амендола и Бенчивенга некоторым раскипятившимся последователям Муссолини, и об увесистой пощечине, которую Бенчивенга закатил неосторожному депутату Бастианини.

Когда заседание палаты окончилось, среди первых, кто вышел, были как раз депутаты Амендола и Бенчивенга, которые в сопровождении других депутатов и друзей направились к площади Колонна. Молчаливо, словно повинувшись безмолвному приказу, огромная толпа горожан отправилась вслед за депутатами-антифашистами. Когда те дошли до магазинов Ринашенте, кто-то, видя, что толпа народа все возрастает, занимая уже весь этот отрезок Корсо, посоветовал г-ну Амендола, главе конституционной оппозиции, во избежание осложнений сесть в экипаж и уехать. Джованни Амендола сначала отказывался, говоря, что должен идти в редакцию газеты «Мондо», помещение которой было расположено на соседней улице Мерчеде. В конце концов, видя, что друзья настаивают, он уступил и вместе с некоторыми из них сел в фиакр. Едва фиакр отъехал несколько метров по направлению к площади Сан-Сильвестро, как толпа разразилась криками, подобными громовому раскату: «Да здравствует Амендола! Да здравствует парламент!» — и сотни мужчин и женщин бросились бежать за экипажем, выкрикивая имена тех депутатов оппозиции, которых все знали как ярых и непримиримых врагов Муссолини и его режима. Все это происходило на площади Колонна среди бела дня, на виду у множества полицейских и шпионов, выставленных для защиты фашизма и его главы».

Муссолини действительно в эти дни думал, что пропал. Оппозиция в стране была единодушной. В рядах самих фашистов происходило разложение. В фашистской милиции наблюдались явные признаки развала, и попытка мобилизовать ее закончилась жалким крахом. Была также попытка мятежа со стороны нескольких десятков депутатов-фашистов и сочувствующих фашистам, которые должны были явиться к Муссолини во главе с кавалером золотой медали Раффаэле Паолуччи и посо-

ветовать ему уйти в отставку; они намерены были вновь прибегнуть к помощи Джолитти: он стал бы председателем нового правительства, в котором должны были принять участие все бывшие председатели совета министров и сам Муссолини, если бы он согласился. С целесообразностью шагов, имеющих целью добиться отставки Муссолини, согласился и Федерцони, который, по-видимому, поддерживал контакт с оппозицией¹.

Пьеро Гобетти писал 8 июля 1924 года в «Ривольюционе либерале»²: «Муссолини производил впечатление человека, потерпевшего поражение, ибо он не сумел прибегнуть ни к одному из тех решительных способов выйти из положения, которые достойны государственного деятеля, каким он себя мнил. Победа оппозиции объясняется именно этим: она была фактом негативного порядка». И не имела никаких последствий. Джолитти и другие лидеры либералов остались совершенно пассивными³.

С другой стороны, оппозиция не захотела принять решений, которые потребовали бы применения силы, возлагая надежды на конституционное разрешение вопроса с помощью короля. Более того, два либерала, Алессандро Казати и Джинио Сарокки, совершенно недвусмысленно побуждаемые к тому Саландра, вошли после убийства Маттеотти в кабинет Муссолини с фантастической целью — помочь при родах той «нормализации», которую предполагалось извлечь из этого хаоса. Консервативные заботы по-прежнему находились у правящего класса на первом плане.

Артуго Лабриола отмечал⁴: «Ошибка Авентина * состояла в том, что он не стремился привлечь к участию

¹ Об инициативе Паолуччи и о согласии Федерцони см. свидетельство влиятельного фашистского деятеля Эцио М. Грэ (Ezio M. Gra), *Genesi del 3 gennaio*, «Meridiano d'Italia» del 23 gennaio 1949.

² Теперь перепечатано в «Antologia della «Rivoluzione liberale», p. 200.

³ Позднее Муссолини сказал: «Джолитти в Авентинском блоке — это был бы наш конец» (см. Y. De Vegnac, *op. cit.*, p. 357).

⁴ A. Labriola, *Polemica antifascista*, p. 18, 30—31.

* Авентинский блок — политический блок либерально-демократических и социалистических группировок, депутаты которых покинули парламент в знак протеста против убийства Маттеотти и других фашистских насильев. Получил свое название от Авентинского холма в Риме, на который, по преданию, удалились плебеи древнего Рима во время своей борьбы с патрициями. — *Прим. ред.*

в моральной борьбе с фашизмом массы», но, поступая подобным образом, «конституционная» оппозиция была верна себе: «Фашизм,— заключал Лабриола,— остался в седле, более замкнутый, более мрачный, более пагубный, чем раньше, и в большей степени, чем раньше, владеющий своей волей и своими мускулами. И вопрос о том, какие силы смогут устранить его, остается в еще большей степени, чем раньше, открытым и нерешенным».

Контакт между оппозицией и двором был вскоре установлен; его наладили Амендола, Сфорца и Бономи, с одной стороны, и генерал Читтадини, адъютант короля, и граф Витторио ди Кампелло, его официальный представитель,— с другой.

Если король хотел добиться разрешения кризиса с помощью разумных мер, направленных на спасение режима, то он должен был бы, казалось, сделать следующее: уволить правительство Муссолини (которое, оказавшись перед лицом единодушной оппозиции, не имело тогда ни желаний, ни возможности сопротивляться), призвать к власти представителей старых правящих политических групп и назначить новые выборы. Но мысль, что восстановление конституционных порядков может послужить первым этапом общей политической эволюции влево, так страшила короля, что сделала его настоящим союзником и спасителем Муссолини.

Прямой контакт между некоторыми лидерами оппозиции и Виктором Эммануилом III был установлен 22 июня, когда Сфорца имел первую беседу с королем; затем Амендола доставил королю докладную записку Росси: эта записка должна была стать в руках монарха оружием, с помощью которого он смог бы отделаться от Муссолини. Оппозиция ждала, но ничего не произошло. Тогда Бономи велел приготовить вторую копию наиболее важных документов, попросил аудиенции у короля и получил ее. Предоставляем слово Сфорца, который вблизи наблюдал эти события¹:

«Когда Иваноэ Бономи представил королю доказательства ответственности Муссолини, государь стал их просматривать; но как только он понял, насколько ужасны были обвинения, он побледнел, задрожал и спросил: «Я могу вас просить об одном одолжении?» — «Я вас

¹ C. Sforza. *op. cit.*, p. 149—150.

слушаю». — «Не заставляйте меня читать, возьмите назад эти документы», — и насильно вложил их ему в руки. Поднимаясь, Бономи сказал: «Имейте в виду, вы берете на себя тяжелую ответственность». И действительно, именно в этот момент Виктор Эммануил Савойский стал соучастником преступления:

Факты таковы: король не хотел читать эти документы, потому что на основании их он был бы обязан уволить Муссолини. Так поступают страусы: когда охотник близко, они прячут голову в песок, думая, что теперь их никто не увидит.

На съезде в Ассизи ветераны войны отказали Муссолини в поддержке, которую они ему оказывали; вследствие этого кавалер золотой медали депутат Виола отправился во главе делегации в Сан-Россоре, чтобы представить и объяснить королю резолюцию против фашизма, принятую ветеранами. Здесь мы тоже предоставляем слово очевидцу — Эмилио Луссу¹:

«Момент был торжественный. Депутат Виола был убежден, что он представляет итальянский народ и жертв войны. Каждый думал: это исторический момент. Посланцы народа затаили дыхание, только глаза выдавали их волнение. Ни одно посольство язычников не ожидало с большей тревогой ответа оракула. Король, бледный, выслушал всю речь, а затем произнес с мрачной улыбкой призрака: «Моя дочь сегодня утром убила двух перепелок». Делегация была поражена».

К королю отправилась также другая делегация — делегация главных редакторов конституционалистских антифашистских газет, — чтобы сообщить о постоянных нарушениях конституционных свобод, совершаемых путем секвестров и погромов. Ответ короля свелся к заявлению, что он отошлет письменный протест, который ему вручили редакторы... министру внутренних дел! Амендола опубликовал тогда в «Мондо» набранную жирным шрифтом статью под названием «Il travicello»*,

¹ Emilio Lussu, Marcia su Roma e dintorni, Torino, Einaudi, 1945, p. 187

* Амендола намекал на стихотворение Джустини «Re—travicello» («Король-деревяшка»), в котором иронически восхваляется Деревяшка — король лягушачьего царства, который плавает на поверхности и не вмешивается ни в какие события, происходящие в глубине его царства. — Прим. перев.

смысл которой сводился к следующему: мы знаем, что этот номер газеты будет немедленно секвестрован, но нам достаточно, что его прочтут лишь два лица — префект, который издаст приказ о секвестре, и августейшая персона, которой адресованы наши слова. Далее следовал список всех нарушений конституции, соучастником которых стала королевская власть.

Видя, что Виктор Эммануил ничего не предпринимает, оппозиция опубликовала 29 декабря ту докладную записку Росси, которую король отказался читать. Новая волна антифашизма поднялась в стране, на суд которой было теперь передано решение вопроса.

Но король и Муссолини уже сумели уйти от суда страны. Уже 6 сентября Виктор Эммануил принял председателя совета министров и имел с ним длительную беседу; выслушав сообщение главы фашистов о недавних шагах оппозиции и видя его несколько подавленным, он отвел его в сторону, в оконную нишу, и сказал ему: «Вы придаете слишком большое значение этим полемическим упражнениям, которые не приводят к какой-либо значительной акции. Предоставьте все течению времени и продолжайте вашу работу»¹. Он похвалил Муссолини за его действия, с помощью которых тот поддерживал общественный порядок, несмотря на антифашистскую кампанию, и сказал ему: «Вы цельный человек»².

Уверившись в том, что король по-прежнему ему доверяет, Муссолини в первых числах декабря появился на заседаниях Сената и, выслушав выдержанную в оппозиционном духе речь Луиджи Альбертини и менее пылкую, но тоже направленную против фашистов речь Лузиньоли, раскаявшегося в своем поведении, 5 декабря выступил с ответом, сказав между прочим знаменитую фразу: «Если бы его величество король по окончании этого заседания позвал меня и сказал, что мне нужно уйти, я бы стал во фронт, отдал честь и повиновался»³. Бахвальство

¹ См. свидетельство Грэ (Gray, loc. cit.).

² См. Giorgio Nelson Page, *L'America di Roma*, Milano, Longanesi, 1950, p. 156. Эти подробности были сообщены отцу автора фельдъютантом короля.

³ Фраза, произнесенная Муссолини, заканчивалась так: «Я имею в виду его величество короля Виктора Эммануила III Савойского; если же речь идет о его величестве «Коррьере делла сера», тогда я отвечаю «нет». Три речи Муссолини воспроизведены ныне у G. Per t i c o n e, op. cit., vol. II, p. 245—268.

Муссолини объясняется вновь обретенной им 6 сентября уверенностью, что он продолжает пользоваться доверием и поддержкой Виктора Эммануила.

Речь Муссолини 5 декабря 1924 года была прелюдией государственного переворота, о котором глава фашистов действительно возвестил 3 января следующего года. «Будьте уверены, — заявил он в палате депутатов, — что в течение сорока восьми часов ситуация полностью определится». Депутату Паоло Орано, который утром этого дня пытался узнать, о чем будет говорить Муссолини, тот на своем обычном вульгарном языке ответил: «Буду говорить с ж... о скамье». Он мог еще раз выступить в роли хвастуна, ибо явился в палату, имея в кармане декрет об ее роспуске, на котором оставалось проставить только дату¹. Действительно, Муссолини отсрочил заседания палаты, желая помешать оппозиции принять вызов и спуститься с Авентинского холма*, что в ночь на 3-е уже постановили сделать Амендола, Луссу, Кьеза, Лабриола и другие наиболее решительные вожди оппозиции, несмотря на то что Джолитти не советовал этого Амендола, желая одного: чтобы «вмешался король»². Затем стали издаваться антиконституционные законы против печати, возобновились сквадристские насилия, и в течение всего 1925 и 1926 годов один за другим следовали так называемые «чрезвычайные фашистские законы», в результате которых от конституции не осталось даже формы³.

¹ Относительно последних двух подробностей также отсылаю читателя к свидетельству Грэ (loc. cit.), который добавляет: «Необходимо отметить, что такое средство, как подписание декрета с незаполненным текстом, было настолько не по вкусу королю, что Джолитти, желавший получить такой декрет, должен был в свое время преодолеть упорное сопротивление государя».

* То есть вернуться в парламент, отказаться от его бойкота. — *Прим. перев.*

² По сведениям, которые Гуидо Феррандо, находившийся в эти дни рядом с Амендола, сообщил Гаэтано Сальвемини; последний приводит их в очерке, предпосланном фотокопии журнала «Non mollare», Firenze, La Nuova Italia, 1955, p. 10.

³ 31 декабря 1925 года — уничтожение свободы печати; 31 января 1926 года — предоставление правительству права устанавливать юридические нормы; 6 ноября 1926 года — издание закона о полиции и о создании ОБРА [фашистской охраны]. — *Перев.*; 12 ноября 1926 года — восстановление смертной казни; 15 ноября 1926 года — создание Особого трибунала по охране безопасности государства.

Печать в этой последней битве вела себя достойно: Альбертини, Янни и Таркиани в «Коррьере делла сера», Амендола, Руини и Чанка в «Мондо», Сальваторелли и Фрассати в «Стампа», Канепа в «Лаворо», Тревес в «Джустициа», Донати в «Пополо», Фанцелло и Торрака в «Волонта́», Скарфольо в «Маттино», республиканцы в «Воце републикана» и многие другие проводили активную кампанию.

Только три старых вождя консерваторов — Джолитти, Орландо и Саландра — отказались присоединиться к оппозиции, продолжая поддерживать фашистов до конца 1924 года. Они говорили о «прыжке во тьму».

Что касается папы, то в речи перед студентами католического университета он осудил возможные соглашения между католиками и социалистами. Ватикан заболел о том, чтобы последствия преступления не разрушили столь терпеливо возводившегося здания. И действительно, с июньских дней «Оссерваторе романо» пыталась оказать противодействие антифашистской кампании итальянской печати и особенно органа пополяри.

Но если кто держал в своих руках ключ ко всей ситуации, так это Виктор Эммануил. Не связывая себя определенно и окончательно, он постоянно давал обещания оппозиции; только коммунисты, не верившие в короля, а также в какой-то степени в конституционную оппозицию, быстро вышли из Авертинского блока. Всеобщей забастовки не будет, ибо король обещал сам найти выход из положения, — так заявляли Читтадини и Кампелло от имени короля.

Король выступил в декабре со следующим предложением: если министры — руководители военных министерств (генерал Ди Джорджо и адмирал Таон ди Ревель) и министры-либералы (Казати — министр народного просвещения и Сарроки — министр общественных работ) выйдут в отставку, он сможет использовать этот шаг, чтобы сызнова пересмотреть вопрос о существовании нынешнего правительства. Оппозиция приостановила тогда обсуждение плана вооруженного восстания, вынашиваемого группой «Свободная Италия», одним из наиболее авторитетных руководителей которой являлся Луиджи Баттисти, сын мученика *. Министры ушли в от-

* Баттисти, Цезаре — итальянец из Тренто (входившего до 1919 года в состав Австро-Венгрии). Во время первой мировой войны сра-

ставку, но король, вновь обманув возлагавшиеся на него надежды, не принял отставки военных министров и ограничился заменой ушедших в отставку министров-либералов (однако о замене Казати и Сарроки соответственно Феделе и Джуриати было объявлено лишь после происшедшего 3 января 1925 года государственного переворота).

После речи Муссолини 3 января и роспуска парламента на каникулы битву можно было считать окончательно проигранной — проигранной из-за предательства короля и слабости оппозиции. Декреты, которые последовали за этим, закрепили это поражение. Тем не менее вожди оппозиции не хотели отказываться от борьбы.

Неизданный дневник Джованни Амендола, вождя конституционной оппозиции, знакомит нас с важными подробностями этой последней фазы антифашистского движения до начала подпольной борьбы¹.

4 января 1925 года, на следующий день после государственного переворота, Амендола пишет генералу Читтадини, адъютанту Виктора Эммануила III; обрисовав серьезность ситуации, он продолжает:

«При этом положении вещей, которое не может далее продолжаться и 48 часов, не подвергая страну большой опасности, не создавая прецедента, таящего в себе серьезнейшую угрозу для существующих порядков, я считаю необходимым вооружиться большим запасом мужества, смотреть прямо в лицо действительности и решительно идти ей навстречу... Пусть скажет свое гордое слово король... [ибо], если перед лицом широкого наступления, осуществляемого в настоящее время фашистским правительством против Статута и против базирующихся на нем существующих институтов, не произойдет немедленной реставрации конституционных порядков, наша конституционная борьба грозит закончиться историческим крахом».

Два дня спустя Амендола имел беседу с другим представителем короля — графом Витторио ди Кампелло. «Король не может вмешаться», — утверждал этот послед-

жался в рядах итальянской армии, был взят в плен австрийцами и казнен как государственный изменник. — *Прим. перев.*

¹ Несколько отрывков из дневника было опубликовано в «Италия либера» в дни, непосредственно предшествовавшие референдуму о форме правления 2 июня 1946 года.

ний. Через день он заявил: «Король уверен, что Муссолини уйдет добровольно». Виктор Эммануил заговорил и о возможности своего отречения. Но несколько дней спустя он информировал оппозицию, что «дела все в том же положении, что и раньше», однако продолжал давать туманные обещания, желая помешать оппозиции предпринять самостоятельные действия. В конце месяца король «по-прежнему желал покончить с этим», но продолжал бездействовать.

Именно в этот период, в начале марта, Нитти написал королю из Швейцарии, где он нашел убежище:

«Так как палата депутатов [после того, как из нее ушла оппозиция.— П. А.] сведена до положения жалкого сборища насильников и невежд, а полномочия короля сведены к признанию ежедневных нарушений Статута, Италия... отныне стала тюрьмой... Конституция фактически отменена... Все партии, все известные деятели, все интеллигенты, все свободные духом — против правительства. Против рабочие и крестьяне, а также представляющие их массовые партии, социалисты и поляри. Против ветераны войны. Если бы можно было голосовать свободно, то девять десятых итальянцев выразили бы не только недоверие, но и ненависть к нынешнему режиму, основанному на насилии и воплощающему худшие традиции Бурбонов и абсолютистских правительств периода их упадка. Тысячи рабочих и крестьян истреблены, подвергнуты мучениям, избиты. В Тоскане, Эмилии, во многих районах Ломбардии применяются отныне пытки. Организации рабочих разгромлены, кооперативы уничтожены. Неужели Вы, Ваше Величество, думаете, что народ примирился со всем этим? Я озабочен тем, что в глазах публики между монархией и фашизмом существует солидарность... С тех пор как в ноябре 1922 года Муссолини явился в палату депутатов и заявил, что может превратить эту тупую и бесцветную палату в бивак для своих отрядов и может сохранять палату два месяца или два года, конституционная хартия была ликвидирована. Если Муссолини, по его собственным заявлениям, мог все это сделать, то в чем же тогда состояли и состоят функции короля?.. Достаточно прочесть интервью Муссолини, его заявления, его речи, достаточно прочесть фашистские газеты, чтобы увидеть: если не существует больше парламента, то не существ-

вует и конституционного короля... Я знаю, что «конституционная видимость» сохраняется довольно старательно. Министерство Муссолини предстало перед палатой и получило большинство, собрав почти 100 процентов голосов. Но какая цена большинству, полученному под угрозой? Гнусный избирательный закон, который сейчас отменен, был принят парламентом. Вашему Величеству небезызвестно, что палату принудили голосовать самым оскорбительным образом. Весной истекшего года состоялись выборы и правительство получило большинство. Но, возможно, ни у кого не хватило смелости рассказать Вашему Величеству, что это были за выборы. Никто не сказал Вам, что даже в Югославии и Болгарии не применяются такие бесчестные методы фальсификации и насилия. Совершилось одно из самых отвратительных мошенничеств в современной истории... Внутренняя политика и правосудие находятся в руках людей, которые, как говорили мне крупные поставщики государства, всегда были у них в услужении. Тупая и плутократическая финансовая политика, выразившаяся в отмене налога на наследование и в покровительстве той части итальянской буржуазии, которая нажилась на войне и хочет закрепить за собой свои богатства, угрожает национальному благосостоянию. Правительство — что-то вроде слуги тех мошенников, которые в течение десяти лет дезорганизуют жизнь Италии; оно тиранит, и его тиранят. Все газеты выступают против фашизма, а фашистская печать подбирает перебежчиков из всех партий, изменников из любого лагеря. Но газеты, защищающие фашизм, располагают поддержкой всех крупных акул. Их капиталы источают кровь, а их дела вопиют об отмщении. Некоторые из этих акул, демонстрирующие свой фанатический патриотизм, даже во время войны торговали с врагом. Среди моих бумаг (которые хранятся в Италии в надежном месте у одного моего друга) есть даже собственноручное письмо британского посла Рэннела Родда, сообщавшего мне о связях с врагом кое-кого из числа тех лиц, которые являются главной опорой фашистской печати, отравляющей сейчас Италию... Но если преступления, совершенные против видных деятелей, легко становятся известны публике, то сколько преступлений было совершено и совершается в тени, сколько случаев личной мести, сколько проявлений

насилия со стороны эксплуататорских классов и слоев... Есть тысячи безвестных мучеников... Девять десятых чиновников ненавидит фашизм; армия (пусть Вас, Ваше Величество, не обманывает видимость) настроена точно так же. Деятельная часть буржуазии, интеллигенция, студенты считают нынешнее положение позорным. Я уже не говорю о народе, который только и мечтает уничтожить эту систему тирании. Только крупные акулы, авантюристы и банды, сплотившиеся перед лицом общей опасности, да самые развращенные элементы буржуазии и циничной и тупой аристократии поддерживают нынешний режим. Что же делать? Я всегда надеялся и все еще надеюсь, что Ваше Величество ясно видите ту серьезную ответственность, которая в этот час ложится на Вас,— ответственность не только за честь Вашего имени и за династию, но и за то, что дороже всего нашему сердцу,— за честь и жизнь Италии... Сейчас конституция нарушена уже стократно; можно сказать, что ее не существует более. От действительности никуда не уйти, и конституционная маскировка не меняет существа дела... В том положении, в котором мы находимся, и при том серьезном характере, который приобрели события, существуют лишь два выхода: или Ваше Величество найдете возможность преградить дорогу злу и вернуть стране ее свободу и ее парламент, или же после периода репрессий и реакции произойдет революция, которая захватит самые низшие слои общества. В руках Вашего Величества находится в этот час судьба Италии»¹.

Но обращения к королю оставались без ответа. Монархия, следуя своей традиции, использовала «историческую возможность» отделаться от демократии; позиция короля в этом вопросе не оставляет места для сомнений: в 1922 году он отказался подписать декрет об осадном положении, подготовленный законным правительством; в 1924 году он не использовал острейшего кризиса (который переживал фашизм и в который после убийства Маттеотти он вверг страну), чтобы отделаться от Муссолини и вернуться к конституционному правительству. В своих «Мемуарах» Марчелло Солери говорил впоследствии о «лицемерном конституционном формализме» короля. В 1922 году, ссылаясь на предполагаемую волю

¹ F. S. Nitti, *op. cit.*, p. 581 sgg.

нации, которая выше конституционных норм, Виктор Эммануил отказался санкционировать действия своего правительства и призвал к власти Муссолини, уже готового направить свои стопы в Швейцарию. Но когда два года спустя стало ясно, что воля нации выражается в единодушном требовании восстановления конституционных порядков, что нация против правительства убийц, тогда король спрятался за статьи конституции, употребив к тому же все усилия, чтобы удержать оппозицию от активных действий. Отмирание элементов либерализма и демократии в итальянском государстве отныне завершилось.

И тем не менее, когда 15 апреля 1925 года Амендола потребовал, чтобы граф ди Кампелло справился у короля, «намерена ли Савойская династия рассматривать настоящее положение, противоречащее конституции, как окончательное, что дало бы повод думать, что Савойская династия считала временным и ненормальным состоянием конституционный режим, существовавший с 1848 по 1925 год, вплоть до отказа от Статута, октроированного Карлом Альбертом», то Виктор Эммануил дал понять главе конституционной оппозиции, что он считает себя оскорбленным!

13 ноября 1925 года в беседе с графом ди Кампелло Амендола подвел итог случившемуся и завершил ее обвинением по адресу монархии:

«Мы,— сказал он,— более двух лет выдерживали неравную борьбу в поистине нечеловеческих условиях; и в течение шести месяцев, побуждаемые еще более необходимостью, нежели собственной инициативой, мы вели большое контрнаступление в политическом и моральном плане, успех которого все возрастал, несмотря на то что мы все еще оставались в тех же условиях, что и раньше, весьма неблагоприятных по сравнению с условиями, в которых находился противник. И вот, когда мы уже кое-чего добились, именно тогда, когда правительство было поставлено перед необходимостью защищаться, у нас вырывают из рук законнейший вид оружия — те немногие средства морального воздействия, которые оставались у нас в борьбе с противником, вооруженным совсем по-иному, и так, безоружными, отдают нас во власть ненависти и свирепых насилий врага. Всего этого не случилось бы, говорят на Авентине, если бы король не дал на

это своего позволения. Я пытался возражать, но боюсь, что в моих словах нет убежденности и они не могут оказать необходимого воздействия, так как факты говорят против меня и так как я чувствую, что король нас покинул. Не может быть в самом деле, чтобы король не видел надругательства, которые правительство чинит над Статутом и особенно над основными свободами и личными правами граждан. В Италии не существует больше *habeas corpus* [неприкосновенности личности]: все находится во власти агентов правительства и одной партии, действующих в обход всех законов. Можно по-разному оценивать поведение короля с 28 октября 1922 года до конца декабря 1924 года, но поистине трудно оправдать то, что он позволил Муссолини в начале 1925 года ликвидировать гражданские и личные права всех итальянских граждан. По моему мнению, никакие соображения осторожности не могут оправдать такого грубого насилия и такого надругательства. Мы никого не просим помочь нам и облегчить наше положение, не просим об этом и короля; мы хотим бороться своими силами и не страшимся жертв, какими бы серьезными и тяжелыми они ни были. Но нас не должны лишать возможности бороться!»

Отмирание элементов либерализма и демократии в итальянском государстве отныне завершилось. Королевская власть играла в этом процессе центральную роль; но, в сущности, монархия была лишь одной из исторических сил, составлявших правящий класс, который несет коллективную ответственность за ненормальное с точки зрения конституции положение, сложившееся в Италии после 28 октября 1922 года, за 3 января 1925 года и за «чрезвычайные фашистские законы» 1925—1926 годов.

Мы полагаем, что показали достаточно полно ответственность этого класса, показали ее, так сказать, в действии. И наш тезис подкрепляют суждения, высказанные по этому вопросу всеми деятелями того периода, которые, изучая его, остались верны любви к истине, свободной от предрассудков.

Луиджи Стурцо заклеил в 1923 году «бесконечную трусость правящих кругов, разбитых и клонящихся к упадку», противопоставив им «истинную Италию», которую он считал «другой страной, намного лучше первой»¹.

¹ L. Sturzo, Popolarismo e fascismo, p. 318.

В 1926 году, находясь в изгнании, он подкрепил свое обвинение, заявив: «Имущие классы и монархия прибегли к реакции и диктатуре, видя в этом средство своего спасения»¹; а недавно, в начале 1949 года, подтвердил свою прежнюю оценку, написав: «Король, генералы и министры не представляли в тот момент ни Италии как конституционной и свободной страны, ни народа, чуждого заговорщическим махинациям финансистов долины По»². К этому нужно было бы добавить, что этот король, эти генералы и эти министры, которые не представляли нации, представляли, однако, класс, правивший в Италии со времени ее объединения, с его ретроградным мышлением, мышлением милитаристов и поклонников абсолютизма, с его ненавистью к демократии и социализму, что исчерпывающе объясняет его поворот к фашизму, несмотря на то что речь идет о классе, который при своем возникновении формально был «либеральным» и «демократическим».

Республиканец Гуидо Бергамо, которого нельзя назвать экстремистом, писал еще в 1921 году, что «фашизм... в своем развитии не вышел бы за самые скромные рамки, если бы в определенный момент... его действия не совпали с намерениями господствующих классов, стремившихся к мести и возмещению убытков»³. А два года спустя пополяри Дельи Окки справедливо заметил⁴: «Несомненно... что различные деятели фашистского движения получили огромную поддержку в виде средств, предоставленных могущественными группами, которым интуиция не позволила избрать своим девизом *cupio dissolvi* и *amo nesciri**; что реакции как раз было желательно и выгодно, чтобы продолжение и обострение гражданской войны, в которой борьба велась неравными силами и которая означала постепенное уничтожение противника, принимали за восстановление в Италии царства порядка и спокойствия».

В том же 1923 году Луиджи Сальваторелли, который сохранял непоколебимую верность демократическим

¹ L. Sturzo, Italy and Fascism, p. 139.

² Статья, опубликованная в газете «Пополо» от 25 января 1949 года.

³ G. Bergamo, op. cit., p. 24—25.

⁴ Degli Occhi, op. cit., p. 29.

* *Cupio dissolvi* (лат.) — жажда разрушений; *amo nesciri* (лат.) — любовь к отрицанию.— Прим. перев.

идеалам, совершенно правильно утверждал, что политика мнимого «равного расстояния» от правых и от левых, которую провозглашали либералы и демократы, на практике выливалась в союз с правыми; что, говоря социализму: «*vade retro, Satana*»*, либерализм падал в объятия национализма и фашизма; что в основе этой политики лежал расчет — использовать фашизм как оружие борьбы против социалистов, а в удобный момент справиться с ним самим и прежде всего «глубокая враждебность [либерализма] к рабочему классу, в силу которой мысль об его [рабочего класса] участии в управлении государством была для него невыносимой»¹.

Несколько позже Риккардо Бауэр, излагая вкратце свою оценку фашизма, писал²:

«За поверхностными по своему значению эпизодами гражданской войны 1919—1921 годов последовал лишь политический и парламентский *escamotage* [мошенническая комбинация], рычагом которого стала монархия. Либерально-демократический режим был вынужден уступить свое место не под нажимом энергичных разрушительных сил, он с готовностью идентифицировал себя с ними (придав им тем самым надлежащую форму) в соответствии с обычной практической линией джолиттианства, полностью согласующейся по своему духу с тем мертвящим политическим воспитанием, которое политик из Дронеро долго навязывал стране».

Ни один из цитированных выше авторов не был и не стал социалистом или коммунистом, да и не нужно быть ими, чтобы честно отдать себе отчет в том, что эти «либералы» и «демократы» были в действительности консерваторами, готовыми эволюционировать в сторону все большей реакционности.

Если бы либералы хоть придерживались политики «равного расстояния», которую ставил им в упрек Сальваторелли! Беда в том, что почти все они, и либеральная партия как таковая, не таясь, встали на сторону фашизма: враг был только слева. Достаточно перелистать комплект «Джорнале д'Италия» за эти годы — «либеральной» газеты, редактируемой «либералом» Берга-

* *Vade retro, Satana* (лат.) — изыди, сатана.— Прим. перев.

¹ Цитировано у N. Valeri, op. cit., p. 502—503.

² В статье, опубликованной в «Иль Каффэ» (1924—1925); перепечатано в «Понтэ» за январь 1949 года.

мини, газеты Соннино и Кроче. Сначала восторги по адресу сквадристов и ежедневная хула по адресу всего, что связано с социалистическим движением; затем недвусмысленная поддержка «похода на Рим»: в те дни помещение газеты (очевидцы этих событий еще помнят это) превратилось в штаб-квартиру квадрумвиров и других фашистских бонз и сквадристов. 6 октября Бергамини писал: «Мы [либералы] — искренние друзья фашистов»; 30 января 1923 года, то есть уже после государственного переворота, он продолжал утверждать: «Пишущий эти строки прекрасно знает, что он содействовал движению, которое привело Муссолини к власти, и у него нет никаких причин сожалеть об этом». 24 февраля Бергамини поставил в заслугу себе и либеральной партии осуществляемую ими политическую линию: «Между фашистами и либеральной партией складываются взаимотношения, которые не могли бы быть более дружественными... Мы думаем, что следовало бы прийти к установлению еще более тесных, чем ныне, связей и к соглашению, которое позволило бы заложить прочную основу для взаимного сотрудничества. Принципы, которыми руководствуются обе партии, идентичны, и мы, либералы, можем поставить себе в заслугу то, что мы были, так сказать, предтечами фашизма в тот период, когда очень модно было быть демократами».

И либеральная партия как таковая была полностью согласна с этим: 28 января 1923 года партия опубликовала официальное коммюнике: «Сегодня председатель совета министров принял в палатце Киджи исполнительную хунту Итальянской либеральной партии (ИЛП) в лице кавалера Эмилио Борсино — председателя, инженера Коррадо Гэ, профессора Альберто Джованнини, доктора Джузеппе Масканьи и депутата Просперо Колонна... Комиссия заявила председателю совета министров, что ИЛП намерена искренне сотрудничать и оказывать открытую поддержку правительству в его работе». А несколько дней спустя Альберто Джованнини писал¹: «Говорят, что этот режим силы означает конец

¹ В своей статье, опубликованной в «Либерта экономика» и перепечатанной в «Джорнале д'Италия» 1 апреля 1923 года. Альберто Джованнини — типичная фигура либерала-трансформиста. На съезде ИЛП, состоявшемся в Болонье в октябре 1922 года и знаменовавшем собой решительный поворот вправо, он был назначен секретарем партии:

либерального режима. Это ошибка. Совершенно естественно и исполнено провиденциального смысла то обстоятельство, что бурный поток разрушительного духа сменился режимом авторитета и дисциплины».

Бергамини и Джованнини были не хуже, чем Соннино и Саландра, Орландо, Сарокки и Казати, Джолитти¹ и Факта, Бономи² и Нитти (политика которых по отношению к фашизму всем известна), не хуже самого Кроче, который через год после «похода на Рим», предупреждая об опасности «возврата к анархии 1922

в дальнейшем с энтузиазмом поддерживал фашистов и дошел даже до того, что предложил создать федерацию обеих партий; после второй мировой войны был одним из руководителей восстановленной ИЛП, которую он представлял в демохристианском правительстве в качестве министра без портфеля.

¹ Стоит отметить, что развитие событий после ухода Джолитти с поста председателя совета министров в 1921 году не заставило его (по крайней мере еще в течение нескольких лет) изменить свою позицию в отношении фашизма. Сфорца рассказывает, например, что, когда после «похода на Рим» он отказался быть послом в Париже, Джолитти поспешил написать ему, советуя не становиться в безусловную оппозицию к фашизму («Costruttori e distruttori», Roma, De Luigi, 1945, p. 253). Даже после варварского убийства Джакомо Маттеотти Джолитти продолжал выражать свое доверие правительству Муссолини; следовательно, вместе с Орландо и Саландра он был одним из тех, кто несет наибольшую ответственность за провал усилий Авентинского блока. Только при возобновлении заседаний палаты после убийства Маттеотти, а именно 13 ноября 1924 года, Джолитти заявил, что будет голосовать против предварительной сметы расходов министерства иностранных дел, поскольку он не согласен с политикой правительства в вопросе о конституционных свободах. Аналогичную позицию в дискуссии по смете министерства внутренних дел заняли Боэри, Солери и другие либералы. 22 ноября Орландо также откололся от большинства, в то время как Саландра еще выражал в этот день доверие фашистскому правительству, правда, в резолюции ультимативного характера (см. ее в книге А. Саландра, *Memorie politiche*, Milano, Garzanti, 1951, p. 57). В сенате речи, враждебные фашизму, произнесли Лузиньоли, Конти и Альбертини. Что касается Саландра, то он отошел от правительства только после съезда либералов в Ливорно, однако его поддержка лишь только шесть из тридцати его сторонников (см. М. Солери, *Memorie*, Torino, Einaudi, 1949, p. 184); тем не менее его поведение в декабре 1924 года носило отпечаток казуистической осторожности.

² Еще в интервью, данном «Джорнале д'Италия» 8 декабря 1922 года, Бономи призвал к сотрудничеству с фашистами, утверждая, что он «верит» в то, что правительство «мудро» разрешит «грозные организационные проблемы», ибо оно получило для этого широкие полномочия! Следует вспомнить хлесткие выпады Сальвемини против Бономи, которого он прозвал «удовлетворенным социалистом» (G. Salvemini, *Scritti sulla questione meridionale*; см. многие места но особенно стр. 212 и сл., 225 и сл., 369—372, 379—391).

года», утверждал: «Ни один человек, имеющий разум, не желает перемен»¹.

Это антисоциалистический кретинизм привел их к такому заблуждению. И если бы на одну минуту историк во мне мог уступить место политику, я должен был бы закончить пожеланием, чтобы наш правящий класс извлек из этого опыта хоть какие-нибудь уроки. Но, к сожалению, не похоже, чтобы это было так.

Остается сделать одно замечание — ответить на вопрос: почему эти правящие политические группы, подбадривавшие и поддерживавшие фашизм, передавшие ему власть в стране и оказавшие ему покровительство во время его первых кризисов, примкнули позднее к оппозиции? Даже наиболее пылкие поклонники фашизма, как Саландра, Бергамини и Джованнини, кончили тем,

¹ Интервью, данное Кроче Франческо Далль'Эрба и помещенное в «Джорнале д'Италия» 27 октября 1922 года. Кроче утверждал также, что нет никакого противоречия между его «либеральными убеждениями и принятием и оправданием фашизма». В интервью для «Коррьере итальяно» от 1 февраля 1924 года Кроче писал: «Лечение, которому фашизм подверг Италию, являет собой столь великое благодеяние, что озабоченность вызывает скорее то, как бы выздоравливающий не поднялся слишком скоро с постели с риском вызвать какой-нибудь тяжелый рецидив». Спасению фашизма Кроче способствовал и после убийства Matteotti: в этот период неаполитанский философ называл Амэндола «мятежником» и в новом интервью, данном «Джорнале д'Италия» в июле 1924 года, считал «благоразумным» и «патриотическим» голосовать за доверие правительству, признавая убийство Matteotti политическим актом. По этому шекотливому вопросу см. Norberto Bobbio, *Politica e cultura*, Torino, Einaudi, 1955, p. 218—219; Edmondo Cione, *Storia della Repubblica Sociale Italiana*, Roma, Latinità, 1951, p. 431; Y. De Bagnac, *Palazzo Venezia*, p. 620, 641; Antonio Gramsci, *Passato e presente*, Torino, Einaudi, 1951, p. 25 sgg.; Luigi Russo, *Conversazioni con Benedetto Croce*, «Belfagor», 1953, I, p. 6—7; Michele Abbate, *La filosofia di Benedetto Croce e la crisi della società italiana*, Torino, Einaudi, 1956, особенно p. 75 sgg. По признанию самого Кроче, он перестал сочувствовать фашизму лишь в период «нескольких кризисных недель 1925 года» [его письмо Пьеро Каламандрен, напечатанное в «Понтэ» за октябрь 1952 года, в котором заслуживает внимания также статья Энцо Тальякоццо (Enzo Tagliacozzo)]. Polemica о сочувствии Кроче фашизму имела место недавно среди англосаксонских историков; см. Chester Destler, *Some observations on contemporary historical theory*, «American Historical Review», april, 1950; James Moseri, «American Historical Review», april, 1951; Richard V. Burks (см. «Journal of Modern History», december 1952, p. 382—383); C. Destler, «Journal of Modern History», december 1952; Scott H. Lytle, Croce, *il metodo storico e lo storico*, «Nuova Antologia», settembre 1955.

что отказались от своей политики поддержки фашизма и перешли в ряды его противников.

Но все это легко объяснить, не меняя ни одной запятой в высказанном выше суждении о том, чего стоил и какую роль играл их «либерализм». Это объясняется следующим: данные политические группы видели в фашизме самый надежный оплот против движения за социальные преобразования, наиболее могущественного защитника режима. Однако, с другой стороны, хотя фашизм и представлял для этих политических групп выход из затруднительного положения, однако это был выход качественно новый по сравнению с теми решениями, к которым прибегал этот класс время от времени до этого, когда надо было защищать режим. Фашизм был реакцией бюрократически централизованного государства на атаку, которой существующие порядки подверглись со стороны социалистического движения (правда, запоздавшей по сравнению с кульминационным моментом атаки), но это была реакция *suī generis* [особого рода], что было в свое время отмечено¹.

Несомненно, что кризис, пережитый режимом после желанной для него войны, был самым серьезным из всех когда-либо пережитых им кризисов: никогда еще революционные силы не были столь могущественны и многочисленны, несмотря на то что объективные условия революционного переворота еще не были реализованы полностью. И страх правящих классов был так велик, что способ спасения, предложенный фашизмом, хотя и был чрезвычайным, казался единственно приемлемым.

Конечно, эта легкость, с которой либерально-демократические правящие группы отказались от провозглашаемых ими принципов, от своих традиций, своих сил, свидетельствует о их внутренней слабости, и здесь следовало бы вернуться к той самой теме, о которой мы вели речь в начале настоящего очерка. Однако действительность была такова, и правящие политические группы не могли стать львом, раз они были кроликом.

Но хотя эти группы не видели других возможностей, кроме вооружения фашизма и вручения ему своей судьбы, это не значит, что они полностью идентифицировались и слились с фашизмом: различие между фашистом

¹ См. G. Dorso, *La rivoluzione meridionale*, p. 187.

и «либералом» или «демократом», сочувствующим фашизму, нужно всегда иметь в виду, ибо забывать об этом — это значит бессмысленно смешивать понятия. И это тем более верно, что фашизм вышел на авансцену, располагая собственными политическими кадрами, порожденными новой общественной ситуацией (единение сил плутократии и сил буржуазии в исторический момент, характеризуемый глубокими преобразованиями и кризисом, который захватил и область психологии), и эти политические кадры пришли на смену старым правящим политическим группам.

Когда при активной и могущественной поддержке старых правящих кругов фашизм завладел властью, он прочно обосновался и закрепился на этой позиции. Действительность должна была вскоре развеять иллюзию правящих групп, надеявшихся использовать сквадристов, чтобы нанести окончательное поражение социалистическому движению, а затем вновь вернуться к старому режиму.

Эти старые либералы и демократы, оказавшись в условиях кризиса и выступая даже в роли его главных героев, по существу, не представляли себе всей его глубины: они не видели исключительности исторического момента с точки зрения социальной, политической, экономической и психологической. Они думали, что смогут по-прежнему осуществлять свои довоенные маневры, и не замечали, что кризис намного превосходит по своему размаху их возможности, а вызванный неосторожным заклинанием потоп уже поглотил их самих.

И когда они заметили, что расчет оказался неверным, вот тогда эти старые либералы и демократы и начали бунтовать. Некоторые сделали это раньше, другие позже, но в большей или меньшей степени все они после января 1925 года перешли уже в другой лагерь. Старый порядок, их порядок, был уже разрушен навсегда; не так они представляли себе дело, когда помогали Муссолини. И они поднимали бунт.

Это был, само собой разумеется, весьма осторожный бунт. Много ли «либералов», много ли «демократов» побывало при фашизме в чрезвычайных трибуналах, тюрьмах, на каторге, в ссылке? Это были места, частыми гостями которых являлись почти исключительно социалисты и коммунисты — именно те люди, из ненависти

к которым либералы и демократы поддерживали в первые годы фашистов. Понятно, что они не могли пойти вместе с ними даже после того, как расстались с иллюзиями и переменили фронт.

Были, конечно, исключения из правила: Росселли, Бауэр, Парри (если говорить здесь о людях, наиболее известных и наиболее достойных уважения) не были ни социалистами, ни коммунистами и тем не менее узнали при фашизме чрезвычайные трибуналы, тюрьмы, каторгу и ссылку; но не являлись ли они либералами и демократами совершенно иного типа, чем те, о которых шла речь до сих пор? Люди, подобные Росселли, Бауэру и Парри, сами считали консерваторами и гонителями свободы этих либералов и демократов типа Джолитти, Саландра, Соннино и Бергамини¹: они никогда не заигрывали с фашизмом, никогда не питали по отношению к рабочему движению чувства ненависти и страха, характерных для правящих политических групп. Дорсо, например, утверждал в послевоенный период, что он не знает других действительно либеральных групп, кроме двух групп — Гобетти и Грамши².

Можно даже сказать, что если глубокая, конкретная, убедительная критика лживости либерализма и демократизма старых политических групп и была проведена, то особая заслуга в этом деле принадлежит именно этим настоящим либералам и демократам, которые стали товарищами социалистов и коммунистов по каторжным тюрьмам Италии — королевским и фашистским.

Оппозиция старых либералов и демократов была, напротив, очень и очень мягкой: в целом, за немногими достойными исключениями, соображения консервативного порядка продолжали тяготеть над ними, мешая им предпринять политические действия, которые должны были бы привести... но к чему, думали они, может быть, к «прыжку во тьму»? По этой причине они отошли от политики, вернулись к своим профессиональ-

¹ Именно этот тезис отстаивал Парри, который вызвал после освобождения бурную полемику с оставшимися в живых представителями старых, дофашистских правящих групп и со всей корыстно заинтересованной в этом вопросе печатью, заявив в Монтечиторио, что Италия в дофашистское время не знала настоящей демократии.

² G. Dorso, *La rivoluzione meridionale* (во многих местах).

ным занятиям и не оказали активного содействия антифашистскому сопротивлению.

В некоторых случаях их охватывали даже новые порывы энтузиазма, и именно тогда, когда фашизму удалось ловко сыграть на старых националистических и псевдопатриотических идеях, все еще находивших отклик в душе многих старых либералов и демократов; так было во время войны в Эфиопии, в 1936 году.

Другие, настоящие либералы и демократы типа Парри, увидев крах предпринятых после освобождения попыток добиться политического обновления, помогли разоблачить подлинное лицо традиционных правящих групп — порождение структуры итальянского буржуазно-капиталистического общества — и доказали невозможность влить в них новые жизненные соки и новые силы.

ВТОРОЙ КАБИНЕТ ФАКТА И «ПОХОД НА РИМ»

Хотя образование первого кабинета Факта и было компромиссным решением, результатом одной из тех алхимических манипуляций, которые позволяют (как вообразает иногда парламентское большинство, доживающее последние дни) подменить разрешение проблем ловкой комбинацией, однако этот кабинет казался не хуже других, ему предшествовавших, и не давал вначале повода думать, что он является выражением крайнего упадка итальянской демократии. Лишь июльский кризис 1922 года, то есть тот кризис, который привел к падению первого и образованию второго кабинета Факта, показал, что демократия не может больше найти силу, обладающую хотя бы минимальной внутренней спаянностью. Тем самым он положил начало агонии первого (либерального, конституционного и парламентского) периода политической жизни Италии, агонии тем более мучительной, что тот же июльский кризис дал парламенту возможность серьезно поставить проблему фашизма, но показал в то же время органическую неспособность правящих политических групп разрешить ее.

За немногие месяцы жалкого существования второго кабинета Факта, с начала августа до конца октября 1922 года, завершился исторический кризис итальянской демократии, зарождение которого относится по меньшей мере к «майским радужным дням» 1915 года, а может быть, и к еще более раннему периоду — к тому моменту, когда традиционная ось джолиттианской политики была сломана вследствие введения всеобщего избирательного права, заключения союза с католической цер-

ковью, оформленного пактом Джентилони*, и нарушения мира в результате ливийской войны, то есть к 1911—1913 годам. В деятельности этого второго кабинета Факта можно проследить, как в микрокосме, отражающем все характерные черты макрокосма, различные переплетающиеся между собой мотивы, порожденные этим историческим кризисом демократии. Подробное изучение деятельности этого правительства может поэтому представлять интерес, ибо в ней, как в фокусе, отразился заключительный этап длительного, тяжелого и сложного исторического процесса.

* * *

Если зарождение кризиса итальянской демократии относится к 1915 году и даже к более раннему времени — к 1911 году, то более явно обнаружился этот кризис в послевоенный период.

Начиная с первых лет XX века финансовые и промышленные группы, крупные банки оказывали значительное влияние на политическую жизнь страны, их деятельность сыграла решающую роль в создании той атмосферы, которая сделала возможным принятие решения о вступлении в войну в 1915 году. В соответствующий момент война показалась этим группам ниспосланной провидением возможностью избавиться от кризиса или от угрозы кризиса, вырисовывавшейся на горизонте. В одном исследовании, посвященном этому вопросу, фашистская Конфедерация промышленников вынуждена была откровенно признаться: «Симптомы кризиса перепроизводства, становившиеся все более явными, настоятельно требовали упорядочения, которое продлилось бы несколько лет. Однако началась война, которая потребовала от нашей промышленности непредвиденных производственных усилий»¹.

После вступления Италии в войну прибыли возросли до невероятных размеров, монополии наживались и

* Пакт Джентилони — соглашение между либералами-джолиттианцами и клерикалами о совместной борьбе против социалистов на выборах (1913 год). — *Прим. перев.*

¹ Цитируется в работе Alberto Caracciolo, *L'intervento italiano in guerra e la crisi politica del 1914—1915*, «Società», ottobre — dicembre 1954, p. 989. Отсылаем желающих ознакомиться со всем вопросом в целом к этой статье; см. также Giorgio Gualerzi, *L'intervento italiano nel 1915*, «Il Mulino», agosto—settembre 1954.

процветали, движение пролетариата было временно «дисциплинировано», то есть подавлено.

После войны Антонио Грамши писал: «Итальянское государство политически атрофировалось, ибо атрофировался аппарат промышленного и сельскохозяйственного производства, который составляет сущность политического государства. Вынужденный во время войны и в целях войны вступить в тесную связь с экономическими аппаратами гораздо более мощными, итальянский экономический аппарат был дезорганизован, выведен из равновесия, потерял жизненный импульс. Этот аппарат приобрел чисто финансовый характер, то есть вступил в фазу разложения и распада; законы диалектики позволяли предвидеть наступление этой фазы как логически и хронологически следующей за фазой наивысшего промышленного развития...

Никакое правительство, опирающееся на парламент, даже такое, с которым сотрудничают социалисты, не в состоянии заставить капиталистов (предпринимателей, банкиров, спекулянтов, крупных землевладельцев, высших чиновников) отказаться от присваиваемой ими части произведенной продукции.

Никакое парламентское правительство не может мешать отдельным капиталистам объединяться в промышленные союзы, создавать в области кредита крупные банки и не может помешать этим реальным силам, владеющим средствами производства, останавливать работу с целью взять за горло костлявой рукой голода рабочих и крестьян. Никакое парламентское правительство не может помешать денежным мешкам подкупать правительственных чиновников, военные чины, церковные власти, журналистов, «создавать» удобное им общественное мнение и вызывать к жизни движения против «реформаторского» государства, против государства, «не желающего насиловать историю». Ни у какого парламентского правительства не хватит сил заставить нормально работать разложившийся и прогнивший производственный аппарат. Уговоры и францисканская проповедь тут не помогут. Чтобы добиться такой цели, необходим террор или создание огромного аппарата бюрократического контроля (так называемая национализация), от чего пострадали бы прежде всего рабочие и крестьяне, так как это потребовало бы дополнительно-

го изъятия средств, и производственная деятельность расстроилась бы еще больше»¹. Организовавшись, пролетариат нанес сильный удар главному источнику могущества капиталистов — «свободе присвоения прибавочной стоимости», подорвав таким образом экономические основы капиталистической организации².

Грамши подчеркивал характерную особенность послевоенного периода также в статье «Партия и революция», опубликованной в «Ордине нуово» 27 декабря 1919 года³: «К двум прежним категориям, присваивавшим часть произведенных благ (капиталистам и государству), прибавилась теперь третья, чисто паразитическая: речь идет о мелкобуржуазных элементах, из которых состоит военно-бюрократическая каста, образовавшаяся во время войны. Она поглощает как раз ту другую половину суммы стоимостей всех потребляемых благ, которая может быть создана трудом лишь в будущем, она ее поглощает отчасти непосредственно в виде жалованья и пенсий и отчасти косвенно, так как паразитические функции предполагают существование целого паразитического аппарата»⁴.

¹ Статья Антонио Грамши в «Аванти» от 29 декабря 1919 года, воспроизведенная в сборнике «L'Ordine Nuovo — 1919—1920», Torino, Einaudi, 1954, p. 54—55 (см. А н т о н и о Г р а м ш и, Избранные произведения в трех томах, т. I — «Ордине Нуово (1919—1920)», М., ИЛ, 1957, стр. 82—83).

² А. Г р а м с с и, Il problema del potere, статья, опубликованная в еженедельнике «Ордине нуово», от 29 ноября 1919 года. Ныне воспроизведена в указанном выше сборнике, стр. 56—60 (см. А н т о н и о Г р а м ш и, Избранные произведения в трех томах, т. I — «Ордине Нуово (1919—1920)», М., ИЛ, 1957, стр. 85). Статья была написана после выборов 15 ноября в парламент XXV созыва, которые принесли большой успех социалистической партии, получившей 156 мест из 508, в то время как партия «Пополари» получила 100 мест.

³ А н т о н и о Г р а м с с и, «L'Ordine Nuovo — 1919—1920», Torino, Einaudi, p. 70 (А н т о н и о Г р а м ш и, Избранные произведения в трех томах, т. I, М., ИЛ, 1957, стр. 102—103).

⁴ Историю мелкой буржуазии Грамши резюмировал следующим образом [в статье, опубликованной в выходившем два раза в месяц журнале Пьеро Гобетти «Energie Nove» в февральском номере 1919 года, ныне воспроизведенной в «L'Ordine Nuovo» — 1919—1920», Torino, Einaudi, 1954, p. 189 sgg. (см. А. Г р а м ш и, цит. соч., т. I, стр. 247—248)]: «Это — печальная история мелкой буржуазии, того среднего класса, который в Англии и во Франции приобщился к государственной власти, но в Италии и в России не смог выполнить какую-либо определенную историческую задачу. Мелкая буржуазия была революционна, пока пролетариат, еще слабый и разобщенный, пытался теорети-

Исходя из этого анализа, Грамши ставил вопрос о перспективах в форме дилеммы: «За настоящим этапом классовой борьбы в Италии последует либо завоевание революционным пролетариатом политической власти для перехода к новому способу производства и распределения, позволяющему повысить производительность труда, либо бешеный разгул реакции имущих классов и правящей касты. Будут пущены в ход все средства из арсенала насилия, чтобы обречь промышленный и сельскохозяйственный пролетариат на рабский труд; будет сделано все, чтобы беспощадно разгромить органы политической борьбы рабочего класса (социалистическая партия) и включить органы экономического сопротивления (профсоюзы и кооперативы) в аппарат буржуазного государства»¹. А поскольку, как подчеркивал Грамши в этом докладе, рабочим и крестьянам еще не доставало согласованности действий и революционной сплоченности, поскольку руководящие органы социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда находились в руках реформистов, а оппозиция носила максималистский характер, наступление реакции в тот период, когда оно было развязано, не могло не закончиться победой. Поэтому через несколько месяцев Грамши отмечал: «В настоящий момент силы, которые осуществляют террор, хотят превратить его из террора индивидуального в террор, проводимый в государственном порядке; им мало уже безнаказанности, которой они пользуются по милости государственной власти; они сами хотят стать государственной властью. Вот что означает сейчас термин «установление» реакции: он означает, что реакция стала настолько сильной, что не считает более нужным для достижения своих целей прикрываться шир-

чески осмыслить диалектику своей специфической социальной миссии и служил для интеллигентов внешним материалом для создания идеологических мифов. Но она стала поборницей «порядка», едва рабочий класс, превратившись в единсе целсе в социальном отношении и став внушительной силой, начал своими собственными средствами и методами строить свое будущее, отбрасывая всякие абстрактные схемы, умозрительные построения представителей мелкой буржуазии, уверяющих, что они «тоже пахали».

¹ А. Gramsci, Per un rinnovamento del Partito socialista, доклад, представленный Национальному совету социалистической партии в Милане и опубликованный в «L'Ordine Nuovo» от 8 мая 1920 года, ныне перепечатан в «L'Ordine Nuovo» — 1919—1920», Torino, Einaudi 1954, p. 116 sgg. (см. А. Грамши, цит. соч., стр. 159).

мой конституционного государства; он означает, что она хочет для достижения своих целей использовать все средства, имеющиеся в распоряжении государственной власти; он означает, что Италия идет навстречу новой империалистической войне, которая будет затеяна ради вооруженного ограбления какого-нибудь богатого соседнего народа»¹.

* * *

Такова картина кризиса, который еще более обострился в послевоенный период при сменявших друг друга правительствах Орландо, Нитти, Джолитти и Бономи и привел в феврале 1922 года к образованию первого кабинета Факта.

Не совсем верно, хотя это обычно утверждают, будто решающую роль в приходе к власти этой креатуры Джолитти сыграл выбор, сделанный этим последним. В действительности совет исходил от Де Никола, а Джолитти, узнав об этом, считал, что Факта не должен соглашаться². Кандидатура Факта была предложена после того, как Джолитти не удалось (и не потому, что у него не было желания) самому сформировать правительство, которое стало бы преемником кабинета Бономи, свергнутого голосами социалистов, либералов и фашистов, обвинявших его в благосклонном отношении к пополяри. Закулисную сторону попытки, предпринятой Джолитти, раскрывает Солери, который как автор мемуаров отличается честностью и точностью и, следовательно, его показания заслуживают доверия³. Джолитти предложил Орландо и Де Никола объединиться и образовать новое правительство, которое поставило бы своей задачей противодействовать пополяри и особенно дон Стурцо и, используя декрет о роспуске палаты с не проставленной на нем датой, решительно вступило бы в сражение. После некоторого колебания Орландо согласился, но не так поступил Де Никола; пытаюсь

¹ A. Gramsci, *La reazione*, «Avanti!» del 17 ottobre 1920, ныне перепечатано в «L'Ordine Nuovo» — 1919—1920», Torino, Einaudi, 1954, p. 349 sgg. (См. А. Грамши, цит. соч., стр. 453—454.) Еще 31 января 1920 года, в другой статье («L'Ordine Nuovo» — 1919—1920», p. 395), Грамши писал: «Мы думаем, что буржуазия не может избежать ожидающей ее судьбы иначе, как установив реакционную военную диктатуру, и что рано или поздно она установит ее».

² См. Marcello Soleri, *Memorie*, Torino, Einaudi, 1949, p. 130.

³ Marcello Soleri, *op. cit.*, p. 128—130.

скрыть собственную слабость и отсутствие воли к борьбе, он утверждал, что, если это правительство потерпит поражение, резервы либеральной партии будут исчерпаны. Но еще больше, чем отказ Де Никола, провалу попытки Джолитти способствовало «вето» дон Стурцо, которому, конечно, не могла понравиться перспектива образования кабинета, имеющего своей целью борьбу против партии «пополяри».

Тем не менее нужно было срочно создать кабинет, хоть какой-нибудь кабинет, ибо дело происходило накануне международной экономической конференции в Генуе (10 апреля — 19 мая) и Италия не могла явиться на нее, не имея правительства. Таким образом, именно Де Никола назвал имя Луиджи Факта, и его кандидатура, ставшая необходимой в результате отказа самого Де Никола и Орландо, была горячо поддержана в качестве компромисса джолиттианцами и одобрена Каваццони и Де Гаспери, несмотря на несогласие других руководителей пополяри, одобрена, как писал открыто дон Стурцо, возражавший против нее, «из-за усталости» и желая избежать конфликта между парламентской фракцией и руководством партии. «Таким образом,— отмечал основатель партии «пополяри»,— значение битвы и ее последствия в парламентской и политической жизни, можно сказать, свелись к нулю, так как единственным положительным результатом борьбы было согласие демократов на государственный экзамен* и последующее назначение Аниле министром народного просвещения; однако в ходе этой борьбы определился поворот демократов в сторону фашистов, которых рассматривали как верную гарантию в будущем против группы пополяри (ее ошибочно считали мятежной, беспокойной и деспотичной), желая унижить и лишить ее силы»¹.

Антиджолиттианская позиция партии «пополяри» во время февральского кризиса не встретила одобрения даже у автора, написавшего историю этой партии²: «Это

* Партия «пополяри» выступала за установление единого выпускного экзамена для всех школ, что позволило бы ей уравнять в правах частные школы, находящиеся под эгидой церкви, с государственными.— *Прим перев.*

¹ Luigi Sturzo, Popolarismo e fascismo, Torino, Gobetti, 1924, p. 50 sgg.

² Stefano Jacini, Storia del Partito popolare italiano,

была по сути дела,— писал Ячини,— борьба в чисто моральной плоскости против так называемого джолиттианства, которое в тот момент играло целиком и полностью на руку наступающему фашизму, следовательно, борьба в защиту демократического режима. Однако — и было бы бесполезно отрицать это — ошибка партии «пополяри», и притом тяжелая ошибка, состояла именно в том, что она не отдавала себе отчета в невозможности разрешить, исходя из критериев парламентской политики (какими бы верными они ни были) и из критериев морали, тот кризис, который уже явственно приобретал черты кризиса режима. Мы не знаем, сумел ли бы восьмидесятилетний Джованни Джолитти, если бы он пришел к власти в феврале 1922 года, овладеть положением — спасти конституцию и уберечь страну от так называемой фашистской революции; мы даже сильно сомневаемся в этом; Джолитти одряхлел, его старая тактика, тактика хитроумных комбинаций, основанная на принципе *divide et impera* *, уже утратила былую эффективность, его оружие притупилось. Но несомненно одно: перед лицом событий, которых все ожидали в ближайшем будущем, хотя никто или почти никто не мог предугадать их значения, Джованни Джолитти казался единственным в стране человеком, способным твердой рукой держать кормило власти».

Противник дон Стурцо и партии «пополяри» джолиттианец Альфредо Фрассати¹ признал, что они были «вправе» отказать в поддержке Джолитти в феврале 1922 года. Что же касается способности Джолитти противостоять фашизму, то необходимо учитывать то, что писал Антонио Грамши в конце 1920 года, когда наметилось осуществление второй части политической программы Джолитти («восстановление государства»), за-

Milano, Garzanti, 1951, p. 123. О «вето» дон Стурцо в отношении кандидатуры Джолитти и о «закате» этого последнего см. «Lezioni di storia moderna tenute dal prof. Nino Valeri nell'anno accademico 1954—1955», all'Università commerciale «Luigi Bocconi», Milano, «La goliardica» — Edizioni Universitarie, 1954, p. 28 sgg. и особенно 32—33.

* Разделяй и властвуй (*лат.*). — *Прим. ред.*

¹ A l f r e d o F r a s s a t i, Il veto a Giolitti nel 1922. Don Sturco e la «visione dell'imminente catastrofe», «La Stampa» del 10 settembre 1955. О тех действиях дон Стурцо в сентябре — октябре, которые сам Фрассати рассматривает как его второе и более реальное «вето», см. дальше.

вершившееся выборами 1921 года и попыткой использовать фашистов против социалистов и «пополяри»¹: «Что же это за «реакция», которую предвещает «Стампа»? Что означает «осуществление правосудия» и т. д. и т. п.? Прежде всего нужно уяснить себе следующее обстоятельство: г-н Джолитти всегда был реакционером, более того, г-н Джолитти был типичным деятелем итальянской капиталистической реакции. Капитализм становится реакционным тогда, когда ему не удается больше справляться с производительными силами страны. Итальянский капитализм начал становиться реакционным с тех пор, когда итальянское правительство, отказавшись от политики свободы торговли, проводившейся графом Кавуром и старой «правой», вступило на путь протекционизма и «политики реформ». Будучи неспособен справиться с производительными силами Италии в условиях свободной конкуренции, капитализм превратил государство в своего непосредственного торгового агента, превратил национальную армию, бюрократию, суд, все органы государственной власти в орудия, непосредственно призванные обеспечить его господство и дальнейшее развитие. Г-н Джолитти был политическим деятелем, наиболее ярко олицетворявшим собой эту политику итальянского капитализма.

Сейчас г-н Джолитти продолжает и не может не продолжать свою традиционную линию: он по-прежнему остается реакционером. Сейчас г-н Джолитти усиливает свою реакционную деятельность, потому что капитализм оказывается все более неспособным справиться с производительными силами. Тактика вскармливания «рабочей аристократии» уже не является эффективной; ничего не дает и тактика поддержки кооператоров Реджо-Эмилии, сочетаемой с избиением крестьян-бедняков Юга; ничего уже не дает тактика прямого подкупа депутатов-социалистов Севера, сочетаемого с наводнением парламента бессловесными пешками, избранными на Юге в результате полицейских мер со стороны префектов и запугивания со стороны приспешников Де Беллиса. Сейчас широкие народные массы участвуют в экономической и политической борьбе; сейчас капиталистам

¹ A. Gramsci, Che cos'è la reazione? «Avanti!» del 24 novembre 1920 [«L'Ordine Nuovo» — 1919—1920», p. 365—367 (А. Грамши, цит. соч., стр. 471—472)].

становится все труднее вырывать хлеб изо рта у промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Требуются сильные средства: буржуазное государство должно становиться все более реакционным, должно все более прямым и насильственным путем вмешиваться в классовую борьбу, чтобы подавить попытки пролетариата сделать тот или иной шаг навстречу своему освобождению... Коммунисты предвидели это развитие еще в самом начале мировой войны, которая явилась кризисом, ясно показавшим неспособность капитализма управлять производительными силами мира без активного и постоянного применения прямого насилия». Как мы попытаемся показать в этом очерке, анализ и оценка Грамши во всем существенном сохраняют свою силу и для той деятельности Джолитти, которую он развернул, находясь вне правительства, куда ему не удалось вернуться в феврале 1922 года.

* * *

Существование правительства Факта зависело от его способности оказывать сопротивление действиям фашистов. И нельзя сказать, чтобы в первые месяцы оно было совсем лишено этой способности¹. Но весной, когда фашисты развернули операции большого масштаба (в Милане, Болонье, Ровиго, Ферраре), правительство сделало первые серьезные уступки перед лицом насилия или угрозы насилия².

¹ См. *Luigi Salvatorelli e Giovanni Mira, Storia del fascismo — L'Italia dal 1919 al 1945, Roma, Novissima, 1952, p. 133.*

² Там же, стр. 134—137. Захват Феррары произошел в апреле (о прецедентах, имевших место в 1921 году, см. *Angelo Tascia, Nascita e avvento del fascismo, Firenze, La Nuova Italia, 1950, p. 157 sgg.*). Операция обосновывалась двояко: добиться организации общественных работ для безработных (45 тысяч бастующих заняли город) и освобождения друга Бальбо — Барончини, арестованного за несколько недель до этого за бесчисленные насилия. Префект уступил (см. *Luigi Salvatorelli e Giovanni Mira, op. cit., p. 292, 352, p. 73 и Italo Balbo, Diario 1922, Milano, Mondadori, 1932, p. 49—56, где восхваляется победа фашистов*). Что касается операции в Болонье, то она была вызвана приказом, изданным в конце мая префектом Мори, в котором запрещалось перемещение рабочих в некоторых коммунах провинции. Это распоряжение, имевшее целью избежать конфликтов между бастующими и штрейкбрехерами, на вербованными фашистами, было, разумеется, невыгодно для этих последних и, наоборот, выгодно для профсоюзных организаций батраков, которыми руководили социалисты. В знак протеста

В условиях борьбы внутри страны первый кабинет Факта в своих отношениях с политическими группировками оказался под бременем факторов, налагавших на него двойное и противоречивое обязательство: с одной стороны, он обязался защищать законность и сдерживать, следовательно, стремление фашистов выйти за ее пределы, а с другой стороны, фашисты предупредили его, чтобы он и не пытался вести против них решитель-

ста руководство фашо Болоньи 27 мая вышло в отставку, передав полномочия комитету действия, который организовал демонстрации против префекта, а также разгром помещений Независимого общества потребителей и провинциальной Федерации работников земледелия [Федерация работников земледелия (Федератerra) — профсоюзная организация батраков и польщиков.— *Ред.*]. 29-го секретариат НФП (Национальной фашистской партии) объявил «всеобщую мобилизацию всех фашистов Болоньи», которые удерживали город в течение пяти дней, пока не добились капитуляции правительства, фактически пообещавшего перевести префекта Мори,— и спустя несколько дней он действительно был переведен из Болоньи в Бари (см. А. Т а с с а, *op. cit.*, p. 292—293). О действиях, которые фашисты предпринимали в эти месяцы в Эмилии в экономической и профсоюзной областях и характер которых становился все более откровенно реакционным, см. L u i g i P r e t t i, *Le lotte agrarie nella Valle Padana*, Torino, Einaudi, 1955, p. 452 sgg.; автор приходит к следующему выводу: «Эти суммарные данные более чем достаточны, чтобы показать, что фашистская программа является программой аграриев, направленной на полное восстановление прежних порядков. Совершенно неверно, будто идеология фашизма в экономической области — это мелкобуржуазная идеология, об этом свидетельствует тот факт, что в области аграрной политики фашисты выступали против идей и программы католиков (которые доподлинно мелкобуржуазны) столь же энергично, как и против идей и программы социалистов. Легко также доказать, что в этой области фашизм был правее консервативных течений либерализма. Тот самый Арриго Серльери, который перешел к фашистам, как все либералы-консерваторы из определенных кругов этого течения, позднее вынужден был признать, что не были осуществлены даже те скромные реформы в области сельскохозяйственных договоров, которые он считал экономически оправданными. Очевидно, фашизм не хотел и не мог причинить ни малейшего беспокойства землевладельцам» (стр. 477). А. Таска (А. Т а с с а, *op. cit.*, p. 301) приходит к тому же заключению: «Разнообразие элементов, которое можно было обнаружить в фашизме 1919—1920 годов, все более сглаживается и, не исчезая полностью, уступает место более однородному по своей направленности движению, так что в 1921 году и особенно в первой половине 1922 года фашизм, его сущность можно определить как наступление буржуазии против реформистского социализма, воплощенного в социалистических муниципалитетах, коллективных трудовых договорах, биржах труда и кооперативах, и особенно против реформизма в сфере аграрных отношений,— наступление, которое вели землевладельцы Паданской равнины Тосканы и Апулии».

ную борьбу¹; причем это предупреждение поддержало громадное большинство либерально-демократической группы парламента и, следовательно, его нельзя было не учитывать. В зависимости от настроений, от тех или иных особых обстоятельств и соображений и прежде всего в зависимости от того, удавалось ли фашистам в каждом отдельном случае сохранить или добиться симпатий других политических групп или эти симпатии ослабевали (дело сводилось, следовательно, к вопросу «меры» и «стиля», к которому Муссолини всегда был очень чувствителен)², палата депутатов терпела или осуждала насилия и беззакония фашистов, число которых продолжало постепенно возрастать.

Особенно проявилось это в середине июля 1922 года. С 9 по 14 июля — пять дней всеобщей забастовки в Новаре, закончившейся вмешательством фашистов и последующей ожесточенной экономической и политической борьбой³; 12—14 июля — вторжение фашистов в Витербо и Алатри, куда они прибыли на 80 грузовиках из Рима и сельских районов Лацио⁴; 12—17 июля — массированные налеты на помещения и организации социалистов и пополяри в Кремоне, муниципалитет которой был захвачен еще 5-го числа⁵. Именно нападение на

¹ Во время дискуссии в парламенте, происходившей с 15 по 17 февраля (вследствие отказа короля принять отставку кабинета Бономи) и закончившейся принятием вотума недоверия, что привело к окончательному падению правительства, Муссолини сказал между прочим: «Создавайте правительство или не создавайте, делайте его левым или не делайте, одно должно быть ясно: чтобы избежать опасного прыжка во тьму, нельзя идти против фашизма, нельзя подавлять фашистское движение».

² Операции в Ферраре и Болонье последовали одна за другой с коротким интервалом (апрель — май). Озабоченный тем, чтобы не перейти известные границы, Муссолини писал 2 июня Итало Бальбо: «Дорогие друзья, надо приостановить на некоторое время (очень короткое) ваши великолепные действия. Выступая против нас впервые после бесконечных уступок, государство хотело показать свою жизнеспособность и силу сопротивления. Примем к сведению...» (I. V. I. b o, Diario, p. 85.) Как мы увидим, Муссолини повторил эту уловку в Кремоне.

³ За этим последовало объявление 19 июля всеобщей забастовки в Пьемонте.

⁴ Это вызвало протест депутатов-социалистов и пополяри, с которым они обратились к Факта и Казертано, помощнику министра внутренних дел.

⁵ Фашистское наступление на Кремону началось 5 июля (поводом к нему послужила налоговая забастовка собственников против социа-

Кремону вызвало впоследствии кризис первого кабинета Факта. Оно явилось составной частью мероприятий, направленных на осуществление плана вооруженного завоевания Италии при помощи «клещей», в которые фашисты должны были «зажать» Эмилию и Романью,—плана, провозглашенного Муссолини 15 июля в «Пополо д'Италия». В полдень 13 июля в Кремоне были разгромлены Палата труда, помещение социалистической газеты, коммунистическая типография, различные кооперативы и квартиры депутатов Гуидо Мильоли (партия «пополари») и Джузеппе Гариботти (социалист)¹. 15 числа

истического муниципалитета), после оскорбительного письма Роберто Фариначчи префекту Гуаданьини, которое, однако, королевский прокурор, получивший его от представителя правительства, не счел достаточным основанием для судебного преследования.

¹ Мильоли и Гариботти заключили соглашение между Бюро труда и Лигой муниципалитетов, возглавляемых пополари, с одной стороны, и Палатой труда и Лигой социалистических муниципалитетов — с другой; но это соглашение было дезавуировано руководством обеих партий [см. S. Jacini, op. cit., p. 299; Giorgio Candello, Il movimento cattolico in Italia, Roma, Edizioni Rinascita, 1953, p. 442 (см. Дж. Канделло, Католическое движение в Италии, М., 1955, стр. 472)]. Описание захвата муниципалитета Кремоны, вторжения в префектуру и разрушения дома Мильоли содержится в книге Roberto Farinacci, Squadristo — Dal mio diario della vigilia (1919—1922), Roma, Ardita, 1933, p. 125—136. Следует отметить, что в каком бы драматическом тоне ни старался вести повествование Фариначчи, ему не удастся скрыть того обстоятельства, что полиция ни разу не оказала сопротивления беззакониям и погромным действиям кремонских фашистов; что префект Гуаданьини, оказавшись перед фактом вторжения сквадристов в его собственное служебное помещение, недвусмысленно заявил о своем нежелании идти против воли фашистов; что, несмотря на насилие и погромы, несмотря на захват самого административного здания, Факта капитулировал перед Фариначчи, издав декрет о роспуске социалистического муниципалитета Кремоны, в то время как префект Гуаданьини получил по телеграфу приказ о переводе его в другое место ввиду проявленной им слабости! Как явствует из репортажа, помещенного на следующий день в радикальной миланской газете «Секоло» (ее главным редактором был Миссироли) и повествующего о насилиях, совершенных 13 июля, сквадристы шествовали по улицам города в сопровождении карабинеров, прикрывавших их с флангов, и, когда они нападали на Палату труда, типографию и кооперативы, все круша и предавая огню, им всегда удавалось или «преодолеть», или «избежать» сопротивления полиции. И то и другое казалось невозможным для колонны крестьян, отправившихся к тюрьме Лентини, чтобы потребовать освобождения заместителя мэра, арестованного по туманному обвинению в выдаче разрешений на изготовление взрывчатых веществ: полицейские встретили их огнем из карабинов, и они оставили на месте четырех убитых—трех мужчин и одну женщину, а многие из них были арестованы (см. «Il Secolo» del 14 luglio 1922).

помощник министра Казертано ответил на четыре запроса о событиях в Кремоне; между прочим, он заявил: «Если муниципальные власти намерены вернуться в свое служебное помещение, правительство поддержит их, но если бы они решили не делать этого, то их отставка могла бы разрядить атмосферу». Правительство, подчеркивали Модильяни и Тревес, практически потворствовало фашистам и, во всяком случае, оказывало подобными декларациями прямую поддержку сквадризму. Тревес, отвечая Казертано, обратил внимание присутствующих на то, что правительство, которому фашисты своим воззванием и всеми своими действиями во время этих событий публично бросили вызов и которое допустило тем не менее концентрацию сквадристов, прибывших на грузовиках из провинции Пьяченца, должно рассматриваться или как «сообщник», или как «бессильный евнух»¹. Правительство не отдало приказа об аресте в Кремоне даже тех лиц, ответственность которых была хорошо известна². Дискуссия еще продолжалась, когда в Монтечиторियो пришла весть о нападении на дом Мильоли. Возникло страшное волнение; заседание было прервано в знак солидарности с депутатом пополяри. За исключением групп «правой» (либералов из группы Саландра, националистов и фашистов), вся палата устроила внушительную манифестацию сочувствия Мильоли. Муссолини попытался повторить маневр, уже использованный им пятнадцать дней назад в Болонье; не желая переходить известных границы, он отдал в этот момент приказ прекратить оккупацию Кремоны³. Но было слишком поздно; настроение уже определилось явно не в пользу фашистов, правительственный кризис стал отныне неизбежным.

Прежде чем коснуться того момента, когда о кризисе было официально объявлено, полезно ознакомиться с комментариями по крайней мере двух печатных органов:

¹ О заслугах и энергии социалистического муниципалитета Кремоны и о фашистских варварствах рассказывал на том же заседании сам Мильоли.

² См. «Il Secolo» del 18 luglio 1922.

³ Приказ муссолини был отдан 17 июля. («Будет лучше,— писал он Фариначчи,— еще раз продемонстрировать дисциплинированность и не форсировать события, чтобы не оказаться в тулнике». См. R. F a g i n a s s i, *Squadrisimo — Dal mio diario della vigilia (1919—1922)*, Roma, Ardita, 1933, p. 13'.)

органа фашистов и органа крупной буржуазии Севера. «Пополо д'Италия» в номере от 16 июля, комментируя создавшееся положение, заявляла, что умиротворение возможно лишь после победы одной из двух борющихся партий, а пока необходимо — «любыми средствами» — добиться закрытия заседаний парламента, роль и возможности которого сводятся к разжиганию страстей и ненависти. Утром 19-го (после полудня должно было состояться голосование в парламенте) орган Муссолини опубликовал корреспонденцию Гаэтано Польверелли из Рима, выступавшего против развязывания правительственного кризиса, который «означал бы прыжок во тьму». Очевидно, фашисты боялись образования правительства не только антифашистского, но даже такого, которое способно было бы оказать сопротивление фашизму: фашисты могли действовать и добиваться все новых успехов только при условии открытой поддержки или по крайней мере снисходительного отношения властей и, следовательно, сил порядка.

Что касается «Коррьере делла сера», то для этого крупнейшего органа буржуазной печати атаки фашистов, которые он всегда изображал в самом благоприятном для нападавшей стороны свете, послужили предлогом, чтобы развернуть кампанию против «сотрудничества» с социалистами. Эта буржуазная газета выступала не только против участия социалистов-реформистов в правительстве, но и вообще против какого бы то ни было сотрудничества с демократическими силами, имевшего целью пресечь распространение фашистских беззаконий. Об этом красноречиво говорят передовицы от 18 и 19 июля. Можно привести здесь характерный отрывок из передовицы от 18 числа: «То, что произошло в Кремоне, непростительно, но когда видишь, с каким энтузиазмом, плохо прикрытым лицемерно холодной пагетикой¹, подхватили кремонский эпизод ярые приверженцы «сотрудничества», дабы, использовав его, попытаться свергнуть правительство до роспуска парламента на каникулы и довести свое дело до конца раньше, чем

¹ «Коррьере делла сера» подхватывает здесь обвинения фашистов против Мильоли, упрекавших его в том, что он спекулирует нападении на «отчий дом», в то время как это была лишь недавно снятая им квартира. Об этом см. Efreim Ferraris, *La marcia su Roma vista dal Viminale*, Roma, Leonardo, 1946, p. 23.

соберется съезд социалистов,— то начинаешь сомневаться, не оказывает ли отравленная атмосфера Монтечиторио более вредное влияние на жизнь нашей страны, чем даже накаленная атмосфера, создаваемая насильями мятежников».

Но ни угрозы фашистов, ни двусмысленные рассуждения газеты Альбертини не могли уже предотвратить кризиса. Этого не смогли сделать и демократические парламентские фракции¹: вечером 17 июля на важном

¹ Приводим здесь сведения о 13 парламентских фракциях. Существовало четыре фракции демократов: *демократы* (просто демократы, без прилагательных) — 42 депутата — следовали за Джолитти; в эту фракцию входили, среди других, Витторио Эмануэле Орландо, Джованни Амедола, Рафаэле Де Каро, Андреа Финоккьяро-Априле, Джузеппе Параторе и Акилле Визокки; фракция *либеральных демократов* (консервативная) насчитывала 24 депутата, среди которых были Джузеппе Бевионе, вышедший из рядов националистического движения, Джузеппе Де Нава и Джузеппе Грасси; фракция *социальных демократов*, возникшая во время войны и, несмотря на свое название, более близкая к фашистам, чем к социалистам, насчитывала 41 депутата, лидером которых был Джованни Колонна Ди Чезаро и среди которых были Антонио Казертано, Франческо Д'Алессиньо, Луиджи Фера, Эмануэле Финоккьяро-Априле, Луиджи Фульчи, Луиджи Гаспаротто, Джованни Гуарино Амелла, Артуро Лабриола (вышедший из нее после «похода на Рим» в знак протеста против поддержки, которую группа оказала фашистам), Вирджилио Нази, Джованни Персико и Паскуалино Вассалло. Фракция *социалистов-реформистов* состояла из 26 депутатов, среди них были Иваноэ Бономи, Альберто Бенедуче, Франческо Черабона и Арнальдо Делло Сбарба; фракция *пополяри* включала 106 депутатов, фракция *социалистов* — 122, фракция *коммунистов* — 13, фракция *аграриев* (консерваторы) — 23. Правые образовали три фракции: *либерально-демократическую* (21 депутат) из последователя три Антонио Саландра, среди них были Антонио Стефано Бенни, президент Конфиндустрии, Джованни Челезиа ди Вельяско, Альфредо Кодаччи Пизанелли, Джузеппе Де Капитани, Винченцо Риччо, Дино Филипсон и Джино Сарроки; *националистскую* из 11 депутатов, среди которых были Альфредо Мизури, Джелазиньо Казтани, Франческо Саверио д'Айала, Луиджи Федерони, Эцио Мариа Грэ, Паоло Греко, Рафаэле Паолуччи, Альфредо Рокко и Фульвио Сувич; *фашистскую* из 32 депутатов во главе с Бенито Муссолини, среди них были Джакомо Ачербо, Леондро Арпинати, Карло Буттафоки, Джузеппе Карадонна, Костанцо Чиано, Альберто Де Стефани, Чезаре Де Векки (пока без добавления «ди Валь Чисмон»), Алессандро Дудан, Альдо Финци, Сильвио Гэ, Франческо Джунта, Джованни Джуриати,

собрании руководителей парламентских фракций в Монтечиторио, в котором приняли участие от пополяри Де Гаспери, от демократов (джолиттианцев) Кокко-Орту, от социальных демократов Ди Чезаро, от либеральных демократов Де Нава и от итальянских демократов Фальчони, только Кокко-Орту выступил против мнения Ди Чезаро и Де Нава, согласно которому необходимо было избежать парламентской дискуссии по вопросу о внутреннем положении; демократы не хотели развязывания кризиса в парламентской сфере, ибо он мог разрешиться лишь созданием левого кабинета, и требовали поэтому не развязывать кризиса вовсе, если же он все-таки начнется, разрешить его внепарламентским путем.

Эти парламентские фракции демократов располагали все вместе 143 голосами, правые фракции — 64 голосами, а если к ним присоединить 23 голоса аграриев, то приблизительно 90 голосами, «Либералы, националисты и фашисты, — пишет Саландра¹, — занимали, не заполняя их целиком, скамьи «правой», почти пустые в парламенте прошлого созыва. Они составляли, согласно действующему регламенту, различные группы, но между ними существовало взаимопонимание; и не сливаясь, они пытались (правда, несколько нерегулярно) согласовывать свои действия путем принятия совместных решений. В общем, национальная «правая» (таково было прекрасное и благородное наименование, которое она приняла) существовала де-факто, вызывая негодование левых групп, ибо они чувствовали, что общественное мнение склоняется на сторону «правой», и поэтому стремились отстранить ее от всякого участия в правительстве». В марте 1922 года Саландра замышлял даже создание национальной лиги трех правых фракций, которое не было осуществлено из-за сопротивления фашистов, мало склонных отказываться от полной самостоятельности, тем более что они все равно располагали полной поддержкой и парламентской солидарностью националистов и саландристов. Как бы то ни было, три

Луиджи Ланфранкони, Альдо Овильо. Наконец, в смешанной фракции мы находим среди других Джузеппе Канепа, Умберто Као, Инноченцо Каппа, Джованни Конти, Чино Макрелли, Пьетро Мастино, Умберто Маццолани и Паоло Орано.

¹ Antonio Salandra, *Memorie politiche* (1916—1925), Milano, Garzanti, 1951, p. 14.

правые фракции действовали в парламенте под руководством Саландра, хотя этого было недостаточно, чтобы полностью прекратить частые распри между фашистами и националистами¹, о которых пойдет речь ниже.

Относительно избрания в парламент XXIV созыва (заседания которого открылись в июне 1921 года) значительного числа депутатов-фашистов Джолитти писал: «Те самые люди, которые ранее говорили о нежелательности новых выборов, теперь, после выборов, хотели найти в их результатах подтверждение правильности своей точки зрения, поскольку эти результаты не привели к существенным сдвигам в распределении голосов, достаточным для того, чтобы решительно изменить ситуацию. Однако это мнение абсолютно ошибочно. Я тоже не предполагал и не ожидал резкого изменения ситуации в этом смысле; такому изменению мешает, между прочим, пропорциональная избирательная система, которую, кажется, ее идейные вдохновители мыслили прежде всего как средство, долженствующее воспрепятствовать таким резким и радикальным изменениям, именовавшимся парламентскими революциями, которым как раз слишком благоприятствовала, по их мнению, мажоритарная система. Действительно, по сравнению с ноябрьскими выборами 1919 года на майских выборах 1921 года (при числе голосовавших, равном примерно 8 миллионам) свыше полумиллиона голосов перешло от мятежных партий к партиям конституционным — сдвиг, конечно, пропорционально очень большой для такого короткого промежутка времени. При мажоритарной системе и ограничении числа избираемых от каждого округа одним депутатом этого было бы достаточно, чтобы сократить более чем наполовину (по сравнению с прошлыми выборами) число депутатов-социалистов, коммунистов и республиканцев; в то же время при пропорциональной системе такая передвижка голосов могла привести лишь к перемещению 20—30 мандатов, что как раз и произошло. Но нельзя оценивать результаты выборов (особенно при этой системе) только по числу мест, завоеванных или потерянных теми или иными партиями, их нужно оценивать также по общему характеру новой палаты, избранной на этих выборах. Несомненно.

¹ См. Antonio Salandra, op. cit., p. 14—15.

палата, избранная в мае 1921 года, оказалась по своему духу (и это сразу же проявилось) во многом иной, чем палата, избранная в 1919 году. Не говоря уже о том, что социалисты и коммунисты потеряли 24 места, эти выборы ознаменовались заметным качественным улучшением состава избранников. На этих выборах фашистская партия смогла провести в парламент своих представителей — когорту из 30 депутатов, в большинстве своем молодых и проникнутых боевым духом фашистов. Я считал это положительным явлением; поскольку фашизм уже представлял собой реальную силу в стране, было хорошо, что он имел отныне своих представителей в парламенте — это отвечало моей старой концепции, согласно которой все силы страны должны быть представлены в парламенте и выражать там свою точку зрения. В общем, новая палата являла собой прежде всего картину оживления конституционных сил, которые в парламенте прежнего состава, особенно в первые месяцы, выглядели весьма обескураженными¹. Таким образом, фашисты, собиравшиеся совершить антиконституционный переворот, о чем они уже открыто заявляли в течение двух лет, были в глазах Джолитти конституционными силами.

На заседании парламента 19 июля 1922 года демократическим фракциям, так же как и правым, пришлось отказаться от намерения воспрепятствовать развязыванию кризиса. Дальше мы увидим, как это произошло. Между тем Факта, которому кризис должен был казаться неизбежным (судя хотя бы по холодности, проявленной по отношению к нему главами фракций на вышеупомянутом собрании), ухудшил свое положение несколькими заявлениями для газет, в которых утверждал, что «все спокойно!» «Это проявление слепого оптимизма,— справедливо заметила 18 июля радикальная миланская газета «Секоло»,— уже одно способно вызвать беспокойство, так как обнаруживает у председателя совета министров совершенно ложное представление о происходящем». В период этого кризиса возобновились инци-

¹ Giovanni Giolitti, *emorie della mia vita*, Milano, Garzanti, 1945, p. 609—611. В противоположность Джолитти А. Таска (А. Таска, *op. cit.*, p. 188) считал, что новая палата была «еще менее послушной, чем первая».

денты в провинции Новара (17—18 июля), во время которых было убито 3 и ранено около 25 человек, и в Толентино, где 17 июля отряд фашистов захватил и сжег народный дом и Палату труда.

19-го палата возобновила свои заседания. Социалисты представили резолюцию, которую нельзя было истолковать иначе, как выражение недоверия: «Палата предлагает правительству с должной энергией защищать свободу, жилища и жизнь граждан, гарантировать полное и свободное осуществление полномочий законодательной власти, находящихся под страшной угрозой и грубо нарушаемых».

Факта, признав в своей речи серьезность недавних инцидентов, происшедших после неоднократных попыток добиться примирения (которые, казалось, имели успех), проявил на словах твердость: он обещал принять соответствующие законодательные меры и установить надзор за правительственными чиновниками; но этого было слишком мало, чтобы гарантировать соблюдение законности, и аплодировали ему только правые группы и отдельные депутаты-демократы.

Именно в этот момент пополяри решительно взяли в свои руки инициативу и приняли на себя решающую роль в деле развязывания кризиса. Они представили резолюцию, открыто выражавшую недоверие правительству (резолюцию Лонджинотти), после чего социалисты взяли обратно свой проект.

За день до этого орган пополяри — болонская «Коррьере д'Италия», комментируя основные моменты фашистского стратегического плана завоевания Италии, писала: «Или все, что говорит г-н Муссолини, неправда, и в таком случае нельзя позволять какому-то дерзкому оратору запугивать целую нацию бахвальством дурного тона; или все это правда, и тогда очевидно, что бедняжке Италии угрожает серьезная опасность... Вот какова проблема; и парламент и правительство должны иметь смелость взяться за разрешение этой проблемы».

Гронки, выступивший 19 июля, чтобы разъяснить палате резолюцию Лонджинотти, казалось, хотел стать выразителем этого твердого намерения пополяри оказать сопротивление фашизму. Упрекнув Факта в том, что он не защищал авторитет государства против беззаконий, он добавил: «Вы не могли сделать этого, несмотря на

всю вашу добрую волю, из-за характера и состава нынешнего большинства, сплоченность которого объясняется соображениями парламентской тактики, то есть оппортунистическими соображениями, а не единством политических и социальных взглядов». Эти слова приобрели важное значение после образования второго правительства Факта, так как они свидетельствовали о том, что пополяри отошли от своей программы и не выполнили своих обязательств.

Увидев, что создается обстановка антифашистского единодушия, которое может привести к объединению всех групп, от демократов до социалистов, и, следовательно, к росту опасности «сотрудничества», Муссолини заявил, что в отличие от националистов и либералов-саландристов фашисты будут голосовать за резолюцию пополяри, то есть против Факта. Этот маневр преследовал единственную цель: внести по крайней мере некоторое замешательство в ряды противника. Чтобы это голосование не было впоследствии ложно истолковано, Муссолини написал в «Пополо д'Италия» статью, в которой утверждал, что фашисты разделяют антисоциалистические и антидемократические устремления, которые охватывают все более широкие круги общества по всей Европе; «то, что мы вовремя заметили развитие этих противоборствующих социализму и демократии тенденций, позволило нам пересмотреть с начала до конца исторические и теоретические позиции фашизма, в результате чего фашизм постепенно освободился от той первоначальной оснастки, которая могла придать ему вид левого или близкого к левому движения».

Дав это разъяснение, фашистская группа проголосовала против Факта, стремясь исказить политическое значение этого парламентского голосования; ведь это голосование уже не объединяло пополяри, демократов и социалистов против всех правых, но смешивало их с самими фашистами.

Перед лицом этого маневра Муссолини и несмотря на этот маневр Гронки заявил, что на деле ничто не отделяло правых — саландристов и националистов от фашистов, с которыми у них не было никаких явных расхождений¹. Слова эти станут обвинением для пополяри

¹ Несколько дней спустя, 25 июля, говоря о том, что «правые либералы не нашли нужным разъяснить свою позицию по отношению

после формирования второго кабинета Факта; участие правых было, по словам Гронки, главным противоречием, приведшим к падению первого правительства Факта, и то же противоречие, на сохранение которого вновь согласятся пополяри, лишит устойчивости и дееспособности его второй кабинет.

Другие заявления по мотивам голосования сделали Сарроки от имени саландристов, Ди Чезаро от демократов, Турати от реформистов, Велла от максималистов и Грациаден от коммунистов.

При голосовании резолюция Лонджинотти получила 288 голосов против 103. Первый кабинет Факта потерпел поражение и вечером того же дня ушел в отставку.

Казалось, что этот правительственный кризис не так уж трудно разрешить, по крайней мере в парламентском плане. В стране, привыкшей к кризисам, развивавшимся внепарламентским путем или возникавшим хотя и в результате парламентских решений, но в связи с процедурными или, во всяком случае, второстепенными вопросами, кризис, причины которого были столь четко изложены в резолюции Лонджинотти и о характере которого столь недвусмысленно свидетельствовало голосование (фашистский маневр был наивен и фактически не смог затемнить его смысла), представлял исключение и, казалось бы, открывал ясные и легко реализуемые перспективы. Этот кризис носил антифашистский характер и требовал, следовательно, его разрешения в столь же определенном антифашистском духе.

Но вместо этого горизонт с самого начала покрылся тучами, и решение, которое казалось совсем близким, отодвинулось вдаль. Так же как и в феврале, партия «пополяри», вызвав кризис, оказалась перед необходимостью (но на этот раз более настоятельной) выдвинуть одного из своих деятелей на пост председателя совета

к фашистам», «Коррьере делла сера», сочла «просто непостижимым», как «партия [правые], основой программы и идеологии которой является существующий режим, конституция и порядок, не может отделить себя от партии [фашистской], которая не гарантирует, что завтра или послезавтра она не устроит восстания»; но комментарии органа северной буржуазии имели совершенно иной смысл, чем аналогичные комментарии депутата-пополяри, что мы докажем далее.

министров. И у нее был человек, который, казалось, обладал всеми необходимыми для этого качествами; это был Филиппо Меда, депутат с 1909 года, министр финансов в кабинетах Бозелли и Орlando и министр казначейства в последнем кабинете Джолитти. Но Меда не хватало решительности, а его партия не прилагала достаточных усилий, чтобы придать ему смелости. Наоборот, партия «пополяри» сама переживала внутренний кризис, который обуславливал ее колебания. Святой престол откровенно выразил свое недовольство пополяри, голосовавшими 19 июля вместе с социалистами против Факта¹. Показателен поступок депутата-пополяри дона Франческо Бонкомпаньи-Лудовизи, представителя клерикальной аристократии, которого считали преданным слугой Ватикана: этот депутат, отмежевавшись от своей группы, голосовал за доверие Факта.

Нерешительность, колебания и противоречия, отличавшие партию «пополяри» во время июльского кризиса, обнаружились уже в период первого кабинета Факта, в котором католическая партия была представлена тремя министрами: Джованни Баттиста Бертоне — министром финансов, Антонио Аниле — министром народного просвещения и Джованни Баттиста Бертини — министром земледелия. Характерный эпизод разыгрался в палате 13 июля, когда руководство парламентской фракции пополяри — Де Гаспери и Гронки — устами последнего заявило собранию, что депутаты от католической партии будут голосовать против аннулирования мандата фашиста Гуидо Пигетти (избрания которого добились с помощью явного насилия, что было доказано) и за «более глубокое расследование», которое могло дать фашистскому депутату возможность выйти из положения. Мотивы этого заявления Гронки, повергшего в изумление и скандализовавшего левых и весьма значительную часть самой фракции пополяри, были разоблачены в выступлении социалиста Велла: ни Факта,

¹ См. «Corriere della Sera» del 21 luglio 1922. Возможно, что именно со времени этого голосования партия «пополяри» и впала в немилость у высших кругов Ватикана. «Оссерваторе романо» со своей стороны в тот же день опровергла сведения, просочившиеся на страницы миланской газеты; это одно из тех опровержений, которые нельзя принимать всерьез, поскольку содержащееся в нем утверждение о невмешательстве Святого престола в политику является общей фразой.

ни Де Гаспери, к которым непосредственно было обращено это обвинение, не смогли, по существу, его опровергнуть. Велла утверждал, что фракция пополяри приняла это решение, чтобы ублажить правительство и, конечно, добиться от него кое-чего взамен (поговаривали о дебатировавшемся законопроекте относительно государственного экзамена, прохождение которого в парламенте будто бы нужно было ускорить)¹.

Тем не менее, несмотря на эти прецеденты, пополяри решились развязать кризис, придав этому событию явно антифашистский смысл, что было подтверждено решением, единогласно принятым руководством партии в тот же вечер, 19 июля: «Начавшийся сегодня правительственный кризис явно обязан своим возникновением тому хаотическому состоянию, в котором находится страна. Причиной этого состояния является обострение борьбы между политическими группировками и все более широкое распространение выступлений определенных групп, действия которых носят характер притеснений и насилий и не признают ни соображений нравственного характера, ни гражданских законов, ни чувства человеческой солидарности, и особенно то обстоятельство, что власти государства противостоит вооруженная организация одной партии, которая, участвуя в союзе «правых», входит в состав правительственного большинства, парализуя и срывая таким образом те превентивные и репрессивные меры, которые правительство Факта неоднократно пыталось осуществить, чтобы ввести всю политическую деятельность в рамки закона и конституции... Поэтому мы считаем, что в настоящий момент участие правых в формирующемся кабинете не соответствует этой ясной программе, поскольку необходимо правительство, которое во имя спасения страны и государства обратилось бы ко всем здоровым силам страны, еще сохранившим стремление защищать конституционные законы и внутренний мир».

Наибольшего внимания в этой резолюции заслуживает именно это недвусмысленное заявление, что уча-

¹ В этом эпизоде, помимо позиции пополяри, следует, конечно, обратить внимание и на вмешательство правительства в пользу фашистского депутата, — вмешательство, которое в свою очередь свидетельствует о переговорах между Факта и фашистами. Об этом эпизоде см. миланскую газету «Секоло» и туринскую «Стампа» от 14 июля 1922 года.

стие правых в правительстве ведет фактически к участию в нем самих фашистов, то есть что представители саландристов и националистов представляют собой тро-янского коня партии Муссолини. Недопустимость участия правых в формирующемся новом правительстве является неизбежным выводом из этого утверждения, само собой вытекает из него.

Действительно, все как будто были согласны с тем, что в формирующееся правительство не следует включать ни правых, ни левых. И фракция пополяри 21 июля приняла решение, соответствовавшее решению руководства партии, а 22-го подтвердила его в резолюции, принятой во время встречи руководителей фракций большинства и поддержанной аналогичной резолюцией, принятой «белой» Конфедерацией труда*; даже социалистическая фракция приняла 21 июля резолюцию, в которой, подвергнув анализу значение данного кризиса и подчеркнув необходимость создания антифашистского правительства, она заявила о своем желании «содействовать достижению такого результата»¹, понимая под этим содействием голосование, а не прямое участие в правительстве ее представителей². Только фашисты, националисты и либералы (последователи Саландра) горячо выступали за участие в правительстве и того и другого крыла — и правых и социалистов, но затем, видя, что опасность создания левого правительства уменьшается, постепенно перестали выдвигать это предложение.

И все же после традиционных консультаций, основываясь на полученных в ходе этих консультаций данных, король поручил сформирование нового правительства Витторио Эмануэле Орландо, то есть политическому деятелю, хотя и вышедшему из рядов джолиттианцев, но уже перешедшему на позиции более консерва-

* «Белая» Конфедерация труда — конфедерация профсоюзов, примыкавшая к католической партии «пополяри». — *Прим. перев.*

¹ Это решение социалистической фракции было дезавуировано руководством партии. В первой уже преобладали реформисты, возглавляемые Турати, Тревесом и Модильяни, в то время как руководство находилось под контролем максималистов.

² В данном интервью газете «Стампа» от 22 июля Филиппо Турати заявил, что социалисты не пойдут в Квиринал, и добавил, что, если бы они считали это полезным, они бы добились официальной консультации и только после этого направили бы своего представителя к королю.

тивные, чем позиция Джолитти. Его связи с правыми и симпатии к ним были хорошо известны, и он ни в коем случае не стал бы отстранять правых от участия в возглавляемом им правительстве. Комментируя поручение, данное Орландо, «Иль комуниста», центральный орган Итальянской коммунистической партии в Риме, писал на следующий день: вызвав кризис, чтобы создать левое правительство, «главные действующие лица этого события почувствовали себя неспособными пойти на такой рискованный шаг и делают вид, что создают левое правительство, ставя во главе его правого деятеля».

С 21 по 23 июля Орландо тщетно пытался сформировать правительство. Он не отказывался от «подкрепления» из правых, но, столкнувшись с враждебным отношением пополяри, которые, казалось, стремились придерживаться торжественно взятого на себя обязательства, должен был отказаться от поручения, официально сообщив об этом королю утром 24-го числа¹.

В тот же самый день, после полудня, сформировать правительство было поручено Бономи, единственному из крупнейших политических деятелей, который склонялся к созданию правительства центра и левых. Он встретил, однако, враждебное отношение не только со стороны правых, но и со стороны социальных демократов, не забывших о его благосклонном отношении к пополяри. Таким образом, именно те, кто, присоединившись к пополяри, ускорили наступление кризиса и намерены были

¹ Выход в этот момент (об этом было объявлено 24 июля) из партии «пополяри» депутата Чезаре Дельи Окки выглядел почти как предсказание непоследовательности пополяри и в этом вопросе. 24 июля он опубликовал в «Стампа» следующее письмо: «Оставаться до последнего момента в правительствах, а затем свергать их, оказывать поддержку законам, а затем отречься от них стало привычкой для партии «пополяри»; несмотря на то, что противодействие закону о разводе она сделала главным постулатом своей политики, на деле она не только «разводится», как это имело место во время недавнего кризиса, но даже практикует полигамию. Сказать, что партия «пополяри» стала вечной «веселой вдовой» в итальянской парламентской жизни, — значит выразиться слишком мягко». Мы считаем, что это письмо звучит как предсказание, ибо протест Дельи Окки, который был стойким антифашистом, оказался тем более оправданным и законным, что партия «пополяри», выйдя из правительства Факта и осудив его, в конце концов снова вошла в него (хотя условия в сущности не изменились), лишив таким образом всякого смысла инициативу, которую она проявила, развязав июльский кризис.

разрешить его в антифашистском духе, теперь отказывали в поддержке единственному политическому деятелю, который был готов возглавить антифашистское правительство.

Турати, который грыз удила своей собственной партии, порываясь перейти Рубикон, рассчитывал, что 60 голосов правых, на которые в свое время опирался кабинет Факта и которых теперь недоставало правительству Бономи, могут быть возмещены голосами депутатов-социалистов, готовых поддержать новое правительство. Чтобы обсудить вопрос о сотрудничестве социалистов с пополяри, Турати, Маттеотти, Тревес и Модильяни отправились на дом к дон Стурцо, где состоялось несколько бесед¹.

Но в этот момент отрицательную позицию заняли не только сторонники Ди Чезаро, но и джолиттианцы, что было вызвано опубликованием в «Трибуна» вечером 25 июля письма Джованни Джолитти (написанного в Виши еще 20-го числа), в котором он излагал мотивы, побудившие его даже не приезжать в Рим и не участвовать в консультациях и переговорах, решавших исход кризиса, и спрашивал: «Что хорошего может дать стране комбинация дон Стурцо — Тревес — Турати?»² Это

¹ См. Luigi Sturzo, *Politica di questi anni — Consensi e critiche (Dal settembre 1946 all'aprile 1948)*, Bologna, Zanichelli, 1954, p. 44 e 63.

² Вот наиболее характерные места из письма Джолитти: «Дорогой Малагоди! Сегодня утром Факта и Солери известили меня по телеграфу об отставке правительства и запросили меня, приеду ли я в Рим. Я ответил отрицательно. Ситуация, которая возникла вследствие неоправданного нетерпения некоторых лиц, так абсурдна, что если бы я был в Риме, то немедленно уехал бы оттуда. Что хорошего может дать стране комбинация дон Стурцо — Тревес — Турати? Можно ли составить программу в условиях, когда единственным мотивом, вызвавшим кризис, является страх? В то время как действительную опасность для страны представляет движение навстречу катастрофе, кто озабочен этим всерьез?.. Новое правительство или ринется очертя голову в бой с фашизмом и вызовет настоящую гражданскую войну, или же будет действовать с необходимой осторожностью, и тогда трусы, которые вызвали этот кризис, свергнут его...» Обратите внимание на то, что Джолитти называет «трусами» тех, кто требовал положить конец фашистским насилиям. Письмо вызвало многочисленные отклики, довольно резкие, среди которых особенно остроумными были комментарии газеты Нитти «Эпока», писавшей о «несчастной любви» Джолитти к католикам (пакт Джентилони) и к социалистам (именно Тревес и Турати были ему особенно дороги). «Эпока» добавляла: письмо Джолитти свидетельствует о том, «что опасное безумие овладевает умом восьмидесятилетнего поли-

вмешательство могло иметь только один смысл: отказ от всякого сотрудничества с социалистами и отказ от всякой борьбы с фашизмом. Это огромная услуга, вторая огромная услуга, которую Джолитти фактически оказал делу Муссолини.

Джолитти оправдал доверие, которое новорожденная Конфиндустрия оказала ему в марте 1920 года: именно его кабинет стал впоследствии автором профашистских законов 1921 года; этот политический деятель продолжал оправдывать это доверие своим поведением и во время последнего кризиса либерального и парламентского государства¹. Ибо становилось ясно, что кризис неразрешим. Любое разумное решение срывалось в результате враждебного отношения отдельных лиц или групп. Хотя это отношение всегда определялось интересами отдельных лиц или групп, однако их ставили выше каких бы то ни было мало-мальски объективных, свободных и дальновидных суждений, учитывавших всю ситуацию в целом.

Если не говорить о правых, то именно группа Джолитти создавала наибольшие трудности и привела фактически к провалу попытку Бономи создать если не ле-

тика, проявлявшего когда-то чудеса трезвой расчетливости». Но, пожалуй, наиболее компетентным был отзыв социалиста Элиа Музатти, которого в течение некоторого времени считали поклонником Джолитти в рядах социалистической партии: «Письмо г-на Джолитти — это «торпеда», направленная против любых возможных комбинаций. Это событие выходит за рамки ситуации, сложившейся в парламенте, и имеет значение для всего режима. Это письмо мертвеца, который говорит: «После меня хоть потоп».

¹ В действительности Конфедерация промышленников существовала с 1910 года (см. рецензию Л. Сальваторелли на работу А. Т а с с а, *Nascita e avvento del fascismo* («*Rivista storica italiana*», 1952, fasc. I, p. 114); однако с первой национальной конференции итальянских промышленников, состоявшейся в Милане 7 марта 1920 года, Всеобщая конфедерация промышленников начала новую жизнь: там была принята резолюция (текст которой можно найти сейчас у Р i e t t o N e p p i, *Storia di quattro anni (1919—1922)*, Torino, Einaudi, 1945, p. 69—70), разработаны методы борьбы против профсоюзов и принято решение о политической реабилитации Джолитти (см. А. Т а с с а, *op. cit.*, p. 113; об отношениях между Конфиндустрией и фашистами см. Е r n e s t o R o s s i, *I padroni del varone*, Bari, Laterza, 1955). Вскоре после этого, 18 августа 1920 года, на съезде аграриев в Риме была создана Национальная конфедерация сельских хозяев (Национальная аграрная конфедерация, основанная в 1911 году с центром в Болонье, постепенно распалась из-за равнодушия и пассивности входивших в нее ассоциаций, см. L. P r e t i, *op. cit.*, p. 222—223, 444—445.)

вое правительство (без социалистов), то правительство без участия правых. Группа Джолитти говорила тем же языком, что и правые, утверждая, что правительство без представителей консерваторов — это правительство борьбы против фашистов и, следовательно, правительство гражданской войны. Опыт самых последних событий показывал, что ставить здесь знак равенства совершенно неправильно, ибо именно так называемая «политика равного расстояния» породила обстановку и атмосферу гражданской войны; чтобы ее прекратить, достаточно было бы в течение одной недели проводить более твердую политику в отношении фашистов, так как фашисты действовали только при попустительстве государственных органов.

26 июля Бономи отклонил поручение сформировать правительство, и после отказа Де Никола, не решившегося принять его, это дело было поручено Меда. Это было большим испытанием для пополяри: ведь именно они взяли на себя главную ответственность за развязывание кризиса, они придали этому событию антифашистский смысл, их фракции в этой политической и парламентской ситуации принадлежало решающее слово. Но Меда по своему характеру не был человеком быстрых и твердых решений¹; кроме того, партию «пополяри» раздирали глубокие внутренние противоречия: имея сложный классовый состав, партия колебалась между антифашистской тенденцией одних и профашистской других, и в конце концов эта последняя тенденция одержала верх, ибо она отвечала основному направлению католической политики — борьбе с социализмом. Дабы воспрепятствовать победе антифашистской тенденции, были успешно использованы мощный нажим, шантаж и угрозы: 25 июля «Оссерваторе романо» опубликовала заявление Ватикана, согласно которому между Святым престолом и партией «пополяри» не существовало никаких взаимоотношений; левые монархисты установили единый фронт, чтобы обратить против Меда и дон Стурцо выступление этого последнего против кандидатуры Джолитти (совместная резолюция четырех групп демократов от 26 июля); фашисты подняли шум вокруг мер, приня-

¹ См. яркий портрет Меда у Пьеро² Гобетти в «La rivoluzione liberale», Torino, Einaudi, 1948, p. 77 sgg.

тых для спасения «Банко ди Рома», связи которого с Ватиканом были общеизвестны и который министры-пополари спасли от угрожающей ему катастрофы; а этих разоблачений Святой престол боялся больше всего ¹.

Утром 27 июля Меда принял, а вечером уже отклонил поручение сформировать правительство; причиной этой капитуляции были его слабохарактерность и прежде всего принципиально враждебное отношение к этому поручению Ватикана, которое сказывалось на партии «пополари», находя выражение в нерешительности, колебаниях и раздорах в ее рядах ². Действительно, еще 26-го «Коррьере д'Италия» писала, что Меда не может принять поручение, ибо партия «пополари» не имеет еще широкой поддержки, которая сделала бы возможной ее миротворческую деятельность.

Отказ Меда был чреват серьезными последствиями, он фактически вынудил пополари отказаться от своих предубеждений против правых: если пополари неспособны сформировать правительство, то по крайней мере им не следует создавать лишних трудностей тем, кто возьмется за его формирование. Действительно, когда поручение было передано Де Нава, который входил в фракцию либеральных демократов, последний убедил пополари согласиться на возвращение «подкрепления из правых». Добившись этого важного результата, Де Нава сразу же уступил место Орландо, который с самого начала показал себя наиболее подходящим политическим деятелем для роли главы правительства с участием пра-

¹ Фашисты шантажировали Ватикан, стремясь заставить его оказать давление на партию «пополари»; это явствует из передовой статьи «Пополо д'Италия» от 27 июля, написанной Муссолини. Вопросу о «Банко ди Рома» посвящена корреспонденция Гаэтано Польверелли из Рима, напечатанная в органе Муссолини на следующий день.

² «Джуститиа» выступила со следующими пророческими комментариями: «Особенность партии «пополари», объединяющей представителей различных слоев и классов, состоит в том, что при каждой новой ситуации из ее глубин поднимаются группы, которые больше других соответствуют этой ситуации и могут лучше ее использовать, поэтому, куда бы ни дул ветер, она всегда останется на ногах. Когда к власти придут фашисты, пополари выдвинут вперед своих профашистски настроенных аграриев, которых они последнее время убрали с авансены, и эти последние будут выражать готовность к сотрудничеству». Следует обратить внимание, как проявляется в этом отрывке капитулянтский дух социал-демократов, которые приход фашистов к власти рассматривали как нечто обязательное и неизбежное.

вых, а значит, косвенно и с участием фашистов и которому, казалось, дорога была уже расчищена¹.

Тем временем наступление фашистов породило в стране новые серьезные инциденты. Уже 24 июля сквადристы совершили столь же дикий, сколь и безосновательный налет на Мадженту, которому, по единодушному заявлению всех очевидцев и по признанию самих местных фашистов, не было никаких оправданий. Еще большим кровопролитием сопровождалось событие в Равенне; поводом для них послужило выступление ломовых извозчиков, возобновлению коллективного трудового договора которых помешали фашистские штрейкбрехеры, вышедшие на работу в тот момент, когда социалистические и республиканские профсоюзные организации совместно объявили забастовку (25 и 26 июля). Фашисты и войска действовали заодно, организуя провокации и репрессии, солдаты открыли огонь, в результате чего было 7 человек убито и 100 ранено. 27 июля фашисты, прибывшие в Равенну из всех близлежащих районов, завершили оккупацию города, изгнав оттуда руководителей коммунистов, социалистов и республиканцев, атаковали и захватили Палату труда². Журналист из «Секколо» Массимо Рава рассказывал в своей корреспонденции следующее: «Первые несколько десятков фашистов, достигшие места, где начинается улица П. Коста, закричали: «Скорее сюда!» Все эшелоны отряда перешли на бег, собрались вместе, достигли намеченного здания и атаковали главный вход, который защищал взвод королевской гвардии. Последовало несколько выстрелов из карабинов. Они разбежались, но без особого страха. Кто-то воскликнул: «Неужели в нас стреляют?» На самом деле это были выстрелы в воздух». Одновременно в Риме было официально сообщено, что правительство дало «самые строгие и жесткие инструкции префектам Форли и Равенны...» Запрошенный лично депутатами-социалистами Турати, Бенарди и Дзирардини, приехавшими к нему 27-го во второй половине дня, Факта дал самые широкие заверения, к которым генеральный ди-

¹ См. Luigi Sturzo, *Popolarismo e fascismo*, p. 63—64.

² Более подробные сведения об этом см. в статье «L'Assalto del fascismo alla Federazione delle cooperative», «Avanti!» del 4 settembre 1952.

ректор департамента полиции Вильяни присвокупил свои, уверяя, что ничто не угрожает жизни Нулло Бальдини, патриарха эмилианского кооперативного движения и председателя Федерации кооперативов, помещавшейся в историческом палаццо Байрона в Равенне. Однако в ночь на 28 июля сквадристы собрались по сигналу трубы перед палаццо на улице Мадзини, атаковали его и, захватив, предали огню, в результате чего здание было уничтожено почти полностью¹. «Секоло» так описывала эту сцену. После того как фашисты ворвались в здание (королевские гвардейцы не сделали ни малейшей попытки помешать этому вторжению, поскольку даже приказ начальника полиции гласил: «стрелять в воздух и грозить арестом») и бросили зажигательные бомбы, они вломались в комнату Нулло Бальдини, депутата-реформиста, который ценой 30-летнего самоотверженного труда и борьбы создал внушительное здание эмилианской кооперации. Они приказали ему следовать за ними в помещение фашо. Он отказался. В этот момент вошли несколько королевских гвардейцев. «Ворвавшиеся фашисты,— пишет Массимо Рокка,— держали в руках револьверы, но гвардейцы предпочли тщательно обыскать г-на депутата Бальдини, у которого, конечно, оружия не оказалось!» Потом все ушли, предоставив палаццо гореть вместе со всеми его сокровищами искусства. Эскортируемый многочисленными гвардейцами, Бальдини добрался до своего дома.

Между тем Итало Бальбо, уже возглавлявший первую операцию сквадристов в Равенне в сентябре предыдущего года, принудил полицейское управление достать для него целую колонну грузовиков — будто бы для того, чтобы увезти фашистов, а на самом деле для того,

¹ «Аванти» в статье, на которую мы ссылались, писала: «В результате пожара рухнула вся старая часть палаццо; огонь пощадил большой зал и различные новые помещения, расположенные в той части здания, которая построена позднее. Счетные книги, находившиеся в большом несгораемом шкафу, который устоял под огнем, были спасены. Напротив, боны Коммерческого банка на сумму примерно 500 тысяч лир, находившиеся в маленьком несгораемом шкафу, были уничтожены, но престиж Федерации был столь высок, что Коммерческий банк оплатил стоимость этих бон, не дожидаясь составления формальных актов относительно их утраты или уничтожения. В результате спустя всего лишь два дня после пожара Федерация смогла возобновить свою нормальную деятельность, продолжавшуюся до прихода фашистов к власти».

чтобы распространить репрессии на всю провинцию. «Огненная колонна» подвергла террору Римини, Сант-Арканджело, Савиньяно, Чезену, Бертиноро, все города и деревни провинций Равенна и Форли, разрушая и сжигая все дома социалистов и помещения социалистических и коммунистических организаций. «Это была,— пишет Бальбо в своем «Дневнике 1922 года»¹,— ужасная ночь. Наш путь был отмечен высокими столбами огня и дыма». 29-го, после того как республиканцев принудили к соглашению², фашисты беспрепятственно, невзирая на грозные правительственные коммюнике от 27-го и 28-го, возобновили в Равенне свои операции, опустошая и разрушая помещения, занимаемые социалистами, и это продолжалось в течение всего дня 30 июля.

Фашистская операция в Равенне произвела потрясающее впечатление в стране, вызвав огромное негодование. В Федерацию входило около 100 кооперативов (всех ремесел и профессий), насчитывавших свыше 125 тысяч членов, она представляла собой крупную компанию по проведению общественных работ, которая могла брать повсюду значительные подряды. Эти крупные заказы поглощали столько рабочей силы, что устранили необходимость эмиграции из Романьи и Эмилии и сильно уменьшили безработицу.

28 июля при свете равеннского пожара начался восьмой день переговоров о формировании кабинета. Идея левого кабинета была уже похоронена, на вхождение правых в новое правительство согласились и пополяри. И именно в этот момент социал-демократы, тщетно надеявшиеся спасти положение *in extremis**, перешли Рубикон и вступили на желанный берег «сотрудничества». В этот же день депутаты-реформисты из социалистической фракции, фактически уже отколовшиеся от пар-

¹ I. V a l b o, *Diario 1922*, p. 95—100. Если отвлечься от вульгарной манеры сводить политическую борьбу к насилиям и злоупотреблениям, то дневник Бальбо явно свидетельствует о том, что многие фашисты были совершенно поглощены технической стороной военных операций, поэтому тем, кто управлял игрой из-за кулис, было еще легче использовать их в качестве простого орудия реакции.

² О профашистской политике республиканцев см. I. V a l b o, *op. cit.*

* В последнюю минуту (*лат.*).— *Прим. перев.*

тии¹, приняли резолюцию, в которой заявили, что «считают своим долгом не останавливаться ни перед какими действиями, способными заставить всех тех, чьим долгом это является, уважать волю, ясно выраженную Национальным собранием: защищать свободу и право на «сотрудничество» партий». Они утверждали, что пока они не войдут в правительство, но будут его поддерживать, если будет создано такое правительство, которое даст гарантии и доказательства своего намерения действительно добиться восстановления в Италии законности. На следующий день во исполнение этой резолюции Турати поднялся по ступеням Квиринала и был принят королем².

Решение социал-демократов было стратегически вредным и тактически несвоевременным. Стратегически вредным — потому что, как признал один историк, которого нельзя заподозрить в симпатии к социалистам и поэтому в необъективности, «сотрудничество означало бы конец социалистического движения, что доказал на практике эксперимент Бономи, который, желая удержаться, вынужден был фактически опираться на фашистов или по крайней мере терпеть их»³. Тактически несвоевременным — так как, если бы даже предложение о «сотрудничестве» с буржуазными партиями было полезным и уместным, его надо было выдвигать раньше, когда пополяри еще не отказались из-за собственного бесилия от своего предубеждения против правых и когда, пожалуй, было возможно создание левого правительства, но не теперь, когда возможность создания антифа-

¹ После решения Национального совета Итальянской социалистической партии от 2 июня 1922 года, порицавшего позицию парламентской социалистической фракции и Всеобщей конфедерации труда, выступавших за сотрудничество с буржуазными партиями, «Джустития», орган группы сторонников «сотрудничества» или «концентрации», решила перенести место своего издания из Реджо-Эмилии в Милан, увеличить формат газеты и образовать ее руководство в составе Турати, Прампolini и Тревеса и редакцию в составе Дзиборди, ацциони, Дугони, Бальдези, Вачирка и Сторки (см. «La Giustizia» del 22 giugno 1922). В фракцию входили также среди других Мондольфо, Грeппи и Ноффри. Первый миланский номер газеты вышел 1 июля: он печатался в типографии «Аванти!».

² Если верить редактору «Эпока», Турати после беседы сказал, что король проявил понимание ситуации, но «понимание несколько академическое». Позже Турати отрицал, что произнес эти слова.

³ N. Valeri, *Lezioni di storia moderna*, p. 171.

шистского кабинета была практически сведена на нет. Как бы то ни было, но и после принятия резолюции от 28 июля реформисты продолжали пребывать в нерешительности и смятении.

«Объективное изучение документов того времени показывает, — пишет Тольятти¹, — что большая часть суждений, которые впоследствии высказывались о различных социалистических течениях того периода, является чистым вымыслом. Особенно неверно утверждение, будто вожди реформистов — от Турати и Тревеса до лидеров Всеобщей конфедерации труда — были твердо намерены войти в правительство, чтобы осуществить демократические реформы и таким образом преградить путь реакции. Даже если допустить, что в глубине души они действительно вынашивали такое намерение, то в своих высказываниях они проявляли полную растерянность. Они выдвинули тезис, гласивший, что было бы нелепо входить в правительство в период глубокого экономического и политического кризиса, так как это означало бы лишь таскать из огня каштаны для буржуазии. Если Турати на съезде 1919 года в Болонье говорил, хотя и неопределенно, об опасности решительного контрудара со стороны буржуазии, то Тревес идеализировал политический хаос, лишавший буржуазию возможности управлять, характеризуя его как «искупление»².

В другой работе³, отправляясь от высказываний

¹ «Trenta anni di vita e lotte del PCI», «Quaderni di Rinascita», II, a cura di Palmiro Togliatti, Roma, 1951, p. 26 («Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», сборник статей и документов под общей редакцией Пальмиро Тольятти, Москва, ИЛ, 1953, стр. 55).

² Н. Валери (N. Valeri, *Lezioni di storia moderna*, p. 83) отмечает, что Турати восторженно солидаризировался с речью Тревеса об «искуплении», в то время как Анна Кулишова, которая часто обнаруживала больше здравого смысла и проницательности, чем ее единомышленник и спутник жизни, «не попала на эту удочку». «Эта речь, — писала она Филиппо Турати 1 апреля 1920 года, — напоминает мне знаменитую фразу «Давайте все покончим с собой, и пусть все будет кончено!» — транспонированную для социалистического апокалипсиса... Тревес находит, что не нужно ничего делать, и, может быть, именно поэтому он сорвал такие аллодисменты тупого стада, каким является ваша Гора» (Filippo Turati — Anna Kuliscioffi, *Carteggio*, a cura di Alessandro Schiavi, vol. V, «Dopoguerra e fascismo (1919—1922)», Torino, Einaudi, 1953, p. 317).

³ P. Togliatti, *Discorso su Giolitti*, Roma, Rinascita, 1950, p. 85 sgg.

Фридриха Энгельса в его письме к Филиппо Турати от 26 января 1894 года, Тольятти рассматривает в целом всю проблему «оценки, которую заслуживает тот факт, что социалисты в период пребывания Джолитти у власти отказались войти в правительство», и приходит к следующему выводу: «Участие социалистической партии в правительстве, осуществленное в тех условиях и через посредство этих людей, сделало бы создание передовой партии рабочего класса гораздо более трудным и сложным делом, а страну это еще крепче приковало бы к той реакционной структуре, которая породила фашизм». В общем хорошо, что Турати, Тревес и другие реформисты не вошли в правительство, хотя, поступая так, они были непоследовательны.

Чезаре Спелланзон вспоминает¹, как за несколько месяцев до февраля 1922 года (даты формирования первого кабинета Факта) Турати заявил ему, что он каждое утро благословляет фашистов, так как в результате их агрессивных действий даже максималисты из его партии вынуждены будут переменить тактику и предоставить свободу действий реформистам; но впоследствии, добавляет Спелланзон, если максималисты препятствовали «сотрудничеству», то у реформистов тоже были свои колебания, вызванные якобы соображениями морального порядка, и они тоже не сделали ничего положительного и полезного; в связи с этим он вспоминает, как именно в феврале 1922 года Турати сказал ему, что социалисты не могут вместе с Джолитти участвовать в правительстве, так как «это недопустимо по соображениям морального порядка».

Во всяком случае, в редакционной статье «Джустинция» от 11 августа 1922 года социал-демократы утверждали, что вопрос о создании кабинета с участием социалистов был поставлен с запозданием, ибо, если хотели, «чтобы это решение принесло свои плоды, надо было принять его после майских парламентских выборов 1921 года». А в интервью, которое Бруно Буоцци дал газете «Стампа» 25 августа 1922 года, секретарь ФИОМ (Итальянская федерация металлистов) и член Руководящего совета ВКТ счел одной из ошибок социалистов

¹ C. Spellanzone, Interpretazioni giolittiane, «Quaderni di cultura e storia sociale», Livorno, aprile 1952.

то, что они «не вошли в правительство в 1920 году, когда они, вероятно, могли гораздо лучше служить пролетариату, если бы приняли на себя руководство государством, а не остались инертными, пассивными наблюдателями все усиливающегося наступления других сил, которые в настоящий момент, по-видимому, берут верх (хотя не знаю, так ли это на деле и надолго ли)». Но другой авторитетнейший лидер социал-демократов, Джакомо Маттеотти, в свою очередь признал, что в октябре 1920 года, когда на Турати оказывали давление, настаивая на том, чтобы он добился участия своих сторонников в правительстве, «участие социалистов в правительстве было для трусливой буржуазии чем-то вроде громового отвода или непромокаемого плаща»¹. Во всяком случае, если говорить о 1922 годе, то тогда и у реформистов не было никаких сомнений, что участие в правительстве было бы ошибкой, по крайней мере с точки зрения тактики.

Эти соображения отнюдь не означают, что мы положительно оцениваем генеральную линию другого крыла социалистической партии — максималистов. Наоборот, в сравнении с абсолютным бесплодием максималистов даже попытки социал-демократов послать своих представителей в правительство приобретают какой-то смысл. 10 июля максималистская фракция Итальянской социалистической партии опубликовала заявление, свидетельствовавшее о несостоятельности политики, которую проводила партия под руководством максималистов и которую не зря называли «бесплодной». Действительно, авторы заявления вновь, и не без оснований, критиковали сторонников «сотрудничества» за их деятельность, ведущую к подрыву и расколу единства трудящихся, и за их намерение взять на себя (в результате участия в правительстве) часть ответственности за существующее политическое и экономическое положение и репрессии против пролетариата, отказавшись тем самым от социализма и вступив на почву мелкобуржуазного и псевдodemократического утопизма. Но что они противопоставили этой политике, которая была все-таки попыткой что-то сделать, воспрепятствовать разложению существующих институтов, сохра-

¹ «La Giustizia» del 10 settemore 1922.

нение которых отвечало интересам развития пролетарского и социалистического движения? Они предлагали активизировать всю работу партии, развернуть более интенсивную парламентскую деятельность, создать единый фронт итальянских социалистических партий, повысить активность Союза труда, то есть не предпринимать ничего такого, что могло бы воспрепятствовать наступлению фашистов, поскольку максималисты решили (и много раз подтверждали это решение) не прибегать к насильственным методам борьбы.

Поэтому по сравнению с политикой максималистов политика социал-демократов, а с другой стороны, политика коммунистов отличались большей внутренней последовательностью. И уже по результатам состоявшейся в начале июля сессии Национального совета Всеобщей конфедерации труда, показавшей рост влияния среди трудящихся двух крайних течений — коммунистического и реформистского — и серьезное ослабление влияния максималистов¹, можно было предугадать, какую позицию займет следующий съезд социалистов.

У возникшей всего за год с небольшим до этого коммунистической партии были качества, составлявшие ее сильную сторону, но были и слабости. Ее сильная сторона заключалась в политической интуиции, проявившейся в основном вопросе и толкнувшей коммунистов на раскол в Ливорно в январе 1921 года, то есть в интуитивном понимании того факта, что пролетариат нуждается в руководстве действительно революционной и национальной партии², которая отвергла бы как реформистские соблазны, так и политику максималистов, огра-

¹ В целом соотношение сил правых и левых примерно равно: 535 тысяч коммунистов, максималистов и третьинтернационалистов [сторонников вступления ИСП в III Интернационал.— *Перев.*] против 537 тысяч реформистов.

² О том, в каком смысле это следует понимать, см. статью Ruggiero Grieco, *I partiti politici nel primo dopoguerra e il fascismo*, «Trenta anni di vita e di lotta del PCI», р. 49—50 и 54 (Руджеро Гриекко, Политические партии после первой мировой войны и фашизм. См. сборник «Гридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», М., ИЛ, 1953, стр. 107—109 и 121).

Относительно созревания объективных условий и классового сознания, необходимых для образования ИКП, см. A. Gramsci, «L'Ordine Nuovo» — 1919—1920» и статью Fabrizio Onofri, *Fabbrica e pazione*, «Il Contemporaneo», 25 dicembre 1954.

ничивавшихся одними словами. Слабая сторона заключалась, во-первых, в том, что она была еще малочисленной по сравнению с социалистической партией и по отношению к массе трудящихся в целом; и, во-вторых, в том, что она проявляла тенденцию замкнуться в экстремистской непогрешимости, что, возможно, было неизбежным следствием непримиримой политики, без которой нельзя было бы конституироваться в партию, однако генеральная линия, навязанная партии Бордигой, придавшим этой непримиримости формальный, сектантский и по существу пассивный характер¹, усиливала эту тенденцию. Осуществление этой генеральной линии фактически почти полностью исключило коммунистическую

¹ «И действительно, в 1921—1922 годах тактика капитуляции и пассивности перед лицом фашизма, проповедующая Бордигой, не только не привела и не могла привести к восстанию, но, напротив, содействовала победе фашизма и его упрочению, то есть в конечном счете обрекла трудящиеся массы Италии на 20 лет пыток и мучений... Вред, нанесенный бордигианством итальянскому рабочему движению, был поэтому неизмеримым. Он помешал авангарду рабочего класса понять и выполнить предназначенную ему роль в борьбе против фашизма и способствовал поражению демократических народных сил в нашей стране» (Giuseppe Berti, *La natura controrivoluzionaria del bordighismo*, «Trenta anni di vita e lotte del P. C. I.», p. 62—63. «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», М., ИЛ, 1953, стр. 141 и 144). Об экстремистском бездействии коммунистической партии в 1921—1922 годах, виновником которого было бордигианство, см. также Paolo Robotti e Giovanni Germanetto, *Trent'anni di lotte dei comunisti italiani (1921—1951)*, Roma, Edizioni di cultura sociale, 1952, p. 34—38. Основываясь на личных воспоминаниях и к тому же не указывая точной даты, А. Таска (A. Tasca, *op. cit.*, p. 312) сообщает, что приблизительно в июле 1922 года делегация туринских коммунистов, вступивших перед этим в контакт с левыми из партии «пополяри» и с либералами, объединившимися вокруг газеты «Стампа», издаваемой сенатором Фрассати, отправилась в Рим, чтобы предложить руководству ИКП организовать единый фронт с социалистами и с политическими группами, проявляющими готовность преградить дорогу фашизму; но Бордига безоговорочно отклонил это предложение. Еще летом 1921 года Исполнительный комитет ИКП, находившийся под контролем Бордиги, предложил коммунистам выйти из отрядов «народных смельчаков» («ардити дель пополо», единственных реально действовавших отрядов сопротивления фашизму, и создать собственные отряды («ардити дель пополо» впервые открыто продефилировали по улицам в начале 1921 года в Риме; см. А. Таска, *op. cit.*, p. 226). «Римские тезисы», принятые на II съезде ИКП в марте 1922 года, были выражением экстремистского сектантства Бордиги. На этом съезде Грамши воздержался от выступления против бордигианства в целях борьбы с правыми оппортунистами.

партию из конкретной политической борьбы 1921—1922 годов; можно восстановить в основных чертах историю этой борьбы, почти не упоминая о роли, которую играли в ней коммунисты*.

* * *

Решение социал-демократов, на основе которого 28 июля возобновились переговоры о формировании нового правительства, было лишь по видимости новым элементом ситуации: будучи тактически несвоевременным, решение реформистов не могло оказать действительного и глубокого влияния на положение дел. После того как благодаря revirement** пополяри появилась возможность воссоздать правительство с участием «правых», формирование кабинета если не формально, то фактически было вновь поручено Орландо. Орландо старался примирить две позиции — позицию пополяри и позицию социал-демократов и пытался создать кабинет, в который вошли бы представители как правых, так и левых. Но это не отвечало намерениям социалистов: их участие или хотя бы только поддержка правительства, в которое вошли бы представители правых групп, а через их посредство и фашисты, лишила бы всякого смысла и даже прямо извратила бы смысл их решения, которому они стремились придать значение акта сопротивления фашизму. Оппозиция социалистов сделала тщетными попытки Орландо, продолжавшиеся в течение 29 и 30 июля. На такую же неудачу были обречены попытки создать комбинации Орландо — Де Нава и Орландо — Бономи — Де Никола. Впрочем, как утверждал с самого начала неудачных попыток Орландо один из «закулисных творцов» политики демократов, бывший помощник

* Хотя в первый период существования Итальянской коммунистической партии политическая линия руководства была неверной, а организационное руководство — неправильным, однако рядовые коммунисты вели решительную борьбу против фашизма. Даже ошибочное решение сектантского руководства, изолировавшее коммунистов от движения «народных смельчаков», было в значительной мере исправлено на практике местными руководителями и рядовыми членами партии. Непосредственная связь с рабочим классом и с народом не только спасла партию в первые годы ее существования, несмотря на сектантскую позицию руководства, но и сделала ее для миллионов трудящихся их боевым авангардом. — *Прим. ред.*

** Крутому повороту (*франц.*). — *Прим. ред.*

министра внутренних дел Камилло Коррадини¹, Орландо не имел никакого желания испробовать иную комбинацию, могущую «проложить дорогу» другому политическому деятелю, который сумел бы в результате осуществить то, что первое время не удавалось ему самому. 30 июля Орландо отказался от поручения. 31-го стало известно, что Союз труда назначил на следующий день всеобщую забастовку; это известие произвело впечатление разорвавшейся бомбы и ускорило ход событий. Джолиттианцы настаивали перед королем на необходимости сформирования хоть какого-нибудь правительства. «Орландо рассказал мне потом в Валломброзе,— вспоминает Саландра²,— что вторая его попытка [именно та, которая имела место 28—30 июля 1922 года.— П. А.] добиться согласия социалистов на вхождение в состав правительства представителя правых не могла быть доведена до конца ввиду настойчивого желания

¹ Ему принадлежала инициатива и им была разработана программа злополучных майских выборов 1921 года, во время которых Джолитти оказал покровительство фашистам. Его политическая карьера была не из легких: начальник кабинета Орландо, он должен был оставить свой пост в 1917 году, после того как на бурном заседании совета министров Биссолати произнес резкую речь против министра внутренних дел, обвинив его в том, что он вместе с Коррадини заключил соглашение с социалистами, дабы саботировать войну,— смешное обвинение, на которое Орландо реагировал в свойственном ему стиле: пожертвовал своим сотрудником. Затем Коррадини вернулся в правительство как помощник министра внутренних дел в кабинете Джолитти в 1921 году, и именно тогда он всячески покровительствовал фашистам, которые впоследствии, в 1924 году, отплатили ему неблагодарностью, выступив против его переизбрания в парламент (см. Enrico Flores, *Eredità di guerra. L'Opera del primo ministero del dopo guerra, Napoli, Seccoli, 1925, p. 17—18*). «Это человек, хорошо подготовленный к административной деятельности,— пишет Синибальдо Тино (*Sinibaldi o Tino, Il trentennio fascista—Rilevi ed appunti, Roma, Puccinelli, 1944, p. 61*), испытанный борец, не лишенный опыта государственного деятеля, как это показало его тесное сотрудничество с Орландо в возглавляемых этим последним государственных органах, но явно не обладающий тонкой политической интуицией. Настоящую политическую интуицию ему приходилось возмещать своей природной хитростью и испытанной ловкостью. Этот недостаток Коррадини оказал немалое влияние на события того времени, на деятельность кабинета Джолитти и вследствие этого — на всю жизнь страны, тем более что в этот бурный и сложный период жизни страны Коррадини держал в своих руках все нити внутренней политики». Конечно, излишне предупреждать, что не следует путать Камилло Коррадини с Энрико Коррадини, теоретиком национализма.

² A. Salandra, *Memorie politiche, p. 13*.

государя добиться окончания кризиса (который уж слишком затянулся), каков бы ни был этот конец. Следует заметить, что, как уверял меня Орландо, стремительному завершению кризиса способствовало сообщение, полученное от Факта (председателя совета министров, вышедшего в отставку, но все еще выполнявшего свои функции); согласно этому сообщению, три префекта уведомили министерство внутренних дел о намерении фашистов попытаться осуществить бросок на Рим. В свете этого кажется еще более странным, что Факта позволил застать себя врасплох примерно три месяца спустя». Это свидетельство ценно в первую очередь тем, что оно подтверждает факт личного вмешательства короля, способствовавшего тому, что кризис завершился формированием второго кабинета Факта. Более вероятно, однако, как об этом свидетельствуют другие источники, что короля толкнул на это решение скорее страх перед всеобщей забастовкой, чем страх перед предполагаемыми планами фашистов организовать «поход на Рим» — планами, которые были тогда еще преждевременны и недостаточно разработаны.

30 июля в 19 часов, вернувшись с прогулки в Тиволи, Факта нашел у себя приглашение генерала Читтадини спешно прибыть в Вилла Савойя¹. День спустя его второй кабинет был сформирован².

Союз труда был создан на конференции, происходившей в Риме 18—20 февраля 1922 года; в него вошли наиболее сильные профсоюзные организации Италии, то есть Всеобщая конфедерация труда, которую представляли Адзимонти и Д'Арагона, Итальянское профессиональное объединение (Борги и Саккони), профсоюз железнодорожников, представителями которого были Моска и Джустини, Федерация портовых рабочих (Чиро Коррадетти) и Итальянское объединение труда, которое было представлено Теобальдо Скинетти³. 19—20 июля

¹ E. Ferraris, *op. cit.*, p. 30.

² По свидетельству М. Солери (M. Soleri, *Memorie*, p. 140), в формировании кабинета Факта решающую роль сыграл глава группы демократов-джолиттианцев Кокко-Орту.

³ См. Armando Borghi, *Mezzo secolo di anarchia* (1898—1945), Napoli, Edizioni Scientifiche Italiane, 1954, p. 279.

Комитет Союза труда высказался за немедленное объявление всеобщей забастовки, не ограничивая ее определенным сроком; Адзимонти, представитель Всеобщей конфедерации труда, присутствовал на заседании, которое происходило в Риме, но ждал предписаний Д'Арагона, находившегося в Милане. Через несколько дней Д'Арагона лично явился на очередное заседание Комитета Союза труда и заявил, что ВКТ за всеобщую забастовку, которая должна начаться 1 августа.

«В провинции Кремона,— замечает Армандо Борги¹,— возбуждение крестьян-пополяри улеглось. Не Союз труда выступил в знак солидарности с ними, а они должны были теперь выступить снова в знак солидарности с Союзом труда, в который они не входили и который оставил их без поддержки за несколько недель до этого. Как объяснить этот крутой поворот? Это были дни мучительного правительственного кризиса. Социалисты-реформисты надеялись, что он приведет к созданию министерства Джолитти — Турати. Реакционные элементы и фашисты яростно противились такому разрешению кризиса, и король, боязливый и медлительный, не мог решиться на такой шаг. Всеобщая забастовка должна была стать тем рычагом, который дал бы возможность перевернуть мир Монтечitorio. Она должна была придать голосу социалистов-реформистов больше веса при разрешении кризиса».

Пьетро Ненни тоже считает, что решение о всеобщей забастовке было ускорено под влиянием парламентариев-реформистов, стремившихся усилить движение, которое должно было привести к включению Турати в состав правительства². По верному замечанию Таска³, всеобщая забастовка, напротив, дала возможность реакции «противозаконной» объединиться с реакцией «легальной». Кроме того, ускорив события, она устранила последнюю возможность для проведения политических переговоров и следовательно возможность более активного участия социал-демократов в разрешении кризиса.

Сообщение о принятом 25 июля решении, согласно которому в полночь с 31 июля на 1 августа должна

¹ Armando Borghi, op. cit., p. 283—284.

² Pietro Nenni, Pagine di diario, Milano, Garzanti, 1947, p. 78—79.

³ A. Tascia, op. cit., p. 321.

была начаться всеобщая забастовка, было помещено в генуэзской «Лаворо» утром 31-го, то есть за день¹, что позволило фашистам заранее подготовить контрнаступление. Руководство фашистской партии выпустило воззвание, в котором заявляло о своем намерении «поднять перчатку», брошенную «фашизму и Нации», и объявляло, что через 48 часов после начала забастовки в случае бездействия государственных органов фашисты возьмут на себя их функции.

Когда Турати и Тревеса спросили о предстоящей забастовке, они ответили, что это будет «забастовка в защиту закона», ибо ее цель — протест и борьба против существующих планов «навязать стране правительство, проводящее антиконституционную политику»; таким образом, «пролетариат встанет на защиту государства от фашистского диктата, если будут предприняты попытки навязать его»².

Забастовка проводилась 1 и 2 августа³. Не дожидаясь даже истечения срока своего ультиматума, фашисты перешли 2 августа в контрнаступление, проведя операции широкого масштаба, причинившие с 3 по 8 августа (дата прекращения операций) много горя и разрушений. Почти не было населенных пунктов, особенно в Центральной и Северной Италии, где фашисты не чинили бы своих насилий, но особенно яростной была борьба в следующих городах и провинциях: Генуя, Милан, Турин, Анкона, Парма, Падуя, Ливорно, Виченца, Пистойя, Модена, Реджо-Эмилия, Алессандрия, Крема, Павия, Брешиа и, кроме того, районы Чезенатико, Червия, Римини, Нови-Лигуре, Сестри-Поненте, Савона, Асти, Крема⁴.

¹ Известие о забастовке было передано заместителем секретаря ВКТ Адзимонти, который был также корреспондентом «Лаворо», главному редактору Ансальдо, опубликовавшему это сообщение до начала стачки (см. A. V o r g h i, op. cit., p. 285). О страшном смятении, в обстановке которого была объявлена забастовка, см. P. N e p p i, *Pagine di diario*, p. 78—79.

² См. «Corriere della Sera», del 1 agosto 1922.

³ Союз труда объявил, что забастовка закончится в полночь 2 августа.

⁴ 5 августа «Пополо д'Италия» опубликовала внушительный список погромов, произведенных фашистами; этот список был составлен на основании сообщений, поступивших в редакцию газеты до наступления ночи с 3 на 4 августа; дополнительный список, в который были включены сообщения, полученные в течение ночи, приведен в книге

В Генуе 3 августа фашисты и полиция сражались бок о бок против народа. Действия сквадристов были направлены против кооперативов портовых рабочих; фашисты получили поддержку безработных и помощь судовладельцев, отсутствовавших 1,5 миллиона лир на организацию фашистских экспедиций. В Генуе были сосредоточены сквадры из Турина, Алессандрии, Каррары; ими командовал Ренато Риччи. Был создан «комитет действия», в который, кроме Риччи, вошли Массимо Рокка, Эдмондо Россони и Альберто Де Стефани. Фашисты разрушили помещение редакции «Лаворо», органа Палаты труда, и захватили палаццо Сан-Джорджо; 5 августа газета вновь начала выходить, но фашисты продолжали свои атаки, запугивания, насилия, провоцируя новые конфликты, в результате которых всегда было много убитых и раненых. Вечером дивизионный генерал Кармело Скуиллаче принял на себя полномочия по поддержанию общественного порядка; с этого момента фашисты получили свободу действий. По некоторым сведениям, чтобы ободрить фашистов, из Флоренции (где находилось командование армейского корпуса) в Геную прибыл даже генерал князь Гонзага, известный профашист и предшественник Скуиллаче на посту командующего генуэзской дивизией. 6 августа правительство официально сообщило, что, помимо Генуи, управление военным властям передано также в Милане, Анконе, Парме и Ливорно. Эта мера, как это уже было сказано о Генуе, не только не способствовала прекращению наступления фашистов, но позволила сквадристам продолжать свои действия при поддержке военных властей. Председатель Независимого консорциума Генуэзского порта * сенатор-либерал Нино Ронко

G. A. Chiurco, *Storia della Rivoluzione fascista*, Firenze, Vallecchi, 1929, vol. III, p. 42 (оба списка приводятся у А. Т а с с а, *op. cit.*, p. 325—328); но поскольку наиболее активные наступательные действия были проведены между 3 и 8 августа, то эти списки все-таки очень неполны. Другие сообщения можно найти в крупнейших газетах — от «Коррьере делла сера» до «Стампа», от «Джуститица» до «Секоло». См. также А. В о г г и, *op. cit.*, p. 285—286.

* Консорциум в Италии — объединение физических и юридических лиц, часто под правительственным контролем, для осуществления каких-либо работ, имеющих общественное значение (мелиорация, строительство дорог, портовых сооружений и их эксплуатация, борьба против тех или иных болезней и т. д.). — *Прим. перев.*

должен был подчиниться диктату фашистов и издать 7 августа постановление, отменявшее разрешение на функционирование, выданное кооперативам портовых рабочих. Три дня спустя его вынудили уйти в отставку¹. Но вопрос о «свободе труда» в генуэзском порту являлся настолько смехотворным, что состоявшееся 11 августа у Факта и Таддеи совещание сенаторов и депутатов от всех партий, в числе которых был сенатор Риччи, мэр Генуи, вынуждено было признать существующую систему организации труда наилучшей, а осуществление так называемой свободы труда невозможным.

Другую операцию большого масштаба фашисты провели в Анконе, где были сосредоточены сквадры из Болоньи, Перуджи, Фолиньо, Феррары, Романьи и Умбрии. Рабочие оказали ожесточенное сопротивление, но фашисты, прибегнув, как всегда, к тактике массированного удара и пользуясь поддержкой властей, в конце концов одержали верх².

В Милане операцией руководил капитан Чезаре Форти, главарь сквадры из Ломеллины; эта операция имеет

¹ См. А. Т а с с а, *op. cit.*, p. 328 sgg. Аналогичные действия были осуществлены в течение августа с помощью судовладельцев Козулицей также в Венеции. (А. Т а с с а, *op. cit.*, p. 366, п. 159). Об истории генуэзских кооперативов портовых рабочих см. *Secondo P e s s i*, *Premesse storiche della eroica lotta dei portuali di Genova*, «*Rinascita*», maggio 1955. Относительно наступления фашистов в портах и относительно фашистского профсоюзного движения вообще Аттилио Кабиати, экономический обозреватель газеты «Стампа» (статьи которого были выдержаны в демократическом духе в противоположность помещенным в «Коррьере делла сера» статьям Луиджи Эйнауди, придерживавшегося консервативной линии), писал 10 августа 1922 года в этой туринской газете, принадлежавшей тогда сенатору Фрассати: «Если существуют две профсоюзные организации и одна из них, предположим, объявляет забастовку, то налицо только две возможности: или вторая организация ее поддерживает, и тогда она представляет собой бесполезный дубликат первой, или она не поддерживает первую организацию, и тогда она, может быть даже сама того не желая, становится прислужницей капиталистов, нанося вред другим трудящимся. Этому нас учит не только теория, но и вековой опыт рынков труда во всем мире». Редакционная статья, в которой доказывалось, что профсоюзы, объединяющие большинство трудящихся, защищая право на труд, неизбежно должны отрицать «свободу труда», была напечатана в «Секоло» 8 сентября 1922 года и принадлежала, вероятно, перу ее главного редактора Марио Миссироли.

² См. корреспонденцию, опубликованную в «Коррьере делла сера» 8 сентября, в которой хорошо, хотя и с опозданием, было показано соучастие полиции, поддерживавшей в Анконе действия фашистов.

особое значение, учитывая важность города, традиционное существование в нем социалистического муниципалитета, объединенные действия и сотрудничество фашистов и националистов¹ и, наконец, использование фаши-

¹ В течение 1922 года между фашистами и националистами произошел целый ряд столкновений: эти два течения были очень близки по своему характеру и именно поэтому конкурировали между собой и завидовали друг другу. По сравнению с фашистами националисты представляли и олицетворяли собой возможность реакционного разрешения проблемы в более традиционном духе, что лишило бы Муссолини удобного случая стать полным хозяином положения. Много раз А. Саландра (A. S a l a n d r a, *Memorie politiche*, p. 15) должен был выступать в роли посредника, чтобы примирить фашистов и националистов в парламенте. Во время июльского кризиса 1922 года националисты были сбиты с толку и разочарованы голосованием фашистов против министерства Факта. 21 июля в интервью «Ресто дель Карлино», которой тогда руководил фашист Нелло Куиличи, секретарь фашистской партии Микеле Бьянки утверждал, что отношения между фашистами и националистами «носят искусственный характер», поскольку за фашистами идет много последователей, а у националистов «нет партии, за ними нет массы, и они действуют лишь в сфере Монтечitorio». «Идея национале», орган националистов, гневно ответила ему, упирая на то, что пропагандистская деятельность «национальной правой» идет на пользу фашистам. Уже в записи от 4 июля 1922 года Феррарис (E. F e r r a r i s, *La marcia su Roma vista dal Viminale*, p. 21) отмечал «недовольство руководства фашистской партии переходом к националистам Паолуччи и Грэ. Обе партии давно уже следят друг за другом. У фашистов больше последователей, но они раздосадованы тем, что интеллигенты более охотно идут за националистами». В середине сентября депутат Мизури после речи, произнесенной им в Таранто перед националистами, подвергся нападению фашистов, надававших ему пощечин; 17 и 18 сентября имели место и другие стычки между «синими» и «черными», был убит казначей секции националистов, некий Джузеппе Виести, 31 года. Жизнь в городе была парализована, магазины закрыты, люди избегали ходить по улицам (см. «*Corriere della Sera*» и «*La Giustizia*» del 19 settembre 1922. Через несколько дней, 21 сентября, в своей речи в Удине Муссолини выступил в роли поборника примирения, утверждая, что «во всех битвах националисты всегда сражались бок о бок с фашистами»). Эти серьезные инциденты имели место главным образом в Южной Италии, где борьба между буржуазными клками и группировками, отражавшаяся и на самом фашистском движении, носила более бурный и ожесточенный характер. Одним из самых беспокойных мест являлось Бари, где в начале сентября руководство фашистской федерации, которое было вынуждено распустить федерацию и добиться занятия ее помещения силами полиции, исключило затем из своей среды политического секретаря и административного секретаря «за недостойное с политической точки зрения поведение». Двое исключенных были из числа тех, кого считали «чистюлями», то есть наиболее порядочными из фашистов. Но конфликты между фашистскими группами имели место не только на Юге: например, в тот же самый период руководство фашистской партии направило в Феррару Де Векки, Теруцци и Барон-

стами ораторского искусства Д'Аннунцио. 3 августа сквадристы — фашисты и националисты — под предводительством Чезарино Росси, секретаря миланского фашо, Дино Альфьери, главаря миланских националистов, Финци, Ланфранкони и Теруцци захватили палаццо Марино, помещение коммунальной администрации, и изгнали ее оттуда. Д'Аннунцио, приехавший в Милан для переговоров со своими издателями, был вовлечен Аттилио Теруцци¹ в манифестацию и произнес с балкона палаццо Марино вдохновенную речь², которая, как он думал, служила делу умиротворения, а на самом деле содействовала успеху фашистов. Указывая на знамя, осыпанное кровью павших во время войны, поэт спросил толпу, собравшуюся на площади перед дворцом: «Клянетесь ли вы хранить верность этому знамени?» — и толпа ответила: «Клянемся». Его речь была составлена не без ловкости: в ней говорилось об Италии, но ничего не говорилось о фашизме. Многие фашисты это

чини для расследования внутренних конфликтов; последние сместили руководство фашо и выразили сожаление по поводу того, что Бальбо «из ошибочных примиренческих побуждений не выполнил полностью своих функций руководителя Феррарской федерации». Эта история имела свое продолжение: в течение нескольких дней происходила револьверная перестрелка между теми, кто остался верен руководству, и исключенными. Ожесточенные и кровопролитные стычки между фашистами и фиумскими легионерами из-за вопроса, касающегося портовых грузчиков, произошли 22—24 августа в Неаполе; другие столкновения между фашистами и легионерами, в результате которых трое было ранено, имели место в Бари (18 сентября). Националисты возражали, кроме того, против Генуэзского соглашения, подписанного 16 октября Муссолини и Джульетти при содействии Д'Аннунцио, которого «Идея национале» (в номере от 23 октября 1922 года) обвиняла в том, что он своим авторитетом способствовал усилению позиций Итальянской федерации работников морского транспорта, то есть социалистической профсоюзной организации. 22 октября в Риомаджоре, близ Сарцаны, во время столкновения с националистами был убит один фашист (см. «Corriere della Sera» del 23 ottobre 1922). О сложной деятельности националистов в дни «похода на Рим» см. последние страницы настоящего очерка. О расхождении между фашистами и националистами после «похода на Рим» см. *U v o n d e V e g n a c, Palazzo Venezia. Storia di un regime, Roma, La Rocca [1950], p. 195 sgg.*

¹ Тем не менее Чезаре Росси (*C e s a r e R o s s i, Mussolini com'era, Roma, Ruffolo, 1947, p. 229*) заявляет, что это он предложил «использовать в политических целях авторитет Д'Аннунцио».

² См. ее текст в «Пополо д'Италия» от 5 августа 1922 года и у *G a b r i e l e D' A n n u n z i o, Per l'Italia degli Italiani, Milano, Bottega di Poesia, 1923, p. 111—123.*

заметили и остались недовольны этим¹. Но главари понимали, какое значение имеет участие поэта в манифестации у палаццо Марино, а некоторые из них даже считали, что это подходящий момент для попытки государственного переворота, который должен будет привести к роспуску парламента и переходу власти к директории во главе с Д'Аннунцио (в ее состав наряду с Муссолини вошли бы бывший премьер-министр Нитти и промышленники Джованни Аньелли и Альберто Пирелли).

Альберто Альбертини (брат Луиджи), принявший на себя за несколько месяцев до этого руководство газетой «Коррьере делла сера», сообщал о своеобразной программе². «В августе 1922 года ко мне (я уже в течение десяти месяцев руководил «Коррьере») пришел депутат Альдо Финци, доверенное лицо Муссолини в этом районе, чтобы предупредить меня о предстоящем в ближайшее время государственном перевороте: под угрозой применения силы палата будет распущена, выборы будут

¹ Даже Муссолини воспринял вначале этот новый прилив симпатий к поэту холодно (см. С. Rossi, loc. cit.). Другим выражением недовольства является отзыв Умберто Банкелли (Umberto Bancelli, *Memorie di un fascista*, Firenze, Vallecchi, 1922, p. 182). В дни «забастовки в защиту закона» и в течение всего периода контр наступления фашистов Муссолини оставался в Риме, увлекшись любовными похождениями, часто требовавшими его присутствия в Каstellи Романи; это приводило в отчаяние тех, кто звонил ему из Милана, стремясь поддерживать с ним контакт и получить от него директивы (см. С. Rossi, loc. cit.). Он проживал сперва в «Отель де прэнс», затем в гостинице «Савойя» (см. Giorgio Pini e Duilio Susmel, *Mussolini. L'uomo e l'opera*, vol. II, *Dal fascismo alla dittatura* (1919—1925), Firenze, La Fenice, 1954, p. 195) и в часы, когда не был занят похождениями, следил за событиями, находясь в редакции «Джорнале д'Италия» (газеты, близкой к Саландра), помещенной которой глава фашистов избрал своей штаб-квартирой (см. I. Balbo, *Diario 1922*, p. 211 и Domenico Mario Leva, *Cronache del fascismo romano*, Istituto dei «Panorami di realizzazioni del fascismo», 1943, p. 206). Чтобы загладить впечатление от своей любовной истории и поправить положение, Муссолини телеграфировал постфактум миланским фашистам: «Выражаю мое безусловное одобрение предпринятым вами репрессивным действиям. Больше того, и пусть это примут к сведению некоторые римские газеты, говорящие о неповиновении приказам, которых я не давал и не мог давать, пусть примут к сведению, что, если бы я был в Милане, я бы занялся подготовкой репрессий еще более широкого масштаба» (см. «Umanità Nova» del 6 agosto 1922 и A. Tascia, op. cit. p. 334).

² Alberto Albertini, *Vita di Luigi Albertini*, Roma, Mondadori, 1945, p. 176 sgg.

отложены на год или два, а власть перейдет к директории во главе с Габриеле Д'Аннунцио и при участии Муссолини, опытных политиков и деловых людей. В качестве возможных кандидатов в министры он назвал мне Джованни Аньелли, Альберто Пирелли и даже, как это ни невероятно, Ф. С. Нитти. Он был уверен, что убедил меня. Я решительно рассеял его иллюзии. Но я, конечно, немедленно информировал моего брата, который был все время ответственным редактором газеты и находился тогда в горах. Приехав тотчас в Милан, он на следующий день услышал от Финци то же, что этот последний сообщил мне. Мы беседовали с Лузиньоли, который тоже слышал об этой угрозе и проявлял озабоченность. Связались с Д'Аннунцио, находившимся в Гардоне, но он опроверг утверждение о его участии в каком бы то ни было заговоре и о его стремлении к диктатуре. Он даже отправил телеграмму Финци, чтобы отговорить фашистов от необдуманных выступлений¹, и разрешил нам сообщить в печати, что он стоит за законность».

И в то время как Микеле Бьянки телеграфировал ему из Рима: «Фашистская партия принимает ваше авторитетное предупреждение и на ваш клич «Да здравствует фашизм!» отвечает тем же кличем», — Д'Аннунцио, вовсе не произносивший этих слов, посылает ответную телеграмму: «Сейчас единственным кличем итальянцев должно быть: Да здравствует Италия! Это мой клич. У меня не было, нет и не будет другого. Считаю, что он должен быть и вашим. Считаю, что и ныне и в будущем, в дни мира и в дни войны, он должен стать кличем всех преданных нации людей»². Но его участие в операции у палаццо Марино сослужило великую службу фашистам — отчасти также потому, что «Пополо д'Италия», поместившая телеграмму Бьянки, воздержалась от опубликования телеграммы Д'Аннунцио. Все эти месяцы, вплоть до кануна «похода на Рим», последний надеялся и тщетно пытался подняться над борющимися группировками и стать верховным арбитром и примирителем разыгрывавшихся в стране конф-

¹ Вот текст телеграммы: «Сейчас каждое слово нужно взвешивать, каждое действие заранее продумывать, не допускать никаких ошибок». 9 августа «Коррьере делла sera» опубликовала эту телеграмму, при- совокупив свое предупреждение.

² «Umanità Nova» dell' 8 agosto 1922 и A. T a s c a, op. cit., p. 333.

ликтов. Особенно проявилось это в области профсоюзного движения: используя соглашательские наклонности социалистов-реформистов, и прежде всего реформистов из ВКТ¹, Д'Аннунцио пытался (главным образом в период с апреля по июнь) добиться путем соглашения с ВКТ заключения профсоюзного мира за спиной у фашистов, которые, конечно, были обеспокоены этим маневром и сорвали его². Позже имел место другой маневр: сговор между Факта и движением фронтовиков с целью оказать сопротивление фашистам, который подготавливался при участии Д'Аннунцио, а затем, также при его участии, потерпел крах, когда план фашистского восстания стал уже ясен.

На следующий день после захвата палаццо Марино и выступления Д'Аннунцио, то есть 4 августа, фашисты передали муниципалитет комиссару префектуры, на что правительство поспешило услужливо согласиться, приказав также расследовать, как вел дела социалистический муниципалитет. В то же время под командованием Терруцци фашисты продолжали наступательные операции: они напали на помещения редакции и типографии «Аванти!», причем опять действовали совместно с королевской гвардией, что стало уже обычным явлением³.

Число убитых и раненых в эти дни в результате фашистских насилиев почти во всех городах Италии не поддавалось учету. Наиболее кровопролитный и героический эпизод народного сопротивления имел место в Парме. И в этом городе нападением руководил Бальбо, но оно с треском провалилось, потому что фашистам не удалось направить солдат против рабочих Ольтреторренте*. Утром 2 августа в Парму прибыло от 15 до 20 тысяч фашистов; префект и начальник полиции отвели всех полицейских и карабинеров, находившихся в

¹ См. P. N e p p i, Pagine di diario, p. 73. «Как будто фашизм,— комментировал Ненни,— не был плодом его нездорового и чувственного национализма, как будто один и тот же человек мог породить зло и добро».

² См. A. T a s c a, op. cit., p. 283—285.

³ P. N e p p i, Pagine di diario, p. 80—81. В дни оккупации Милана фашистами полиция арестовала 600 человек, исключительно рабочих и социалистов (A. T a s c a, op. cit., p. 334). Подробное сообщение о нападении см. в «Corriere della Sera» del 5 agosto 1922.

* Ольтреторренте (Заречье) — часть города Пармы по левому берегу реки Пармы.— *Прим. перез.*

Ольтреторренте и в соседнем квартале Навильо, в то время как генерал Лодомец, начальник военного гарнизона, разместил патрули из солдат и карабинеров на трех мостах, которые соединяли новый город со старым. Отряды «народных смельчаков», организованные Пичелли, насчитывали около 400 человек, но на их стороне была поддержка и активная солидарность всего рабочего населения. Тем же утром 2 августа, высадившись на станции Парма и предав огню клуб железнодорожников, фашисты подошли к мостам и начали атаку. Пичелли отклонил совет «быть осторожным», исходивший от префекта¹, который по телефону усиленно убеждал его остерегаться Итало Бальбо, уже отличившегося во время операций в Ферраре и Болонье. В это время «народные смельчаки» готовились к обороне. Атаки фашистов повторялись 2, 3, 4 и 5 августа. Отбрасываемые каждый раз назад, отбрасываемые даже тогда, когда им при попустительстве патрулей удалось перейти один из мостов, фашисты занялись грабежом квартир и контор лиц свободных профессий, известных в новом городе как социалисты; кроме того, они окружили и изолировали квартал Навильо, пролетарскую цитадель в центре города, не защищенную рекой, захватить которую им, впрочем, не удалось. 5 августа префект передал свою власть генералу Лодомецу, который попытался занять Ольтреторренте силами батальона солдат; офицеры, посланные к Пичелли для переговоров о прекращении огня, заявили, что фашисты покинут Парму сразу же после того, как рабочие разойдутся по домам и будут разобраны баррикады. Эти условия были отклонены. Многие солдаты присоединились при этом к рабочим, и офицеры вынуждены были ретироваться со своим ба-

¹ Совет «быть осторожным» давал также нынешний депутат от социал-демократов Симонини, как об этом свидетельствуют рассказы ныне здравствующих участников битвы, собранные Феличе Киланти (Felice Chilanti, *Cinque giorni di barricate scacciarono gli squadristi da Oltretorrente*, «Vie Nuove» 31 agosto 1952). См. также статью Гuido Пичелли (павшего впоследствии, 5 января 1937 года, в Сиквенца в Испании во время гражданской войны), опубликованную в «Стаго операйо» в 1934 году; отчет о событиях в Парме, напечатанный в «Джуститиа» от 10 августа 1922 года, и Giorgio Candeloro, *Il movimento sindacale in Italia*, Roma, Edizioni di Cultura Sociale, 1952, p. 76 (Д. К а н д е л о р о, Профсоюзное движение в Италии, М., ИЛ, 1953, стр. 93).

тальоном. Последнюю атаку фашисты предприняли вскоре после полудня 6 августа¹; сражение продолжалось до наступления ночи, когда фашисты, атака которых была снова отбита, отступили наконец из города, оставив 39 убитых и 150 раненых.

Это было первое крупное поражение, нанесенное фашистам, и оно было нанесено там, где рабочие и антифашисты создали военную организацию, сумевшую дать энергичный отпор атакам сквадристов². Сам Муссолини, запрошенный по телефону, вынужден был дать приказ об отступлении. Фашистские сквадры устремились в провинцию, мстя новыми насилиями за поражение. А в Парме, бывшей ареной битвы и свидетелем поражения Бальбо, по окончании беспорядков, имевших место в первой декаде августа, был подписан пакт об умиротворении — это говорит о том, что только с позиций силы можно было добиться восстановления равновесия и спокойствия³.

Аналогичный провал фашисты потерпели в Бари, где они тщетно пытались овладеть Палатой труда, которую

¹ В статье, на которую мы уже ссылались, Ф. Киланти пишет, что атака была предпринята после полудня 4 августа, но это очевидная опечатка, так как «четвертым днем» сражения, то есть днем, когда власть перешла от префекта к военным властям, днем накануне последней атаки фашистов мог быть только день 5 августа, а днем заключительной атаки могло быть только 6 августа. Это подтверждается также отчетом о событиях, помещенных в «Джуститиа».

² Кроме Пармы, нападение фашистов было отбито также в Форли (см. P. N e p p i, *Pagine di diario*, p. 79).

³ Только 21 сентября 1922 года, то есть когда фашистское наступление распространилось уже на всю страну, пакт умиротворения был окончательно поправлен и непримиримые фашисты заняли помещение фашистской провинциальной федерации, изгнав оттуда умеренных. 18 октября полицейские силы провели повальные обыски в народных кварталах («борго») Пармы, во время которых были арестованы сотни людей. «Операция имеет особое значение и является особенно важной,—писала «Секоло» на следующий день,—ибо показывает на деле, что у пармских властей... есть еще (когда для этого представляется удобный случай) силы и возможность действовать против элементов, заподозренных в мятежных замыслах». Много лет спустя сам Муссолини говорил: «В Парме с нами завязали бой в районе Ольтреторренте. Сторонники Де Амбриса [депутат, близкий к Д'Аннунцио.—Перев.] повернули против меня, вступив в союз с большевиками. В Парме дело обернулось плохо. Обороняющиеся, руководить которыми было поручено Пичелли, отбили все атаки наших сквадр. Но фактически мы и там победили, потому что власть перешла в руки военных» (*U v o n d e B e g n a s*, op. cit., p. 174).

защищали «народные смельчаки». Только по окончании всеобщей забастовки кварталы старого города были захвачены — дом за домом — армейскими частями и фашистами, стремившимися к одной цели и побратски объединившими свои усилия; они действовали под руководством префекта Оливьери, известного профашиста, приказавшего произвести сотни арестов среди социалистов и вообще «мятежных элементов»¹. В благодарность за это при первом же приказе правительства о перемещениях среди префектов он получил в качестве награды перевод в один из главных городов Италии — Турин, центр особенно трудный для сил «общественного порядка» ввиду наличия там значительной, закаленной в боях пролетарской массы, город, где прежде пробовал свои силы новый министр внутренних дел Таддеи². 8 августа, после целой недели непрерывных насилий, Микеле Бьянки, секретарь фашистской партии, передал по телефону всем провинциальным федерациям приказ о прекращении операций³. Эта грандиозная проба сил привела повсюду к укреплению того сотрудничества между фашистами и высшими военными и полицейскими властями, которое было использовано 28 октября при осуществлении более широкой реакционной программы ликвидации конституционных порядков.

Неосторожность, выразившаяся в объявлении всеобщей забастовки, которую рабочее движение в силу своего общего состояния не могло организовать таким обра-

¹ Среди арестованных был старый писатель-республиканец Пьер Дельфино Пеше, ученик Бовио и несомненный патриот, «которому, — писала «Секоло» 16 августа 1922 года, — никто не мог осмелиться приписать какие-либо «мятежные идеи», за исключением безвредного философского и академического республиканизма школы Бовио». О событиях в Бари см. цитированную корреспонденцию в «Umanità Nova» del 9—10 agosto 1922 и A. T a s c a, op. cit., p. 337, 367, p. 167.

² При префекте Оливьери Бари был центром, где реакционная линия правительства нашла свое яркое выражение; поэтому, когда было объявлено о переводе в этот город префекта Мори из Болоньи, фашисты заволновались и запротестовали, но достаточно было проявить немного твердости, как главарь барийских сквадристов Карадонна поспешил выступить с заявлениями, выдержанными в примирительном духе: что местное фашистское движение должно быть реорганизовано, что недисциплинированность местных фашистов недопустима, что юнцы должны думать об учении, а не о кошачьих концертах и что вообще фашисты не выступали против приезда Мори (см. «Il Secolo» del 22 agosto).

³ См. «La Stampa» del 9 agosto.

зом, чтобы не подвергнуться ответному удару, заведомо подготавливаемому фашистами¹, привела к тому, что эта забастовка не только не помешала созданию правительства, занимающего недостаточно твердую позицию в отношении мятежных правых элементов, а, наоборот, ускорила события, вызвав поспешное образование худшего из всех возможных правительств — кое-как сострепанного переиздания первого кабинета Факта. Таким образом, завершение кризиса лишило его всякого смысла² или, лучше сказать, придало ему один-единственный

¹ «Джустициа» не ошиблась, назвав «забастовку в защиту закона» (в номере от 11 августа) «Капоретто рабочего движения», хотя это определение было в то же время выражением капитулянтских настроений, господствовавших среди социал-демократов и ослаблявших все рабочее движение. См. свидетельство П. Ненни (P. Nenni, *Pagine di diario*, p. 75), рисующего драматическую картину «систематического соперничества» между течениями и партиями, на которые дробились пролетарские силы, и причиняемого этим вреда. При оценке ситуации, сложившейся в то время в рабочем движении, нужно, однако, отказаться от распространенного в некоторых кругах предрассудка, согласно которому раскол в Ливорно, приведший 21 января 1921 года к возникновению ИКП, считают если не главной, то одной из главных причин слабости рабочего движения перед лицом наступления фашистов. Наоборот, отделение этой — по общему признанию — наиболее зрелой и сознательной части рабочего движения от обветшавшего ствола социалистической партии было хирургической операцией, ознаменовавшей собой начало нового подъема, который, конечно, развернулся за пределами двух летия 1921—1922 годов и периода победы фашизма, но достиг, как мы все помним, бурного и мощного развития во время исторических событий Сопротивления и Освобождения, в которых коммунистическая партия сыграла, по общему признанию, главную роль. Словом, социалистическая партия в 1921—1922 годах дошла до крайнего упадка, и если бы она и осталась формально единой, как до Ливорнского съезда, то все равно не сумела бы, не смогла бы оказать никакого серьезного сопротивления наступлению фашистов. Образование же коммунистической партии подготовило кадры, которые в течение двадцатилетнего периода угнетения вели подпольную работу, а в годы восстания возглавили победоносную освободительную войну. См. об этом в «*Trenta anni di vita edilotta del PCI*», p. 25—27 («Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», М., ИЛ, 1953, стр. 53—56).

² Тот же Стурцо (L. Sturzo, *Popolarismo e fascismo*, p. 65) писал: «Этот кризис, политические аспекты которого не были как следует продуманы и который был обязан своим возникновением лишь сентиментальности парламентариев и их склонности поддаваться первому побуждению, нашел разрешение, противоречащее всякой логике и еще хуже того, которым закончился февральский кризис; он обострил моральный конфликт между парламентом и страной и ослабил партию «пополяри», для которой его последствия были значительнее, чем для любой другой партии». Интересно отметить, что по крайней мере в первой своей части это суждение Стурцо почти совпадает с оценкой Джолитти, данной в его знаменитом письме из Виши.

смысл, который был весьма неутешительным и порождал самые мрачные предположения насчет будущего: оно показало, что демократия не в состоянии даже спасти самое себя, ибо в своей борьбе против надвигающейся на нее угрозы она не хотела и боялась поддержки трудящихся классов, хотя только эта последняя могла обеспечить защиту и прочное сохранение «конституционного минимума», который мятежники из правого лагеря явно собирались атаковать и уничтожить¹. Таким образом, оказалось, что антисоциализм, органически присущий итальянским правящим группам, называвшим себя либеральными и демократическими, отнюдь не является их сильной стороной и даже представляет собой нечто большее, чем простой недостаток: он свидетельствует о их полном истощении, о естественном завершении пройденного ими цикла и отмирании их функций — о состоянии, подобном состоянию больного, который уже отказывается от пищи, ибо его организм, полностью утративший силы, необходимые для возвращения к жизни, потерял как способность усваивать пищу, так и желание принимать ее и вступает, таким образом, в последнюю фазу агонии.

1 августа Джероламо Лаццери писал в «Секоло»: «Функция беспристрастного (хотя бы даже относительно беспристрастного) арбитра, которую государство постоянно удерживало за собой благодаря примирению враждующих сторон и поглощению новых слоев и сил, время от времени выделяемых обществом из своих недр, уступила место самой откровенной пристрастности, полностью утратила свое назначение. Вводя всеобщее голосование, систему пропорционального представительства и узаконивая право на забастовку и создание организаций, либеральное государство тем самым допускало и одновременно использовало в своих интересах новые политические образования, новые социальные слои, постепенно начинавшие участвовать в управлении государственными делами. Теперь это либеральное государство, хотя оно и сохранило еще внешне конституционные формы, изменило или по меньшей мере изменяет своей сущности. Отсюда кризис, который является не просто кри-

¹ О нежелании «конституционалистов» даже после 3 августа 1922 года вести борьбу против фашизма см. P. N e n n i, *Pagine di diario*, p. 82—83.

зисом либерального государства, но и кризисом итальянского государства». Были и в буржуазном лагере люди, которые уже тогда ясно видели, что такое фашизм: «Фашизм,— писала «Стампа» 18 июля,— это движение, стремящееся всеми законными и противозаконными средствами завладеть государством и подчинить себе всю жизнь нации, чтобы установить свою неограниченную и безраздельную диктатуру. Главным средством для достижения этой цели, согласно программе и в соответствии с духом, царящим среди его вождей и последователей, является полное уничтожение всех гражданских и личных свобод, другими словами — уничтожение Статута и всех либеральных завоеваний итальянского Рисорджименто. Когда диктатура будет установлена настолько прочно, что смогут существовать только такие институты, смогут совершаться только такие действия, смогут произноситься только такие слова, которые будут проникнуты духом безусловной преданности и подчинения фашизму, тогда этот последний согласится приостановить насильственные действия, так как для них уже не будет объекта, сохранив, однако, за собой право в любой момент вновь начать их при первых же признаках возобновления сопротивления»¹. Тем не менее несколько дней спустя после того, как начался правительственный кризис и обнаружились связанные с ним трудности, та же «Стампа», комментируя 27 июля письмо Джолитти из Виши, утверждала (статья Луиджи Амброзини², верного истолкователя директив Джолитти), что открытая борьба против фашизма невозможна³.

¹ В статье «Демократы и социалисты», напечатанной 10 сентября в «Секоло», Артуро Лабриола заявлял, что, нанося удар за ударом по социалистам, фашисты тем самым наносят удар по демократии и либерализму и, следовательно, по конституционному государству. С другой стороны, в той же газете в редакционной статье «Демократия и рабочие», помещенной в номере от 10 октября, мы читаем: «Некоторые группы демократов, кажется, не отдают еще себе отчета в той опасности, которая им угрожает, и не теряют надежды, что им удастся умилостивить реакционные силы, принеся им в жертву организованное движение трудящихся».

² Хвалебный отзыв о котором см. в статье Giuseppe Gallico, *Ricordo di Ambrosini*, «Il Mondo» del 6 settembre 1955.

³ «Предпринятая в начале нынешнего века попытка,—читаем мы в «Trenta anni di vita e di lotta del PCI», р. 5 («Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», М., ИЛ, стр. 6),— найти выход из создавшегося положения в том, чтобы толкнуть старый,

Проба сил, предпринятая фашистами в конце июля — начале августа 1922 года, имела для них решающее значение, ибо они смогли окончательно убедиться не только в эффективности своей вооруженной организации, но и в том, что отныне весь государственный аппарат всеми силами старается облегчить задачу сквадристов, а на скамьях парламента и в правительстве сидят люди, которые не мешают фашистам (некоторые потворствуют, иные сочувствуют, третьи, наконец, терпят) и всегда и при всех условиях придерживаются политики самоустранения и капитуляции, если не прямого вмешательства в пользу фашистов, что позволило фашистам без особых затруднений довести до конца осуществление своего плана.

Фашистское движение вовсе не было потоком, пытаться остановить который было бы напрасным делом; наоборот, в тех случаях, когда сопротивление (государственных органов или даже только трудящихся классов при условии, что государственные органы не чинили им слишком больших препятствий) было организованным, оно приводило к победе. Сквадристы были храбры как львы только тогда, когда они действовали с помощью и при поддержке вооруженных сил, полиции, карабинеров, королевской гвардии, суда, высшей бюрократии; их сила была безмерной лишь тогда, когда в результате попустительства властей они имели возможность, орга-

так называемый либеральный политический строй на путь радикальной демократии, которая была бы способна чутко реагировать на необходимость повышения жизненного уровня народа и предоставления ему возможности участвовать в управлении государством, потерпела неудачу. Неудача этой попытки объяснялась тем, что ее инициаторы оказались неспособными подкрепить ее конкретной и стройной программой социальных преобразований, а также тем, что политика правящих классов все более отчетливо развивалась в диаметрально противоположном направлении. Несмотря на существовавшие в среде правящих классов противоречия, обусловленные отсталостью и неоднородностью экономики страны, эти классы сплачивались вокруг групп, являвшихся не только самыми сильными экономически, но и наиболее откровенно реакционными. Эти группы, враждебные всякому экономическому и политическому прогрессу, преследовали лишь свои эгоистические интересы — интересы привилегированной касты; они предпринимали агрессивные действия в классовой борьбе, жадно стремились к захватам, были полны решимости целиком подчинить себе всю государственную машину и без всякого стеснения использовать ее в своих интересах».

низуя свое наступление, сконцентрировать средь бела дня в одном месте массу людей и боевых средств, когда у них было десять человек против одного, и к тому же безоружного или плохо вооруженного. Во всех остальных случаях они не чувствовали твердой почвы под ногами и обращались в бегство.

Даже фашистский главный штаб, применяя гибкую тактику, приказывал отступать каждый раз, когда правительство проявляло последние остатки воли к сопротивлению. Во время июльского кризиса Муссолини старался показать, что его притязания не выходят за рамки довольно скромных требований: самое большее, чего он требовал,— это участия фашистов в коалиционном правительстве. 22 июля в беседе с Орландо, которому было поручено формирование нового кабинета, Муссолини потребовал у него трех постов помощников министра (и в том числе, по возможности, пост помощника министра при председателе совета министров) для депутатов Чиано, Ачербо и Лупи¹. До этого с Нитти, а теперь с Орландо он вел переговоры об образовании «правительства единения» (с первым — через посредство генерала Капелло); Орландо он советовал включить в свой кабинет, помимо фашистов, представителей ВКТ — социал-демократов². На следующий день, 23 июля, на аудиенции, данной ему королем, Муссолини — как доверительно сообщил он секретарю³ — предложил Виктору Эммануилу III создать правительство во главе с Джолитти. Неделью спустя он соглашался войти в правительство Орландо, формирование которого снова было поставлено в повестку дня, или в правительство Де Никола, которое могло быть сформировано в случае провала попытки Орландо; он соглашался на пост министра

¹ Сообщение об этом, напечатанное в «Джорнале д'Италия», было затем опровергнуто службой печати фашистской партии, но весьма возможно, что по меньшей мере имелись некоторые основания для такого сообщения; об этом свидетельствует также и то, что оно совпадает со многими другими аналогичными сообщениями о готовности Муссолини принять участие в коалиционных правительствах, создание которых предполагалось в те дни. Конечно, «Джорнале д'Италия», орган либералов-последователей Саландра, яростно боролся за вхождение в новое правительство «подкрепления из правых».

² См. А. T a s c a, op. cit., p. 314.

³ См. P a o l o M o n e l l i, Mussolini piccolo borghese, Milano, Garzanti, 1950, p. 129 sgg.

без портфеля, требуя, чтобы фашистам был предоставлен и другой министерский пост, и обещая распустить сквадры. 28 июля в интервью «Пти паризьен» он подтвердил, что готов в интересах умиротворения занять пост министра внутренних дел. Только разрешение кризиса путем «переиздания» кабинета Факта побудило его рассмотреть более смелые планы, поставив своей целью полное завоевание власти. Но вплоть до кануна «похода на Рим» и даже в самые дни похода в стратегии фашизма по-прежнему наблюдалось переплетение двух линий — линии на участие в правительстве «восстановления» и линии на захват власти во всей ее полноте, линии на вращение в «режим» и линии на восстание; эта стратегия являлась отражением генезиса фашизма и в то же время составляла секрет его успеха.

В кабинет Факта, который был сформирован 31 июля 1922 года и о создании которого было объявлено 1 августа, входили Карло Шанцер — министр иностранных дел, Карло Таддеи — министр внутренних дел, Дж. Б. Бертоне — министр финансов, Джузеппе Параторе — министр казначейства, Джулио Алессо — министр юстиции, Джованни Бертини — министр сельского хозяйства, Антонино Аниле — министр народного просвещения, Марчелло Солери — военный министр, Роберто Де Вито — военно-морской министр, Теофило Росси — министр промышленности и торговли, Арнальдо Делло Сбарба — министр труда и социального обеспечения, Винченцо Риччо — министр общественных работ, Луиджи Фульчи — министр почт и телеграфа, Джованни Амендола — министр колоний и Вито Лучани — министр освобожденных территорий. Факта, Алессо и Солери — демократы (джолиттианцы), Амендола и Параторе — итальянские демократы (сторонники Нитти), Де Вито — социальный демократ, Лучани — либеральный демократ, Риччо — демократ-либерал (саландрист), Бертоне, Аниле и Бертини — пополяри, Делло Сбарба — реформист (сторонник Бономи). Остальные были правыми, не принадлежавшими ни к какой партии. Новое правительство имело ту же политическую и парламентскую базу, что и предыдущее. Правда, исходя из того, что вотум недоверия был вынесен по внутренней политике, Факта отказался от портфеля министра внутренних дел, передав

его Таддеи, и заменил левых деятелей, кандидатуры которых вызывали больше всего возражений,— Камилло Пеано на посту министра казначейства, Луиджи Росси на посту министра юстиции, Маджорино Феррариса на посту министра по делам освобожденных территорий, Пьетро Ланца Ди Скалеа на посту военного министра¹. Все остальные министры остались на своих постах.

Сенатор Таддеи, назначенный на пост министра внутренних дел, был до этого префектом Турина. С первого дня кризиса о нем говорили как о человеке, который, вероятно, будет министром внутренних дел в формирующемся правительстве Орландо; его кандидатура выдержала все превратности тяжелого кризиса и фигурировала во всех предполагавшихся кабинетах, как бы различны ни были кандидатуры на пост премьер-министра. Таддеи был королевским комиссаром в Турине в 1909 году, префектом Феррары в период крупных аграрных волнений, префектом Анконы после «Красной недели» 1914 года и префектом Турина с 1919 года, после восстания рабочих в августе 1917 года, то есть тогда, когда, «крайние тенденции» получили наибольшее развитие; находясь в Турине, он продемонстрировал твердость, содействуя осуществлению консервативных и нормализаторских тенденций сменявших друг друга правительств Джолитти, Бономи и Факта; однако он не перегибал палку, действуя тактично и ловко. В результате в 1922 году один из самых «красных» городов Италии был в то же время одним из городов, которые доставляли правительству меньше всего хлопот по части общественного порядка. В новом кабинете Таддеи пользовался значительным влиянием; об этом свидетельствует между прочим тот факт, что именно он принял 4 августа Муссолини и Бьянки, а затем вел беседы с Солери и Риччо с целью достижения умиротворения, которое было предложено фашистам².

¹ М. Солери (M. Soleri, *Memorie*, p. 140) согласился взять портфель военного министра лишь «после сильного сопротивления и в результате давления, оказанного на него от имени короля».

² Следуя обычной для них тактике «двойной линии», фашисты в ответ на это предложение опубликовали 4 августа коммюнике, которое гласило: «Сведения, поступившие в секретариат партии, свидетельствуют, что фашистское контрнаступление приобрело грозный и неудержимый характер. Палаты труда, социалистические клубы и социалистические муниципалитеты заняты фашистскими сквадрами; во время ре-

Когда миновала первая бурная неделя августа, политика Таддеи, оставлявшая впечатление твердости, принесла некоторые положительные результаты: 13 августа было первым за многие месяцы воскресеньем, не ознаменованным пролитием крови¹. Но это был, как мы увидим, кратковременный перерыв, и очень скоро действия самого Таддеи были нейтрализованы и парализованы представителями правых в совете министров.

«Подкрепление из правых» — вот обстоятельство, роковое как для первого, так и для второго кабинета Факта. При образовании первого кабинета Факта правые-саландристы были в первый раз допущены к участию в формировании правительства после того голосования 1916 года, которое привело к падению кабинета, возглавлявшегося самим Саландра, и к какому-то подобию политического и парламентского остракизма главного представителя южноитальянских либералов-националистов² (после войны этот остракизм приобрел еще более серьезный характер). Вместе с Винченцо Риччо (который входил как в первый, так и во второй кабинет Факта) в первый кабинет вошли в качестве помощников министра два представителя правых — профашисты Альфредо Рокко, впоследствии прославившийся разработкой фашистских законов, и маркиз Джузеппе Де Капитани Д'Арцаго, «которые, — пишет Ячини³, — должны были

прессивных операций пришлось также разрушить некоторые помещения профсоюзных организаций. Радикальный характер мер вызван тем, что указанные организации, позабыв законные цели, ради которых они были созданы, превратились в опасные центры, строящие козни, угрожающие спокойствию нации и самих трудящихся, не говоря уже о том, что их помещения стали складами оружия и боеприпасов, используемых против фашистов. Вот первый приблизительный список совершенных контратак и последующих захватов, произведенных фашистами». Далее был приведен столь же длинный, сколь и печальный список опустошений с оговоркой, что он неполон и охватывает только операции за три дня.

¹ См. «Il Secolo» del 16 agosto 1922. При первом кабинете Факта с 15 августа по 22 сентября было совершено 84 убийства, 79 человек получили тяжелые ранения, имело место 75 случаев «изгнания» или высылки, 72 случая нанесения ущерба имуществу, 37 поджогов и много других преступлений, менее серьезных или, во всяком случае, таких, о которых не было сообщено судебным властям.

² О южноитальянском либерал-национализме см. Francesco Comagna, *Labirinto meridionale* (Cultura e politica nel Mezzogiorno), Venezia, Neri Pozza, 1955.

³ S. Jacini, *Storia del Partito popolare italiano*, p. 121.

поддерживать постоянный и опасный контакт с Муссолини». Как тот, так и другой представляли собой *trait-d'union** между либерал-национализмом, реакционной партией традиционного типа, и мятежным фашистским движением. «Де Капитани,— свидетельствовал тот же Саландра¹,— был самым близким из моих миланских друзей, и его позиция в парламенте никогда не отличалась от моей, но он был также интимным другом Муссолини, в окружении которого он был выразителем настроений и интересов миланских консерваторов². Последние надеялись с помощью фашизма взять реванш у социалистов, которые долгие годы хозяйничали в Милане и овладели муниципалитетом и крупными местными учреждениями. Идеалом Де Капитани было полное согласие по всем пунктам между Муссолини и мной».

Тот факт, что Де Вито остался и во втором кабинете Факта на посту военно-морского министра, также весьма знаменателен, ибо он был поборником законопроекта о чрезвычайном субсидировании судоверфей (325 миллионов в течение 4 лет), проекта, выдержанного в традиционном духе покровительства итальянской крупной промышленности и встретившего такое враждебное отношение в парламентских комиссиях и особенно со стороны социалистов³.

Но наиболее значительной среди них фигурой по своему положению в совете министров (помощники министров Рокко и Де Капитани не являлись его членами) и по четкости своей политической позиции откровенно правого деятеля (чего не хватало Де Вито) был Винченцо Риччо, который сознательно играл роль фашистского гроянского коня внутри либерального правительства. «В этом отношении,— сообщает Синибальдо Тино⁴,— представляет интерес одна позднейшая публикация в

* Связующее звено (*франц.*).— *Прим. перев.*

¹ A. S a l a n d r a, *Memorie politiche*, p. 19.

² Он был, между прочим, председателем правления Миланской сберегательной кассы. Впоследствии, в 1933 году, с Муссолини и Виктор Эммануил сделали его сенатором.

³ Что касается вообще требования государственного субсидирования промышленности, выдвигавшегося промышленниками весной 1922 года, см. *Luigi Einaudi, La condotta economica e gli effetti sociali della guerra italiana*, Bari, Laterza, 1933, p. 278 sgg.

⁴ S. T i n o, *Il trentennio fascista*, p. 65. Работа Тино, который уделяет много внимания личности Муссолини, полезна, ибо она наглядно показывает, что так называемый «поход на Рим» носил характер консти-

ежемесячнике, являвшемся опорой фашистского движения в Риме в его начальный период (от создания парламентского «фашо»* до выпуска «Внутреннего фронта» во время войны) и проявлявшем по-прежнему большую инициативу накануне прихода фашистов к власти. Эта публикация, произведенная по случаю какого-то фашистского празднества, содержит точную информацию относительно специфической функции, выполнявшейся в кабинете Факта представителями парламентской фракции, возглавлявшейся Саландра, которые с нетерпением ожидали желанного момента, когда они вернутся к власти. Не говоря уже о безотказном снабжении руководителей фашистского движения точной информацией и полезными сведениями, министр общественных работ Винченцо Риччо (бывший более чем доверенным лицом Саландра — он был его неизменным и преданным другом) содействовал (как явствует из этих позднейших признаний, в истинности которых не приходится сомневаться) организации проводившихся в эти дни многочисленных провинциальных и областных слетов фашистов: именно он обеспечил транспорт и распорядился предоставить фашистским военным организациям льготы при проезде по железным дорогам. Но помимо этой функции тактического характера, Риччо выполнял, как мы увидим, и функцию стратегического характера — он должен был нейтрализовать сопротивление кабинета Факта фашизму изнутри, вызвав затем в момент решающей атаки его кризис. Его роль пособника фашистов открыто признал Саландра¹; сам Муссолини назвал его тогда «верным и преданным последователем либерализма и искренним другом фашистов»², а много

туционного компромисса, следовательно, он косвенно подчеркивает ловкость, характерную для всего фашистского плана завоевания власти, согласно которому вооруженному восстанию не придавалось значения решающего средства, а только средства давления и шантажа.

* Объединение депутатов парламента, ярых националистов, выступавших против «нейтрализма» и «пораженчества», за активное участие Италии в войне. Было создано после поражения итальянских войск при Капоретто (октябрь 1917 года). — *Прим. перв.*

¹ А. С а л а н д р а, *Memorie politiche*, p. 16. О Риччо см. также его апологетический портрет, принадлежащий перу Корредо Де Бьязе (Corrado De Biase, *Il «Diario» del ministro Vincenzo Riccio* (1915), «Nuova Antologia», dicembre 1955.

² Интервью «Джорнале д'Италия» от 25 февраля 1922 года, перепечатанное на следующий день в «Пополо д'Италия».

лет спустя сказал: «Г-н Риччо был мне очень полезен во время кризиса, имевшего место летом и осенью 1922 года, когда он, будучи министром правительства Факта, горячо ратовал за разрешение этого кризиса в Италии путем создания фашистского правительства»¹.

С того самого момента, как Факта официально объявил о формировании своего правительства, в политических кругах знали, что и во втором кабинете Факта Риччо будет играть ту же роль, что и в первом².

Что касается председателя совета министров, то это был типичный представитель того «полнокровного» большинства, при помощи которого Джолитти управлял страной в первые годы нового века. Луиджи Факта родился 13 сентября 1861 года в Пинероло и был сначала мэром этого города, а затем (с 1892 года) депутатом от Пинероло (написал его историю). Это был мирный пьемонтец, добрый, честный и ограниченный как в политическом, так и в культурном отношении; никто из тех, кто составлял джолиттианское большинство, не был большим джолиттианцем, чем он, и благодаря джолиттианскому большинству и собственным несомненным способностям крупного администратора он стал помощником министра юстиции, а затем министра внутренних дел при Джолитти и при Фортисе в 1903—1909 годах и министром финансов при Луццатти, при Джолитти и при Орландо в 1910—1919 годах. В 1910 году, выступая на XI Национальном съезде социалистической партии в Милане, Гаэтано Сальвемини заявил, что Факта несет вместе с Джолитти наибольшую ответственность за «подлые преступления», совершенные во время мартовских выборов 1909 года, и что он, Сальвемини, считает позорным для социалиста сидеть за одним столом с этим демократом³. Его главной чертой была учтивая любезность, он постоянно улыбался. Он потерял на войне

¹ См. *U von de Vegnac*, op. cit., p. 357.

² См. в «Коррьере делла сера» корреспонденцию из Рима, подписанную «A. R.» (в номере от 1 августа 1922 года), и редакционную статью в номере от 2 августа.

³ *Gaetano Salvemini*, *Scritti sulla questione meridionale* (1896—1955), Torino, Einaudi, 1955, p. 347. При изучении этих выборов и вообще политики Джолитти следует, конечно, всегда иметь перед собой уже ставший классическим памфлет Сальвемини «*Il ministro della malavita*» («Министр уголовников»), Firenze, La Voce, 1910.

сына¹, и это несчастье послужило для него пропуском в лагерь правых, с которыми его сближали особенности его характера (характера человека, старающегося все примирить) и позиция, занимаемая джолиттианцами во время послевоенного кризиса.

Но при всех своих улыбках и обходительных манерах Факта, даже по мнению своих коллег, не отвечал тем требованиям, которые в подобной ситуации предъявляются к председателю совета министров. Привыкнув быть министром, почтительно подчиняющимся главе правительства,— замечает Джулио Алессо, возглавлявший при нем министерство юстиции²,— и в сущности всегда являясь не более чем помощником министра, он смотрел на действия правительства «не с точки зрения каких-либо глубоких соображений высшего порядка, а с точки зрения коридорных сплетен». В его политической тактике «все сводилось к определенной совокупности форм и формальностей, в которых не было и следа какой бы то ни было мысли, какой бы то ни было решительности». У него были обходительные манеры³ (этот дар, впрочем, был свойствен всем пьемонтским политическим деятелям того периода), никто не мог его превзойти по части обещаний, раздаваемых направо и налево, но, обладая недостаточной культурой, слабо подготовленный как в области финансового дела, так и в области внешней политики, он поднялся на самый высокий правительственный

¹ Второй сын Факта, Джованни, пилот-доброволец, погиб в воздушном бою над Азиаго 29 июня 1916 года. См. Paolo Tosee, Luigi Facta, «Torino», settembre 1954.

² Giulio Alessio, La crisi dello Stato parlamentare e l'avvento del fascismo (Metorie inedite di un ex-ministro), Padova, un Cedom, 1946, p. 8. Профессор-экономист Падуанского университета, любимый ученик Дзанарделли, Алессо избирался депутатом начиная с 1897 года и был на довольно плохом счету у консервативных кругов. Будучи верным последователем Джолитти, он тем не менее в 1906 году вошел в кабинет Соннино; и несмотря на то, что он принадлежал к той же группе демократов, что и Факта, у него были твердые антифашистские убеждения. Он доказал это год спустя, выступив в числе очень немногих демократов против проекта фашистской избирательной реформы, разработанного Ачербо. Позже его даже посадили в тюрьму.

³ Обходительные манеры Факта подчеркивает также Луиджи Лоди (Luigi Lodi, Venticinque anni di vita parlamentare. Da Peloux a Mussolini, Firenze, Vemporad, 1923, p. 243): «Обходительный, симпатичный человек, жаждущий лишь собственного спокойствия [относительно этой оценки необходимо, однако, как мы увидим, сделать некоторые оговорки.— П. А.], он не таил в душе никакой злобы».

пост только благодаря верности своему вождю; казалось, его выдвинули по праву старшинства, но «свойственная ему вульгарная хитрость не могла заменить учености, опыта, умения быстро ориентироваться и решительности — качеств, которыми должен обладать глава правительства».

Продолжая свой анализ, Алесслио добавляет¹, что Факта был не единственным нерешительным человеком в кабинете. Очень слабохарактерны были министры-пополыари Бертоне и Аниле; точно так же не любили бороться с препятствиями Де Вито, ужасно боявшийся даже комиссий по проведению обследований, Фульчи, искусный и талантливый оратор, но полностью лишенный дара политического предвидения, Лучани, который смог наконец усесться в министерское кресло и был доволен уже одним этим, Делло Сбарба, странный политический деятель без всякого опыта и авторитета. Многого ожидали от Солери, военного министра, который, казалось, был исполнен лучших намерений и хорошо сражался во время войны, получив тяжелые ранения и заслужив серебряную медаль за воинскую доблесть; но последующие события показали, что ни военное министерство, ни армия не подчинялись его контролю (что объяснялось, впрочем, подрывной работой его предшественников), и поэтому он возвещал о мероприятиях, которые невозможно было осуществить².

«Непреодолимым препятствием на пути проведения решительной политики (в смысле противодействия фашистскому наступлению), — находим мы затем в работе Алесслио дальнейшее подтверждение уже высказанной мысли, — был Риччо... Риччо выполнял определенную функцию: он должен был сделать невозможной какую бы то ни было защиту государства от революции, которой фашизм сначала угрожал ему, а затем осуществил. Не менее подозрительными были связи Риччо и с

¹ G. A l e s s i o, op. cit., p. 9—11.

² В деле занесения фашистской скверны в армию значительная роль принадлежит ветви Савойского дома — семье д'Аоста. Тот же Дж. Алесслио (G. A l e s s i o, op. cit., p. 52) вспоминает, что примерно 28 сентября фашистскими сквадрами на параде в Мерано командовал герцог д'Аоста, в то время как оркестр 231-го пехотного полка исполнял «Джовинецца» (фашистский гимн). Одновременно в Тренто рекруты маршировали под звуки фашистского гимна. Известна также роль, какую играла в этом деле королева Маргерита, поощрявшая фашистских главарей.

депутатом Дино Гранди, ярким фашистом, который в любое время знал, какой вопрос обсуждается в этом злосчастном правительстве, знал даже каждую фразу, которая там произносилась»¹.

Слабохарактерным и нерешительным, «скорее критиканом, чем человеком дела» был и Параторе; «нечего и говорить о сенаторе Теофило Росси, защитнике интересов крупных торговцев Пьемонта, который под влиянием повального увлечения сделался фашистом с головы до пят. Совсем другим человеком по своим способностям, культуре и подготовке был сенатор Карло Шанцер, министр иностранных дел, один из очень немногих членов кабинета, заслуживающих названия политических деятелей. Ему, этому выходцу из низов, поднявшемуся до самых высоких постов, нельзя было отказать ни в уравновешенности, ни в широкой эрудиции, ни в горячем патриотизме. Но часто привычная уравновешенность отнимает у решений их силу: ведь чем решительнее шаг, тем больше риска. Кроме того, Шанцер был слишком почитаем, слишком преклонялся перед авторитетами,—таким он показал себя в своих сношениях с Англией, а равно и с Францией; он вел себя чрезмерно услужливо, создавалось впечатление, будто он забыл, что, в конце концов, он является министром иностранных дел большого и сильного государства. Эта слабохарактерность была отличительной чертой и самого кабинета»².

О том, что представляли собой различные течения, которым пришлось сосуществовать в кабинете, Солери

¹ G. ALESSIO, *op. cit.*, p. 28. «Риччо,— писал Алессіо,— защитник интересов фашизма в кабинете».

² Нападки, с которыми Муссолини обрушился 8 июля на страницах «Пополо д'Италия» на Шанцера за его политику в отношении Лиги наций и за его вильсониа́нский образ мыслей, не заставили министра иностранных дел занять позицию, враждебную фашизму. В период пребывания у власти второго правительства Факта «Пополо д'Италия» обрушилась на Шанцера с новыми нападка́ми, обвиняя его в том, что он «отказался в пользу Лиги наций от проведения самостоятельной итальянской внешней политики» (редакционные статьи от 27 августа, 8 и 14 сентября, где говорилось о «преступном бездействии Шанцера» и повторялось обвинение в чрезмерной покорности и уступчивости по отношению к Женеве). Это был период резкого антибританского курса Муссолини (см. Gaetano Salvemini, *Mussolini diplomatico*, Bari, Laterza, 1952, p. 40—42). Шанцер находился в Вашингтоне в качестве первого делегата Италии на конференции по разоружению, когда он был назначен министром иностранных дел в первом кабинете Факта (см. L. Lodi, *op. cit.*, p. 244).

(несомненно, один из лучших людей в составе правительства) говорит следующее: «В правительстве существовало три течения: одно стремилось к сотрудничеству с фашистами, его возглавляли председатель совета министров и министры Риччо и Шанцер; другое, более резко выступавшее против фашизма, было представлено Амендола и Таддеи; третье, к которому принадлежали Фульчи, Росси, пополяри и к которому примыкал я, считало, что не следует уступать ни одной позиции государства, что необходимо упорно защищать их, но при этом стараться избежать возникновения гражданской войны, а поэтому действовать как силой, так и убеждением в ожидании ослабления политической напряженности»¹. Эта оценка, в значительной степени противоречащая оценке Алесслио, неправильна даже в отношении самого ее автора, который ставит себя в один ряд с Росси, деятелем, безусловно принадлежавшим к лагерю правых и более или менее открыто сочувствовавшим фашистам. Нам кажется более правильным отнести Солери вместе с Амендола, Таддеи и Алесслио к числу министров, готовых сопротивляться наступлению фашистов, Фульчи же, Росси, Шанцера и пополяри рассматривать как людей, колебавшихся между двумя противоположными тенденциями и в большей или меньшей степени склонявшихся к точке зрения сторонников победы «национальных сил», считая, что наиболее решительно выступали с профашистских позиций Факта и Риччо, но прежде всего Риччо.

Когда 9 августа парламент возобновил свои заседания, с тем чтобы новое правительство могло предстать перед палатой, фашисты уже казались победителями и хозяевами положения. Что касается их материальной мощи, то они доказали ее наглядно своим развернутым наступлением в период 2—8 августа: во всех реакционных и консервативных кругах, у людей, жаждущих спокойной жизни, создалось впечатление, что фашисты заменили государственные органы в деле восстановления общественного порядка. Что касается политической ситуации, то кризис, разразившийся в начале второй половины июля и имевший явно антифашистский смысл, фактически закончился ничем, и это, конечно, ослабило

¹ M. Soleri, *Memorie*, p. 146.

антифашистские силы и усилило фашистов. Когда 9 августа фашистский депутат Лупи, которому было поручено изложить точку зрения его группы, заявил в палате, что разрешение кризиса, который был начат с целью «помешать фашистскому движению добиться новых успехов в стране», показало «тщетность» подобного рода попыток, то он в основном был прав: либерально-демократические политические группы явили последнее доказательство своей неспособности или своего нежелания сопротивляться фашизму. Образование и недолгое существование второго кабинета Факта были концентрированным выражением всех недостатков этих правящих кругов.

9 и 10 августа палата заслушала декларацию правительства и заявление руководителей парламентских фракций¹. На обоих заседаниях отсутствовали лидеры либералов и демократов, от Джолитти до Нитти, от Орландо до Бономи и Саландра. Следует отметить, что Федерцони, выступивший в палате 10 августа от имени группы националистов, и сенатор Альбертини (рупор либералов в сенате), выступивший 14 августа, заявили, что государство уже с начала века отказалось от выполнения своей функции — заставлять уважать закон, ставя его выше интересов тех или иных групп. Федерцони утверждал, что государство сумело вновь стать выразителем духа нации только тогда, когда оно решило вступить в войну и объявило об этом; Альбертини заявлял, что «победа парламентского обструкционизма, сорвавшего реформу регламента палаты [в начале века.— П. А.]*, обеспечила социалистическому меньшинству оружие, с помощью которого оно смогло навязать правительству свои свободы». Таким образом, Альбертини, хотя он и был «либералом», предал забвению тот факт, что в период осуществления обструкционизма существовал широкий союз социалистов и либералов против реакционной «крайне правой», и осудил всю государ-

¹ 9 августа депутаты-фашисты Джунта и Арпинати явились на заседание палаты вооруженными, спровоцировав серьезные инциденты.

* В 1900 году в результате совместных действий социалистов и либералов, широко применявших тактику парламентской обструкции, попытка крайне реакционного кабинета Пеллу урезать прерогативы парламента потерпела поражение. Вскоре после этого Пеллу вынужден был уйти в отставку.— *Прим. перев.*

ственную деятельность и политическое направление Джолитти, который привнес в итальянскую политическую жизнь более цивилизованные нравы, создав условия для более свободного развития сложившихся в стране новых производительных сил, развития их в естественном направлении, определяемом процессом капиталистической концентрации. Поведение Федерцони и Альбертини показало, что на новом этапе существования итальянского капитализма «либералы» присоединились к националистам, громогласно требуя, как и эти последние, поворота право в национальной политической жизни.

Но лагерем, поведение которого было наиболее законченным выражением кризиса государства и правящего класса, был лагерь демократов. Почти в одиночестве остался теперь Франческо Кокко-Орту, по-прежнему требовавший решительного сопротивления фашистам и произнесший в палате 10 августа по поручению четырех фракций демократов и фракции реформистов знаменитую речь¹. В этой речи он противопоставил угрозам

¹ Кокко-Орту родился в 1842 году в Кальяри, был помощником министра, министром сельского хозяйства и министром юстиции в различных кабинетах Криспи, Ди Рудини, Дзанарделли и Джолитти; с 1909 года, когда он был назначен государственным министром, не принимал больше участия ни в одном кабинете. В 1922 году он уже считался старейшим депутатом парламента. См. в специальном номере «Понтэ», посвященном Сардинии (сентябрь—октябрь 1951 года), его интересные и важные мемуары «Il 28 ottobre al Quirinale. Le giornate storiche della rivoluzione fascista», опубликованные Джованни Курисом (Giovanni Curis) с приложением очерка об этом лидере демократов. Стоит привести отзыв о Кокко-Орту, принадлежащий перу стойкого и непримиримого антифашиста Франческо Фанчелло (F a n c e s s o F a n c e l l o, Il fascismo in Sardegna) и опубликованный в указанном выше номере «Понтэ»: «Многие из политических деятелей, прошедших в парламент от Сардинии с помощью системы личных клиентов, без труда перешли на позиции фашизма. Но тот, кого единодушно считали постоянным проконсулом центрального правительства на острове, то есть депутат Кокко-Орту,— самый верный и влиятельный джолиттианец, многократно занимавший министерские посты, и известный юрист — безоговорочно высказался против фашизма и предпочел разойтись с государственным деятелем из Дронеро [Джолитти.— *Прим. перев.*], чем поддерживать его компромиссную или по меньшей мере посибилистскую политику в отношении нового режима. Сардинская «партия действия» резко выступала против Франческо Кокко-Орту, считая его живым символом той политики колониального подчинения, которая несколько не смягчилась в результате широкого участия знаменитых деятелей Юга в правительствах монархии. В пылу полемики неправильную политическую позицию в конце концов отождествили с личной испорченностью. Победа фашизма, наоборот, открыла, особенно молодежи, идеологичес-

Муссолини, говорившего о захвате власти, демократическую концепцию государства, государства — посредника между различными силами и беспристрастного арбитра национальной жизни, однако сами же демократы изменили этой концепции, используя ее как чисто формальное прикрытие, в то время как на деле они еще более открыто ориентировались на правых. Речь Кокко-Орту была выслушана всеми, в том числе и фашистами, в полном молчании, и заслуживает внимания тот факт, что депутат Бевионе, входивший тогда в группу либеральных демократов, но всегда являвшийся националистом, а позже ставший ярким фашистом, писал в «Гадзетта дель пополо»: «Позитивная и реконструктивная часть политического анализа, отсутствовавшая в речах ораторов крайнего направления, была основательно и всесторонне выполнена старейшим депутатом палаты Кокко-Орту, который удостоился чести говорить от имени четырех фракций демократов и фракции реформистов. Г-н Кокко-Орту сумел подняться выше борющихся партий, оставив в стороне вопрос об ответственности той или иной группы, и ограничился рассмотрением вопроса о том, каким образом можно и должно восстановить порядок в стране... Г-н Кокко-Орту оказал большую услугу палате и стране, обратившись к ним на том благородном языке истины и мудрости, в котором, казалось, возродился великий и свободный дух Джузеппе Дзанарделли... Огромное большинство собрания многократно прерывало г-на Кокко-Орту шумными рукоплесканиями, выражая свое согласие с ним и пылко заявляя враждующим группировкам и погруженной в хаос нации, что только в демократических порядках, которые регулируют нашу

кую последовательность и моральное величие этого старика. Многие лидеры из числа самых известных в мире политики и культуры сложили оружие или вступили рано или поздно в сделку с победителем. Напротив, Франческо Кокко-Орту с первой минуты отнесся к фашизму с ледяным презрением. Покинутый значительной частью своей клиентелы, он предпочел поражение на выборах торгашеской сделке. Преданный собственным вождем [Джолитти. — П. А.], он гневно замкнулся в гордом одиночестве, вызывающем в памяти образы некоторых великих епископов первых веков христианства, настоящих героев непримиримости, которые осмеливались обличать даже слабость пап, предпочитая схизму компромиссу». Таким образом, Кокко-Орту может служить примером последовательности и верности принципам демократии, которых не проявил никто или почти никто из его коллег по лагерю демократов.

жизнь, только в либеральном государстве, к которому мы принадлежим, спасение и процветание нашей родины. Вотум доверия правительству, голосование которого проводилось по резолюции г-на Кокко-Орту, подписанной представителями всех фракций демократов и фракции реформистов, получил триумфальное большинство: против голосовали только коммунисты, социалисты и фашисты»¹. В действительности эта резолюция была одобрена 247 голосами против 121 и при 2 воздержавшихся; но широкая поддержка, оказанная при голосовании второму составу кабинета Факта и призыву к патриотическому сотрудничеству всех группировок, отнюдь не означала прояснения политической ситуации и восстановления солидарности и единства либеральных и демократических сил в борьбе против самой большой опасности того момента — политического и военного наступления фашизма.

Одной из предпосылок такого единства должно было явиться соглашение между четырьмя фракциями демократов, и попытка в этом направлении действительно была предпринята. Вопрос об объединении демократов уже поднимался за год до этого в относительно более благоприятных условиях, ибо тогда было только две демократические фракции: 5 ноября 1921 года в Монтечичорио состоялось собрание, на котором присутствовало человек 60 депутатов и которое положило начало переговорам, закончившимся 26 ноября объединением 80 консерваторов из группы либеральных демократов и более чем 60 радикалов из группы социальных демократов. Но, не говоря уже о том, что к этому соглашению не примкнули и враждебно отнеслись к нему два главных лидера демократов, Нитти и Джолитти, а также некоторые их верные последователи, даже это самое узкое объединение демократов распалось в мае — июне 1922 года, уступив место дальнейшему раздроблению на четыре фракции, которые мы уже перечислили и описали². Новая попытка, более широкого масштаба, поскольку предполагалось полностью объединить в одной федерации всех демократов, была предпринята на следующий же день после парламентской дискуссии, в ходе которой г-н Кок-

¹ И республиканцы.

² См. A. T a s c a, op. cit., p. 253, 268 п. 112, 304, 335 п. 108.

ко-Орту взял слово от имени всех пяти фракций. На собрании, состоявшемся в Монтечиторио 12 августа, председательствовал сам старейший депутат палаты, представляя на нем демократов-джолиттианцев. На собрании присутствовали от либеральных демократов Бреucci и Андреа Торре, от социальных демократов — Казертано, Персико и Гуарино Амелла, от итальянских демократов — Андреа Финоккьяро Априле и Чаппи и от реформистов — Макки¹. Было решено, что Кокко-Орту произнесет первую программную речь в Неаполе на конференции демократов, которую решено было созвать в центральном городе Кампании, с тем чтобы опередить фашистов, собирающихся устроить слет на Юге, где, по недвусмысленному признанию Национального фашистского совета, заседавшего 13 августа, фашистское движение было более слабым, в то время как силы демократов издавна были организованы в крепкие и способные к сопротивлению избирательные клиентелы. Программа демократов, казалось, была уже намечена во всех деталях²: 15 сентября, по случаю открытия ярмарки образцов товаров, в неаполитанском театре Сан-Карло в присутствии короля и членов правительства Бономи и Де Никола произнесут политические речи, вечером во время банкета в отеле «Эксцельсиор» г-н Орландо произнесет тост. Кроме того, политические речи произнесут Нитти и Джолитти в Турине, Кокко-Орту в Перудже, Фера в Реджо-ди-Калабрии, Бономи в Милане, Де Никола в Генуе, Орландо в Венеции, Орландо и Де Никола в Палермо.

Трудности, однако, не заставили себя долго ждать. На заседании руководства фракции демократов-джолиттианцев, состоявшемся 22 августа в Монтечиторио, потребовали отложить созыв конференции в Неаполе; и хотя согласно комментариям газеты «Трибуна», органа Джолитти³, политический деятель из Дронеро как будто положительно относился к идее федерации, требование отсрочки маскировало более сокровенное его желание — желание уйти от решения проблемы. Кокко-Орту, кото-

¹ Официальное коммюнике было разослано в газеты и опубликовано ими 13 августа.

² См. «Corriere della Sera» del 15 agosto.

³ О газетах джолиттианских и газетах ниттианских см. Antonio Gramsci, *Passato e presente*, Torino, Einaudi, 1951, p. 47 e 48.

рый должен был произнести программную речь в Неаполе, открыв тем самым кампанию за объединение демократов, в конце концов отказался от нее, так как очень «немногие депутаты-демократы согласились принять участие в конференции» делегатов Юга, на которой он должен был выступить. 23 августа «Трибуна» выразила мнение, что конференция все равно должна состояться; депутат Фаццари, один из руководителей либеральных демократов, заявил на следующий день в «Ресто дель Карлино», что «конференция состоится и будет иметь важное значение»; 31 августа представители демократов объявили Факта, что собрание в Неаполе состоится «наверняка» и «будет внушительным событием»¹. Но именно Джолитти после нескольких дней интенсивных *rougrailers**, в которых участвовали Джолитти, Факта, Фрассати, Мильоли, Фаццари, Турати и Тревес, похоронил эту инициативу с помощью инспирированного им сообщения, которое было опубликовано верной «Стампа» 21 сентября. Отметив, что речь идет не о личной вражде между Нитти и Джолитти, а о «разногласиях по поводу двух методов управления», «Стампа» заявила, что возможность соглашения между двумя наиболее значительными группами демократов исключена, и дала понять, что попытку объединения демократов можно считать практически окончательно провалившейся².

Каковы причины этого провала? Даже депутаты-демократы, принадлежавшие к одной группе, но избранные в разных избирательных округах, представляли собой, особенно на Юге, непримиримо враждебные течения. Уже в статье, помещенной 25 августа в ниттианской газете «Эпока», подчеркивалось, что в группе джолиттианцев (а также, можем мы прибавить, и в других группах демократов и в группе реформистов, как это более ясно показали последующие события) существовали глубочайшие разногласия относительно того, какую позицию следует занять в отношении фашизма: профашисты парализовали деятельность по объединению сил демократов, которая позволила бы активизировать сопротивление фашизму. И действительно, в одной и той же политической организации наряду с Коррадини и

¹ См. «Corriere della Sera» del 1 settembre.

* Переговоры (франц.). — Прим. перев.

² «Джустициа» считала ее провалившейся еще 18 сентября.

Моничелли, Маттоли и Бенедетти¹, открытыми профашистами, сосуществовали твердые, стойкие антифашисты — такие, как Алессио и Кокко-Орту. Но сам Джолитти, который вел свою крупную игру, с тем чтобы добиться, как он воображал, обуздания фашистского движения путем его включения в систему либерального государства, склонялся скорее к линии первых, чем к линии вторых².

Не менее сильно была заражена профашистским духом и группа социальных демократов, наиболее значительным опорным пунктом которых был Милан, где ими руководил Гаспаротто, и которые, как мы увидим, стали впоследствии инициаторами союза с консерваторами и национал-фашистами во время муниципальных выборов, назначенных в связи с роспуском миланского муниципалитета, возглавлявшегося Филиппетти. 17 сентября орган социалистов-реформистов «Джустинция» так объяснял их эволюцию: «После того как кончилась эра знаменитых эпигонов, от Каваллотти до Муссолини (которые действительно были представителями мелкой торговой буржуазии в те времена, когда еще не было кооперативов), официальная демократия постепенно изменяла свой характер по мере того, как шло обогащение некоторых групп промышленников, которые своими капиталами помогали ей воевать. Можно было бы перечислить имена этих демократов, нажившихся на военных спеку-

¹ Профашистское поведение Бенедетти, джолиттианца из Пеши, не избавило его от избияния, которому он подвергся 24 сентября во время операции сквадристов против либерально-демократического муниципалитета этого города.

² В своей статье в «Понтэ» за октябрь 1952 года «Come fu assassinato Giuseppe di Vagno» [«Как было совершено убийство Джузеппе ди Ваньо», депутата-социалиста, который был убит в Моле 25 сентября], написанной на основе обвинительной речи и личных воспоминаний генерального прокурора, Г[азтано] С[альвемини] устанавливает, что в Конверсано (провинция Бари) фашо выросло из либеральной партии, имело то же помещение и состояло из тех же людей; один из наиболее запятнавших себя злодеяниями фашистов, Паоло Тарсиа-Инкурна, был прозван «конверсанским Джолитти», и все джолиттианское движение района во главе со знаменитым депутатом — вожаком «маццери» Вито Де Беллисом (крупным землевладельцем, настоящее имя которого — Томмазо Кассано) превратилось в фашистское движение сквадристов, едва только социалисты стали добиваться первых избирательных успехов. Как раз эта либерал-фашистская группа и совершила убийство Джузеппе ди Ваньо.

ляциях и образующих ныне генеральный штаб демократии; их можно было видеть на собрании, где было принято решение о блоке с консерваторами»¹. Но еще до войны, в первые годы XX века Сальвемини назвал демократию Севера «служанкой протекционистски настроенных промышленников Ломбардии и Пьемонта»².

Кризис демократии повлек за собой, следовательно, кризис либерально-демократического государства. Комментируя неудачу создания демократической коалиции, Артуро Лабриола писал 6 сентября в «Секоло»: «Для итальянской демократии характерна лживость самих ее идейных основ. Поскольку ее парламентская фракция образовалась как остаток от деления на разные группы — социалистов, пополяри и консервативную «правую», то она скорее походила на резервуар для стока, чем на источник, и скорее на склад, чем на постройку. У нее не было идей или своего образа мыслей. Духовная сторона доктрины, понимание традиций оставались ей чужды. В ее рядах было множество самых настоящих консерваторов, реакционеров, которые понимали демократию не как метод проведения в жизнь сознательно выраженной воли народных масс, а лишь как меньшее зло по сравнению с социализмом. Во времена, когда самый воздух был насыщен социализмом, демократия казалась им страховым полисом против опасностей слишком близкой революции. Их затаенным чувством была паническая боязнь новых социальных начинаний. От них не только ускользала связь между демократией и социализмом... но демократия мыслилась ими как последняя возможная защита не только против такого социалистического движения, которое на деле добивается осуществления социализма, но и против реформизма». И он тоже объяснял крах попытки созыва объединительной конференции профашистскими настроениями некоторых демократов.

Несколько месяцев спустя в речи, произнесенной в Турине 20 декабря 1922 года, то есть после «похода на Рим», дон Стурцо высказался весьма резко относительно итальянской демократии в послевоенный период и кри-

¹ См. об этом ниже в этой же статье.

² G. S a l v e m i n i, Scritti sulla questione meridionale, p. 186—188, 208.

зиса либерального и конституционного государства¹: «Наиболее примечательное явление послевоенного периода,— сказал он,— это молчание и уступчивость демократического течения, которое несколько десятилетий находилось у власти и управляло страной (почти исключительно через своих людей), при недолгой и ограниченной поддержке других течений, и меньше всего пополярно. Сначала систематическое нарушение закона, а затем насилия против общественных институтов и, наконец, целый комплекс фактов (которые свидетельствовали о хозяйничании вооруженной группировки, упадке парламентской системы и о том, что правительству и демократической системе наносится решающий удар) привели к тому, что политический паралич поразил весь организм, охваченный разложением. Это больше, чем крах одной партии: это крах правящего класса; люди еще остались и, словно во сне, слушали надгробную песнь, которую пел г-н Розади голосом Стентерелло*.

Кажется странным, но это факт, заслуживающий внимания: фашизм, возникший как реакция на большевистствующий социализм (стремившийся тогда, в апогее своего влияния, к классовой диктатуре), придя к власти, нанес почти смертельный удар другой политической партии, если ее можно так назвать,— демократии, которая по существу отождествлялась с правительством и часто — с государственной властью. И в то время как социализм, пускай потрепанный и ослабевший, сохраняет свою роль антиконституционной оппозиции (если позволительно сегодня употребить менее точный термин, принадлежащий вчерашнему дню), демократия, которая утратила власть, должна была бы по логике вещей составить конституционную оппозицию; но ничуть не бывало — именно демократия не обнаруживает никаких признаков действенного сопротивления, будь то в области идей или политической борьбы, так что можно подумать, что она является уже пройденным этапом в жизни Италии и фашисты разрушили лишь фасад, за которым скрывалась пустота.

Этим объясняется странное явление, быстро распро-

¹ См. Luigi Sturzo, I discorsi politici, Roma, Istituto Sturzo, 1951, p. 222 sgg.

* Стентерелло — одна из масок флорентийской народной комедии. — Прим. перев.

странившееся от Кунео до Сиракуз — выпадение наименования «демократический» из многих политических этикеток (наименования, которое до 1920 года носила даже группа Саландра, называвшаяся «либерально-демократической»), точно отстиралось вылинявшее пятно. Этим объясняется быстрый переход многих бывших демократов, особенно на Юге (от которого было избрано три четверти депутатов, вошедших в различные демократические и реформистские группы, теперь оказавшиеся не у дел), к национализму или фашизму. Это были те самые люди, которые осуществляли политику демократического государства и государственного социализма, централизаторского и гипертрофированного, и у которых теперь не осталось ничего из их прошлого, что бы стоило защищать, ни их идей, ни их программы. Не осталось ни одного элемента этого государственного организма (который они создали и которым управляли столько лет), достойного того, чтобы его отстаивать; им, вчерашним правителям, лишенным власти, ничего не остается, как присоединиться в свою очередь к хору, поющему осанну сегодняшним победителям».

Не говоря уже о неточности и неприемлемости некоторых оценок Стурцо, картина разложения демократии, оставляющая, несомненно, большое впечатление и хорошо нарисованная, теряет значительную долю своей видимой парадоксальности, если ее рассматривать в свете более глубокого анализа той функции, которую выполняла до тех пор демократия, и анализа (которого Стурцо не сделал) тех социальных сил, из среды которых вышла в свое время демократия, но которые теперь охотнее доверяли защиту своих интересов фашизму. Именно анализ этой функции демократии составляет содержание второго отрывка из речи основателя партии «пополяри», который мы хотим привести:

«Этот период проходил под знаком демократии, которая пыталась сначала укротить, затем поглотить и, наконец, разложить пролетарское течение. Эта демократия, настоящее орудие буржуазии, очень хорошо служила интересам итальянской промышленности в первый период ее развития, особенно ее паразитическим отраслям, делая это за счет сельского хозяйства и средних классов. В своей политической игре она уделяла одинаковое внимание двум силам — промышленному капиталу

и промышленному пролетариату, поощряя первый протекционистской политикой, а второй — политикой заработной платы. Обе эти силы с разных сторон атаковали государство, требуя от него выкачивания денег из деревни, а также сбережений, не слишком хорошо поступавших как государству в виде налогов, так и в банки в виде сберегательных и банковских вкладов¹. Это был период преобразования и развития нашей молодой и неустойчивой экономики, но из-за кризисов начало этого процесса было очень затруднено; наиболее развитый интеллектуально и наиболее деятельный класс, естественно, взял на себя господствующую и руководящую роль в государственных делах, и именно промышленник управлял страной в качестве посредника.

Когда органы этого класса громко протестуют против государственной централизации, против монополий, против засилья социалистов и возмущаются слабостью, которую государство проявляет в ответ на требования рабочего класса, то мы должны усомниться в их искренности и объективности, ибо все это полностью соответствовало экономической политике, которую проводила демократия; и мы должны спросить себя, что скрывается за этим их поворотом к либерализму, к выступлениям против бюрократизации государства и за слом старой демократической системы, за этим отходом от монополий, с которыми было связано столько интересов. Торговцы серой, цитратом и сахаром использовали ту же систему и извлекали из этого выгоду; но настоящей агрикультуры не было в демократическом и парламентском государстве...»

Положение внутри государства являлось, конечно, тем вопросом, которым кабинет должен был заняться в первую очередь. Именно ему было посвящено совещание кабинета, состоявшееся 5 августа, то есть через четыре дня после того, как он приступил к осуществлению своих функций. Уже во время этой первой встречи члены правительства имели возможность констатировать, что по вопросу, являвшемуся проблемой номер один (какую позицию занять в отношении фашизма), их мнения расходятся. Министр юстиции Алессіо настаивал на необ-

¹ Здесь следовало бы сказать, что деньги из деревни выкачивали также католические банки.

ходимости объявления осадного положения в некоторых городах, где насилия и беспорядки приняли наибольший размах, и непременно в Милане, Турине, Болонье и Ливорно. Но его предложение не встретило необходимой поддержки у большинства его коллег, и прежде всего у председателя совета министров¹. Необходимо учесть, что 5 августа наступление фашистов, начатое в ответ на всеобщую забастовку, объявленную Союзом труда, было в полном разгаре.

Тот же Алессіо должен был решить и другую проблему, теснейшим образом связанную с задачами руководимого им министерства и имевшую также отношение к его намерениям положить предел всевластью фашистов. Речь шла об отношении судебных органов к обвиняемым — фашистам, отданным под суд за их сквадристские подвиги.

Как только министр юстиции приступил к исполнению своих обязанностей, он сейчас же разослал судам циркуляр, в котором весьма решительно подчеркивал, что «преступления есть преступления, кто бы их ни совершал». Председатель кассационной палаты сенатор Лодовико Мортара ответил на него довольно наглым письмом, в котором утверждал, что суд всегда руководствовался этими принципами и всегда, следовательно, выполнял свой долг; и затем добавлял: «Существующего законодательства недостаточно для борьбы с новыми формами опасной антиобщественной и антигосударственной деятельности, но это не касается суда, который не вправе изобретать преступления или санкции в обход закона. Точно так же не относится к его компетенции и вопрос о недостатках организации полицейских сил, хотя эти недостатки слишком часто мешают находить виновных». На это «Джустициа» возразила 2 августа, что действующее законодательство считает организацию вооруженных банд и нападение на муниципалитеты наказуемым деянием, однако не было случая, чтобы за эти преступления подвергали судебным преследованиям, в то время как «народным смельчакам» выносили приговоры не за какие-либо особые преступления, а только за то, что они организовывались в отряды².

¹ G. Alessio, op. cit., p. 27—28.

² Желаящие проверить справедливость этого последнего утверждения могут прочесть в газете «Стампа» от 21 октября 1922 года хронику

Этот ответ высших судебных властей на циркуляр свидетельствовал о резко отрицательной реакции всех судебных органов в целом на попытку побудить их более строго соблюдать закон в отношении усиливающегося сквадристского движения. Понятно поэтому, что через месяц с небольшим Алессіо вынужден был вернуться к этому вопросу в циркуляре от 24 сентября на имя генеральных прокуроров апелляционного суда, о котором газеты узнали на следующий день и в котором внимание судов обращалось прежде всего на укоренившуюся практику изгнания из городов социалистических и демократических деятелей.

«Положение судебных органов,— вынужден был признать Алессіо в своих мемуарах¹,— стало крайне трудным и мучительным. Не располагая возможностями для проведения расследования, они должны были дожидаться, когда представители государственной власти возбудят дело. Но эти последние (несмотря на сильный нажим министра Таддеи), то ли вследствие тайного воздействия председателя совета министров, то ли следуя уже установившейся практике прежнего правительства или не возбуждали судебных дел, или возбуждали их с запозданием. Когда же затем, то ли в силу большого количества дел, то ли в силу необходимости выполнить все требования процедуры, процессы затягивались, государственные власти стремились выступить в роли поборников суровости, обвиняя суд в медлительности и заявляя протесты. Кроме того, во многих случаях, и особенно в Массе², невозможно было долго держать в тюрьме арестованных, даже тех, кого обвиняли в самых тяжелых преступлениях. Фашистская партия собирала своих членов перед тюрьмой и с помощью толпы, всегда враждебной государству и ведущей себя противозаконно, заставляла освобождать и даже оправдывать их. Когда я вызывал в Рим генеральных прокуроров или расспрашивал в Сальсомаджоре (во время моего короткого пребывания там с целью лечения) генеральных проку-

о «процессе-монстре», на котором подсудимым не было предъявлено никакого другого обвинения, кроме их принадлежности к «народным смельчакам»; следствие по нему и самый процесс проходили в туринском суде присяжных.

¹ G. Alessio, *op. cit.*, p. 33—42.

² О событиях в Массе см. дальше.

роров Болоньи и Пармы, то они указывали мне причины этого бессилия, и я должен был с горечью констатировать, что в этом повинна центральная власть, которая с самого начала не захотела использовать наиболее действенные средства, чтобы защитить государство и обеспечить выполнение им его основных функций».

Алессио подготовил проект декрета-закона, определявшего нормы для работников государственных и муниципальных учреждений, запрещавшего забастовки, устанавливавшего принудительный арбитраж и вводившего суровые наказания для главарей и организаторов вооруженных отрядов. Но и этот проект встретил у членов кабинета, собравшегося на заседание 16 августа, самую энергичную оппозицию. Оппозицию возглавил Факта, которого поддерживали Фульчи, Де Вито и Риччо «со своими обычными вкрадчивыми манерами». Хотя проект и получил поддержку Амендола, Солери, Таддеи, Делло Сбарба и Бертоне, однако он не был принят. Факта даже сказал при этом несколько резких слов Алессио, дав ему понять, что он может уйти из кабинета, если недоволен его линией. В действительности, как подчеркивает это сам автор мемуаров, в правительстве существовало два противоположных течения. Факта же возглавил течение, настроенное примирительно в отношении фашизма, так как мечтал о формировании третьего правительства, в которое должен был бы войти, став тем самым покорным пленником, Муссолини.

Как уже было сказано, проект декрета-закона, подготовленный министром Алессио, состоял из двух частей; и если вторая часть касалась организации вооруженных банд, то первая говорила о забастовках работников общественных предприятий и учреждений. Это явилось результатом сильного нажима в парламенте правых, требовавших наказания железнодорожников и почтово-телеграфных служащих, участвовавших в забастовке 1—2 августа. 9 августа при открытии палаты националисты представили резолюцию, с обоснованием которой выступил Рокко. Они требовали наказания забастовавших, запрещения политических стачек, пресечения «антипатриотической пропаганды», запрета выставлять «знамена и эмблемы мятежного характера» и, наконец, объявления «монополии рабочей силы, ка-

ким бы путем она ни создавалась», противозаконной и бессмысленной, как это было сделано фашистами в Генуе в отношении организаций портовых рабочих, когда фашисты заставили сенатора Нино Ронко уйти в отставку с поста председателя портового консорциума (8—9 августа).

Полемика относительно забастовки железнодорожников и почтово-телеграфных служащих обострилась из-за предшествовавших ей конфликтов. На второй день «забастовки в защиту закона» парламентская группа социалистов поручила Тревесу и Модильяни предпринять перед Факта демарш в защиту забастовщиков, пообещав со своей стороны приложить все усилия для прекращения стачки. Правда, председатель совета министров не смог включить в подготавливавшееся им воззвание недвусмысленное обещание амнистии, но обязался тем не менее вставить туда фразу, которая имела бы аналогичный смысл. Тем временем другие депутаты-социалисты, более непосредственно связанные с профсоюзными организациями,— Бальдези и Бальони — предприняли аналогичный демарш перед депутатами-демократами Габриэло Карнацца и Спартако Фаццари, сообщив им формулу, которую, согласно их желанию, следовало включить в воззвание: это была фраза, которую употребил Джолитти в подобных же обстоятельствах в 1920 году. Третий демарш совершил депутат-социалист Музатти через посредство депутата-демократа Агостино Маттоли. Таким образом, когда из кабинета председателя совета министров выходили Тревес и Модильяни, туда входили Карнацца и Фаццари, которые были информированы об удачном исходе переговоров. Действительно, полчаса спустя Карнацца и Фаццари сообщили руководству социалистической фракции, что Факта согласился включить в свое воззвание следующую фразу: «Пусть каждый возвращается на свое место, веря в справедливость правительства». В дни, непосредственно последовавшие за забастовкой, депутаты-социалисты, опираясь на это обещание, добились отмены увольнения 300 человек из двух железнодорожных мастерских (в Риме и Фодже) и одного предприятия, находившегося в ведении военного министерства (пиротехнического завода в Болонье). Но министры Риччо и Фульчи, зная об обязательстве Факта, тем не менее решили воз-

действовать на ход событий, выступив 14 августа в Сенате с заявлениями, в которых они угрожали забастовщикам наказанием. В телеграмме, которую руководство социалистов направило 17 августа Факта, оно вполне обоснованно заявляло, что наказание участников мирной стачки, в то время как «те, кто убивал и поджигал», остаются безнаказанными, не является «справедливым».

Очень острая полемика развернулась с 18 по 22 августа, ибо правительство, дезавуировав обязательство, взятое Факта, действительно прибегло к карательным мерам, что особенно скомпрометировало вожakov той группы социалистов, которая выступала за сотрудничество, и тех социалистических лидеров, которые играли роль посредников между трудящимися и членами правительства.

Таким образом, начало деятельности второго кабинета Факта отнюдь не было удачным.

Общеталянская конференция фашистов, состоявшаяся 13 августа в Милане, закончилась созданием «верховного командования» из трех человек, перед которым была поставлена задача «осуществить в соответствии с обстоятельствами и фашистскими программами любое выступление военного характера»¹. Правительство не реагировало на это. Восемь дней спустя, 21 августа, депутат Дзанарди, секретарь Лиги социалистических муниципалитетов, обратил внимание министра внутренних дел на драматическое положение, в каком оказались левые муниципальные советники, ставшие объектом систематических насилий со стороны фашистов и лишенные, следовательно, возможности выполнять свои функции, и предложил в качестве крайнего выхода добровольную отставку при условии, что такая отставка не будет вырвана фашистами с помощью запугивания и бесчинств. Это решение носило характер капитуляции, и поэтому министр внутренних дел не мог открыто одобрить его. Таддеи заявил: «Правительство желает, чтобы повсюду уважали волю народа, выраженную путем свободного голосования, и не допустит, чтобы силу ставили выше свободного волеизъявления». Однако сам Дзанарди так ответил на вопрос одного из

¹ См. «Corriere della Sera» del 14 agosto 1922.

редакторов «Секоло» (22 августа): «У меня создалось впечатление, что Таддеи не был бы недоволен добровольным самоустранением социалистических муниципалитетов. Он считает, что это устранило бы одну из причин конфликта». Между тем закон продолжали сурово соблюдать только в отношении одной из сторон, и надежда Таддеи на то, «что, столкнувшись непосредственно с теми трудностями, которые неизбежно связаны с управлением муниципалитетами, фашисты станут более благоразумными и более терпимыми в отношении своих противников, уже испытавших эти трудности», была наивной и беспочвенной: он совершенно не брал в расчет грубую реальность фактов. Ведь фашисты хотели завладеть муниципалитетами, равно как и профсоюзами, не для того, чтобы развивать в коммунах благотворительную деятельность или стать мудрыми администраторами, а для того, чтобы осуществить там программу вполне определенного социального содержания и в то же время подчинить своему контролю возможно больше рычагов общественной власти в предвидении решающего штурма государственной власти.

Каждый день газеты публиковали сообщения о социалистических муниципалитетах, члены которых вынуждены были под нажимом угроз или насилия уходить в отставку или соглашаться на позорные условия; так было в Нерви, где социалистический муниципалитет должен был подчиниться требованию вывешивать траурный флаг «при каждой потере фашистов». 28 августа в результате расследования, проведенного главным инспектором министерства внутренних дел командором Умберто Риччи, правительство распустило муниципалитет Неаполя, сославшись на переживаемые им затруднения административного порядка (350 миллионов долга и на 100 миллионов платежей по заключенным ранее контрактам), хотя все муниципалитеты Италии всегда пребывали в таком состоянии, особенно же после войны, которая привела к большой разрухе. В тот же день было принято решение о роспуске социалистического муниципалитета Милана, но на этот раз оно явилось следствием нападения фашистов и националистов (3 августа), действия которых таким образом получили санкцию и одобрение, и предшествовало административному

расследованию¹. «Пополо д'Италия» поместила в связи с этим сообщение под заголовком: «Распуская муниципалитет, возглавлявшийся Филиппетти, государство санкционирует действия фашистов». Однако на своем посту был оставлен префект Лузиньоли; это при нем было совершено нападение на палаццо Марино и он, как всем было известно, выступал в роли посредника между Джолитти и Муссолини — функция, которой Факта не хотел пренебрегать, учитывая его план, но которая, как выяснилось в критический момент, оказалась роковой для судьбы самого кабинета Факта и — что более серьезно — для судьбы либерального государства. Действия Фариначчи, отрешившего от власти муниципальный совет Кремоны, также получили санкцию правительства, декретировавшего в конце августа роспуск этого муниципалитета.

Аналогичное положение создалось и в области печати. 23 августа Таддеи принял делегата Федерации печати советника Джузеппе Меони, который заявил протест против систематических насилий фашистов, направленных против свободы печати. Сообщая о встрече, агентство Стефани писало: «Сенатор Таддеи заверил, что он вновь даст чиновникам своего ведомства самые суровые инструкции по этому вопросу». Но по-прежнему нельзя было продавать «Джуститиа» и «Аванти» в некоторых районах Италии из-за запрета, наложенного фашистами.

¹ Именно либералы (которые, однако, из тактических соображений поддерживали во время войны прежний состав муниципалитета, руководимый социалистами во главе с Кальдара, так как считали, что только такой муниципалитет способен сохранять порядок в то время, когда от пролетариата требовали стольких жертв) добивались от сменявших друг друга правительств Джолитти, Бономи и Факта роспуска муниципалитета Милана, возглавлявшегося социалистом Филиппетти, хотя до этого момента им это не удавалось. Действительно, бюджетный дефицит, к сожалению существовавший почти во всех итальянских коммунах, особенно в коммунах крупнейших городов, не мог служить оправданием для подобной меры, тем более что предварительная смета на 1922 год свидетельствовала о стремлении к экономии и уменьшению убытков. Мера, принятая наконец по требованию «либеральных» кругов, заключивших союз с националистами и фашистами, которые стремились отделаться от муниципалитета, не проявлявшего особой снисходительности к спекулянтам и весьма склонного к кооперативистским экспериментам, явилась, следовательно, результатом давления и шантажа, завершившегося насильственным захватом муниципалитета; и правительство уступило этому давлению. Таким образом, фашисты еще раз сыграли для «либеральных» кругов роль «акушерки».

Между тем в стане социалистов, оказавшихся под двойным давлением — фашистов и «конституционных сил», разгорелись страсти. Муссолини продолжал проводить в отношении Всеобщей конфедерации труда политику оболщания. 20 августа он писал в «Пополо д'Италия»: «Создалась новая ситуация... Теперь ВКТ отойдет от социалистической партии, в которой снова произойдет раскол. Если ВКТ хочет спасти себя от окончательного краха, то в обстановке этого развала ей не остается ничего другого, как принять единственно правильное решение — действовать самостоятельно. Мы повторяем то, о чем уже говорили тысячи раз... Фашизм должен изменить и немедленно изменит свое отношение к Конфедерации, как только она решительно и окончательно порвет свои связи с различными социалистическими партиями... Мы ждем этого уже три года. Если бы Конфедерация вела себя разумно, ход ее истории и истории нашего движения мог бы быть иным»¹.

В то время как фашизм заигрывал с Конфедерацией, противная сторона питала иллюзии, что политическое лицо фашизма со временем изменится и он не будет уже тем классически реакционным движением, каким он был там, где пользовался влиянием еще до прихода к власти... Эти иллюзии нашли выражение в позиции популяри и проявились в интересном и содержащем некоторые глубокие мысли интервью, данном дон Стурцо газете «Секоло» (19 августа)². Вот его главная часть:

«Эмоциональный и воинственный мотив в деятельности фашистов, мотив борьбы с большевистскими притеснениями социалистов и защиты свободы труда, союз аграриев Паданской долины с фашистами, поддержка, оказываемая фашистам промышленниками, — все это имеет экономическую основу, которая завтра может отпасть, но сегодня еще существует, и движение экономического характера называется сейчас не фашизмом, а «филофашизмом», а это движение совсем иное, ограниченно-эгоистическое... Этот «филофашизм», то есть порыв симпа-

¹ Аналогичные заявления содержатся и в выступлениях Муссолини в палате (9 и 10 августа) относительно мотивов голосования по правительственной программе.

² Воспроизведено в приложении к книге S. J. Acini, op. cit., p. 307—309.

тии, атмосфера благоволения. — причина экономической помощи, которую буржуазия, от промышленников до аграриев, от масонов до клерикалов, оказывает фашизму, не столько политическому течению, сколько тому воинствующему, сквадристскому, вооруженному фашизму, который действует. Фашизм в экономическом плане не является карабинером или королевской гвардией изобретательной, богатой и предприимчивой буржуазии; равным образом он не станет сообщником промышленников паразитирующих отраслей, которые существуют за счет государства или, лучше сказать, за счет налогоплательщика. Быстрое и насильственное преобразование фашистами социалистических, коммунистических и анархистских профсоюзных лиг в фашистские, сопровождающееся заменой политического руководства и догм красного Интернационала иным устройством и иными догмами — патриотическими и национальными в сентиментальном смысле этого слова, ничего не меняет в уже завоеванных профсоюзами позициях, не изменяет экономической основы классовой борьбы, не раздвигает железных рамок распределения богатства, не делает менее острой труднейшую проблему переизбытка рабочей силы, для которой остаются закрытыми каналы эмиграции и спрос на которую на внутреннем рынке недостаточен».

В статье, опубликованной 10 сентября в «Секоло», Артуро Лабриола утверждал, что «если фашизму удастся разрушить социалистическую партию, то он займет ее место в качестве организатора масс и, само собой, неминуемо вступит на путь классовой борьбы»; это утверждение неоднократно повторялось затем накануне «похода на Рим» как этой газетой, так и газетой «Стампа». Иллюзия, что фашизм может стать социалистическим движением, когда овладеет профсоюзами, нашла отражение во всех демократических органах; ее распространению содействовали также реформисты из «Джуститица», которые возвращались к ней почти в каждом номере своей газеты. Она нашла отклик даже в интервью, которое Бруно Буоцци, генеральный секретарь ФИОМ и член исполкома ВКТ, дал 25 августа газете «Стампа». В этом интервью он, однако, вынужден был признать следующее: «Если быть искренним, то нельзя отрицать, что договор о союзе, связывавший Конфедерацию с социалистической партией, никогда не создавал

для ее профсоюзной деятельности излишних трудностей. Чрезмерная покорность, которую, по мнению некоторых, проявляла Конфедерация в отношении партии, является чистейшим вымыслом. Каждая из двух организаций всегда оставалась в пределах своей собственной компетенции и никогда не пыталась подчинить себе другую».

Со своей стороны «либералы» тоже не преминули оказать влияние на процесс внутреннего разложения итальянского социалистического движения. В редакционной статье от 24 августа, посвященной «кризису ориентации», охватившему массы и политические и профсоюзные организации, примыкающие к итальянскому социалистическому движению, «Коррьере делла сера» разводила льстивые лирические антимонии насчет д'аннунцианского и фашистского «похода на Рим», заявляя, что он, возможно, произойдет в ближайшем будущем и будет иметь «революционный ореол», «революционный привкус». Наряду с прославлением этого нового д'аннунцианского духа, проникшего в массы, орган братьев Альбертини давал понять руководителям фашистского движения, чтобы они не предпринимали неосторожных шагов и не рисковали (имея в виду установление сотрудничества с социалистами и революционную демагогию). Традиционный компромисс с режимом (мы употребляем этот термин в том значении, которое придавал ему Дорсо) — вот чего добивался орган «либеральной» буржуазии и чего он добился в результате «похода на Рим».

Беспокойство буржуазных органов по поводу того, что фашизм, победив социалистов и заменив их профсоюзы своими, может позаимствовать в какой-то степени их революционные функции, было по существу необоснованным. Фашистское профсоюзное движение никогда не было ничем иным, как простой демагогической уловкой; впоследствии оно дало фашизму кадры, позволившие ему осуществить переход к корпоративной фазе, которая означала дальнейшее развитие его реакционных тенденций. Тем не менее это беспокойство было все же характерным, ибо оно показывало, какого типа фашистское движение намерены были поддерживать консервативные группы. Это способствовало тому, что фашистское движение все более освобождалось от всяких «реформаторских» тенденций в своей политике, по мере того как реакционные силы брали его под свой контроль.

Примером тому могут служить события, имевшие место в Ферраре в августе — сентябре 1922 года. В этом районе фашисты действовали необычайно напористо; организовав там первый массовый слет, они добились таких успехов, что немало сельскохозяйственных рабочих стало вступать в «национальные профсоюзы». Феррарские фашисты стояли, следовательно, теперь перед вопросом, какова должна быть их профсоюзная политика. И тогда началась борьба двух течений: одного — синдикалистского и прорабочего во главе с депутатом Барбатто Гателли и другого — ориентировавшегося на хозяев, во главе с Итало Бальбо. Поддержка фашистского руководства обеспечила в начале сентября победу Итало Бальбо, который вскоре стал единственным *расом* Феррары*. Действительно, в результате расследования, предпринятого посланной в Феррару комиссией во главе с Чезаре Де Векки, было принято решение о роспуске руководства местного фашо, а из партии была исключена значительная группа членов этого фашо, в том числе депутат Гателли. Официальное коммюнике партии гласило: «Профсоюзные корпорации провинции Феррара не придерживались целиком социально-экономического закона фашизма, согласно которому интересы каждого работодателя и каждого нанимающегося на работу должны быть строго подчинены национальным интересам, состоящим в увеличении производства». За этой формулой скрывалось осуждение профсоюзной политики феррарской провинциальной федерации и желание задушить всякую классовую борьбу. Течение, которое возглавляли Гателли и Гаджоли (другой исключенный из партии фашист), было синдикалистским, враждебным, как уже было сказано, течению, возглавлявшемуся Бальбо. Позиция этого последнего как главы провинциальной федерации также была осуждена, но не за принципы, которыми он руководствовался, а лишь за слабость, проявленную в отношении течения, отошедшего от ортодоксального фашизма. Вот как описывала «Воце републикана» (в номере от 7 сентября) конфликт между этими двумя течениями, ссылаясь на свидетельство «лица, близкого к исключенным»: «В Ферраре, где фашистам впер-

* Рас — титул эфиопских князьков. В Италии так называли фашистских главарей, становившихся хозяевами той или иной местности. — Прим. перев.

вые удалось вовлечь в свои организации массы, уже возник тот логически неизбежный конфликт, который не замедлит вспыхнуть и в остальной Италии между фашистами и профсоюзами, то есть массами. В то время как партия и ее кадры все более проявляют в своей деятельности реакционные тенденции, значительные массы, которые фашисты привлекли на свою сторону, пообещав им защиту от притязаний хозяев, занимают чисто классовую позицию. В провинции Феррара, например, среди крестьян была проведена кампания по организации фашистского профсоюза; теперь же эти труженики увидели, что центральные органы фашио ориентируются не на них, а на их хозяев. В провинции Феррара произошли различные инциденты, свидетельствующие об этом недовольстве, наиболее ярким проявлением которого был поджог помещения профашистской газеты аграриев «Ресто дель Карлино». Рабочие плантаций сахарной свеклы увидели, например, что их заработная плата уменьшается, в то время как стоимость жизни увеличивается. Между двумя классами, которых хотели спаять путем синтеза «в духе Мадзини», выдав рабочего связанным по рукам и ногам капиталисту, не может не быть острых противоречий... Фашизм вовлек в свою орбиту значительные массы трудящихся, которые пошли под его знамена, будучи уверены, что их поддержат в их непрекращающейся борьбе. Они еще не имеют голоса в делах партии, ибо они не избирают своих представителей, а им их навязывают и назначают сверху, и эти представители должны выполнять идущие сверху приказы».

В начале сентября фашисты завоевали две новые позиции, имевшие большое стратегическое значение для организации «похода на Рим»: Терни и Чивита-Веккию. Обстоятельства захвата Терни весьма наглядно свидетельствовали о союзе между фашистами и хозяевами. С июля месяца сталелитейные заводы были закрыты — не было государственных заказов; дирекция заводов заверила социалистические профсоюзы, что заводы будут открыты 1 сентября. Но дирекция находилась в сговоре с фашистами, и 1 сентября, несмотря на данные обещания, заводские гудки по-прежнему молчали. Фашисты, собранные со всех концов Умбрии и Марке, захватили и терроризировали город, свалив на социалистов всю ответственность; они заявили, что это социалисты солга-

ли («солгали по своему обыкновению» — говорилось в воззвании, расклеенном на улицах), дав необоснованные обещания насчет открытия заводов. После того как фашисты избили депутата Нобили, подожгли помещения двух Палат труда — ВКТ и синдикалистской, разгромили социалистические и коммунистические клубы, дирекция сталелитейных заводов решила открыть заводы и объявила, что отныне и впредь она будет вести переговоры только с фашистскими профсоюзами¹.

Подобным же образом фашисты действовали месяц спустя и в Ливорно. «Судоверфи Орландо в этом городке, — пишет Таска², — получили от государства заказ на восемь эсминцев. Однако под разными предлогами они назначили цену значительно выше обычной. После того как правительство отказалось платить эту новую подать, достигавшую нескольких миллионов лир, а попытка компромисса потерпела неудачу из-за непримиримой позиции судовладельцев, эти последние закрыли верфи. Тогда вмешались фашисты: маркиз Дино Перроне Компаньи предъявил ультиматум, в котором предложил «как фирме Орландо, так и королевскому правительству открыть верфи до 12 октября³, предупреждая, что в противном случае их займут фашистские сквадры». Правительство уступило и в тот же день издало приказ о возобновлении работ на верфях; хозяева, инспирировавшие фашистский ультиматум, с удовольствием подчинились: приказав фирме возобновить работы, правительство тем самым согласилось на ее требования. А фашисты, заставившие осыпать своих друзей судовладельцев золотым дождем, явились в то же время в глазах рабочих их спасителями».

Невзирая на эти явные доказательства поддержки, оказываемой фашистами хозяевам, буржуазные органы не успокоились, обращая порой внимание лишь на чисто демагогическую сторону действий фашистов, которая была неизбежным элементом маскировки. Они внимательно следили за фашистами, желая знать, в какой степени они еще способны проявить уступчивость в отношении

¹ См. А. С h i u г с о, *op. cit.*, vol. IV, p. 306—307 и А. Т а с с а, *op. cit.*, p. 379.

² А. Т а с с а, *op. cit.*, p. 464—465, п. 21.

³ В действительности срок ультиматума, установленный фашистами, истекал 16 октября (см. «Corriere della Sera» del 18 ottobre).

рабочих, чтобы вовремя сделать им (фашистам) суровое предупреждение. Так 27 сентября «Коррьере делла сера» сделала фашистам, которых автор статьи назвал «плебеями», любопытный выговор: «В свете некоторых конкретных проявлений деятельности фашистов в экономической области встает вопрос о соответствии между доктриной, провозглашенной руководителями движения, и практической деятельностью рядовых фашистов. Таковы, например, действия фашистов провинции Сиена, которые заставляют землевладельцев каждой коммуны нанимать на работу безработных, даже если землевладельцы не нуждаются в этом, или действия фашистских союзов почтово-телеграфных служащих в Пьемонте, которые направляют запросы или составляют резолюции, добиваясь принятия требований этой категории работников при проведении реформы административного аппарата; а сколько еще мелких фактов, которые заставляют опасаться, что фашистские организации, овладев массами и сделавшись их организаторами, будут вести себя таким же образом, как и красные организации». Автор статьи, озаглавленной «Слова и дела», заявлял, что дела должны соответствовать словам вождей — таким, как слова Муссолини, произнесенные им во время его выступления в Удине: джолиттианские политические круги «всегда проводили политику капитуляции перед пустым призраком, каким являлся итальянский унитарный социализм»*. И «Коррьере делла сера» комментирует: «Действительно, нужно создать новый политический класс, сильный, сознающий нужды и возможности страны, полный решимости повести Италию Витторио-Венето** навстречу высокой миссии, уготованной ей судьбой». Но чтобы достигнуть цели, фашисты должны целиком стать на почву «либеральных» теорий, их дела должны полностью соот-

* Имеется в виду итальянская социалистическая партия, руководители которой в полемике с коммунистами демагогически называли себя «унитаристами», то есть сторонниками единства.— *Прим. перев.*

** Витторио-Венето — местность в области Венето (Италия), где незадолго перед окончанием первой мировой войны (октябрь 1918 года) итальянские войска одержали победу над австро-венгерской армией, фактически уже утратившей боеспособность. Буржуазно-националистическая пропаганда в Италии всячески раздувала значение этой победы.— *Прим. перев.*

ветствовать их словам¹. «Пополо д'Италия», отвечая на эту статью, согласилась с мыслями, высказанными в «Коррьере делла сера», а «Коррьере делла сера» (30 сентября) в свою очередь приняли это к сведению. Как видите, полная гармония.

Между тем в ожидании национального съезда в социалистической партии развернулась бурная полемика: группы максималистов и «концентрационистов» (сторонников «сотрудничества», реформистов) взаимно упрекали друг друга в поддержке, оказываемой им буржуазией².

В сущности тяжба между максималистами и сторонниками «сотрудничества» представляла собой конфликт между теми, кто старался спасти «идейные основы социализма», с тем чтобы утвердить их в будущем, пусть даже далеко, и теми, кто пытался, наоборот, спасти то, что можно было спасти сейчас. Но как той, так и другой попытке был присущ очень важный и непоправимый недостаток — отсутствие ясного понимания тогдашней действительности.

Этим, возможно, и объясняется настойчивость, с которой сторонники сотрудничества, и прежде всего Джинно Бальдези и Лудовико Д'Арагона, требовали в эти месяцы (август — сентябрь 1922 года) разрыва договора о союзе между социалистической партией и ВКТ: они думали таким образом уберечь последнюю от надвигающегося краха (приближение которого они ощущали), ибо были уверены, что он приведет партию к разгрому и гибели. Конечно, эти расчеты не свидетельствовали об их проницательности: они не понимали, что не разъединение и капитуляция народных и социалистических сил, а только их единство и твердая позиция могли бы помешать наступлению фашизма. Этой своей ошибочной оценкой

¹ Тот же самый тезис развивал месяц спустя Луиджи Эйнаути в предовице, опубликованной 18 октября; он утверждал, что классовая борьба социалистов и «сотрудничество» фашистов — это синонимы, однако он признавал, что, хотя их практическая деятельность пока сходна, «вожди и идеологи фашизма, к счастью, еще придерживаются другой доктрины». «Следует надеяться, — говорит в заключение этот либеральный экономист, — даже вопреки очевидности слишком многочисленных фактов, что им удастся внушить своим последователям уважение к исповедуемой ими доктрине и что у них хватит духу держать подальше всех людей (а их довольно много), которые хотят ее извратить».

² Эта полемика нашла, конечно, отражение в комплектах «Аванти!» и «Джуститица».

положения они напоминали тех либералов и демократов, которые думали, что фашисты будут таскать каштаны из огня исключительно в их интересах, то есть что они задуют или по крайней мере ослабят социалистическое движение, не затронув, однако, ни в малейшей степени либеральных государственных институтов¹. Сторонники «сотрудничества» точно так же воображали, что фашисты, придя к власти, пощадят и сохранят некоторые из рабочих организаций, если последние не слишком скомпрометируют себя близостью к социалистической партии. Как мы видели, Муссолини не преминул поддержать эти иллюзии: он был крайне заинтересован в том, чтобы расколоть силы противника, ослабив его в момент решающей атаки.

Во время полемики между сторонниками «сотрудничества» и максималистами последние укоряли первых в том, что почти все буржуазные органы высказывались за участие социалистов в правительстве, ибо последние не представляли большой опасности; в свою очередь сторонники «сотрудничества» в полемике со своими противниками ссылались на позицию самого крупного буржуазного органа — «Коррьере делла сера», который уже давно утверждал, что участие социалистов в правительстве означало бы крах либеральной финансовой и экономической системы.

В этой полемике участвовал, между прочим, Джакомо Маттеотти; в передовой статье, опубликованной 10 сентября в «Джуститица», он привел (использовав как повод редакционную статью «Коррьере делла сера») обширный список заслуг социалистов не перед каким-либо классом, а перед всей нацией: повышение морального уровня и воспитание народа, создание сети органов социального обеспечения, успехи кооперативного движения, борьба против протекционизма. Однако в этой же статье содержится признание, что в период, последовавший за

¹ Особенно энергичную полемику против буржуазных органов печати (и в первую очередь против «Коррьере делла сера»), радующихся тому, что фашисты громят социалистов, но в то же время опасаящихся, как бы они не сделали чего-нибудь в этом роде с либералами и демократами, вела «Джуститица», предупреждавшая либеральную буржуазию, что фашизм может оказаться опасным и для нее. См. особенно редакционную статью от 11—12 августа 1922 года. О статье А. Лабриола в «Секоло» от 10 сентября и о редакционной статье от 10 октября мы уже говорили раньше.

пробуждением пролетариата к активной борьбе в 1901—1902 годах, социалистическое движение «в своих отношениях с частью буржуазии и с государством вступило на путь взаимных уступок». Маттеотти отвергал обвинения «Коррьере делла сера», содержащиеся в заключительной части указанной редакционной статьи («обменный курс лиры 1 : 400, постоянный дефицит, исчисляющийся миллиардами, дороговизна — все самое пагубное и тревожное, что мы видим в стране,— все это продукт «брачного союза» между худшими силами буржуазии и наиболее алчными слоями пролетариата, олицетворением которых являются как раз социалисты — сторонники «сотрудничества»), и отвечал: «Разве миллиардный «дефицит» возник из-за социалистов? Ведь половину итальянского бюджета составляют расходы, являющиеся следствием войны (долги, пенсии и возмещение убытков), которой социалисты как раз не хотели, а «Коррьере делла сера» поддерживала! И в то время как «Коррьере делла сера» поддерживала все правительства начиная с 1914 года (то есть с того времени, когда уравновешенный баланс сменился дефицитом), социалисты смело выступали против них! Но дефицит — явление общее для всех воевавших стран, включая и те страны, где социалисты не принимали никакого участия в государственных делах, за исключением Англии Ллойд Джорджа — того Ллойд Джорджа, которого обвиняли в том, что он проводил почти социалистическую финансовую политику! Разве обменный курс 1:400 зависит от социалистов? Подходящее ли сейчас время, чтобы выступать с подобными глупостями, ведь за последние месяцы, когда заработная плата понизилась, а социализм был объявлен мертвым и т. д., обменный курс понизился с 1:350 до 1:450? Есть ли еще кто-нибудь, кто верит басне, будто забастовки явились причиной обесценения денег в 1919—1920 годах? Наоборот, все знают теперь, что тогда лишь стало явным то, что удавалось скрывать во время войны благодаря соглашению с Соединенными Штатами и Англией, знают, что это было следствием увеличения в восемь раз денежного обращения и в семь раз — государственного долга, вызванного войной, следствием возникшего несоответствия между импортом и экспортом и разрушения самых процветающих участков европейской экономики, вызванного сначала войной, а затем мирными догово-

рами... Разве в «дороговизне» повинны социалисты? Как же тогда объяснить, что в периоды полного господства реакции, в частности сейчас, и несмотря на понижение на 15—20 процентов заработной платы крестьян и рабочих, все товары продолжают дорожать? Цифры ясно говорят о том, что... в 1919—1920 годах все старания трудящегося класса были направлены не на то, чтобы добиться вздорожания, а на то, чтобы угнаться за ним».

В лице Маттеотти реформисты доблестно и аргументированно защищали свое прошлое; но они уже решительно вступили на путь, который на практике должен был поставить их вне лагеря социалистов. 29 августа «Джуститца» опубликовала воззвание к стране, написанное Прампolini, Турати и Дзиборди. Хотя оно и было обращено «к социалистам, преданным социализму», на деле оно санкционировало де-факто слияние социал-демократии с силами либерализма и демократии, ибо продемонстрировало отказ от позиций классовой борьбы, что вызвало удовлетворение широких слоев буржуазии, как это явствует из комментариев всех буржуазных газет и той же «Коррьере делла сера», писавшей: «Буржуазия не может не желать возврата социалистического движения на путь уважения законов и гражданских свобод и понимания национальной действительности».

«Ационе», орган Иваноэ Бономи, в свою очередь писала 30 августа, что буржуазия не может не принять во внимание добрую волю, продемонстрированную «концентрационистами» в их манифесте. Другой отзыв, который стоит привести,—это отзыв Клаудио Тревеса («Джуститца» от 8 сентября): «Некоторые начинают интуитивно ощущать, что социалистическая партия, этот гордый антагонист буржуазного и классового государства, наносит ущерб не государству как таковому, а засилью в государстве плутократов и что, принимая во внимание всю совокупность фактов, в таком государстве, как Итальянское, лишенном крепких внутренних связей, ибо оно образовалось совсем недавно, имеет давние традиции провинциального и коммунального партикуляризма и отражает крайний индивидуализм итальянского народа и т. д., эта социалистическая партия отнюдь не заслуживает пренебрежительного к себе отношения, ибо она является важным фактором налажива-

ния общественных связей, объединяющей силой, хотя она и отдает предпочтение специфической форме общественной солидарности — солидарности интересов труда».

Группа сторонников «концентрации» (таково было ее официальное название)¹ провела 10 сентября в Милане свою национальную конференцию, которая закончилась принятием резолюции, предложенной Турати. В ней осуждалось применение насильственных методов сопротивления, приводивших якобы к усилению реакции, восхвалялась ценность либерально-демократической системы, как создающей благоприятные условия для деятельности социалистов, и заявлялось о необходимости положить конец параличу социалистической партии, застрявшей на перепутье между максималистской политикой и политикой пассивности.

Тем самым был подготовлен выход «концентрационистов» из социалистической партии и расторжение договора о союзе между Всеобщей конфедерацией труда и социалистической партией. Эти два события произошли в первых числах октября.

С 1 по 4 октября в Риме состоялся XIX национальный съезд социалистической партии², который превратился в ораторский поединок между Серрати, главным редактором «Аванти!» и вождем максималистского течения³, и Модильяни, влиятельным представителем группы «концентрационистов» (в этом поединке принял участие Тревес, выступивший на второй день съезда с речью в духе «сотрудничества»). Этот поединок завершился новым выступлением Серрати, которое представляло собой обоснование резолюции максималистов об исключении «концентрационистов» из партии. 3 октября было проведено голосование: за резолюцию Баратоно,

¹ К этой группе принадлежали в числе других Турати, Тревес, Д'Арагона, Бальдези, Гонзалес, Дзанибони, Дугони, Каневари, Беллотти, Тонелло, Буоцци, Пьераччини, Оргари, Аттеотти, Модильяни, Фараболли, Симонини, Моничелли, Гарджетти, Рондольфо, Прампolini, Сторки, Греппи.

² См. газеты, особенно «Аванти!», «Джуститица» и «Секоло», а кроме того, книгу Spartaco Caporasa, *Il Socialismo e i XXVIII congressi nazionali del partito socialista italiano*, Casa Editrice «Avanti!», 1950, p. 245 sgg.

³ См. о нем P i e t r o S e c c h i a, Giacinto Menotti Serrati (Ricerche e ricordi), «Movimento Operaio», luglio-agosto 1954.

предлагавшую сохранить единство и получившую поддержку центристов и сторонников «сотрудничества», было подано 29 119 голосов из 61 225 голосовавших; за резолюцию максималистов, которую поддержали также третьинтернационалисты во главе с Ладзари и Маффи,—32 106 голосов. Сразу же после объявления результатов голосования, когда настало время расстаться, Турати и Серрати обменялись взволнованными словами прощания и взаимными пожеланиями, констатировав при этом, что дальше идти вместе невозможно. На следующий день, 4 октября, когда максималисты и третьинтернационалисты закончили свой съезд, приняв воззвание к пролетариату, в котором они призывали социалистов держать высоко свое знамя «в страшный час беспросветного господства реакции», сторонники «сотрудничества», собравшись под председательством Прамполини и Турати в здании Народного университета, основали новую партию, названную Итальянской унитарной социалистической партией, ее органом осталась «Джуститица», ставшая еще при редакторе Тревесе органом этой группы. К новой партии сразу же примкнуло 50 депутатов; а два дня спустя их число достигло уже 65: в парламентской фракции всегда преобладали сторонники «сотрудничества». Что касается «сторонников единства», то часть их, к которой примыкал Энрико Ферри, вошла в новую партию, а более значительная группа во главе с Баратоно осталась в социалистической партии и заняла выжидательную позицию.

Следствием раскола социалистов явился отход ВКТ от социалистической партии; 5 октября был расторгнут договор о союзе, который объединял их до этого времени. Уже примерно за полтора месяца до этого прекратил свое существование Союз труда: в августе из него вышли Национальный профсоюз железнодорожников, Итальянское профсоюзное объединение и Итальянское объединение труда; последняя организация придерживалась республиканско-д'аннунцианского направления, да и первая находилась под влиянием д'аннунцианских элементов, от которых, правда, впоследствии она отмежевалась¹. Расторжением договора о союзе между ВКТ и социалистической партией завершился таким образом

¹ См. А. Т а с с а, *op. cit.*, p. 381, 465, n. 27.

процесс внутреннего раскола сил рабочего класса, что произошло под влиянием двух факторов: бешеного нажима фашистов и отчаянных усилий реформистов спастись бегством перед лицом наступления реакции. Даже Таска, тяготеющий к реформизму, признает, что «в этот момент решение ВКТ не могло означать ничего другого, кроме стремительного отступления перед врагом»¹.

Летом Факта долгое время не было в Риме, так как он проводил свой отпуск в Пьемонте. В первых числах сентября, когда он вернулся в Рим, внутривластная ситуация вновь осложнилась². Фашисты, которые с августа по октябрь попеременно обрушивали на общественное мнение Италии и правительство то град угроз, то поток успокоительных опровержений (но с явным преобладанием первых над вторыми)³, развернули одновременно кампанию за «упорядочение национальных финансов» в духе крайнего фритредерства, чем заслужили похвалы и поддержку крупнейшего органа итальянской буржуазии — «Коррьере делла сера». Они успокаивали монархию, заявляя, что «судьба короны не поставлена на карту, лишь бы корона сама не вздумала ввязаться в игру»⁴; в то же время они энергично возобновили свое вооруженное наступление, перед лицом которого внутри правительства вновь вспыхнули прежние разногласия.

29 августа в Варацце депутат Маттеотти должен был подчиниться требованию фашистов покинуть город: через четыре часа после предъявления ультиматума социал-демократический лидер, сопровождаемый чиновниками и самими фашистами, сел на поезд, идущий в Милан.

Операция же, предпринятая сквадристами 4 августа в Чивита-Веккии во время всеобщей забастовки, закончилась позорным провалом: атакующие отступили, не

¹ A. Tasca, op. cit., p. 381—382.

² Что касается внешней политики, то в августе правительство было занято Лозаннской конференцией по репарационному вопросу и попыткой спасти Австрию от острейшего экономического кризиса. Этими делами занимались, конечно, больше всего министры Шанцер и Параторе.

³ A. T a s c a, op. cit., p. 393 sgg.

⁴ Эти слова взяты из заметки, опубликованной в «Пополо д'Италия» от 23 августа в ответ на письмо, присланное в «Джорнале д'Италия» группой офицеров-монархистов, сочувствующих фашистам.

получив поддержки полиции, которая осталась пассивным зрителем столкновения между фашистами и рабочими. Месяц спустя, 4 сентября, фашисты повторили свою попытку уже в иных условиях, и на этот раз члены социалистического муниципалитета должны были выйти в отставку, а профсоюзные организации приняли условия, навязанные им фашистами¹.

Три дня спустя в Массе было сконцентрировано 5 тысяч фашистов под командованием Ренато Риччи (в этом деле участвовал также Эдмондо Россони), которые потребовали от властей освобождения из тюрьмы восьмерых сквадристов, обвинявшихся в убийстве трех «народных смельчаков» (январь). Под нажимом фашистов, которые предъявили ультиматум, угрожая захватить и разгромить помещения, занимаемые властями, семеро арестованных были выпущены (8 сентября), после чего фашисты разъехались; а 12 сентября министерство внутренних дел выступило с оправданием принятых мер, заявив, что они «явились результатом объективного и спокойного изучения материалов расследования, тщательно проведенного судебными властями»².

Не менее бурный характер носили действия фашистов и в Анконе, где их «репрессии» в августе месяца причинили ущерб, исчислявшийся в 1,5 миллиона лир, и где 14 сентября сквадристы сорвали банкет, который был дан в честь министра народного просвещения Аниле, члена партии «пополяри». Пример Анконы типичен, ибо он показывает, как в результате насилий и более или менее добровольного перехода на сторону фашистов все новых людей (чему эти насилия способствовали в геометрической прогрессии) фашисты подчиняли своему господству даже наиболее враждебные им города. И в то же время это яркий пример неспособности социалистических организаций оказать решительное сопротивление даже там, где социалисты были до сих пор хозяевами положения³.

Отныне такие города, как Чивита-Веккиа и Анкона, были фактически вырваны из-под контроля правитель-

¹ См. G. A. Chiurco, op. cit., vol. IV, p. 313—315; «Umanità Nova» del 6 agosto e 16 settembre 1922; A. Tassa, op. cit., p. 379—380.

² См. «Corriere della Sera» и «Il Secolo» del 13 settembre.

³ См. в «Секоло» от 24 сентября обширную корреспонденцию об изменении политической ситуации в Анконе.

ственных властей¹. В эти месяцы фашистским насилиям и актам пособничества со стороны префектов, судебных и полицейских властей не было конца.

В первых числах сентября, когда по возвращении Факта из Пьемонта правительство возобновило свою работу, перед ним вновь встала проблема поддержания общественного порядка, а вместе с ней и проблема внутреннего единства и сплоченности кабинета. Всерьез поговаривали о коллективной отставке, но в этот момент заболел король, и Факта счел удобным, воспользовавшись этим обстоятельством, отложить решение вопроса². С другой стороны, председатель совета министров занял обструкционистскую позицию и в отношении мер, которые могли бы способствовать укреплению положения правительства. Когда 12 сентября на заседании совета министров министр внутренних дел потребовал призыва нового контингента новобранцев, Факта воспротивился этому, вновь выступив в профашистском духе³. Тогда Таддеи, хотя ему, естественно, не хотелось выступать против своего бывшего шефа, пригрозил подать в отставку, если ему не будут предоставлены предусмотренные законом чрезвычайные средства для восстановления порядка и нормального положения. При обсуждении этого твердого и энергичного заявления министра среди членов кабинета выявились разногласия, и решение было отложено до следующего дня. Но и 13 сентября Таддеи не удалось отстоять свою точку зрения: действительно, агентство Стефани опровергло в своем коммюнике сообщения о «чрезвычайных мерах для охраны общественного порядка», объявив заодно беспочвенными и слухи о разногласиях среди министров; однако эти разногласия существовали, и довольно острые, тем более что в этот день из Анконы поступили сообщения, о которых мы уже говорили, и встал вопрос о возможной смене префекта этого города⁴.

¹ В эти первые дни сентября фашисты проводили также операции в Кремонe, Бусто-Арсизио и Ровиго.

² См. G. Alessio, *op. cit.*, p. 44.

³ G. Alessio, *op. cit.*, p. 45.

⁴ По мнению «Секоло» (номер от 14 сентября), совет министров все же сделал кое-какие уступки Таддеи: ему разрешили принимать срочные меры, не запрашивая мнения всего правительства в целом. Но, вероятно, более права была в данном случае «Джуститиа», когда она писала 19 сентября: «Г-н Таддеи проиграл сражение в совете министров,

Солери вспоминает в своих мемуарах, что в тот момент, когда обстановка требовала быстрых решений, обсуждались различные проекты. «Я предложил Амендола,— писал он¹,— уйти вместе со мной из правительства, дабы ускорить ход событий. Если нам суждено будет взять в свои руки бразды правления, то мы сделаем это вместе и предпримем энергичную попытку для нормализации положения. Страна поддержала бы усилия двух молодых политических деятелей, обладавших в тот момент некоторым авторитетом. Но Амендола не захотел этого, считая, что таким образом мы взяли бы на себя ответственность за возможный катастрофический поворот событий. Фульчи очень осторожно предлагал распустить палату. Выборы должны отвлечь внимание страны, отвести страсти в другое русло и занять фашистов. Но высказывались опасения, что это вызовет волну насилий со стороны фашистов, которые будут стараться завоевать победу на выборах с помощью дубинки».

Против предложения о роспуске палаты выступили пополяри Аниле, Бертини и Бертоне, пригрозившие отставкой в случае осуществления этого проекта; их поддержали Амендола, Параторе и Делло Сбарба. Вне правительства решительными противниками роспуска палаты были социалисты — сторонники «сотрудничества», в то время как максималисты относились к нему положительно, надеясь разбить своих товарищей-противников на выборах и тем самым вновь завоевать в палате те позиции, которые социалистическая партия утратила после римского раскола.

Тем временем Факта вынашивал честолюбивый план: выступить в роли избавителя, пойдя по пути, совершенно отличному от того, на который хотели бы его толкнуть наиболее решительные сторонники сопротивления фашизму. Беседы, которые этот ставленник Джолитти неоднократно вел с Микеле Бьянки, секретарем фашистской партии, также укрепили его в намерении достигнуть примирения путем введения в правительство (своевременно перестроенное с этой целью) фашистов. «Факта считал,— пишет Солери, преследуя при этом отчасти

и ему отказали в праве принять серьезные меры для восстановления порядка в Италии».

¹ M. Soleri, op. cit., p. 146 sgg.

апологетические цели¹, — что, совершив подобную политическую операцию, он тем самым сможет избежать того, от чего он всячески открещивался и что преследовало его, подобно кошмару: пролития крови граждан; как будто ее не проливали ежедневно». Чтобы довести до конца эту операцию, необходимо было преобразовать правительство, удалив из него «трех вдохновителей политики сопротивления фашизму — Таддеи, Амендола и Алессии, заменив их тремя фашистами. Этот проект горячо поддержали Шанцер, Риччо и Параторе, а последний стал даже его глашатаем. Его разработке содействовал префект Милана сенатор Лузиньоли и, как пишет Джулио Алессии, «интриганская натура и двуличие этого человека сыграли свою роль»².

Этот план, окончательно созревший в уме Факта в первой декаде октября, заслуживает внимательного и детального рассмотрения. Но в течение сентября и в самых первых числах октября политическая обстановка резко изменилась в результате событий, которые нам необходимо описать, прежде чем перейти к заключительной фазе агонии либерально-демократического режима.

Прежде всего рассмотрим, что произошло в лагере поляри. 22 августа г-н Меда напечатал в газетах католического треста * статью, в которой говорил о возобновлении реакционных и диктаторских поползновений, клеймил эти поползновения и утверждал невозможность возврата к старому. «Оссерваторе романо» ответила ему 23 августа следующей замысловатой, но довольно ясной по своему смыслу тирадой: «Как бы ни старались уменьшить значение нынешних антидемократических тенденций, они представляют собой (и не только в Италии) явление достаточно распространенное, чтобы его можно было рассматривать как показатель настроений некоторых общественных классов, и, конечно, не низших в интеллектуальном отношении классов. Так что выражение «эта потребность современной жизни» в отношении существующей ныне демократии, пожалуй, является

¹ M. Soleri, op. cit.

² M. Soleri, op. cit. и G. Alessio, op. cit., p. 45.

* Трест католической печати — группа католических газет, принадлежащих созданному в 1908 году клерикальному «Римскому издательскому обществу». — Прим. перев.

гиперболой, поскольку начинают осознавать тяжкое недоразумение, в результате которого понятие и осуществление подлинной демократии превратились в триумф демагогии, а именно: в управлении государством участвует не только цивилизованная часть народа, но и та часть, которая не обладает подготовкой, сознанием и развитием, достаточным для участия в этой деятельности высшего порядка, от которой зависят судьбы наций мира, судьбы цивилизации, участвуют те социальные партии, которые с полным правом ожидают от правительства моральной и социальной помощи, нуждаются в культурном развитии, организации, воспитании; и хотя они лишены всего этого и ожидают такой помощи, тем не менее они сами призваны помогать, воспитывать, организовывать и просвещать. Это — недоразумение, более того — нелепость. Остается только выяснить, означает ли эта антидемократическая реакция стремление к действительному преобразованию и обновлению, то есть к превращению демагогии в истинную, чистую и высокую демократию, или же она означает стремление к безрассудному установлению изживших себя форм и методов. Мы не сомневаемся, впрочем, что г-н Меда исходил в своей статье именно из таких предположений».

Последствия этого вмешательства Ватикана не заставили себя долго ждать. Уже 2 сентября «Коррьере делла сера» признавала, что «после первых необдуманных выступлений» миланская организация партии «пополяри», получив «энергичный выговор от Ватикана», заняла по вопросу заключения избирательных блоков (после роспуска миланского муниципального совета) «осторожную позицию». Об участии пополяри в консервативном блоке, который стремился завладеть миланским муниципалитетом, историк «народной партии» пишет¹: «Что касается католических сил, то их судьба была различна: в одном месте они были разбиты и рассеяны, в другом месте им оставили возможность существовать, дав более или менее негласную и кратковременную передышку; наконец, в третьем месте им предложили сотрудничество (как это было сделано при создании новой муниципальной администрации в Милане в соответствии с официальным разрешением партии и

¹ S. J a c i n i, op. cit., p. 145.

ясно выраженным желанием церковных властей) вместе с запуганными и растерянными группами либералов и демократов». Консервативный блок в Милане, который по инициативе Гаспаротто предложили создать «социальные демократы», должен был объединить эту группу с либералами, оракулом которых был сенатор Луиджи Альбертини, и с пополяри во главе с сенатором Корнаджа. К нему должны были примкнуть националисты, фашисты и «экономические силы», дабы совместно бороться против сильной социалистической партии¹. Первым результатом переговоров относительно создания блока была отмена всяких торжеств по случаю 20 сентября*, организация которых была уже поручена депутату Фраделетто. Однако пополяри оказали весьма сильное сопротивление вступлению в союз, который привел бы к потере партией своего лица. 6 октября на собрании в Милане они проявили строптивость, высказавшись большинством голосов против предполагаемого блока, которому, по их мнению, была присуща чрезмерная политическая тенденциозность. Но на бурном собрании 17 октября после довольно беспорядочной дискуссии, в которой участвовал депутат Кавациони, поддерживавший точку зрения руководства, настроенного в пользу блока², и после нового давления церкви³ ми-

¹ И это несмотря на то, что Муссолини заявлял во всеуслышание о своей непримиримости; вмешавшись в полемику, последовавшую за принятием ломбардскими социальными демократами резолюции Гаспаротто о заключении блока с фашистами (13 сентября), он писал в «Пополо д'Италия»: «Это положение [о непримиримости.— П. А.] я сам поддерживаю на предстоящем в ближайшее время национальном съезде в Неаполе, а это означает, что оно будет одобрено почти единодушно». (Высокомерное выступление Муссолини заставляет также усомниться в правильности положения П. Монелли (P. M o n e l l i, op. cit.), согласно которому в месяцы, предшествовавшие «походу на Рим», Муссолини пребывал в растерянности и колебался.) Факт остается фактом: 25 сентября на собрании, состоявшемся в помещении фашо, был образован согласительный комитет для окончательного оформления «Блока всех национальных сил»; от фашистов в него вошел Чезаре Росси, от националистов — Дино Альфьери. (См. «Corriere della Sera» del 26 settembre.)

* 20 сентября 1870 года Рим был освобожден от власти папы и воссоединен с Итальянским государством.— *Прим. перев.*

² Руководство Итальянской «народной партии» приняло 26 сентября решение о присоединении к блоку (см. «La Stampa» и «Il Secolo» del 27 settembre).

³ Среди тех пополяри, которые осvistали Кавациони, ходили разговоры о приказах епархиального совета и даже о письме папы (см. «Il Secolo» del 18 ottobre).

ланская организация пополяри пересмотрела свое решение и постановила провести внутри организации опрос: четыре дня спустя за консервативный блок было подано 1323 голоса и 453 против¹.

Еще более серьезный характер носил бунт значительной группы сенаторов-пополяри², направивших 19 сентября дон Стурцо послание, составленное в консервативном духе³. Там, между прочим, говорилось: «Излишне снова заявлять о том, что всякие сговоры, противоречащие самым священным и самым необходимым в общественной жизни принципам, не должны быть дозволены и что еще менее следует стремиться к ним, ибо парламентские группировки должны отражать подлинную жизнь страны; программа партии «пополяри» всегда будет абсолютно несовместима с установками тех, кто отрицает какую бы то ни было религию, отрицает какой бы то ни было патриотизм, отрицает какие бы то ни было семейные устои». «Коррьере делла сера» очень положительно оценила этот «поворот вправо» вопреки воле «диктатора» (Стурцо), заявив при этом: «Такие люди, как граф Грозоли, имеющий в своем распоряжении газеты католического «треста», и граф Сантуччи, играющий руководящую роль в «Банко ди Рома», могут позволить себе давать директивы даже могущественному политическому секретарю». И далее: «По правде говоря, несмотря на «независимость от церкви», партия «пополяри» не может также не учитывать, как утверждают в различных политических кругах, того нового ветра, которым повеяло в Ватикане после вступления на престол Пия XI». Директивы высших банковских кругов и папы совпадали полностью. По этому поводу Национальное агентство печати, на которое ссылалась «Коррьере делла сера» в номере от 23 сентября, уточняло даже, что двое из подписавших послание часто

¹ Оказалось также 7 белых бюллетеней и 9 недействительных (см. «Il Secolo» del 22 ottobre). Муниципальные выборы в Милане состоялись через три месяца после «похода на Рим».

² Сенаторы Коффари, Кончи, Грозоли, Монтезоро, Нава, Пассерини, Реджо и Сантуччи, представлявшие в партии «пополяри» «банократию».

³ См. текст этого послания в «La Stampa» del 20 settembre, а также у S. Jacini, op. cit., p. 303 и G. Candello, op. cit., p. 446 (см. Дж. Канделло, Католическое движение в Италии, М., 1955, стр. 475).

встречались в течение двух предшествующих недель с одним лицом, принадлежавшим к высшим кругам Ватикана. «Говорят,— значит далее в сообщении,— что в Милане воспользовались поездкой в Рим некоторых лиц, находящихся в близких родственных отношениях с папой, чтобы уведомить его о той озабоченности, какую вызывают в амвросианских * католических кругах голоса, настаивающие на сотрудничестве пополяри с социалистами во время муниципальных выборов».

О «новом ветре» в Ватикане свидетельствовал циркуляр статс-секретаря кардинала Гаспарри итальянским епископам¹. В этом циркуляре Ватикан предписывал церковным властям придерживаться в политической борьбе «нейтральной позиции», то есть приказывал духовенству в том конфликте, который вот-вот должен был достигнуть кульминационного момента — «похода на Рим», не поддерживать даже партию «пополяри»². И итальянская печать, не колеблясь, расценила циркуляр как «выговор партии «пополяри».

Наиболее ответственные круги партии «пополяри» чувствовали всю сложность положения, в которое Ватикан поставил партию, но продолжали еще выступать за эффективное сопротивление наступлению фашистов. «Правительство,— писал, например, 11 октября орган пополяри болонская «Коррьере д'Италия»,— обязано принять меры, чтобы овладеть положением и защитить конституцию; если оно уклонится от выполнения этого прямого долга и не окажет сопротивления расширению вооруженного мятежа, то налицо будут все основания предать его Верховному суду». Серьезное предупреждение. Но стоит затем прочесть попсибилистскую ** речь,

* Амвросианские круги — католические круги Милана (по имени св. Амвросия Миланского). — *Прим. перев.*

¹ Хотя циркуляр был составлен 2 октября, он был опубликован в «Джорнале д'Италия» только 18-го (а помечен 19 октября).

² См. G. S a n d e l o r o, op. cit., p. 448. (См. русское издание, стр. 477.) Циркуляр ограничительно истолковывал право пастыря душ заниматься вопросами, не связанными непосредственно с делами веры, что составляет резкий контраст с тем широким толкованием, к которому приучил нас Ватикан в более поздние годы.

** Поссibiliзм (*франц.* possible — возможный) — стремление ограничить свою деятельность узкими рамками «непосредственно возможного» в данный момент, боязнь решительных действий, приспособление к окружающему. — *Прим. перев.*

произнесенную на экстренном собрании 15 октября¹ адвокатом Пиччони, секретарем туринской секции партии «пополяри» (в которой он не упустил ни одной возможности, кроме способности государства оказать сопротивление фашизму), чтобы составить себе представление о замешательстве и неуверенности, царивших в самой партии «пополяри». И это смятение нашло отражение в официальных документах партии «пополяри» — например, в резолюции Национального совета, заседавшего 19—21 октября, и в манифесте, с которым тот же совет обратился к стране 20 октября².

24 сентября избиратели Пинероло отмечали тридцатилетний юбилей первого избрания г-на Факта депутатом парламента. В зале манежа при военной школе был устроен банкет для 3200 приглашенных, среди которых были 71 сенатор и 117 депутатов. Министр юстиции Алессо обратился к юбиляру с приветственной речью, не преминув воспользоваться представившейся возможностью, чтобы попытаться сблизить председателя совета министров со сторонниками сопротивления фашизму, которых представляли он, Амендола, Таддеи и Солери³. Но Факта остался глух к этим призывам и упустил великолепную возможность; он произнес пустую и бессодержательную речь⁴, изобиловавшую стандартными фразами и общими местами, которая вызвала у Алессо и других демократов, озабоченных судьбами либерального государства, мучительное и горькое разочарование. Председатель совета министров выступил в самом оптимистическом тоне, утверждая, что дела идут наилучшим образом и что процесс нормализации отношений между партиями и постепенного возвращения к законности успешно развивается.

Конечно, всем этим не могли не воспользоваться фашисты. В самый день юбилея г-на Факта Муссолини произнес в Кремоне одну из своих речей, в которых заманчивые обещания чередовались с угрозами; а сенато-

¹ См. ее текст в «La Stampa» del 16 ottobre.

² S. J a c i n i, op. cit., p. 309 и G. C a n d e l o g o, op. cit., p. 448—449 (см. русское издание, стр. 477—478).

³ Текст адреса, зачитанного министром юстиции, см. G. A l e s s i o, op. cit., p. 49—50.

⁴ См. текст речи Факта в «La Stampa» del 25 settembre.

ру Фраделетто (которого соглашение между либералами, пополяри и националистами о миланском муниципалитете уже лишило возможности организовать в этом ломбардском городе празднование дня 20 сентября) фашисты помешали прочесть лекцию о значении этой исторической даты в Венецианском университете, куда он был приглашен Либеральной ассоциацией. И в этом зале находился префект — в том самом зале, где Никколó Томмазео * мог когда-то в присутствии австрийских полицейских заявить, что Венеция — итальянский город, и последние вынуждены были ожидать, пока он выйдет оттуда, чтобы арестовать его¹. 8 октября фашисты помешали помощнику министра общественных работ пополяри Мартини и депутату Феличе Баччи, тоже пополяри, присутствовать при установлении мемориальной доски в память павших в Антелле близ Флоренции². Два дня спустя в Консельве, близ Падуи, должно было состояться торжественное открытие нескольких народных домов, на котором собирался присутствовать министр Алесслио, но эту церемонию пришлось отложить на неопределенное время, так как фашисты запугали организационный комитет; возможно также, что это решение было прямо инспирировано префектом³. Прошло еще два дня, и 12 октября приемная депутата Сбаральбини в Перудже подверглась разгрому, а сам парламентарий-социалист был изгнан с территории Умбрии. О нападении на министра Аниле в Анконе уже говорилось выше; депутаты Баратоно и Тонелло подверглись нападению на вокзале в Турине; помощника военного

* Никколó Томмазео (1802—1874) — видный итальянский литератор и филолог, участник национально-освободительного движения.— *Прим. перев.*

¹ См. «La Stampa» del 25 settembre.

² См. «La Stampa» и «Corriere della Sera» del 9 ottobre и «La Giustizia» del 12 ottobre. Фашисты приказали помощнику министра Мартини через пять минут покинуть место, где происходила церемония, на которой он должен был официально представлять правительство. В последующие дни во многих населенных пунктах Тосканы были разгромлены многочисленные католические клубы.

³ См. G. Alessio, op. cit., p. 51. Правда, Алесслио говорит, что церемония должна была состояться 28 сентября, но его, вероятно, подвела память. В данном случае сообщение «Коррьере делла сера» заслуживает большего доверия; сообщая об этом эпизоде, она относит его к 10 октября. Практически Алесслио не мог отныне появляться в своем избирательном округе (см. «La Giustizia» del 12 ottobre).

министра депутата Маррачино встретили в Молизе улюлюканьем, свистом, угрозами; такой же прием оказали фашисты в Конельяно (Венето) и министру освобожденных территорий Лучани, отправившемуся туда с официальной миссией, а военно-морской министр был освящен в Риме¹.

Но гораздо большее политическое значение имело опубликование «Дисциплинарного устава фашистской милиции», изданного 3 октября главным командованием Национальной фашистской партии и подписанного Де Векки, Де Боно, Бальбо и Бьянки; вслед за этим 12 октября были опубликованы «Инструкции по организации и функционированию легионов»². Это нарушало статью 75 Конституции, но ни правительственные, ни судебные власти не реагировали на это должным образом: дело ограничилось тем, что военный министр предал дисциплинарному суду генерала Де Боно, подписавшего в числе других «Устав» и в то время находившегося еще на военной службе³. Со своей стороны министр Таддеи отпустил 11 октября от должности нескольких полицейских чинов, действовавших заодно с фашистами при нападении на помощника министра Мартини и депутатов Баччи, Баратоно и Тонелло.

Но в первых числах октября хроника политической жизни страны пополнилась событием еще более широкого масштаба — фашисты захватили Трентино⁴. Сквадры под командованием Франческо Джунта начали дей-

¹ См. «La Giustizia» del 19 settembre e 12 ottobre.

² Оба документа были опубликованы в один и тот же день в «Пополо д'Италия». Первый перепечатан у G. A. Chiurco, op. cit., vol. IV, p. 489—495. См. A. Tassa, op. cit., p. 476, n. 92.

³ См. M. Soleri, op. cit., p. 156—157.

⁴ О захвате Трентино см. газеты за эти дни, и особенно «Коррьере делла сера», «Секоло» и «Джустиция», которые приводят много подробностей, и, кроме того: Alberto De Stefani, Documenti sull'azione fascista a Trento e a Bologna, 1—15 ottobre 1922, «Gerarchia», agosto 1927; Paolo Pantaleo (главный редактор газеты Фариначчи «Кремона нуова» и подлинный автор книги Roberto Farinacci, Storia della rivoluzione fascista, Cremona, 1937), Il fascismo cremonese, Cremona, 1931, p. 218—230; R. Farinacci, Squadrismo. Dal mio diario della vigilia, p. 155—156; A. Tassa, op. cit., p. 386. Этому захвату предшествовала 24 апреля 1921 года карательная экспедиция в Больцано и в северный Тироль, которой командовал Стараче; были применены ручные гранаты. В результате один человек был убит и 48 ранено. На следующий день Муссолини опубликовал в «Пополо д'Италия» свирепую статью против «немецких болванов».

ствовать в Больцано 1 октября: они захватили муниципалитет и заставили власти устранить принадлежавшего к национальному меньшинству мэра Ператонера и назначить правительственного комиссара в лице д-ра Гуэррьери и гражданского комиссара в лице д-ра Готтарди. Эти два чиновника приняли все условия нападающих, которые 3 октября вывели сквадры, сконцентрировав их, однако, сразу же после этого в Тренто, куда прибыли новые силы под командованием Фариначчи, Де Стефани и Стараче¹. Фашисты потребовали отставки гражданского комиссара Венеции-Триденнины сенатора Кредаро. 4 октября последний передал свои полномочия военным властям. Произнося речь с балкона дворца на виа Беленцани, Альберто Де Стефани сказал, между прочим, сквадристам: «Это первый этап похода на Рим, и мы уже одержали достопамятную победу. Эта победа — Больцано». Вечером 4 октября сенатор Кредаро встретился с Де Стефани, Стараче, Буттафоки и Фариначчи. Ему предложили подать в отставку, он отказался, дав, однако, понять, что не мог проводить более националистическую линию ввиду расхождения его точки зрения с точкой зрения сенатора Салата, директора Центрального управления по делам новых провинций (в Риме), и центрального правительства². Поэтому

¹ После операции в «немецком» Больцано операция в итальянском Тренто привела консервативную печать в замешательство: см. «Джорнале д'Италия» от 5 октября. Саландра сделал в палате запрос о событиях в Больцано; 6 октября в «Джорнале д'Италия» он разъясняет смысл этого запроса в чисто националистическом духе, критикуя правительство и сенаторов Салата и Кредаро. Что касается фашистов, то, имея, очевидно, в виду речь Муссолини перед миланской группой «А. Шьеза» [Шьеза, Антонио (правильнее — Аматоре) — участник итальянского национально-свободительного движения, расстрелянный в 1851 году австрийскими властями; его имя, как и имена других национальных героев Италии, фашисты пытались использовать в своих целях.—*Прим. ред.*], Саландра давал им понять, что мишенью для фашистов должно служить не либеральное государство, а демократические аспекты этого государства, и предлагал собственную кандидатуру на пост премьер-министра, увещевая фашистов «понять необходимость отказаться от крайностей» и «избегать эксцессов». Этот тезис «Джорнале д'Италия» не устала повторять в течение всего октября, поддерживая кандидатуру Саландра. В номере от 6 октября «Аванти!» подчеркнула, что операция в Тренто была направлена против пополяри и против Де Гаспери, она писала о «пощечине председателю парламентской фракции пополяри г-ну Де Гаспери».

² Между Салата, главой Центрального управления по делам новых провинций, и Кредаро, губернатором Венеции-Триденнины, издавна су-

он выедет в Рим этой же ночью. Поскольку было известно, что одной из главных целей фашистов является захват дворца провинциального муниципального совета, то той же ночью войсковые части были выведены отсюда и сквадристы без помех добились своего. 6 октября «Коррьере делла сера» следующим образом комментировала это: «Откровенно говоря, фашизм свободно осуществил в Венеции-Тридинте опыт установления своей диктатуры, его действия и распоряжения не встретили никакого противодействия, все происходило при полном молчании Рима. Никогда еще правительственные власти не проявляли большей пассивности». Среди других эпизодов газета обратила внимание и на эпизод с дворцом муниципального совета, который войска очистили именно тогда, когда фашисты пожелали его захватить. Статья заканчивалась требованием создать новое правительство, даже более того — «хоть какое-нибудь, но правительство».

Во время проведения операции в Трентино Муссолини выступил перед членами миланского фашо «Антонио Шьеза» на виа Сенато, возвестив о «неизбежном столкновении» с либеральным и конституционным государством¹. «Фашисты,— заявил он между прочим,— должны заставить правительство распустить палату в ноябре и провести выборы в декабре. Если правительство не согласится и выберет иной путь, фашисты пойдут своей дорогой и добьются своих целей другими средствами»². За день до этого «Информационное агентство» впервые точно и подробно сообщило о подготовке «похода на Рим»; день спустя «Коррьере делла сера» потребовала отставки правительства. Началась смена власти, началось крушение либерального государства.

Беседа между Факта и Джолитти, состоявшаяся 5 октября в Турине, за которой последовал визит председателя совета министров к королю в Раккониджи, по-

ществовали разногласия; последний, сочувствуя националистической политике в отношении немецкого меньшинства, сталкивался с противодействием Салата, который, будучи более близок к правительству, мешал осуществлению этой политики (см. корреспонденцию Чезаре Спелланцона — «Secolo» dell'11 ottobre).

¹ Текст речи был напечатан в «Пополо д'Италия» от 6 октября.

² Этот же тезис Муссолини выдвинул 17 октября в передовой статье «Порочный круг», опубликованной в «Пополо д'Италия», а Микеле Бьянки и Дино Гранди изложили его в тот же день в беседе с Факта.

родила слухи о возможности внепарламентского правительственного кризиса, который приведет к созданию кабинета Джолитти — Муссолини; впрочем, некоторые газеты¹ опровергали их. Подтверждала этот слух редакционная статья, которую близкая к Джолитти «Стампа» опубликовала 7 октября; в ней утверждалось, что для проведения выборов необходимо сильное правительство, в которое вошли бы фашисты и которое возглавил бы человек, пользующийся большим авторитетом,— под этим человеком туринская газета могла подразумевать только политика из Дронеро. На самом деле во время своей беседы с Джолитти Факта понял, что его руководитель и соперник не спешит занять его место, и это придало ему духу и помогло решиться на крупную авантюру — попытаться сформировать свой новый кабинет с участием фашистов; тем самым он стал бы в центре политических событий, как человек, сумевший спасти положение. Сам Муссолини интуитивно понимал все это и вел себя в отношении Факта с необычайной мягкостью и добродушием, изменив в этом случае даже своему обычному свирепому стилю².

В результате, когда собрался совет министров (заседавший 6, 7, 13 и 17 октября), Таддеи, желавший решительной ликвидации фашистского мятежа и считавший себя лично ответственным за охрану законности в Трентино³, столкнулся с сильной оппозицией, которую поддержал Факта. Дискуссия между министрами носила весьма бурный характер. Таддеи еще раз пригрозил уйти в отставку, если некоторые из его коллег не перестанут саботировать его директивы⁴. Перед лицом фа-

¹ Например, «Мондо» (от 6 октября).

² См. передовые статьи в «Пополо д'Италия» от 27 сентября («Доро Pinerolo») и от 7 октября («Circolo vizioso»).

³ Ператонер, старый гордый мэр Больцано (ему было тогда 72 года и он в течение 30 лет возглавлял муниципалитет своего города), заявил в начале октября в интервью одной иностранной газете, что всего за несколько дней до начала фашистского наступления министр внутренних дел заверил одного из четырех депутатов национального меньшинства от Альто-Адидже, что правительство воспрепятствует силой концентрации фашистов в этом районе (см. «Il Secolo» dell'11 ottobre).

⁴ Симптоматично, что на заседании совета министров 13 октября, желая добиться согласия своих коллег на карательные меры против государственных служащих, проявивших слабость перед лицом фашистских беззаконий, Таддеи назвал только такие беззакония, которые должны были сильно подействовать на консервативное чувство членов комитета: обложение налогом собственников в одной из провинций Эмилии

шистского ультиматума правительство должно было определить свою позицию; поэтому еще до заседания совета министров состоялся целый ряд бесед — Факта беседовал с Бадольо, Диасом и Солери, Таддеи — с Де Альбертисом, командиром королевской гвардии; имела место также беседа Факта с Риччо и Бьянки, секретарем фашистской партии. Вынужденный выбирать между двумя линиями — антифашистской линией Таддеи, Солери, Алессио, Амендола, Бертини и Бертоне, возражавших против проведения выборов без предварительного голосования в парламенте, и профашистской линией Риччо и Делло Сбарба, которые, наоборот, высказывались за внепарламентский правительственный кризис, совет министров принял компромиссное решение, с которым вскоре согласился посетивший Факта Бьянки, оговорив, однако, необходимость одобрения Муссолини. Компромиссное решение было следующее: возобновление заседаний палаты в начале ноября, короткая дискуссия о внесении изменений в избирательный закон, проведение выборов¹.

Журналистам Факта сделал обычные успокоительные заявления: никакого призыва новых контингентов, положение не таково, чтобы вызывать беспокойство. Между тем он поручил Риччо и Делло Сбарба вести переговоры с фашистами, и эти два министра действительно встретились с депутатами Гранди и Ланфранкони и секретарем фашистской партии Микеле Бьянки².

и ультиматум владельцам судоверфей Орландо в Ливорно (эти же факты приводил впоследствии Луджи Эйнаути в упоминавшейся нами статье в «Коррьере делла сера» от 18 октября).

¹ К решению созвать палату в первых числах ноября совет министров пришел после оживленных дебатов, продолжавшихся до заседания 17 октября, когда была установлена дата созыва — 7 ноября. Хотя предложение о внепарламентском кризисе было отвергнуто, часть министров настаивала на досрочном созыве парламента, например 25 октября, мотивируя это необходимостью опередить действия фашистов (в Неаполе должна была состояться конференция фашистов), на деле же они рассчитывали, что это ускорит процесс распада правительства Факта и откроет путь для замены его правительством саландристов и фашистов (см. «Il Secolo» и «La Stampa» del 18 ottobre). В интервью «Джорнале д'Италия» (17 октября) Факта заявлял, что у него нет намерения развязывать внепарламентский кризис, не вызванный никаким «определенным политическим фактом», но 19-го «Коррьере делла сера» писала о «происходящем в настоящее время внепарламентском кризисе».

² Я почерпнул эти сведения прежде всего из «Джуститица» и «Секоло» за эти дни.

Перед лицом общественного мнения Таддеи также смягчал краски, газеты сообщали¹: «Министр внутренних дел заявил сегодня утром, что полученные рапорты, изданные приказы и принятые решительные меры предосторожности гарантируют безопасность правительства от любых покушений, которые, к несчастью, замыслили, возможно, некоторые элементы. Сенатор Таддеи не упустил случая сообщить коллегам, что на основании последних поступивших к нему сведений будет правильным предположить, что общественный порядок не будет нарушен, как опасались некоторые, в результате неуместных выступлений или движений, на которые общественное мнение, пожалуй, слишком обращало внимание». А в интервью «Джорнале д'Италия» от 17 октября «лицо, очень близкое к г-ну Таддеи» (в котором все узнали самого министра внутренних дел), заявило, что министр отнюдь не предпринимает никаких антифашистских мер и считает, что кризис можно разрешить, введя фашистов в правительство².

Фашисты были очень довольны деятельностью, которую Факта развил внутри кабинета, и в своем заявлении от 8 октября для «Пополо д'Италия» Бьянки сделал председателю совета министров достойные внимания «комплименты». В этом заявлении мы, между прочим, читаем: «...заслуга г-на Факта, и только его одного, состоит в том, что он сумел предотвратить столкновение между фашистскими силами и силами государства». А между тем фашисты опровергали все сообщения о существовании у них какого бы то ни было соглашения с председателем совета министров³.

¹ См. «Il Secolo» del 15 ottobre.

² Конечно, следует учитывать, что в утверждениях «Джорнале д'Италия», слишком заинтересованной в этом вопросе, содержится значительная доля измышлений.

Вечером 17 октября Таддеи заявил Алессіо, что он предупредил префектов, дабы они были готовы к крайним решениям (G. A l e s s i o, op. cit., p. 53).

³ 14 октября служба печати фашистской партии сообщала: «Как стало известно из достоверного источника, министр юстиции г-н Алессіо предложил недавно на заседании совета министров арестовать Микеле Бьянки, генерального секретаря Национальной фашистской партии. Это предложение встретило поддержку у министров Делло Сбарба и Амэндола. Известно, кроме того, что шайка Нитти, не входящая в правительство, была, по-видимому, причастна к этой попытке. Возможно, она желала отомстить за недвусмысленное и категорическое «нет», ко-

В конце концов правительство капитулировало и в вопросе о Трентино: 10 октября совет министров, вновь собравшись на заседание, упразднил Центральное управление по делам новых провинций, созданное Нитти в июле 1919 года (приняв отставку его директора сенатора Салата), а также комиссариаты по делам Венеции-Джулии и Венеции-Тридинтины, управляемые соответственно сенаторами Москони и Кредаро, которые были затем заменены двумя префектами — в Триесте и в Тренто¹. Воодушевленные этой существенной победой, фашисты продолжали идти по намеченному пути. 11 октября они захватили жилищный комиссариат на виа делла Скрофа в Риме и заставили комиссара командора Марчалиса уволить одних лиц и принять на работу других, что было вскоре санкционировано Бенедуче, помощником министра при председателе совета министров. 16 октября они захватили муниципалитет Беллуно, руководимый социалистами. В тот же день они стянули силы в Альбу (в Пьемонте), чтобы помешать дон Стурцо посетить выставку. Если верить тому, что сообщает Фариначчи в своем дневнике («Diario della vigilia»), то в этот период по его приказам сквადристы заставили уйти в отставку 64 муниципальных советников Кремонской провинции.

торым генеральный секретарь фашистской партии ответил недавно на бесстыдное предложение о сговоре, выдвинутое г-ном Нитти через третье лицо». (Служба печати Виминала поспешила, разумеется, опровергнуть это сообщение, однако для него, по-видимому, имелись основания: ведь у фашистов в правительстве был их верный агент в лице министра Риччо. Что же касается переговоров между фашистами и Нитти, см. об этом ранее.)

¹ См. «Corriere della Sera» dell'11 ottobre. Об отставке Антонио Москони, о которой он заявил еще 14 августа 1922 года, и об упразднении главного гражданского комиссариата по делам Венеции-Джулии (10 октября) см. A. M o s c o n i, I primi anni di governo italiano nella Venezia Giulia, Bologna, Cappelli, 1924, p. 143 sgg. 17 октября правительство назначило Криспо Монкада префектом Триеста и командора Морони префектом Тренто (см. «Il Secolo» del 18 ottobre). Поскольку распространился слух о назначении сенатора Лузиньоли, миланского префекта, гражданским комиссаром Трентино и Альто-Адидже, один журналист из «Corriere della sera» спросил его об этом, но последний решительно опроверг эти слухи («Corriere della Sera» dell'11 ottobre). Для характеристики деятельности Лузиньоли в этот период весьма интересен его ответ. Он заявил, что полюбил Милан и хочет остаться в нем до тех пор, пока снова не получит своего места в Государственном совете в Риме, и добавил: «И потом я думаю, что здесь мне еще нужно кое-что сделать».

Хотя обыкновенно говорят о либералах, отличая их от группы демократов, либеральной партии как таковой тогда еще не существовало. Учредительный съезд Итальянской либеральной партии, состоявшийся как раз в эти дни¹, явил новое доказательство сдвига вправо тех сил, которые должны были оказать сопротивление возрастающему натиску фашистов.

Несмотря на то что Антонио Саландра лично не принимал в нем участия, на всей работе съезда лежала тень Саландра — того Саландра, который в начале сентября в своем заявлении газете «Ационе», издававшейся в г. Пола, утверждал (с какой прозорливостью, об этом легко судить), что установление диктатуры невозможно, ибо «нет человека, нет диктатора»; того Саландра, который считал себя «почетным фашистом» и 24 сентября, принимая в своем доме в Трое политических секретарей местных фаши по случаю их провинциального съезда, заявил сквадристскому главарю Карадонна о своем сожалении и огорчении, так как, будучи шестидесятидевятилетним стариком, он не может одеть черную рубашку; того Саландра, который в начале сентября, вернувшись на несколько дней в Рим, а затем в октябре, когда он возвратился туда окончательно, настойчиво убеждал «без промедления придать законную форму неизбежному приходу фашистов к власти»²; того Саландра, который надеялся, опираясь на союз реакции традиционного типа (вновь поднявшей голову) и реакционеров-мятежников, повторить в 1922 году маневр 1915 года: осуществить при помощи фашизма реставрацию в духе консерваторов³.

Учредительный съезд либеральной партии открылся 8 октября 1922 года в городском театре Болоньи. В нем участвовали, среди других, Луиджи Альбертини, Эцио Мария Грэ (Gray), Луиджи Федерцони, Джованни Бо-

¹ Это был третий съезд, созданный для учреждения либеральной партии после неудачных попыток 1919 и 1921 годов. Сведения о нем можно почерпнуть из газет этого периода (особенно «Corriere della Sera», «La Stampa», «Il Secolo», «La Giustizia»); полезно и интересно прочесть также статью *N i n o V a l e r i*, *Liberali e fascisti nel' 22. Organizzarsi o morire*, «Il Mondo» del 3 maggio 1955.

² *A. S a l a n d r a*, *op. cit.*, p. 17.

³ Это выражение употребила «Стампа» в номере от 1 ноября 1922 года. О Саландра см. очерк в настоящем сборнике.

релли¹, Сильвио Гэ (Gay), Дино Филипсон, Альберто Джованнини, Челезиа, Кода, Нальди, Куиличи. Охрана порядка была поручена сквадристам из либеральной федерации молодежи в рубашках цвета хаки, в белых перчатках и со знаменами². После вступительной речи профессора Джузеппе Липпарини Джованни Борелли произнес речь перед памятником Кавуру³. 8-го числа во второй половине дня съезд начал свою работу, которая продолжалась 9 и 10 октября. Собравшиеся для создания партии либералы сразу же разделились на два основных течения (причем второе оказалось в жалком положении): течение консервативное, реакционное, националистическое⁴ и профашистское и течение сторонников демократии, представителей которого часто встречали свистом и даже не давали им говорить. Центристское течение играло незначительную роль. Консерваторы, ре-

¹ Борелли опубликовал о Болонском съезде либералов статью, и не где-нибудь, а в «Пополо д'Италия» (8 октября).

² Несколько раз в самом зале и снаружи вспыхивали бурные стычки между сквадристами-либералами и сквадристами-фашистами, которым первые казались (и не без основания) карикатурой на них самих.

³ «Секоло» следующим образом комментировала это событие: они принесли Кавуру цветы, чтобы удостовериться, что он действительно умер!

⁴ В работе съезда приняли участие и настоящие националисты, как Федерцони и Грэ, и не только в качестве наблюдателей: они претендовали на роль людей, содействовавших созданию ИЛП. Когда Эцио Мариа Грэ взял слово, его прервали бурными возгласами, попрекая в принадлежности к движению националистов; в ответ он заявил, что он националист и либерал одновременно, и высказал пожелание, чтобы после создания либеральной партии в нее вошли националисты. «Стампа» (передовая от 11 октября) правильно заметила, что националисты не ограничивались деятельностью в своей организации, но проникали в либеральные организации, изменяя их лицо. В той же самой статье «почетные фашисты» типа Саландра были названы «старыми кариатидами», которые «видят в фашизме в первую очередь орудие для поправки своих личных дел, охраны своих личных интересов в сфере аграрных или иных отношений и, кроме того, орудие уничтожения в Италии либерального режима, парламентского правительства, всеобщего избирательного права и так далее». Весьма сильным холодным душем для либералов профашистов послужила статья, которую опубликовал 10 октября в «Ресто дель Карлино» Дино Гранди, предсказывавший столкновение между фашистами и либералами, хотя последние и воображают, что они смогут использовать в своих интересах победы первых. В то же время «Джорнале д'Италия» продолжала ласково советовать фашистам соблюдать... либеральную умеренность, то есть согласовывать свою деятельность с консерваторами и реакционерами традиционного типа в рамках парламентского режима (см. особенно номера от 11 и 12 октября).

акционеры, националисты и профашисты явно преобладали и своими резкими выступлениями против социалистов, против Нитти и Джолитти задавали тон на съезде, который по своему составу находился на постыдно низком уровне (исключением являлось присутствие Альбертини). Кроме бывшего министра Бортоло Белотти из Бергамо и в какой-то степени пьемонтца Гэ, все ораторы яростно нападали на демократию. Страсти разгорелись, и тогда Альбертини взял слово, не желая допустить, чтобы вместо объединения съезд привел к новому, еще более серьезному расколу либеральных сил; он произнес программную речь, выдержанную в духе ортодоксального либерализма. Но, как заметила «Секоло» (комментарии этой газеты мы процитируем несколько ниже), идеологическая выдержанность, характерная для речи Альбертини, не могла найти отклика в среде, настроение которой хорошо выразил саландрист Челезиа, воскликнувший: «Нас было мало — тех, кто удерживал в руках знамя в бурный 1919 год. Теперь мы с вами, фашисты, с вами, которые объединились, чтобы сражаться на полях Италии!» Челезиа нападал на все правительства, находившиеся у власти после правительства Саландра, «который в 1915 году умел предвидеть новые судьбы Италии», в то время как другой саландрист, тосканец Джини Сарроки, заявил, что его группа предвосхитила фашизм.

После голосования съезд отверг наименование «демократическая» и завершился образованием Итальянской либеральной партии. Пост секретаря был предложен Альберто Джованнини, но последний от него отказался. Вне партии остались, однако, группы сторонников демократии, главным образом из Пьемонта и Ломбардии, а также из Венеции, Эмилии и Тосканы (правда, их было меньше), которые собрались затем в Милане 25 октября, в самый канун «похода на Рим». Выступившие от их имени Гэ и Г. А. Бьянки сокрушались по поводу реакционного характера вновь образованной либеральной партии, затем они заслушали примирительную речь Белотти и оправдания Джованнини, выступившего от имени ИЛП¹.

¹ Миланская конференция завершилась избранием комиссии в составе Бьянки, Гэ и Белотти для переговоров с Джованнини и другими членами руководства либеральной партии о вхождении этих групп в

Нельзя сказать, чтобы при создании либеральной партии были отобраны лучшие: даже тогда было немало людей, которые охотно повторили бы фразу, сказанную Марией Терезой Гоццадини о французах Второй империи: «Мне бы хотелось растоптать своими ногами потомков Вольтера: каким презрением наградил бы их великий человек, если бы он увидел их, этих ханжей!»¹ В данном случае ханжой был Муссолини; позже, когда черная рубашка вышла из моды, он, не долго думая, надел рясу, и «либералы» остались ему верны. Непонятно поэтому, как мог Бенедетто Кроче столь безосновательно утверждать, что либеральная партия была реконструирована с целью «оказания прямого и действительного сопротивления фашизму»!²

В передовой статье от 11 октября по поводу съезда «Секоло» писала: «Трудно оспаривать тот факт, что заседающие в Болонье либералы заслуживают наименования консерваторов или даже, если хотите, реакционеров. Почти все общие места в духе политической риторики, столь характерной для настоящего момента, делегаты съезда встретили аплодисментами; впрочем, в своем учредительном манифесте они открыто заявляют о необходимости прославления «духовных ценностей прошлого». Даже невинные демократические идейки депутата Фацио из Кунео не нашли одобрения у этих перестроившихся либералов, учуявших, конечно, в них подозрительный жюлиитианский привкус, весьма неприятный для депутата Челезиа, которому съезд поручил воздать хвалу безупречному Антонио Саландра, патентованному добровольному могильщику либерализма»³.

ИЛП при условии, что они будут соответственно представлены в представительных и руководящих органах (см. «Il Secolo» del 26 ottobre 1922).

¹ Письмо, написанное в 1867 году, незадолго до Ментаны, цит. у G. S a r d u c c i, Opere, Bologna, Zanichelli, 1929, vol. III, p. 387.

² См. введение Б. Кроче к работе V i n c e n z o G a l i z z i, Giolitti e Salandra, Bari, Laterza, 1949, p. VII—VIII.

³ Намек на слова Саландра: «Я солгал бы... если бы сказал, что предсказание о возрождении и усилении после войны такой либеральной партии, которая вполне отвечала бы требованиям нового времени, оправдалось... (Либерализм) постиг, без сомнения, неизбежность прихода к политической власти новых общественных слоев, что было, очевидно, уже тогда, но он не нашел способа взять на себя руководство ими... не захотел или не смог стать «народным», когда на сцене появился новый народ... Было бы логично, если бы либералы утратили политиче-

С легкостью жонглируя словами «демагогия» и «демократия», делегаты съезда отвергли все то, что являлось экономическим и идейным завоеванием обездоленных слоев страны за последние 20 лет, и лишь отдельные из них, отличавшиеся большей наивностью или большей ловкостью, сочли нужным напомнить о необходимости (в свое время и в своем месте) *panem et circenses* (хлеба и зрелищ). Государству, которое тратит слишком много и налоговые агенты которого проявляют поэтому ненасытную жадность, они предлагали вернуться к исполнению нормальных функций, которые являются, если позволительно об этом напомнить, полицейскими и судебными; ибо оно будет либеральным, истинно либеральным, лишь тогда, когда предоставит честным и добросовестным людям, приславшим своих делегатов в Болонью, свободу не платить налогов совсем или платить их в самых минимальных размерах. И сенатор Альбертини, который произнес логичную и разумную речь в защиту последовательного либерализма, не должен строить себе иллюзий, что его идеи могут иметь успех у этих людей. Очень легко убедить их (и это даже уже сделано), что государство не должно субсидировать социалистические кооперативы; но совсем другое дело, когда речь пойдет об отмене субсидий судовладельцам, владельцам металлургических заводов и т. д. и всех тех покровительственных пошлин, за счет которых живет в ущерб казне и стране столь большая часть консервативных кругов, наиболее деятельных и наиболее преступных. Не стоит и пытаться. Они, эти круги, известны стране по опыту многих лет. В эти последние годы, едва найдя щель, через которую им удалось снова вылезти на сцену, они проявили такую тупость и низость, которая выходит за рамки политики и свидетельствует о человеческих качествах лиц, принадлежащих к определенному классу.

Опыт уже проделан; и Болонский съезд, даже если бы он и не показал столь грубо и откровенно, чем он

ское руководство страной, и они его действительно утратили. Смогут ли они вновь обрести его?.. Только бы они не воображали, что достаточно сменить наименование», и в заключение он заявил, что, во всяком случае, либеральная партия стяжала себе в период войны бессмертную славу, «даже если это истощило ее жизненные силы» (*Antonio Sallandra, I discorsi della guerra, Milano, Treves, 1922, p. 88—89.*)

является, не мог быть и не был бы ничем иным, как одним из бесчисленных проявлений общей циничной и пагубной тенденции, за которой скрываются те консервативные интересы, зачастую добуржуазного и даже антибуржуазного характера, которые не способны существовать при более высоко развитых свободных демократических формах общества».

Высказанные Луиджи Альбертини на съезде в Болонье идеологические и теоретические положения в духе экономического либерализма нашли в эти дни отклик во всех правых кругах. На экономической конференции националистов в Милане (14—15 октября) депутаты-либералы Бенни и Де Капитани выразили симпатии Итальянской либеральной партии к националистическому движению. И на этой конференции, в которой участвовали самые крупные силы промышленного и финансового капитала Севера, также безраздельно господствовали идеи экономического либерализма и невмешательства государства в экономическую жизнь¹. Требование перехода в частные руки предприятий, находившихся в ведении государства, было выдвинуто также национальной конференцией промышленников, состоявшейся в Милане 17 октября по инициативе Федерации ломбардских промышленников и под эгидой Конфиндустрии².

Эти выступления кругов, связанных с Конфиндустрией, полностью совпадали с кампанией в пользу крайнего экономического либерализма и невмешательства государства в экономическую жизнь, поднятой в эти же дни фашистами.

Конечно, ни идеи экономического либерализма, ни требования невмешательства в экономическую жизнь не лишали фашистское движение его классового характера; наоборот, они были одним из проявлений этого характера. Симптоматична в этом смысле история отношений, которые существовали в тот период между реформистами из ВКТ, организациями, находившимися под влиянием д'аннунцианцев, и «национальными профсоюзами». В середине октября, выступив в Неаполе, Эдмондо

¹ Например, в докладе по аграрному вопросу адвоката Джорджо Киджи из Болоньи и в докладе по вопросам экономики и финансов д-ра Ариматтен (см. «Il Secolo» del 16 ottobre).

² См. «Il Secolo» del 18 ottobre.

Россони разоблачил попытку восстановления профсоюзного единства под сенью фашизма, которую предприняли организации, находившиеся под влиянием д'аннунцианцев. В конце концов он добился ее провала¹. Программа Факта, как явствовало из всех его действий и из текста двух телеграмм, направленных 7 и 8 октября королю в Раккониджи², состояла в том, чтобы дождаться парламентского кризиса и затем самому разрешить его, введя фашистов в состав своего кабинета. Беседа, которую он имел 5 октября в Пьемонте с Джолитти, успокоила его относительно намерений государственного деятеля из Дронеро, который, насколько можно было заметить, не спешил с возвращением к власти. Факта мог, следовательно, одержать над ним верх, оставив его не у дел. Тем не менее, прежде чем сговориться с фашистами, он еще некоторое время колебался и 11 октября — возможно, побуждаемый самими джолиттианцами³ — вызвал Солери и в присутствии Де Никола поручил ему вернуться в Кавур и от его (Факта) имени пригласить Джолитти приехать в Рим, чтобы вместе с ним (Фак-

¹ Соглашение, на которое нападает Россони, было подписано 16 октября Муссолини, Д'Аннунцио и Джульетти от имени ФИЛМ [Итальянская федерация тружеников моря — название профсоюза работников морского транспорта. — Перев.] (см. его текст в «Popolo d'Italia» del 22 ottobre); фашисты отказались от создания профсоюза работников морского транспорта под своим непосредственным руководством, и в благодарность за это ФИЛМ обязалась подчиняться политическим директивам фашистов. Несмотря на протесты фашистов-синдикалистов, Муссолини держался в тот момент твердо, так как соглашение помогало ему нейтрализовать Д'Аннунцио и, следовательно, являлось частью широкого политического маневра, задуманного ввиду «похода на Рим». К этому маневру мы еще вернемся. Новая попытка восстановления профсоюзного единства была предпринята в декабре «Комитетом борьбы за созыв Итальянского профсоюзного учредительного собрания», в который вошли Ринальдо Ригола, Альчесте Де Амбрис, Анджело Оливьеро Оливетти и другие; одновременно Джино Бальдези встретился 2 декабря с Тито Дзанибони и с Муссолини, а на следующий день отправился к Д'Аннунцио в Гардоне. Капиталистические круги, исполнители воли которых был «синдикалист» Россони, провалили все эти попытки (см. A. T a s s a, op. cit., p. 474—475, p. 79).

² Опубликованы Ефремом Феррарисом, см. «La Stampa» del 21 febbraio 1948.

³ В тот же день, 11 октября, два джолиттианца — депутаты Коррадини и Фаццари — отправились к Факта и потребовали, чтобы он вышел в отставку и очистил этот пост для Джолитти, выполнив тем самым обещание, которое он дал, принимая на себя полномочия: содействовать ослаблению настроений, враждебных возвращению на этот пост старого государственного деятеля (см. «Corriere della Sera» del 12 ottobre).

та) рассмотреть ситуацию и возможность возвращения Джолитти на пост главы правительства. Разговор между Солери и Джолитти состоялся 13 октября. «Г-н Джолитти,— пишет Солери¹,— выслушав предложение, с которым я был послан, не счел нужным принять приглашение приехать в Рим, разве что какое-нибудь новое событие в политической или парламентской жизни призовет его туда. Он не хотел создавать впечатление, будто он приехал специально для того, чтобы вызвать падение кабинета и стать его наследником. Он непременно приехал бы, если бы его вызвала какая-нибудь парламентская группа, собравшаяся на совещание (парламент не заседал), или если бы Факта подал без дальних разговоров в отставку и король пригласил бы его для консультации или поручил бы ему формирование нового правительства. Все мои попытки убедить его принять приглашение Факта были безуспешны... Я сообщил г-ну Факта об исходе посольства. Однако он не только не подал в отставку, но активизировал с этого момента свои беседы с Бьянки, держа в тайне от министров действия, которые, как он вполне искренне верил (чего нельзя сказать о другой стороне), должны были предотвратить возникновение конфликта и привести к включению фашистов в состав его кабинета. Депутатов Россини и Берарделли он спросил, какой эффект произвело бы в стране создание его третьего кабинета с участием фашистов; эти депутаты сразу же сообщили об этом мне. Впрочем, самым верным подтверждением этого намерения были его собственные действия: 26 октября он потребовал от министров предоставить в его распоряжение их портфели. В этот день правительство не подало в отставку, как об этом позже говорили, но предоставило председателю совета министров полномочия располагать различными министерскими портфелями и заменить тех министров, которыми он пожелает пожертвовать, чтобы освободить место для фашистов».

Об этом речь пойдет ниже. Однако надо отметить, что вопреки утверждению некоторых газет² Джолитти

¹ M. Soleri, op. cit., p. 147 sgg.

² Например, «Секоло» в номере от 10 октября утверждала, что Факта якобы имел накануне две беседы — утром с Лузиньоли и во второй половине дня — с Солери; оба они прибыли из Кавура, где будто бы встре-

(хотя он и не хотел ввязываться в игру и даже не принял приглашения приехать для беседы с Факта) не возражал против идеи внепарламентского кризиса, которому положила бы начало отставка Факта. Начиная с этих дней этот последний прибег к решительным маневрам, чтобы помешать Джолитти стать его преемником и сыграть вместо него роль государственного деятеля, спасающего положение.

Что касается Джолитти и его нежелания вновь принять активное участие в политической жизни, то несомненно одно: это возвращение было затруднено ввиду враждебности пополяри, но столь же несомненно и другое: эта враждебность объяснялась его намерением разрешить по возможности кризис путем включения в формируемое правительство фашистов. Предоставим по этому вопросу слово дон Стурцо:

«5 октября по просьбе адвоката Скавонетти я встретился в его доме с представителем Джолитти. Этот представитель спросил меня, настроен ли я по-прежнему оппозиционно. Привожу наш краткий разговор в том виде, как он воспроизведен на стр. 116 моей книги «Italy and fascism» («Италия и фашизм»):—Намерен ли Джолитти сформировать свой кабинет с участием фашистов? —спросил я.— Да,— отвечал он мне.— А без фашистов? — Мне это кажется маловероятным.— А против фашистов? — О нет! Это невозможно,— был его ответ.— Тогда,— сказал я в заключение,— Джолитти не сформирует правительства, ибо бесцельно спрашивать меня, какова будет в данном случае позиция пополяри»¹.

Более подробно он пишет об этом в другой работе²:

тились с Джолитти. Что касается Солери, то из его «Воспоминаний» явствует только одно: Факта дал ему поручение 11-го, и его беседа с Джолитти состоялась 13 октября. С другой стороны, противоречивость сведений о переговорах Факта—Джолитти объясняется в значительной степени той солидной дозой двусмысленности, которую государственный деятель из Дронеро вложил в свои *congratlers* (переговоры). По сообщению «Коррьере делла сера» от 17 октября, Джолитти ответил Солери, которого послал к нему Факта, что он не советует подавать в отставку, но «если понадобится, будет готов, как всегда, служить своей стране». Факта использовал осторожную двусмысленность этой формулы, чтобы попытаться осуществить свои собственные планы.

¹ L. S t u r z o, *Politica di questi anni*, p. 63.

² В ответе («La Stampa» del 16 settembre, 1955) на статью Альфредо Фрассати (*Al f r e d o F r a s s a t i, Il veto a Giolitti nel 1922*). Поле-

«После краткого отдыха в начале сентября я вернулся в Рим и пошел к министру Таддеи, чтобы выразить ему мою озабоченность. Он ответил мне, что вовсе не хочет предстать перед Верховным судом и поэтому будет сопротивляться, даже с помощью силы, и что он возражает против выдачи фашистам разрешения на созыв их съезда. Не удовлетворившись этим, я пошел к г-ну Факта и намекнул ему, что в Милане ходят слухи о возможном возвращении Джолитти к власти. Он заявил, что ему ничего не известно об этом; но, как бы то ни было, он не вызовет кризиса во время перерыва заседаний палаты.

Несколько дней спустя, 4 и 5 октября, по просьбе адвоката Скавонетти, я согласился встретиться в его доме с г-ном Камилло Коррадини. Этот последний после длинной речи и выяснения целого ряда обстоятельств спросил меня, будут ли пополяри готовы сотрудничать с Джолитти в случае создания коалиционного правительства. В ответ на мой вопрос, войдут ли в эту коалицию и фашисты, он признался, что это как раз и является целью данной инициативы. Я настойчиво допытывался у него, намерен ли Джолитти, в случае если эта гипотеза отпадет, сформировать правительство без фашистов. Он ответил, что такая возможность сомнительна, и в заключение сказал, что отнюдь не предполагается создание правительства, которое относилось бы к фашистам враждебно. Беседа длилась часа два, и хотя я не дал окончательного ответа, чтобы при случае посоветоваться с членами партийного руководства, от него не укрылось мое убеждение, что с таким планом Джолитти не сформирует никакого кабинета...

Джолитти был убежден, и это убеждение сложилось не в октябре и не в феврале 1922 года, что фашисты должны войти в правительство. Я же, наоборот, был уверен, что объединение сил порядка с фашистами создает хаос псевдореволюции и придает насильственным методам такую политическую и этическую значимость, какой они не могут иметь.

мика, в которой участвовал также Луиджи Сальваторелли, велась на страницах этой туринской газеты 26 августа, 10, 16 и 23 сентября 1955 года. Подробно об этой полемике см. *Gabriele De Rosa, La crisi dello Stato liberale in Italia, Roma, Studium, 1955, p. 67 sgg.*

Поэтому я сказал Коррадини: если Джолитти предстанет перед страной во главе кабинета из либералов и пополяри, сформированного в целях восстановления порядка и нормального положения в стране, и, следовательно, готов будет применить к фашистам в соответствии с обстоятельствами как метод мягкого обхождения, так и метод суровых мер, то он может добиться успеха. Но невозможно сформировать кабинет из фашистов и пополяри, в котором Джолитти играл бы роль арбитра между ними.

После этого, несмотря на предложение Скавонетти встретиться для второй беседы, г-н Коррадини не только не напоминал мне больше о себе, но не предпринял даже попытки встретиться с Де Гаспери или с Кавачцони, которые были тогда соответственно председателем и секретарем фракции пополяри в палате, или с личными друзьями Джолитти и бывшими министрами — депутатами Меда и Микели. Джолитти хорошо знал, что, несмотря на мои возражения, депутаты дважды принимали решение о сотрудничестве с Факта; следовательно, мои слова были «советом», а не «приказом». Впрочем, то же самое произошло и в связи с вопросом об участии пополяри в первом кабинете Муссолини.

Если Джолитти хотел выступить в роли спасителя страны, считая, что страна находится на краю гибели, то первый демарш он должен был предпринять перед Факта, а второй — перед королем, которому он приходился маврикианским кузеном*. Он имел возможность получить большинство в палате (не говоря уже об обеспеченном большинстве в Сенате, который, впрочем играл тогда в политическом отношении второстепенную роль) и, если понадобится, прямо поставить пополяри перед необходимостью нести ответственность за свои действия. Он не предпринял ни единого шага — то ли потому, что надеялся дожидаться (это было его первой мыслью) открытия заседаний палаты, то ли потому, что рассматривал переговоры между Муссолини и Лузиньоли как беспочвенную интригу, подобную интригам с Саландра и Нитти и, следовательно, обреченную на неудачу.

* В монархической Италии человек, награжденный некоторыми высшими орденами, считается «кузеном короля» (который являлся кавалером этих орденов в силу своего титула). Маврикианский кузен — кавалер ордена св. Маврикия и Лазаря. — *Прим. перев.*

Но если Джолитти успокоила информация Коррадини о встрече со мной, то он не проявил ни понимания обстановки, ни понимания людей».

В своем ответе на статью Стурцо Фрассати иронизирует по поводу того, что Стурцо якобы ограничивался «советом», как будто совет лидера партии не имеет значения приказа. Фрассати настаивал на том, что упрек дон Стурцо по адресу Джолитти («Если бы Джолитти хотел выступить в роли спасителя страны... то первый демарш он должен был предпринять перед Факта, а второй — перед королем») не имеет смысла, поскольку оба демарша были бы смешны, если бы Джолитти не имел на своей стороне в парламенте ста голосов пополяри; следовательно, соглашение с пополяри, которого он пытался добиться путем переговоров через Скавонетти и Коррадини, было первой предпосылкой; и так как Джолитти не мог добиться этого соглашения, он не мог добиваться и другого.

На доводы Фрассати дон Стурцо ответил в основном уже в своей статье. Утверждение дон Стурцо, что его слово часто было для членов партии пополяри не более чем «советом», не является с его стороны полемической уловкой а *posteriori*. Оно вполне соответствует определенным, уже проверенным историческим фактам; именно так, как и указывал дон Стурцо, обстояло дело при формировании двух кабинетов Факта, так случилось и в дальнейшем, когда встал вопрос об участии пополяри в правительстве Муссолини.

Что касается того, что Джолитти должен был обеспечить себе поддержку пополяри, прежде чем предпринять любую свою попытку, то это замечание правильное и обоснованное. Но здесь со стороны пополяри не было никакого «вето», было лишь различие в оценках и в той позиции, которую они занимали по отношению к фашизму: Джолитти хотел, чтобы фашисты вошли в правительство, в то время как дон Стурцо хотел, чтобы они оставались вне правительства; когда первый узнал, как глава партии «пополяри» представляет себе сотрудничество пополяри с Джолитти, он отказался от этого сотрудничества и, следовательно, от всякой попытки сформировать новый кабинет¹.

¹ Мнение, согласно которому дон Стурцо не изменил своего оппозиционного отношения к Джолитти, соглашаясь лишь на создание каби-

Апологетическое и почти мистическое звучание приобретают поэтому слова Фрассати: «Дон Стурцо дает понять, что в конечном счете он не поддержал Джолитти в октябре 1922 года потому, что последний благосклонно относился к фашистам. Это — оскорбление для самого либерального из политических деятелей. Какой была бы его правительственная политика — ведал только он один, но друзьям, которые его знают, известно, что, какие бы методы он ни применял, его целью было спасение существующих институтов от любой попытки установления диктатуры». Цель, возможно, была такова; но несмотря на это, своей послевоенной политикой Джолитти скорее приблизил, нежели отдалил, установление фашистской диктатуры.

Гораздо более конкретной и обоснованной представляется нам аргументация дон Стурцо: «Джолитти 1920—1922 годов не был, конечно, тем Джолитти, каким он был в 1911 году — тем Джолитти, которому Альфредо Фрассати ставит в заслугу процветание первого десятилетия нашего века (с исторической точки зрения это слишком апологетическая оценка). В 1920 году Джолитти заключал союзы с фашистами на муниципальных выборах; в 1921 году Джолитти распустил палату, чтобы открыть фашистам доступ в парламент; в 1922 году Джолитти хотел включить фашистов в правительство. Я не говорю, что он делал это в силу своих профашист-

нета из либералов и псполяри, но без участия фашистов, и согласно которому разногласия по этому пункту привели к провалу переговоров об отказе от «вето», высказывает также Нино Валери (Nino Valeri, *Il veto di Sturzo. Il Partito popolare, Giolitti e Mussolini*, «Resto del Carlino» del 5 ottobre 1955), несмотря на некоторые неизданные документы, публикуемые тем же Валери, из которых как будто следует, что единственным желанием Стурцо в эти октябрьские дни было возвращение Джолитти к власти. Можно указать, например, на письмо Камилло Коррадини к Джолитти от 2 октября 1922 года, в котором рассказывается о том, что сказал Стурцо помощнику министра внутренних дел, на письмо Лузиньоли от 13 октября, письмо Солери от 17 октября, телеграмму Коррадини от 26 октября. Валери ограничивает значение этих свидетельств, считая, что они предусматривали лишь одну возможность, если Джолитти согласится с условием не включать в правительство фашистов, и пользуется случаем, чтобы подчеркнуть «тревожное ожидание друзей Джолитти, готовых, разумеется, согласиться с этим условием в обмен на смягчение непримиримой позиции Стурцо, и сильнейший трепет, который этот последний испытывал перед лицом фашистской угрозы и в силу которого он не мог в этот момент полностью контролировать свои слова».

ских настроений; он верил, что сможет так же управлять по своему усмотрению послевоенной политической жизнью, как он это делал (в известных пределах) до войны.

Альфредо Фрассати скажет, что, относясь подобным образом к фашистам, Джолитти был дальновиден, ибо он желал не борьбы, а нормализации, и именно Джолитти, восьмидесятилетний старик, с его слабостью к фашистам, был тем укротителем, который должен был совершить чудо — добиться ассимиляции фашизма либеральным режимом.

Истина состоит в следующем: Джолитти воображал, что он сможет ослабить и даже полностью устранить партию «пополяри», значения и политических возможностей которой он не понимал. Как и многие его друзья, он испытывал беспокойство; возможно также, что у них было инстинктивное предчувствие авантюры, направленной против правящих групп, удерживавших в своих руках власть как бы по историческому праву. Поведение независимых католиков (после 60-летнего периода, когда они играли довольно второстепенную роль или же в силу своих оппозиционных настроений не принимали участия в политической жизни страны) не столько мешало, сколько досаждало ему. Он предпочитал фашистов, которых надо было укрощать, католикам-пополяри, которые ускользали из рук. Этим складом ума старого либерала, в глубине души скептика и антиклерикала, объясняется и его раздражение против дон Стурцо, которому он приписывал (и не только он, но и общественное мнение) все то хорошее и плохое (и больше плохое, чем хорошее), что было в партии «пополяри».

Типичными представителями деятелей этого склада являются также Фрассати и Сальваторелли. Кажется странным, что даже спустя тридцать три года, из которых двадцать два я провел в ссылке, эти уважаемые люди продолжают относиться ко мне (как будто все это было только вчера) с ожесточением злобных врагов, обвиняя меня в том, что я помешал Джолитти осуществить якобы имевшееся у него намерение спасти страну от фашизма.

Где был Джолитти накануне отставки правительства Факта, к которой призывали и которой добились затем фашисты? Какую помощь оказал он королю в этот труд-

ный момент? Когда Факта предложил издать декрет о введении осадного положения, он запросил мое мнение, и я заверил его в лояльности и поддержке партии «пополяри» при условии, что он возьмет назад свою отставку. Но король, давший согласие на введение осадного положения во всем королевстве, после визита Диаса, Де Векки и других отказался подписать декрет, сказав Факта в утешение, что это не первый случай, когда он подобным образом отказывается поставить свою подпись; так, например, уже после того, как было опубликовано извещение о призыве в армию определенного возраста, он не захотел подписать декрет об этом призыве. Таким образом, конституционной монархии пришел конец; но Джолитти отсутствовал в этот момент, так как не смог осуществить свой план: ему помешал зондаж, проведенный 5 октября 1922 года его человеком, Коррадини,— частная и секретная беседа с неукротимым дон Стурцо».

Итак, Джолитти остался в Кавуре. «Когда я выразил Джолитти свое удивление по поводу того, что он не счел своим долгом прибыть в Рим осенью 1922 года и взять в свои руки власть,— писал позже Сфорца¹,— он ответил мне, что, вероятно, совершил ошибку, но Факта постоянно выдвигал возражения самого различного характера против его отъезда из Кавура. Однажды, когда он уже решил выехать из Кавура в Рим, Факта даже телеграфировал ему, что наводнение делает путешествие опасным². Дело в том, что Факта позволил фашистам заманить себя в ловушку конфиденциальными предложениями; они обольщали его надеждой на сохранение за ним поста премьер-министра в новом правительстве, в состав которого вошли бы Муссолини и другие фашисты».

Но эту иллюзию — идею формирования правительства с участием фашистов — разделял тогда сам Джолитти, который в эти дни вел энергичные переговоры через сенатора Лузиньоли, префекта Милана. «В эти дни,— рассказывает Солери³,— между г-ном Джолитти

¹ Carlo Storza, *Les bâtisseurs de l'Europe moderne*, p. 315.

² В данном случае речь идет, по-видимому, о периоде, последовавшем за беседой Солери с Джолитти,— вероятно, о 27—28 октября, то есть между отставкой кабинета Факта и «походом на Рим» (см. об этом далее).

³ M. Soleri, *op. cit.*, p. 149.

и Муссолини начались переговоры при посредничестве префекта Милана Лузиньоли и депутата Коррадини... Мне рассказывал потом г-н Джолитти, что Муссолини потребовал у него пять портфелей, собираясь предоставить их незначительным и отнюдь не лучшим лицам из своего окружения». И именно это обстоятельство, по крайней мере внешне, послужило причиной провала переговоров. Если 14 октября, после бесед Микеле Бьянки с Факта, поездки Бьянки в Милан и его встречи с Муссолини, газеты сообщали как о достоверном факте о том, что фашисты отказались от атаки на государство и от ультиматума относительно выборов, удовольствовавшись вхождением в состав правительства, которое осуществится в самое ближайшее время (правительство выйдет в отставку, как только король вернется из Бельгии),—по рукам ходил даже новый список министров под председательством Джолитти, который газеты поспешили напечатать,—то два дня спустя, 16 октября, положение снова стало совершенно неопределенным: никакого внепарламентского кризиса, Факта остается на своем посту, переговоры между Джолитти и Муссолини провалились.

Сообщение, которое Солери сделал Факта после беседы с Джолитти, было воспринято председателем совета министров как удобный повод для того, чтобы самому продолжать переговоры с фашистами. И 16 октября Факта отказался от поездки в Раккониджи, куда король только что вернулся из Бельгии, хотя служба печати Виминала уже сообщила об этой поездке, подтверждавшей слухи о близком правительственном кризисе¹.

Таким образом, 16 октября положение опять стало неопределенным, высказывались самые различные предположения. Комментарии печати были самыми разнообразными и зачастую были исполнены горечи. Повторяя мысль Джолитти, «Стампа» писала 12 октября в редакционной статье: «Опасность, которая нам угрожает,— это не коммунизм и не социализм, это — банкротство»; о фашизме умалчивалось. Более глубокое понимание действительности проявила «Секоло», которая в тот же день в корреспонденции из Рима об «иллюзиях консервативных кругов» писала: «Фашисты, у которых нет отныне

¹ См. «Corriere della Sera» del 17 ottobre.

других противников, избрали непосредственным объектом своего нападения правительство. Мы присутствуем, следовательно, при решающей фазе нынешней политической борьбы, ибо правительство не может теперь оставаться инертным и вынуждено будет занять какую-то определенную позицию». 16-го газета сторонников Нитти «Эпока» признавала, что фашисты уже являются хозяевами Италии, и далее писала: «В таком случае надо принять решение: или предоставить фашистам возможность разделить вместе с партиями, уже несущими бремя власти, ответственность за управление страной (на основе программы, уважающей закон и являющейся гарантией для всех), или же, если фашисты откажутся от сотрудничества и всерьез намерены создать свое государство, что привело бы к уничтожению либерально-демократического государства, отражать нападение всеми возможными средствами, дабы либерально-демократическое государство, спасенное от красной опасности (в чем несомненная заслуга принадлежит фашистам) и пользующееся в настоящее время симпатиями громадного большинства итальянцев, не было ниспровергнуто чернорубашечниками, не признающими никакого честно-го либерально-демократического сотрудничества».

Отражать нападение всеми возможными средствами — но откуда взять эти средства? Кто готов отражать нападение? Либерально-демократические круги все стремились к сотрудничеству с фашистами, а вовсе не к борьбе с ними. Даже социал-демократы отказались от всякого сопротивления; 10 октября, иронизируя над органами буржуазной печати, которые только теперь высказывали некоторое недовольство фашистами, ибо они перешли в своих беззакониях всякие границы, «Джуститица» тем не менее по существу разделяла их мнение, утверждая, что в данный момент не остается ничего другого, как открыть фашизму законный путь к власти, дабы фашисты испробовали, каково это — править. А 13 октября в корреспонденции из Рима, полемизируя с «Джорнале д'Италия», утверждавшей за день до этого, что в данный момент предпринимается попытка изолировать фашизм, оторвав от него «либералов, демократов, националистов, аграриев и т. п.» и расколов тем самым «национальный союз», с тем чтобы на втором этапе атаковать его как врага закона и государства, «Джустити-

циа» характеризовала подобное сообщение как плод «пылкого и больного воображения» и писала: «Социалисты не думают, что сейчас подходящий момент для такого рода попыток. Они уже потратили достаточно времени, чтобы заставить демократические партии понять угрожающую им опасность, и это принесло на съезде всем известные результаты».

В обстановке всеобщего капитулянтства, провала переговоров с джолиттианцами и существования слабого и парализованного внутренними распрями правительства фашисты готовили решающую атаку на либерально-демократическое государство. Обстановка обострилась, когда стало известно, что 17 октября на заседании совета министров был одобрен декрет-закон, провозглашавший день 4 ноября * национальным праздником и назначавший на этот день большую патриотическую манифестацию у алтаря отечества с участием Д'Аннунцио.

Д'Аннунцио воображал в эти месяцы, что, выступив в роли национального миротворца, он сможет стать в центре событий. Именно эта иллюзия вдохновляла его, когда он выступил 3 августа с балкона палаццо Марино в Милане, наивно сыграв на руку националистам и фашистам; в закулисной полемике, которая последовала за этим выступлением, он также потерпел поражение.

Возмущенный методами, к которым фашисты прибегли в этой полемике, Д'Аннунцио принял 6 августа в Гардоне делегацию бывших фронтовиков и фиумских легионеров, в том числе Альчесте Де Амбриса и Луиджи Камполонги. Он договорился с ними собрать возможно большее число бывших фронтовиков, с помощью которых он прогонит правительство, провозгласит диктатуру и назначит через три месяца всеобщие выборы с целью создания «парламента, являющегося прямым выразителем воли народа, без посредничества фашистской группы и партий»¹.

* 4 ноября 1918 года — день «победы» Италии над Австро-Венгрией в первой мировой войне.— *Прим. перев.*

¹ А. Г а с с а, *op. cit.*, p. 398 e 472—473, p. 72; автор ссылается на свидетельство Роберто Марвази и Роберто Камполонги. Показательно, что писал в «Мондо» 23 октября «верный последователь» Д'Аннунцио: «Д'Аннунцио хочет объединить всех итальянцев, а не разъединять их. Он не хочет быть избранным только одной стороной в качестве представителя исключительно этой стороны, он должен быть избран все-

Факта думал использовать в своих целях позицию Д'Аннунцио, его отношение к фашистам и его план, чтобы склонить Муссолини к переговорам об участии в правительстве. 13 октября, вернувшись из Гардоне, где он беседовал с Д'Аннунцио, Витторио Эмануэле Орландо выступил с восторженным заявлением о патриотизме поэта¹. 17 октября, как было сказано, правительство провозгласило новый национальный праздник.

Но Муссолини не сидел сложа руки².

Факта удалось привлечь на свою сторону Д'Аннунцио, сыграв отчасти на стремлении последнего подняться над борющимися группировками в качестве национального миротворца; кроме того, Факта оказал покровительство руководимой Джульетти ФИЛМ, которая, очутившись перед угрозой наступления со стороны фашистской Национальной корпорации работников морского транспорта и получив поддержку судовладельцев, попыталась найти заступничество у самого Муссолини (эту попытку разоблачил Микеле Бьянки в коммюнике

ми вместе как выразитель общих интересов и деятель, необходимый для спасения страны. Д'Аннунцио до такой степени ненавидит всех, кто защищает интересы только одной какой-либо стороны, что даже в бреду, после своего недавнего падения [падение из окна 13 августа, в результате которого переговоры с Нитти и Муссолини о встрече в целях умиротворения были прерваны. — П. А.], он нападал (как слышали его близкие) на кого-то, кто приписывал ему пристрастие к одной из сторон в связи с его последним политическим выступлением в Милане. Его книга, которая выйдет в ближайшем будущем, объяснит нам именно эту речь с балкона палаццо Марино, которая, как отмечает Д'Аннунцио, была обращена к жителям Милана, точно так же как его лозунг «За Италию итальянцев» будет обращен к итальянцам, родине человечеству. Наконец, Д'Аннунцио ненавидит насилие и превыше всего ставит труд. Его теперешняя самая возвышенная мечта — дать новый толчок организации рабочих, от которой зависит любое улучшение (экономического и морального порядка) в жизни общества, освободив эту сферу от какого бы то ни было политического влияния и от засилья узкоклассовых интересов».

¹ См. «Corriere della Sera» del 15 ottobre. Подробности плана сотрудничества между Факта и Д'Аннунцио излагает Луссу (E m i l i o L u s s u, Marcia su Roma e dintorni, Torino, Einaudi, 1945, p. 57).

² 23 октября 1938 года в беседе с Джорджо Пини (Giorgio Pini, Filo diretto con Palazzo Venezia, Bologna, Cappelli, 1950, p. 169) в Рокка делле Каминате Муссолини сказал: «Что касается церемоний, которую Факта предполагал организовать 4 ноября в Риме, пригласив участвовать в ней Д'Аннунцио, то она действительно могла привлечь на сторону правительства некоторые течения и скомпрометировать инициативу фашистов».

от 25 сентября) и, когда эта попытка провалилась, поставила себя под покровительство Д'Аннунцио. Факта приказал отпустить ФИЛМ средства из правительственных фондов как раз в октябре, когда с Д'Аннунцио вели переговоры об его участии в церемонии 4 ноября¹. Тогда Муссолини приказал прекратить наступление Национальной корпорации работников морского транспорта против ФИЛМ и, как уже было сказано, заключил 16 октября с Д'Аннунцио и капитаном Джульетти пакт об умиротворении и союзе. Речь шла о слишком крупной и важной игре, чтобы Муссолини уступил в этом случае фашистским «синдикалистам», требовавшим продолжения наступления до капитуляции конкурентов: речь шла ни более, ни менее, как о важной предпосылке прихода фашистов к власти. И результаты пакта не заставили себя долго ждать: была отменена мобилизация фиумских легионеров, объявленная 13 октября, а 25 октября Козельски, секретарь Д'Аннунцио, объявил, что поэт, «очень утомленный напряженной работой последних дней», не сможет отправиться в Рим на празднование 4 ноября².

Именно тогда, когда, опасаясь изменения политической обстановки и особенно возможности прихода к власти Джолитти³, фашисты решились предпринять «поход на Рим» и были разработаны некоторые его аспекты и организационные детали⁴, именно тогда Муссолини акти-

¹ См. A. T a s c a, op. cit., p. 406—407 e 477—480 e note 99 e 100

² «Il Secolo» del 26 ottobre; текст телеграммы, посланной за день до этого Д'Аннунцио своему секретарю, см. у E. F e r r a g i s, op. cit., p. 64. По мнению Солери (M. S o l e r i, op. cit., p. 150), Муссолини узнал о соглашении Д'Аннунцио — Факта только в дни Неаполитанской конференции (то есть тогда, когда Д'Аннунцио уже отказался участвовать в манифестации 4 ноября); подтверждением этому могла служить как дата заявления Козельски, так и коммюнике Национальной ассоциации инвалидов войны, которая только 21 октября объявила об участии Д'Аннунцио и Орландо в патриотической церемонии у алтаря отечества. Только 27 октября исполнительная комиссия Национальной ассоциации инвалидов войны официально сообщила из Гардоне, что «вследствие распространения слухов о политических маневрах, связанных с празднеством, которое намечено провести 4 ноября в Риме», Д'Аннунцио не примет в нем участия.

³ См. I. V a l b o, Diario 1922, p. 177—183.

⁴ 16 октября на фашистском совещании в Милане, приглашения на которое были разосланы Муссолини 12-го, было принято решение о создании триумvirата. Протокол заседания 16 октября был опубликован в «Пополо д'Италия» 23 октября 1938 года. Муссолини хвастался, что

визировал свои маневры, с тем чтобы подготовить возможность компромиссных решений путем соглашений с политическими деятелями старых правящих кругов. При этом Муссолини преследовал двоякую цель: с одной стороны, ослабить сопротивление либерального государства, его традиционных правящих групп, а с другой стороны, обеспечить себе отступление на случай провала прямого тотального штурма. И именно то, что он продолжал до последнего момента добиваться как одного, так и другого, следуя тактике, откровенно изложенной им на заседании центрального комитета фашистской партии 13 августа¹, и было его политическим шедевром, обеспечившим ему победу.

Наиболее крупная игра при проведении этого широкого маневра велась, разумеется, с Джолитти. Год спустя, 25 октября 1923 года, Микеле Бьянки заявил флорентийской газете «Национе» следующее: «Тем временем [пока организовывались сквадры.— П. А.] с доверенными людьми Джолитти велись дипломатические переговоры. Было много бесед в Милане с тогдашним префектом Лузиньоли и в Риме с депутатом Камилло Коррадини. Я прекрасно помню ту политическую и дипломатическую игру, которую я вел на одной римской вилле, за воротами Сан-Панкрацио, с г-ном Коррадини. Он предназначал для Бенито Муссолини (какая доброта!) пост

еще в начале месяца лично подготовил воззвание о «походе на Рим», обсуждавшееся на этом совещании, и сломил колебания других его участников (см. заявление Муссолини, сделанное им одному из редакторов «Секоло» в ночь с 28 на 29 октября в поезде, когда он направлялся в Рим, чтобы взять власть в свои руки. Это заявление было опубликовано этой миланской газетой 31 октября; Муссолини утверждал, что решение о восстании было принято им, а соответствующий план изучался им и Чезаре Росси, «и 24 октября в Неаполе во время непродолжительной конференции в отеле «Везувий» моя твердая воля, решительная и непреклонная воля одержала верх. Именно тогда было принято решение начать эту операцию». См. также G. P i n i, op. cit., p. 168 и Y v o n d e V e g n a s, op. cit., p. 173—174). П. Монелли (P. M o n e l l i, op. cit., p. 133 e 385, п. 22), основываясь на конфиденциальных сообщениях, полученных им и Микеле Кампана, отрицает, что инициатива решения исходила от Муссолини, и приписывает ее Бальбо. При теперешнем состоянии документации невозможно установить, кто из них говорил правду — Муссолини или Бальбо; каждый из них приписывал себе заслугу преодоления колебаний другого. По мнению Е. Феррариса (E. F e r r a r i s, op. cit., p. 10), «подлинным вдохновителем похода был Микеле Бьянки».

¹ См. «Popolo d'Italia» del 15 agosto; см. также по этому вопросу E. F e r r a r i s, op. cit., p. 57.

министра без портфеля! Я думал о «походе на Рим», подготавливаемом дуче, и сознательно затягивал переговоры, не давая им завершиться комбинацией такого рода». Внушительную картину контактов, которые Муссолини поддерживал накануне 28 октября с Нитти, Лузиньоли, с братьями Альбертини, с Миссироли и т. д., рисует Чезаре Росси в своей книге «Mussolini com'era» («Муссолини такой, каким он был») ¹. Многие другие подробности приведены в воспоминаниях Солери, Алессо, Кокко-Орту, Саландра, Ненни и Альбертини.

Переговоры между Джолитти и Муссолини, казалось прерванные 15 или 16 октября, были, однако, возобновлены и практически продолжались вплоть до самого «похода на Рим». Несмотря на категорическое опровержение, опубликованное 19 октября в «Пополо д'Италия» и противоречившее к тому же заявлению, которое Микеле Бьянки сделал 18 октября газете «Джорнале д'Италия» ², переговоры (шедшие, правда, с переменным успехом) продолжались вплоть до прихода Муссолини к власти. 19 октября «Коррьере делла сера» сообщала, что конкретные требования фашистов состояли в передаче им трех важных портфелей плюс возможность влиять на выбор министра иностранных дел. Джолитти хотел личного участия Муссолини, которому он предлагал пост министра без портфеля. Наибольшие трудности как будто вызывал вопрос о министерстве иностранных дел: Джолитти хотел назначения на этот пост такого человека, который не допустил бы распространения за границей превратных толкований в связи с настроениями, проявлявшимися до этого фашистами (явно враждебными по отношению к Англии и к Лиге наций) ³.

Переговоры, которые продолжал вести Джолитти, развивались в двух направлениях: с Факта обсуждался

¹ C. Rossi, *Mussolini com'era*, p. 120—121.

² В интервью этой римской вечерней газете секретарь фашистской партии заявил, что переговоры можно «считать потерпевшими неудачу» (следовательно, они велись!), так как Джолитти не расположен принять требование фашистов не считаться с парламентским большинством и сформировать кабинет меньшинства. По мнению же «Джуститца» (номер от 18 октября), переговоры потерпели неудачу, наоборот, из-за требования, выдвинутого Джолитти и не принятого фашистами: Джолитти требовал, чтобы с приходом к власти фашисты распустили вооруженные сквадры.

³ См. заявление Джолитти в «Стампа» от 1 ноября 1922 года.

вопрос об его отставке и приходе к власти Джолитти, а с Муссолини — вопрос о сотрудничестве. 22 октября Джолитти встретился в Турине с Коррадини, приехавшим из Рима, и с Лузиньоли, прибывшим из Милана¹, а на следующий день — с либералом-профашистом Джованни Борелли и министрами Бертоне и Росси². 23-го Коррадини и Лузиньоли отправились в Милан, чтобы сообщить Муссолини о результате разговора с Джолитти³.

Тем временем демократы старались побудить Факта уйти в отставку и очистить место для Джолитти. Из мемуаров Солери и Кокко-Орту можно вынести вполне определенное впечатление, что в отношениях между этими сторонами не было полной ясности и лояльности. Факта пытался затянуть дело, так как ему хотелось самому осуществить операцию, Джолитти же не хотел форсировать событий и избегал решительных шагов, которые могли бы привести к резкому изменению положения⁴. 23 октября у Кокко-Орту, спешно вернувшегося накануне из Кальяри, где его чествовали в связи с его восьмидесятилетием, состоялся разговор с Факта. Последний заявил, что, прежде чем уходить в отставку, он должен быть уверен, что сразу же после этого будет образовано новое правительство во главе с Джолитти. С этой целью он решил отправить в Кавур депутата Маттоли. Однако, когда этого последнего спросили, он заявил, что Факта прекрасно знает намерения Джолитти, но именно он сам (Факта) никак не может решиться отказаться от власти, Солери же, который как раз в этот момент вернулся из Кавура, подтвердил слова Маттоли. Явившись к Факта, Кокко-Орту, Солери и Маттоли договорились с ним следующим образом: Маттоли поедет

¹ См. «La Giustizia» del 23 ottobre.

² См. «Popolo d'Italia» del 24 ottobre.

³ См. воспоминания Кокко-Орту, на которые мы уже ссылались.

⁴ Используя отрывки из неизданных писем к Джолитти, Н. Валери хорошо показал в своей статье (N. V a l e r i, Il Presidente minimo, «Il Mondo» del 22 marzo 1955) макиавеллистский маневр Факта, в основе которого лежала надежда сформировать свое третье министерство с участием фашистов. Особенно важный момент, выясненный Валери, касается вызова Джолитти в Рим 28 октября. Автор приходит к заключению, что Факта, весьма вероятно, намеренно дал понять Джолитти (через посредство префекта Турина Оливьери), что разрыв коммуникаций делает поездку невозможной, и произвольно сослался с этой целью на Солери.

в Кавур и сообщит Джолитти, что 28 октября на заседании совета министров, воспользовавшись разногласиями между некоторыми министрами, и особенно между Амендола и Риччо, Факта организует отставку всего кабинета, но он пойдет на это только в том случае, если Джолитти не возражает против этого плана или не советует отложить его выполнение. В случае если Джолитти согласится на отставку кабинета и решится возглавить новый кабинет, Маттоли пошлет Кокко-Орту и Солери условную телеграмму: «Мои дела идут прекрасно». Маттоли уехал 26 октября, а 27-го Кокко-Орту получил условную телеграмму. Он отправился в Виминал, вызвал Факта из зала, в котором заседал совет министров, и показал ему телеграмму; оказалось, что председатель совета министров получил аналогичную телеграмму. (Но в это время дела уже приняли другой оборот, так как Саландра и его приверженцы лишили Джолитти возможности действовать беспрепятственно.)

Осуществлению плана Джолитти, который, судя по этому рассказу Кокко-Орту в его мемуарах, все-таки решил наконец вступить в игру, помешали как obstructionистское поведение Факта, так и выступление саландристов. Но 26—27 октября он не мог еще знать ни о том, ни о другом. Поэтому, как явствует из других источников, он продолжал добиваться соглашения с Муссолини с целью формирования кабинета, который должен был заменить кабинет Факта. 26-го Лузиньоли встретился в Гардоне с Д'Аннунцио, 27-го он возвратился к Джолитти в Кавур и, найдя его «готовым заключить соглашение», сообщил об этом по телефону Факта¹. 28 октября во Флоренцию прибыл проездом в Рим Коррадини; ему была поручена «миссия, могущая оказать большое влияние на политическую ситуацию»². Ефрем Феррарис, который располагал сведениями, полученными в результате подслушивания телефонных разговоров, и дневник которого представляет поэтому незаменимый источник, сообщает, что 27 октября, в три часа утра, в ходе телефонного разговора с Бьянки Муссолини сообщил секретарю своей партии следующее: Лузиньоли,

¹ См. E. F e r r a r i s, op. cit., p. 90. Должно быть, именно в этот момент Факта вставил Джолитти палки в колеса, дав ему понять, что поездка в Рим весьма трудное дело.

² «La Stampa» del 31 ottobre.

которого ожидают в Милане в девять часов, уже дал понять, что он может добиться согласия Джолитти на предоставление фашистам четырех важных портфелей (военно-морское министерство, министерства казначейства, сельского хозяйства и колоний) и четырех постов помощников министров, а также передачи военного министерства лицу, пользующемуся симпатией фашистов. Бьянки считал, что нужно отказаться, но Муссолини решил подождать, пока вернется Лузиньоли, прежде чем принимать какое-либо решение¹. 27 октября, в 10 час. 25 мин., после того как Лузиньоли сообщил ему результаты своей беседы с Джолитти, Муссолини позвонил в Рим Саландра, который пригласил его прибыть в столицу, но главарь фашистов отказался. В тот же вечер 27 октября Муссолини заявил Костанцо Чиано, снова отправляющемуся в Рим, что согласен принять участие в кабинете, возглавляемом одним из лидеров старых правящих групп, при условии предоставления фашистам пяти самых важных портфелей и роспуска палаты; замечено мимоходом, что на подобные условия никто, конечно, не мог согласиться².

Ведя эти переговоры, Джолитти воображал, что он еще может благодаря своей ловкости и опыту подчинить себе фашистов, а главное — очистить фашизм от всех его антилиберальных и антиконституционных тенденций, возложив на него ответственность за управление страной под своим личным руководством. При этом он сохранял, однако, внешнее достоинство, о чем свидетельствует его краткая речь, произнесенная 23 октября в Кунео при открытии заседаний муниципального совета³, председателем которого он являлся⁴. «В разгар борьбы, острой в одних местах Италии, мирной — в других, на

¹ E. Ferraris, op. cit., p. 87—90.

² См. A. Gasca, op. cit., p. 435.

³ Текст речи см. в книге Giovanni Giolitti, *Discorsi extraparlamentari*, a cura di Nino Valeri, Torino, Einaudi, 1952, p. 336—339.

⁴ Он сохранял этот пост до конца 1925 года, когда «двадцать три провинциальных советника Кунео, созданных 16 декабря 1925 года г-ном депутатом Джанферрари по приказу центральных властей, «торжественно подтвердили свою признательность и преданность фашистскому режиму» и заявили, что председателем совета может быть только фашист. В связи с этим Джолитти был вынужден подать в отставку (N. Valeri, *Lezioni di storia moderna*, p. 35—36).

политической арене Италии появляется новая партия.— сказал Джолитти в начале своей речи, имея в виду фашистов.— Она должна занять в политической жизни страны то место, на которое ей дает право число ее членов, но это место она должна получить законным путем — только так эта партия приобретет настоящий и прочный авторитет в конституционной сфере, только так она сможет осуществить основную часть своей программы, то есть вновь поднять авторитет государства во имя спасения, величия и процветания родины. Я глубоко убежден, что гражданский мир в Италии будет вскоре восстановлен именно законным путем»¹.

Речи Нитти, произнесенные им в Лаурии за несколько дней до этого, а точнее 19 октября, в соответствии с соглашением, которое Муссолини не преминул заключить и с ним², весьма отличались по тону от выступления Джолитти. Его речи были исполнены трусливой и путаной схоластики. Сравнивая речи Нитти в Лаурии с речью Джолитти в Кунео, «Джуститца» отмечала 24 октября, что последняя была более сдержанной. «Г-н Нитти,— писала газета,— напротив, выступил с апологией фашизма, предлагая даже пойти ради фашистов на немедленное проведение выборов — тема, о которой г-н Джолитти, проявивший большее понимание конституционной ортодоксальности, предпочел умолчать».

* * *

Чтобы нейтрализовать всякую возможность сопротивления со стороны либерального государства накануне тотального штурма, Муссолини решил использовать Саландра. К этому маневру Муссолини прибег сразу же

¹ Остальная часть речи была целиком посвящена тяжелому финансовому положению государства. Джолитти бил тревогу, считая поиски выхода из этого положения единственной серьезной проблемой в жизни страны. С этой речью Джолитти, выдержанной в умеренных тонах, перекликалась произнесенная за день до этого на другом конце Италии, в Катандзаро, речь Паскуалино Вассалло, министра в последнем кабинете Джолитти, служившего связующим звеном между Джолитти и Орландо. Она была выдержана в том же духе, но отличалась большей твердостью по отношению к фашистам, и в ней более настойчиво подчеркивалось значение демократии (см. «Il Secolo» del 24 ottobre).

² Текст речи Нитти см. в «Секоло» и в «Коррьере делла сера» от 20 октября. О соглашении с Муссолини, который его обманул, см. данную книгу, стр. 106—107

после того, как фашистская конференция в Неаполе приняла решение о «походе на Рим».

Первоначальные планы фашистов относительно слета в Неаполе сильно отличались от тех, которые были потом осуществлены. В интервью «Маттино», воспроизведенном 12 августа в «Пополо д'Италия», Муссолини заявил, что в Неаполе будет созван Национальный совет с участием 150 его членов; однако он не исключал возможности прибытия туда большого количества фашистов со всей Кампании. Но не более того. Одновременно в ознаменование дня 4 ноября должны были состояться и другие слеты «в главных центрах Северной и Центральной Италии и прежде всего в Риме — матери итальянских городов»¹. Но затем ход событий ускорился, когда было объявлено о манифестации, которую правительство собиралось организовать у алтаря отечества, и 24—25 октября, когда фашисты (уже не только из Кампании, но со всей Италии) собрались в Неаполе, Муссолини не стал скрывать своих намерений, явно носивших воинственный характер. Уже его утренняя речь в театре Сан-Карло² звучала угрожающе, а во второй половине дня, после шествия 40 тысяч чернорубашечников, Муссолини сказал, прощаясь с ними: «Я торжественно заявляю вам, что требование момента таково: или нам дадут власть, или мы возьмем ее, двинувшись на Рим. (Сквадристы закричали: «На Рим! На Рим!») Отныне речь идет о днях, а может быть, даже о часах: необходимо путем одновременных действий во всех концах Италии взять за горло жалкие правящие круги». Это не помешало Факта вечером 24 октября телеграфировать королю: «Фашистский слет проходит спокойно... До сих пор ни одного инцидента... Полагаю, что проект «похода на Рим» уже отпал. Все же необходима максимальная бдительность»³.

¹ См. «Il Secolo» del 21 ottobre.

² Муссолини потребовал портфели министра иностранных дел, военного и военно-морского министров, министра труда, министра общественных работ и комиссара по делам авиации. По случаю манифестации власти распустили школьников, как будто это был национальный праздник. На ней присутствовали многочисленные представители власти, в том числе префект. Присутствовал и Бенедетто Кроче, духовный отец южноитальянского либерализма.

³ См. «La Stampa» del 21 febbraio, 1948. [Курсив наш.— П. А.]

В 22 часа открылось решающее заседание в гостинице «Везувий»; присутствовали, кроме Муссолини, квадрумвиры Де Боно, Де Векки, Бальбо и Бьянки, а также Теруцци, Стараче и Бастианини. Поскольку мобилизационный план «похода на Рим» был уже разработан 16 октября на совещании в Милане и двумя днями позже — на совещании квадрумвиров в Бордигере¹, то теперь лишь окончательно уточнили детали мобилизации, назначенной на 27 октября, и атаки главных опорных пунктов (следовательно, и столицы), назначенной на 28-е².

Накануне слета в Неаполе Бальбо заявил: «Нынешние правящие круги находятся под нашим контролем. Их правление — временное». В Неаполе Муссолини обещал своим последователям «взять за горло господствующие ныне жалкие политические круги». Де Никола, председатель палаты депутатов, телеграфировал ему: «Хочу передать Вам и всем Вашим коллегам, собравшимся в Неаполе, мой сердечный привет»³.

Радикальные демократы тоже были склонны обольщаться иллюзиями, и утром 25 октября как «Мондо», так и «Секоло» говорили о «благоприятном впечатлении, которое производит умеренная по тону и выдержанная в основном в духе уважения к закону» речь Муссолини⁴. 25 октября около полуночи редакция «Мондо» в Неаполе была подожжена фашистами. Сквადристы с пистолетами в руках потребовали от подоспевших коро-

¹ О совещании в Бордигере см. I. B a l b o, *Diario* 1922, p. 183 sgg.

² Там же, стр. 196—198.

³ В своем ответе Муссолини благодарил его и уверял на своем своеобразном италянском языке, что «Неаполь был великолепен». См. «*Il Secolo*» del 25 ottobre.

⁴ С аналогичными комментариями выступила и «Стампа»: «Фашизм решил стоять на почве законности и сотрудничества с правительством». Это мнение, сложившееся на основании одной лишь утренней речи Муссолини, несколько изменилось на следующий день, когда стал известен текст его речи, произнесенной во второй половине дня перед чернорубашечниками. Однако туринская джолиттианская газета продолжала придерживаться позиции, которая, если принята во внимание, какой оборот приняли события и насколько они были серьезны, выглядела смехотворно. «Тот, кто находится в курсе событий, — писала, например, «Стампа» 26 октября, — прекрасно знает, что государство, если оно действительно окажется в опасности [а в каком же положении оно находилось до сих пор? — *П. А.*], безусловно, сумеет защитить себя и что сила фашизма состоит прежде всего в терпимости правительств, чтобы не сказать — в пособничестве некоторых местных властей».

левских гвардейцев не мешать их разрушительной работе, так как она должна быть выполнена, и она действительно была выполнена беспрепятственно¹.

К тому моменту, когда было принято решение атаковать государство и были выяснены организационные детали, Муссолини был уже в достаточной степени гарантирован от любых неожиданностей. Гарантией тому служила вся линия поведения, которой правящие круги придерживались до сих пор в отношении фашизма. И все же некоторые слабые тенденции к сопротивлению еще сохранились, либеральные и демократические лидеры были склонны скорее сыграть в отношении фашизма роль Иоанна Крестителя, чем позволить ему действовать самому. Враждебные коалиции могли образоваться в последний момент, а Муссолини хотел иметь в кармане страховой полис, который избавил бы его от всякого риска. Вот почему он вывел Нитти из игры, дав ему подножку, вот почему он пошел на соглашение с ФИЛМ, чтобы нейтрализовать Д'Аннунцио, вот почему до 28 октября он продолжал вести переговоры с Джолитти и с Факта, поддерживая, особенно у этого последнего, иллюзию, что ему удастся уладить конфликт и сформировать свой третий кабинет, включив в него фашистов. Вот почему он воспользовался именно Саландра и его сторонниками, чтобы взорвать изнутри само правительство Факта.

Саландра был лидером так называемого либерального течения, то есть того, что осталось от старой либеральной партии, выродившейся постепенно, по мере ее отхода от демократических групп, в чисто консервативное движение с сильной националистической и профашистской окраской. Теперь, когда демократы уже доказали свою трусость в деле сопротивления фашизму, либералы-саландристы пошли еще дальше. Они активно помогали фашизму, играя в парламенте роль его опекунов и оказывая ему самые мелкие услуги — такие, например, какие оказывал ему своей деятельностью министр Риччо. Но именно поэтому они могли в последний момент стать для тоталитарной программы фашизма более конкретной и явной опасностью, чем демократы. Именно либералы-саландристы могли при любом удобном случае

¹ См. «Il Secolo» del 26 ottobre.

выступить в роли инициаторов компромиссного разрешения в традиционном духе итальянских консерваторов и реакционеров. Все традиционные силы либерал-национализма и двора объединились вокруг Саландра (а тем самым и вокруг Орландо), и если Муссолини хотел взять власть целиком в свои руки, ни с кем не деля ее и не поступаясь ни в чем своей программой, то он должен был думать о нейтрализации Саландра еще больше, чем о нейтрализации Нитти и Джолитти¹. Двор, настроения которого нельзя, разумеется, считать последовательно антифашистскими, все-таки решительно предпочел бы правительство Саландра — Муссолини кабинету Муссолини. Отталкиваясь от двух туманных намеков Солери в его воспоминаниях², Антон Данте Кода в своем выступлении, посвященном памяти Солери (30 июня 1955 года в римском помещении «Фамийя пьемонтейза»), напомнил, что 7 октября 1922 года, открывая в Турине памятник павшим воинам 3-го Альпийского полка, военный министр получил через генерала Читтадини, адъютанта короля, приглашение на беседу с Виктором Эммануилом III, которая происходила в автомобиле по дороге в Раккониджи. В ходе этой беседы король сказал Солери, имея в виду фашистов: «Помните: я не хочу, чтобы эти люди появились в Риме. Примите все меры, чтобы избежать этой опасности». Солери рассказывает также³, что вечером 27 октября король вернулся с запозданием в Рим из Сан-Россоре и заявил на вокзале встречавшим его министрам: Рим следует защищать любой ценой. Обращаясь к Алессио, король сказал на пьемонтском наречии: «Я не стану заниматься формированием правительства, пока продолжаются насилия; брошу все и уеду с женой и сыном за город»⁴.

Вся миланская клика, сильная поддержкой тех промышленных и финансовых кругов, интересы которых она представляла, всячески старалась побудить Муссолини заключить соглашение с Саландра⁵.

¹ И действительно, Муссолини неоднократно заявлял, что он скорее предпочел бы войти в правительство Джолитти, чем в кабинет, возглавляемый Саландра (см. E. Ferraris, *op. cit.*, *passim*).

² M. Soleri, *op. cit.*, p. 142, 146—147.

³ Там же, стр. 150.

⁴ G. Alessio, *op. cit.*, p. 56.

⁵ См. A. Albertini, *op. cit.*, p. 176 sgg.

Националисты тоже зашевелились в эти последние дни октября, стремясь содействовать разрешению кризиса в «либеральном» духе. Накануне «похода на Рим» Луиджи Федерцони и дон Джелазо Каэтани посетили генерального директора «Банка коммерциале», чтобы узнать, окажет ли банк в случае необходимости финансовую помощь националистам против фашистов¹. Дон Стурцо вспоминает, что утром 29 октября, находясь в доме их общего друга и жалуясь ему (дон Стурцо) на Муссолини, который отказался сформировать министерство совместно с Саландра, Федерцони разразился рыданиями; и, как показалось дон Стурцо, в этот момент Федерцони был искренним².

Восстанавливая картину бурных и стремительно развивавшихся событий конца октября 1922 года, мы вновь сталкиваемся с двумя уже известными в истории итальянской политической жизни комбинациями, с двумя вариантами традиционной игры правящего класса Италии — с вариантом Джолитти и вариантом Саландра, противостоящими друг другу. Но оба они оказались несостоятельными перед лицом более динамичного и бесцеремонного маневренного искусства Муссолини; и мы увидим, как либералы-националисты будут пожирать плоды политики козней и подрыва либерального, парламентского, демократического и конституционного государства, настойчиво проводившейся по крайней мере с 1914 года (а то и раньше).

23 октября Саландра встретился в своем доме с Муссолини, находившимся в Риме проездом в Неаполь, где должен был состояться фашистский слет. В ходе этой беседы (о которой депутат Де Капитани договорился

¹ См. Giorgio Nelson Page, *L'americano di Roma*, Milano, Longanesi, p. 124. Генеральный директор «Банка коммерциале» был отцом автора.

² L. Sturzo, *Politica di questi anni. Consensi e critiche* (Dal settembre 1946 all'aprile 1948), p. 371. В статье, вошедшей в эту книгу и написанной в январе 1948 года, Стурцо, правда, относит этот разговор к 30 октября 1922 года. Эта ошибка была исправлена в статье, написанной в январе 1949 года (см. ее в «*Politica di questi anni. Consensi e critiche* (Dall'aprile 1948 al dicembre 1949)», Bologna, Zanichelli, 1955, p. 128), в которой также указывалось, что другом, в доме которого утром 29 октября 1922 года происходил разговор с Луиджи Федерцони, был Джузеппе Вичентини. Будущий президент Итальянской академии сказал тогда, что «страна идет навстречу неведомому будущему».

в Милане через посредничество Микеле Бьянки и Чезаре Росси) Муссолини изложил свою программу: заставить Факта уйти в отставку, потребовать в новом правительстве пять портфелей для фашистов, исключая министерство внутренних дел, остаться самому вне правительства и заняться демобилизацией сквадр. Саландра сообщил об итогах беседы Риччо, который в свою очередь уведомил об этом Факта¹.

Трудно сказать, насколько эти относительно умеренные требования, не имевшие, во всяком случае, ничего общего с насильственным захватом всей полноты власти, соответствовали действительным намерениям Муссолини в тот момент, то есть перед слетом в Неаполе, или их нужно отнести за счет маневра, имевшего целью усыпить и нейтрализовать другие политические силы. Если одни авторы утверждают, что решение форсировать события Муссолини принял только в Неаполе, когда узнал о правительственном плане использовать против него церемонию по случаю дня 4 ноября, то из других источников следует, как мы видели, что в переговорах с Джолитти Муссолини не соглашался как раз на демобилизацию сквадр (что же касается его личных планов, то он как будто колебался между намерением остаться вне нового правительства и намерением войти в него, заняв более важный пост, чем пост министра без портфеля).

Как бы то ни было, но беседа 23 октября между Саландра и Муссолини сыграла решающую роль в выступлении Саландра на заключительном этапе кризиса; это выступление имело своей целью провалить любую возможную комбинацию с участием Джолитти и заменить коалицию демократов и фашистов коалицией либерал-националистов и фашистов. Чтобы добиться этого, ему нужно было принять на себя функции посредника между фашистами и традиционными силами правящих кругов и вместе с тем ускорить падение кабинета Факта, дабы воспрепятствовать Джолитти или его представителю довести до конца переговоры и договориться с Муссолини о сотрудничестве. Но, поступая, подобным образом, Саландра не отдавал себе отчета в том, что он действует прежде всего и исключительно в интересах фашистов, которые гораздо сильнее, чем он, боялись авторитета и

¹ См. А. Саландра, *Memorie politiche*, p. 18—20.

искусства Джолитти. Саландра думал, что, используя фашистов, он снова захватит власть, фактически же именно фашисты использовали Саландра в целях захвата власти.

Выступление Саландра было искусно спровоцировано 26 октября Чиано и Де Векки, которые сообщили ему, что необходимо известить короля об ультиматуме фашистов: или отставка кабинета Факта, или «поход на Рим»¹. И в то время как Факта (информированный самим Саландра и Риччо в ходе разговора, в котором участвовали все трое²) продолжал придерживаться своего плана, медля с отправкой телеграммы королю (она пришла в Сан-Россоре только утром 27 октября, так что Виктор Эммануил смог бы приехать в Рим лишь вечером), Саландра заставил действовать внутри кабинета своего верного сподвижника Риччо.

Однако во второй половине дня 26-го на заседании совета министров Риччо удалось добиться лишь части желаемого: Факта согласился вызвать кризис, но потребовал тем не менее не отставки всего кабинета, а предоставления в его распоряжение портфелей министров. Эта формула позволяла председателю совета министров оттянуть время и продолжать добиваться соглашения с Муссолини, а Риччо — отложить на день новую попытку наступления³. Саландра, узнав в тот же вечер о решениях кабинета, в свою очередь сообщил о них Гранди и Де Векки (Чиано тем временем вернулся в Милан)⁴.

¹ A. S a l a n d r a, *Memorie politiche*, p. 18—20.

² См. «Corriere della Sera» del 27 ottobre.

³ О заседании совета министров во второй половине дня 26 октября см., кроме газет от 27-го и последующих дней, воспоминания Алессіо и Саландра. Согласно версии, которую приводит «Секоло» в номере от 27 октября (содержащем и другую версию, которую мы считаем более обоснованной), Риччо еще утром 26-го сообщил Факта через Федерцони о своей отставке. По существу обе версии эквивалентны: и в том и в другом случае правые взяли на себя инициативу развязывания кризиса. По данным Алессіо (G. A l e s s i o, *op. cit.*, p. 55—56), Факта добился того, что министры предоставили в его распоряжение свои портфели, несмотря на сопротивление некоторых более решительных членов кабинета (сам Алессіо, Бертини и Фульчи). Это сопротивление было, однако, ослаблено отсутствием Амендола и Таддеи, которые по неизвестным нам причинам не участвовали в этом заседании совета министров. Чтобы добиться согласия кабинета, Факта воспользовался следующим аргументом: он сообщил, что написал письмо Муссолини и ожидает от него ответа (которого, разумеется, так никогда и не получил).

⁴ A. S a l a n d r a, *loc. cit.*

На следующий день, 27 октября, в то время как Муссолини позвонил по телефону Саландра и потребовал от него взять на себя разрешение кризиса, а последний в ответ предложил ему приехать в Рим¹, в то время как те же Де Векки и Гранди вновь потребовали от Саландра немедленно принять решение, Риччо полностью добился своей цели, которой за день до этого он достиг лишь частично: во второй половине дня на заседании совета министров Факта решил, что уже нет никакой возможности договориться с Муссолини, и капитулировал, заявив, что сообщит королю, которого ожидали вечером из Сан-Россоре, об отставке всего кабинета. По-видимому, этому решению Факта, кроме давления правых, могла способствовать и телеграмма, которую Маттоли отправил Кокко-Орту, извещая, что Джолитти готов принять пост главы правительства (о ней уже говорилось). Эту новость Риччо сразу же сообщил Саландра, а Факта — Де Векки. Таким образом, кризис начался в условиях ничем не нарушаемого контакта между правительством, правыми и фашистским генеральным штабом. Великий интриган Лузиньоли остался на своем посту в Милане; он дошел затем до того, что игнорировал даже особые распоряжения министра Таддеи на случай чрезвычайных обстоятельств². Еще до этого в ответ на требование Нитти объяснить смысл его (Муссолини) переговоров с Саландра и Джолитти Муссолини сказал, что первый вообще не идет в расчет, а что касается второго, то он вел с ним переговоры только потому, что друг Джолитти, Лузиньоли, предоставил Муссолини «свободу действий в Милане» и нужно было поддерживать с ним (Джолитти) хорошие отношения»³.

Муссолини знал, с кем имел дело: он продолжал поддерживать сношения с Джолитти, Саландра и с Орландо одновременно. Для него речь шла лишь о том, чтобы выиграть время, пока не будет приведен в действие механизм вооруженного мятежа. Микеле Бьянки, менее осто-

¹ Об этом телефонном разговоре см. A. S a l a n d r a и A. A l b e r t i n i, loc. cit. Требование Муссолини входило, по-видимому, в программу укрощения Саландра; Муссолини добавил, что, если Саландра не захочет взять на себя инициативу разрешения кризиса, такое же предложение будет сделано Орландо.

² См. C. R o s s i, op. cit., p. 123—124.

³ См. A. T a s c a, op. cit., p. 413.

рожный, чем его шеф, еще вечером 26-го позволил себе некоторую откровенность в зале печати, заявив римским журналистам, что речь идет не о Саландра, не об Орландо и не о Джолитти, а только о кабинете Муссолини¹.

И в ночь с 27 на 28 октября, в момент, когда правым удалось вывести из игры правительство, вынудив его подать в отставку, военная машина пришла в движение. Этой ночью, около 11 часов, депутаты Россини и Бевионе уведомили военного министра, что, как им стало известно от Гранди, «поход на Рим» начался. Одновременно из провинций начали поступать в Виминал сообщения о первых выступлениях, которым власти оказывали слабое сопротивление или вообще не противодействовали, а часто прямо потворствовали и помогали фашистам². Солери послал за Факта и встретился с ним,

¹ См. «Il Secolo», del 27 ottobre и E. Ferraris, op. cit., p. 84.

² На следующий день, ожидая приема у председателя палаты депутатов Де Никола, Кокко-Орту встретил в Монтечиторно депутата Ачербо. В разговоре с ним последний сообщил, что колонна абруцских фашистов, которая должна идти на Рим и которая в данный момент сосредоточена в Тиволи, получила свое оружие от властей Абруцского военного округа (см. F. Sossu-Ortu, loc. cit.). Стоит напомнить, что произошло в Милане, то есть в том городе, где находилась штаб-квартира Муссолини и от судьбы которого, можно сказать, зависела судьба Италии. Здесь мы предоставим слово Лунджи Альбертини, который 30 октября набросал следующие заметки, воспроизведенные его братом Альберто в работе, на которую мы уже много раз ссылались (стр. 179 и сл.): «В достопамятную ночь с 27-го на 28-е число (с пятницы на субботу) фашисты начали свое наступление с целью государственного переворота или чего-то в этом роде. Префект Лузиньоли знал, что намечается на этот день. Артиллерия должна была отправиться из Лоди в Милан, и военные власти были об этом информированы. На деле же в Милане не произошло в тот момент ничего серьезного, но в других местах мятеж начался и за несколько часов приобрел серьезный размах, так как власти не обнаружили никакого желания прибегнуть к силе, дабы заставить уважать закон, и с каждой минутой все более сдавали свои позиции. Из Рима мне сообщили вчера по телефону, что Факта хотел сразу же арестовать всех фашистских вожаков, но этому, кажется, воспротивился король, так же как он воспротивился введению осадного положения, решение о котором было принято на совете министров и объявлено Агентством Стефани. Весть о первых выступлениях я получил после полуночи в ночь с 27-го на 28-е от Альберто, который разговаривал перед этим с Финци, явившимся в редакцию «Коррьере» вместе с Чезаре Росси, дабы уведомить ее, что они намерены взять власть в свои руки и заставить печать считаться со своей волей. Газеты будут разделены на три категории: сочувствующие, нейтральные и враждебно настроенные. Против последних будут применены самые свирепые меры. Что намерена делать «Коррьере»? Альберто ответил, что «Коррьере» будет

уже на исходе ночи, в военном министерстве. Между тремя и пятью часами к ним присоединились также министр внутренних дел Таддеи и командир Римской дивизии генерал Эмануэле Пульезе, и они вместе занялись изучением обстановки, в частности с военной точки зре-

следовать той линии, которой она придерживалась до сих пор. Финци спросил, не значит ли это, что Альберто не принимает его всерьез. Альберто возразил, что принимает его всерьез, но подтверждает то, что сказал. По окончании разговора Альберто связался со мной, и мы вместе поручили Янни написать энергичную передовую статью. Ранним утром (28 октября) мы узнали о глубоком раздражении фашистов в связи с нашими комментариями, которые вызвали энтузиазм всех подлинных либералов (и мы имели много случаев убедиться в этом), но в то же время распалили ярость фанатиков. После того как префекту сообщили по телефону приказ фашистского военного командования, запрещающий выход в свет завтрашних номеров «Аванти!», «Джустизиа» и нашей газеты (было, однако, разрешено дать вечерний выпуск), он предложил мне переговорить с Финци. У меня с ним произошло бурное объяснение. Он удивился, что мы ему не подчинились. Префект, занимавший утром в субботу довольно твердую позицию, вечером стал более склоняться к полной капитуляции. Если сначала он заявлял мне, что он не Кредаро и что он погибнет на своем посту, то вечером он сообщил, что не может воспротивиться захвату префектуры. К счастью, удалось избежать этого, переговорив с Муссолини, который после успеха первых фашистских ударов изменил свои намерения и не хотел больше и слышать о правительстве Саландра; председателем совета министров должен быть он сам. В Милане уже знали об этом, а в Риме еще нет, и Саландра собирался приступить к формированию правительства, в то время как Муссолини донимал префекта предупреждениями, что если король не поспешит и не призовет его в Рим, то события примут скверный оборот. Если же его призовут, то можно будет о бойтись и без нанесения смертельной раны конституции (как будто все происшедшее было пустяком), но если в Риме не готовы немедленно призвать Муссолини к власти, тогда бог знает, чем все это может кончиться. Передавая в Рим эти предложения, префект, возможно, сделал это недостаточно энергично. Что касается «Коррьере», то он пытался побудить Муссолини отменить запрещение выпуска нашей газеты. В 20 час. 45 мин. уссолени позвонил мне домой, чтобы узнать о моих намерениях. Я ответил ему откровенно, что меня удивляет его интерес к выпуску «Коррьере», после того как фашистское командование издало приказ о ее запрещении; что, во всяком случае, мы не возобновим издания, если нам не будет гарантирована самая полная свобода мнений и слова. Поскольку Муссолини настойчиво пытался выяснить нашу точку зрения, я заявил ему, что она состоит в следующем: его вместе с другими фашистскими вожаками нужно было арестовать, как только начался мятеж. В момент, когда я с ним разговариваю, его приход к власти, возможно, и кажется необходимым, но раньше это было не так. Во всяком случае, я не могу сказать ему, что мы будем писать, поскольку наше достоинство не позволяет нам иметь дело с безответственной властью. Когда он станет главой правительства, он может восстановить цензуру, нарушив закон, но выступая при этом как при-

ния¹. В пять часов утра² совет министров собрался в полном составе в Виминале³. Правительство приняло единодушное решение (как явствует из протокола заседания⁴) о введении осадного положения. «Во время дискуссии, продолжавшейся почти час,— пишет Солери,— председатель совета министров Факта пребывал в задумчивости и ничего не говорил. У меня создалось впечатление, что это решение ему, очевидно, мало приятно,

знанная и ответственная за свои действия власть. Но совсем другое дело для нас —подчиниться распоряжениям вождей еще не победившего мятежа. Разговор был весьма оживленным, я был тверд, Муссолини — сердечен. Он попросил меня также высказать свое мнение о кабинете, сформированном им на бумаге; я высказал мнение, которое было во многих и многих пунктах отрицательным, а Муссолини сказал, что даст нам ответ позже, после того как поговорит со своими друзьями. Этот ответ так и не был получен, и в 23 часа 30 мин. мы решили не выпускать газету, так как, выпусти мы ее без комментариев, она будет иметь жалкий вид, а выпусти мы ее с соответствующими комментариями, мы рискуем вызвать нападение на помещение нашей газеты, которое причинило бы серьезный ущерб машинам. У нас был более достойный выход — уступить насилию, доведя об этом до сведения общественности и объяснив наше смирение желанием не допустить пролития крови и отсутствием эффективной защиты со стороны властей».

¹ См. gen. E m a n u e l e P u g l i e s e, L'Esercito e la «marcia su Roma», «Il Ponte» gennaio 1951.

² По версии М. Солери, в три часа (M. S o l e r i, op. cit., p. 151). Впрочем, несколько ниже Солери противоречит сам себе, замечая (на основании протокола), что заседание окончилось в 6 часов и что дискуссия продолжалась около часа. Другие источники также сообщают, что заседание совета министров началось в 5 часов.

³ Точнее говоря, совет министров собрался не совсем в полном составе: . Солери (там же, стр. 155) рассказывает: «При всей чрезвычайности событий не обошлось без комического эпизода. В ту ночь, когда развевались эти события, не удалось найти министра Делло Сбарба, который ночевал в этот раз по романтическим причинам в одной из гостиниц. Таким образом, он ничего не знал о случившемся, но, проснувшись утром, обратил внимание на сильный шум, доносившийся с площади Монтечitorio. Выглянув в окно, он увидел необычное движение, а когда узнал, что произошло, то бросился в Виминал, где я ему прочел протокол заседания совета министров, на котором было принято решение о мерах сопротивления фашистскому перевороту, и он выразил желание подписать его. Несколько часов спустя, «поразмывшись» он вернулся ко мне (я, как самый младший, был секретарем совета министров и в качестве такового хранителем протокола) и умолял зачеркнуть его подпись, так как он не присутствовал на заседании. Я не согласился на его требование, ибо считал, что мужественному человеку не подобает метаться из стороны в сторону». E. Феррарис (E. F e r r a r i s, op. cit., p. 100) ограничивается замечанием: «Последним прибыл на заседание (которое уже началось) Делло Сбарба».

⁴ Протокол воспроизведен в книге M. S o l e r i, op. cit., p. 152,

но он не может ему воспротивиться и что он замышляет на свой страх и риск что-то другое». Как только наступило утро, председатель совета министров отправился к королю; чтобы получить его подпись под декретом, объявляющим осадное положение; впрочем последний уже был разослан провинциальным властям.

О чем говорили между собой в секретной беседе Виктор Эммануил и Факта, возможно, останется навсегда тайной. С заседания совета министров Факта послал министра Аниле к дон Стурцо, желая узнать, поддержит ли партия «пополяри» введение осадного положения, и получил от него утвердительный ответ¹; однако дон Стурцо поставил условие: правительство должно взять назад свою отставку и предстать перед страной сплоченным. Факта не был, следовательно, абсолютно пассивен, как это, казалось бы, явствует из воспоминаний Солери. И, кроме того, столь важное решение не могло быть принято без активного участия председателя совета министров. Трудно сказать, на что еще мог в этот момент надеяться Факта: непохоже, чтобы у него еще было много шансов вновь овладеть положением и вести переговоры с Муссолини. С другой стороны, из протокола ночного заседания совета министров явствует, что предложение о введении осадного положения было выдвинуто Таддеи, а не Факта, который ограничился изложением обстановки, создавшейся в результате фашистского восстания.

Другие же доказательства, которые приводит Солери в подтверждение отсутствия у председателя совета министров должной готовности к борьбе, если не хуже, действительно убедительны: особенно это касается, как мы увидим, его пассивного согласия отправиться к королю вторично (после того как этот последний отказался под-

¹ См. L. S t u r z o, Giustificazione preventiva per la seconda marcia su Roma. Эта статья была опубликована в «Popolo» от 25 января 1949 года и перепечатана в «Politica di questi anni. Consensi e critiche (Dall'aprile 1948 al dicembre 1949)», p. 128. В резолюции Национального совета партии «пополяри» от 21 октября (см. S. J a c i p i, op. cit., p. 307) весьма недвусмысленно говорилось о кризисе режима свободы и демократии, отрицалась возможность проведения выборов в обстановке насилия и принуждения, царящей в стране, и отвергалась, следовательно, как выдумка правящих олигархических кругов, версия об угрозе диктатуры пролетариата.

писать декрет) и отстаивать введение осадного положения.

Как бы то ни было, но факт, что ранним утром 28 октября король отказался подписать этот декрет¹.

Почему? Разве в разговорах с многими лицами, и последний раз за двенадцать часов до этого, когда он вернулся из Сан-Россоре, он не высказывался враждебно о фашистах?

Но если даже его повороту в этом направлении содействовал сам Факта, именно король принял решение предоставить отныне фашистам свободу действий: ибо, отказавшись подписать декрет, который уже начали претворять в жизнь, он не мог не понимать, что лишает себя последнего средства сопротивления фашизму и что с этого момента Муссолини может добиться выполнения любого своего желания, наплевая на всех Саландра, Орландо и Джолитти. Отказаться подписать декрет, замечает Кокко-Орту в своих воспоминаниях,— это «значило укрепить силы фашизма и подготовить его триумф».

«Действительно,— заявил позднее король²,— когда вечером в день моего приезда я разговаривал с председателем совета министров, а также и позже я разделял его опасения относительно политической ситуации, но затем, к сожалению, я убедился, что ситуация оказалась отнюдь не такой, как предполагали, и поэтому я счел невозможным дать ход решениям, принятым правительством».

В 14 часов 28 октября Кокко-Орту вызвали в Квиринал, где в результате беседы с двумя адъютантами короля он сразу же убедился в профашистских настроениях двора. В апартаментах короля он встретился с

¹ Любопытно, что в статье, на которую мы выше ссылались, Луиджи Стурцо впал в очевидную ошибку: «Все знают о двух визитах Факта к королю: во время первого король согласился на введение осадного положения, и министр выпустил воззвание, которое было расклеено на всех углах. Дело дошло даже до того, что на мостах в Риме были поставлены рогатки. Во время же второго визита король отказался подписать декрет об осадном положении, уже приготовленный Факта». Но король никогда не давал своего согласия и, следовательно, не подписывал декрета, который вводил осадное положение; иначе, впрочем, Факта и не нанес бы ему второго визита. Распоряжения относительно осадного положения были разосланы раньше, чем Факта отправился к королю и вернулся от него с отказом.

² Он заявил это депутату Джованни Бертини в первых числах ноября, см. «Politica parlamentare», maggio-giugno 1949, p. 49.

председателем палаты депутатов Де Никола, который, выйдя от короля, шепнул ему: «Король против», подтвердив тем самым его подозрения. Наконец, он был принят Виктором Эммануилом III. В ходе беседы король заявил ему, что он убежден в невозможности остановить теперь фашистское движение, и к тому же королевская власть не имеет больше необходимого влияния, чтобы сплотить вокруг себя все силы сопротивления фашизму. Коснувшись затем возможностей разрешения правительственного кризиса, король дал ясно понять, что не намерен дожидаться прибытия Джолитти (которое Факта постарался задержать), а также поручать формирование кабинета национального спасения председателям обеих палат парламента. Он «поручит формирование правительства Саландра совместно с фашистами».

Вскоре после этого из разговора с Де Никола Кокко-Орту узнал, что король ухватился за слова Де Никола о необходимости быстрого разрешения кризиса и с большим пылом заявил: «Это и есть моя мысль»; на что Де Никола возразил, что выдвигаемая всеми кандидатура — это г-н Джолитти. Тогда король ответил, что Джолитти прибудет в Рим только на следующий день, но Де Никола возразил, что необходимость «быстрого» разрешения кризиса не означает невозможности немного подождать. «К этому замечанию король отнесся холодно», — заметил Де Никола. Кроме того, король сказал председателю палаты, что именно Диас отсоветовал ему подписывать декрет об осадном положении, хотя известно, что утром и перед тем, как отказаться подписать декрет, король не виделся с этим генералом. Другое утверждение короля, согласно которому Факта выражал сомнение в возможности защиты Рима, было опровергнуто этим последним. Как заявил Факта, он, наоборот, передал королю мнение генерала Пульезе, командира Римской дивизии, выразившего уверенность в возможности помешать вступлению фашистов в столицу. Однако в этом последнем вопросе слова Факта вызывают все же сомнения, учитывая существующие подозрения относительно неискренности всех действий, предпринимавшихся в эти дни и часы председателем ушедшего в отставку совета министров.

Как бы то ни было, но из интересных разоблачений Кокко-Орту явствует, что король лично предпринял ша-

ги, не останавливаясь даже перед мелкой ложью, чтобы закончить кризис сформированием крайне правого, полуфашистского, если не открыто фашистского, правительства¹. И кажется странным, что после отказа от декрета о введении осадного положения король, Кокко-Орту, Де Никола, Саландра, Орландо и другие могли продолжать с академическим спокойствием строить гипотезы о том, кто будет преемником Факта и главой нового правительства, хотя отныне можно было говорить лишь об одном имени — о Муссолини.

К моменту, когда было принято это решение, в Риме уже было сосредоточено много войсковых частей и был изучен при участии генерала Пульезе план защиты города. Даже националисты, вспоминает Солери, потребовали, чтобы им предоставили возможность участвовать в обороне Рима, они устанавливали проволочные заграждения перед Квириналом, намереваясь укрепиться в нем. Многие бывшие фронтовики явились в военное министерство и предоставили себя в его распоряжение, а представители инвалидов войны — такие, как Делькруа, Хост-Вентури (Host-Venturi), Романо, — просили о чести командовать армейскими частями, которые должны были отражать нападение фашистов². Командир Римской дивизии уточняет, что в столице было 28 тысяч солдат, а не 8 тысяч, как сообщили королю, в то время как у фашистов было не 100 тысяч, а 26 тысяч, блокированных в результате прекращения движения по железным дорогам в Чивита-Веккии, Орте, Авеццано, Сеньи и т. д.³

Когда Факта вернулся в здание совета министров и сообщил, что король отказался подписать декрет, вводивший осадное положение, «у меня сразу же сложилось впечатление (чему способствовало также смущение Факта), — вспоминает Солери⁴, — что это он сам обнаружил колебания относительно целесообразности этой

¹ Свидетельства о «холодном и обдуманном» решении Виктора Эммануила III «унизить» парламент, «чтобы облегчить фашистской партии завоевание власти», см. в «Politica parlamentare», ottobre-novembre 1951 («I rifiuti e le decisioni di Vittorio Emanuele III nelle fatali giornate dell'ottobre 1922»), где приведены выдержки из дневника Кокко-Орту и писем Параторе, Полластрелли и Бергоне.

² М. Солери, *op. cit.*, p. 150—151.

³ Е. Пульезе, *loc. cit.*

⁴ М. Солери, *op. cit.*, p. 152—153.

меры и убедил короля отказаться от ее санкционирования; в противном случае король обязательно подписал бы декрет, ибо он соответствовал настроениям, высказанным королем незадолго до этого. Помимо стремления избежать кровавого вооруженного конфликта, г-н Факта сохранял также надежду на компромиссное разрешение кризиса, намереваясь перестроить свой кабинет, включив в него фашистов». Но поскольку министры настаивали, Факта согласился вновь отправиться к королю, согласился без возражений, «которые,— прибавляет Солери,— он наверняка высказал бы, если бы король отказывался подписать этот декрет раньше, до того как Факта убедил его отказаться от подписи». Но когда Факта во второй раз приехал к королю, последний отрез отказался пересмотреть свое решение, так как за это время заинтересованные лица уговорили его не оказывать сопротивления фашистам¹. Декрет о введении осадного положения был окончательно отменен, о чем было сообщено местным властям. Итак, около 10 часов утра 28 октября² дорога фашизму была открыта.

¹ М. Солери (M. Soleri, op. cit., p. 154) упоминает генерала Читтадини, Костанцо Чiano и адмирала Таон ди Ревель; генерал Э. Пульезе (gen. E. Pugliese, loc. cit.) — генералов Диаса и Пекори Джиральди.

² М. Солери (M. Soleri, op. cit., p. 154) считает, что генерал Читтадини прибыл в Виминал после второго разговора между Факта и королем — в 6 часов утра. Это очевидная ошибка, ибо, если бы это было так, второй разговор должен был происходить еще до окончания заседания совета министров, которое закончилось как раз в 6 часов, тогда как между окончанием дискуссии и прибытием генерала Читтадини в Виминал произошло много важных событий: первый разговор между королем и председателем совета министров, возвращение Факта в Виминал, его отчет своим коллегам, принятие ими решения о возвращении их председателя к королю, второй разговор с королем, новое возвращение Факта в Виминал и отмена декрета об осадном положении. Да и А. Таска (A. Tassa, op. cit., p. 434) относит завершение этих драматических событий к 10 часам утра. Агентство Стефани получило указание объявить об отмене декрета в 11 час. 30 мин., в газеты же сообщение поступило в 12 час. 15 мин. Ошибка Солери объясняется тем, что, как сообщает Е. Феррарис (E. Ferraris, op. cit., p. 99—100), имел место другой визит генерала Читтадини к Факта — ранним утром в начале заседания совета министров: Читтадини хотел узнать от Факта последние новости, чтобы сообщить их королю. Е. Феррарис использует и это обстоятельство, чтобы защитить Факта, которого обвиняли в неконституционных действиях, ибо он приказал разослать декрет об осадном положении раньше, чем получил согласие короля; Феррарис утверждает, будто генерал Читтадини дал на это согласие от имени короля.

Хотя путь фашизму был уже открыт, двор, националисты и либералы воображали, что настало время, когда кризис будет разрешен сформированием правительства Саландра.

Большую активность проявили в этот момент националисты, для которых подобное разрешение кризиса было бы идеальным. Утром 28 октября, когда Факта находился у короля по поводу подписания декрета о введении осадного положения, Луиджи Федерцони вместе с Роберто Форджесом Давандзати отправился в Виминал, чтобы восстановить контакт между правительством и фашистским движением. Он испросил у Таддеи разрешения позвонить в Перуджу, место пребывания квадрумвиров, и добился того, что Де Векки отправился в Рим, а затем в Милан для переговоров с Муссолини. Последний, однако, отказался покинуть свою цитадель, где благосклонная дружба префекта Лузиньоли служила ему надежной защитой. Федерцони так стремился добиться соглашения между Муссолини и Саландра, что, как рассказывали потом Солери, который не присутствовал при этой сцене, потребовал от Факта арестовать квадрумвиров в Перудже¹.

Что касается Муссолини, то он в течение всего утра 28 октября находился в нерешительности: если даже он узнал об отмене декрета об осадном положении за несколько минут до того, как это сообщение было передано для опубликования, то все-таки оно было передано Агентству Стефани только в 11 час. 30 мин., а газетам — в 12 час. 15 мин. Следовательно, в течение всего утра над ним еще висела угроза осуществления этого декрета. Этим и объясняется, что он принял крайнее решение лишь после полудня, в то время как утром он еще колебался, раздираемый противоречивыми желаниями: с одной стороны, он опасался начать решительную борьбу против существующих властей, а с другой стороны, прислушивался к увещаниям своих наиболее смелых

¹ Эти и приведенные ниже сведения о событиях 28 октября взяты из следующих источников: «Corriere della Sera» del 30 ottobre; E. Ferrara, op. cit., p. 103 sgg; Cesare Rossi, Mussolini com'era, p. 127—128; M. Soleri, Memorie, p. 154—155; A. Tascia, op. cit., p. 434 sgg. и соответствующие примечания; Alfredo Rosso, Scritti e discorsi politici, Milano, Giuffrè, 1938, vol. II, p. 745; Giovanni Marinelli, Le ultime ore del vecchio regime, «Gerarchia» ottobre 1927.

сподвижников, которые, находясь в Милане, побуждали его идти вперед до конца¹.

Вскоре после полудня 28 октября король проконсультировался с Саландра, который предложил сформировать правительство с участием Муссолини, поручив это дело, если возможно, Орlando. А вскоре после 18 часов Саландра принял официальное поручение сформировать правительство. Сразу же после этого он встретился с Де Векки, Чиано и Гранди, чтобы узнать об условиях Муссолини.

Тем временем последний освободился от кошмара осадного положения и мог теперь диктовать любые условия. Когда он получил телеграмму генерала Читтадини, в которой его приглашали прибыть в Рим (телеграмму, переданную ему префектом Лузиньоли по поручению Федерцони), а затем новое приглашение адъютанта короля, подкрепленное телеграммой Де Векки (наиболее близкого из всех фашистских главарей к националистам и к королю), Муссолини ответил, что он не намерен входить в состав кабинета, возглавляемого другим лицом, и прибудет в Рим лишь в том случае, если ему официально поручат сформировать новое правительство.

Хотя Факта уже получил телеграмму группы миланских либералов и деятелей Конфиндустрии (он сообщил ее содержание Саландра, отправившись к нему на квартиру), из которой явствовало, что они пожертвовали Саландра ради Муссолини, лидеры националистов и те фашистские вожаки, которые поддерживали наиболее тесный политический контакт с националистами, возражали, что создание правительства Саландра — Муссолини еще возможно. Но прежде чем рассматривать их последние попытки, следует остановиться на демарше ломбардской промышленной группы, который представляет собой одно из самых типичных

¹ М. Солери (M. Soleri, op. cit., p. 155) тоже упоминает о том, что утром 28-го Муссолини едва не согласился на компромиссное разрешение кризиса путем формирования правительства совместно с Саландра и Орlando и сделал бы это, если бы Альдо Финци и Чезаре Форни буквально не вырвали у него трубку, когда он говорил с Римом. А. Саландра вспоминал в своих «Политических мемуарах» (A. Salandra, Memorie politiche, p. 22), что этим утром вернувшийся из Милана Костанцо Чиано сказал ему, что Муссолини готов на разрешение кризиса путем образования правительства Саландра или Орlando.

для всего кризиса выступлений и раскрывает один из важнейших его аспектов: реакционную солидарность крупных капиталистов и интуитивное понимание ими истинного социально-политического значения надвигающейся фашистской «революции». Не приходится сомневаться в том, что данный шаг действительно был сделан, а также в том, какое влияние он оказал, хотя при описании его деталей в источниках имеется некоторое расхождение. Саландра говорит о телефонограмме, которую миланские сенаторы Альбертини, Конти и Креспи, депутаты Де Капитани и Бенни и другие лица направили после полудня 28 октября через Лузиньоли председателю ушедшего в отставку совета министров, прося его уведомить Саландра о следующем: Муссолини уже отказался от каких бы то ни было комбинаций и требует, чтобы сформирование правительства было поручено ему¹. Что касается других источников, то Таска отмечает два одновременных и параллельных демарша: демарш депутатов А. Стефано Бенни и Джино Оливетти, руководителей Конфиндустрии, которые вместе с руководителями Конфиды и Банковской ассоциации телеграфировали 28 октября Саландра, утверждая, что обстановка не оставляет места для создания иного правительства, кроме правительства Муссолини, а также аналогичный демарш сенатора Луиджи Альбертини и сенатора Этторе Конти, магната электроэнергетической промышленности. К ним можно еще присоединить демарш, который предприняли перед Муссолини в Милане представители Конфиндустрии во главе с Бенни и Альберто Пирелли, добываясь от него заверений, что он действительно намерен возглавить правительство. Наконец, в за-

¹ А. Саландра (A. S a l a n d r a, op. cit., p. 25) обратил внимание на смущение, с которым Факта сообщил ему о телеграмме миланской группы: он не прочел ему текста, а лишь вкратце изложил ее содержание, и у Саландра сложилось впечатление, что авторы телеграммы требовали, кроме того, чтобы Саландра отошел в сторону и очистил место для Муссолини. Кроме того, добавляет Саландра, авторы телефонограммы были настолько воодушевлены своим замыслом, что, не получив разрешения и не спросив его, присоединили к своим подписям и имя депутата Де Капитани, которого они справедливо считали наиболее близким другом Саландра в Милане. Но Де Капитани, выехавший в Рим на следующий день, с возмущением заявил Саландра, что он не ставил своей подписи, и потребовал от г-на Бенни подтверждения; последний «признал, что имело место злоупотребление, совершенное с благами намерениями».

метках, опубликованных его братом, Луиджи Альбертини указывает, что на следующий день он сделал «от имени нескольких миланских парламентариев» сообщение министерству королевского двора, дабы уведомить короля, что Муссолини не двинется с места, пока не получит официального поручения сформировать правительство. Но так как к этому времени Саландра уже отказался от поручения и Альбертини знал об этом, то этот последний демарш, имевший место 29 октября, лишается значительной доли своего политического значения. Сравнивая эти сообщения, можно, как мне кажется, прийти к выводу, что Альбертини и другие миланские парламентарии предпринимали свои шаги дважды: первый раз — после полудня 28-го, используя средства связи, которыми располагала префектура, и второй раз — на следующий день, когда они связались по телефону с министерством королевского двора. В общем и целом капиталистические, промышленные и финансовые круги Севера приложили все свои усилия к тому, чтобы при выборе варианта разрешения кризиса остановились на кабинете Муссолини, а все остальные, в том числе даже вариант Саландра — Муссолини, были забракованы. Этому факту необходимо уделить самое пристальное внимание, ибо без этого нельзя понять дальнейшего развития истории Италии.

Между тем правые круги традиционного толка, наоборот, упорствовали, отстаивая идею создания кабинета Саландра. В Турине его кандидатуру поддерживал сенатор Фрассати, владелец и главный редактор «Стампа», который придерживался иной линии, но в тот момент видел в выдвижении старого политического деятеля из Апулии возможность предотвратить установление тоталитарного фашистского правления. В Риме его кандидатуру отстаивал Бергамини, главный редактор влиятельной газеты «Джорнале д'Италия» (редакцию которой римские фашисты сделали своей штаб-квартирой); в последние месяцы эта газета развернула очень последовательную кампанию в этом направлении. Вся вторая половина дня и добрая часть ночи 28-го прошла в переговорах между Де Векки, Чиано и Гранди (Саландра обратился к ним, чтобы узнать условия фашистов на случай формирования правительства с участием Муссолини) и находившимся в Милане Муссолини.

В 19 часов Де Векки разговаривал с Муссолини по телефону и начал уже обсуждать с ним распределение портфелей, когда разговор вдруг оборвался, так как Муссолини стал крайне неуступчив — возможно, под влиянием кого-либо из своих советников¹. Затем состоялось совещание, в котором приняли участие Де Векки, Чиано, Маринелли, Гранди, Польверелли и Постильоне; они составили меморандум, в котором предлагали создать правительство Саландра — Муссолини, и затем, в час ночи, зачитали его Муссолини; но Муссолини ответил сухим отказом.

Таким образом, Де Векки, Чиано и Гранди ничего не оставалось другого, как сообщить в 9 часов утра 29-го Саландра «в вежливом и сердечном тоне» (что отмечает апулийский деятель) о решительном отказе Муссолини; и час спустя Саландра вынужден был отправиться в Квиринал, чтобы сложить свои полномочия и посоветовать королю вызвать Муссолини и поручить ему формирование правительства. Де Векки позвонил по телефону Муссолини и предложил ему от имени короля приехать в Рим, но глава фашистов ответил, что приедет, лишь получив официальное назначение. И он его получил: в Милан пришла телеграмма от генерала Читтадини. Вечером Муссолини выехал в Рим в спальном вагоне². 30-го утром он явился к королю, облачившись без всякой к тому нужды в серо-зеленые брюки, краги и черную рубашку; он попросил Виктора Эммануила III извинить его за необычное одеяние, но «он только что вернулся с поля боя» («к счастью бескровного», — прибавил он),

¹ Согласно свидетельству Джорджо Шифф-Джорджини, на которое ссылается Гаэтано Сальвемини (см. A. T a s s a, op. cit., p. 499, p. 211), в этот момент вмешался Альдо Финци, который вырвал трубку из рук Муссолини, помешав ему согласиться на создание правительства Саландра.

² В своих заметках, опубликованных его братом, Луиджи Альбертини так объясняет тот факт, что Муссолини не выехал специальным поездом: «Он позвонил префекту, чтобы ему приготовили на 15 часов специальный поезд (паровоз и один вагон), чтобы прибыть в Рим с быстротой молнии. В праздничный день нелегко составить такой поезд, но это сделали. Позднее Альфьери сказал мне, что Муссолини отклонил предложение префекта отправиться в Рим специальным поездом и предпочел ехать обычным. Однако истина состоит в следующем: Муссолини выпустил приложение к своей газете, возвестив в нем о своем триумфе и дав понять, что выедет в Рим вечером и желает, чтобы его сопровождала свита. Вот действительная причина отказа от специального поезда».

принеся к его ногам «Италию Витторио-Венето». Так Муссолини принял поручение сформировать новое правительство.

Так совершился «поход на Рим», которого в действительности никогда не было и которым номинально руководили из отеля Бруфани расположившиеся там квадрумвиры. Префект мог бы легко арестовать их, но вместо этого в ночь с 27 на 28 октября он уступил власть фашистам. Не только гражданские, но и военные власти повсюду слагали свои полномочия в пользу фашистов; в те же немногие часы, когда, казалось, существовало осадное положение, они, за редчайшими исключениями, воздерживались от каких бы то ни было действий, не мешая фашистам захватывать общественные здания и не стараясь выгнать их оттуда. Утром 29 октября в результате фашистского ультиматума в Милане не вышли ни «Коррьере делла сера», ни «Аванти!», ни «Джуститиа». Эта последняя выпустила только листок, в котором мы читаем: «Вчера было выпущено, а затем разослано следующее коммюнике, подтверждение о котором получили также и мы: «Фашистское военное командование города Милана. Ввиду позиции, занятой миланскими газетами «Коррьере делла сера», «Аванти!» и «Джуститиа», их дальнейшее издание с этого момента запрещается. Всякая попытка нарушить этот приказ будет безжалостно подавлена. Командование». Дальше шли горькие комментарии.

Согласно сообщению Агентства Вольта, накануне «похода на Рим» Конфиндустрия уведомила, что депутат Оливетти перенес свою резиденцию председателя Конфиндустрии в Милан, дабы поддерживать постоянный контакт с Муссолини; в то же время он предложил римскому отделению Конфиндустрии оказать на короля давление в профашистском духе. 31 октября Конфиндустрия опубликовала воззвание, в котором выражала свой восторг по поводу образования «правительства реконструкции» и обещала пойти на максимальные жертвы, чтобы поддержать его¹. Плутократические круги и

¹ См. «Critica politica», novembre 1923. Относительно всего вопроса в целом см. E r n e s t o R o s s i, I padroni del varone.

их прямые представители получили в новом правительстве портфели министра промышленности и торговли (Теофило Росси), министра сельского хозяйства (Джузеппе де Капитани) и министра общественных работ (Габриелло Корнацца). Министром труда стал пополяри Стефано Каваццони, который должен был изменить своей партии и был исключен из нее в 1923 году в связи с парламентскими дебатами по поводу избирательного закона Ачербо¹. 7 ноября орган ВКТ «Батталье синдакали» опубликовал статью, раскрывающую точку зрения реформистов на происшедший государственный переворот: «Рабочие организации остались в стороне от двух борющихся группировок. Их вмешательство в пользу одной из сторон поставило бы под угрозу независимость рабочего движения и в то же время помешало бы процессу нормализации обстановки, которая становилась все более невыносимой... Только коммунисты с их безудержным фанфаронством могли думать об участии пролетарских сил в конфликте, который не имел к ним ни малейшего отношения». Социал-демократы никогда еще не опускались так низко.

¹ Против участия пополяри в правительстве Муссолини открыто возражал Луиджи Стурцо; см. S. J a c i n i, op. cit., p. 148 sgg. О Каваццони см. «Stefano Cavazzoni», Milano, 1955 — сборник документов и отзывов о нем, носящий апологетический характер; был издан его сыном Леоне.

ВИТТОРИО ЭМАНУЭЛЕ ОРЛАНДО

В Пантеоне либеральных политических деятелей Италии Орландо занимает место, не так легко поддающееся определению. Такие люди, как Соннино, Саландра, Альбертини, явно принадлежат к консервативному либерализму; Джолитти, бесспорно, крупнейший представитель демократического прогрессивного либерализма; Нитти же с его радикализмом представляет собой ярко очерченную фигуру. Но Орландо... Он начал свою карьеру в рядах джолиттианцев, затем вошел в кабинет Соннино — Саландра, который заключил Лондонский договор, и в противовес нейтрализму Джолитти был сторонником вступления Италии в первую мировую войну. И именно в годы войны началась его блестящая карьера и пришел политический успех: сначала он был министром внутренних дел, а затем председателем совета министров. Таким образом, этому джолиттианцу пришлось вершить судьбы войны, сотрудничая вплоть до заключения мира с типичнейшим представителем консервативного либерализма, с самим лидером этого течения — Соннино.

Мало того. Этот либерал, который с такой стойкостью противился в дальнейшем фашизму, несет наибольшую ответственность, какую можно поставить в вину либералам, — ответственность за триумф фашизма: он не только стал одним из авторитетнейших его пособников (этой судьбы не удалось избежать ни одному буржуазному политическому течению, ни одному из лидеров либерализма, как консервативного, так и демократического), но являлся даже вице-председателем комиссии, которой было поручено рассмотреть и изучить

проект реформы Ачербо, и способствовал своим престижем конституционалиста ее принятию.

Поэтому нелегко определить ту роль, которую играл Орландо в итальянском либерализме и вообще в истории современной Италии. Гораздо больше последовательности и прямолинейности у таких политиков, как Соннино и Альбертини, или у такого, как Джолитти. И хотя Джолитти, что бы о нем ни говорили, менее всего доктринер (его даже обвиняют в обратном), надо сказать, что по существу либерализм Джолитти был куда более органичным, глубоко осознанным и законченным, чем либерализм Орландо, хотя по видимости дело обстояло иначе. Это объясняется отчасти тем, что Джолитти не написал ни одного труда, в то время как Орландо, знаменитый юрист, мог претендовать на то, что его либерализм научно обоснован, чего не хватало Джолитти. И все же либерализм Орландо отличается основательным эмпиризмом, который легко обнаружить даже в его теоретических работах. Этим эмпиризмом объясняется его умение приспосабливаться к обстоятельствам: ибо, начав с нейтрализма Джолитти, он смог подняться к вершинам государственной власти, став сторонником войны до победного конца; этим эмпиризмом объясняются и многие другие его кажущиеся противоречия.

Известно, что Орландо принадлежал к тому поколению людей, которые родились тогда, когда отцы их завершали борьбу за итальянское Рисорджименто, то есть борьбу за объединение страны, проходившую в особых условиях, которые принято называть эпохой Рисорджименто. Орландо родился в Палермо 19 мая 1860 года, спустя несколько дней после высадки Гарибальди в Марсале и за несколько дней до его вступления в Палермо. Рассказывают, что, когда его отец сообщил о рождении ребенка чиновнику, регистрировавшему акты гражданского состояния и остававшемуся еще слугой Бурбонов, тот подпрыгнул на стуле, услышав имя Витторио Эмануэле, которое тогда носило явно антидинастический и революционный характер. К счастью, спустя несколько дней Гарибальди вступил в Палермо и бедному чиновнику пришлось волей-неволей отказаться от своей политической подозрительности бюрократа, вызванной именем новорожденного.

Как уже сказано, Орландо родился в семье, принадлежавшей к тому сословию юристов Сицилии, которое в XVIII веке боролось за сохранение на острове феодальных привилегий. Сын скромного адвоката, Витторио Эмануэле Орландо очень рано пристрастился к юридическим наукам и особенно к той науке о конституционном праве, которая с успехом развивалась под влиянием либерального и светского мировоззрения. Это было продолжением дела отцов (завершением которого явилось Рисорджименто), но уже на иной почве, и это новое дело было все еще проникнуто духом Рисорджименто. Среди юношеских работ Орландо мы находим такие, темой которых является история Сицилии, события и люди самого Рисорджименто, как, например, Микеле Амари, которому он посвятил монографию. Но это было характерно не только для юношеских работ Орландо: выступая много лет спустя, 24 мая 1918 года, по поводу третьей годовщины вступления Италии в войну, он, между прочим, сказал: «Когда эта война была объявлена, казалось, что она является как бы продолжением войн Рисорджименто. Народ думал, что он все еще сражается за свое единство, за свою независимость, за своих братьев по языку, по крови и по духу, все еще страдающих от невыносимого ига, которое давит и душит самые высокие порывы благороднейших наций,— сражается за более справедливые границы, которые обеспечат ему существование и избавят его от вековой угрозы, таящейся за окружающими нас морями и горами».

Умирая, Кавур сказал: «Гарибальди хотел занять Рим и Венецию; я тоже. Пожалуй, ни один человек так не торопился сделать это, как мы. Что же касается Австрии и Тироля, то тут уж другое дело. Это предстоит сделать другому поколению». А 30 октября 1860 года он писал Лоренцо Валерио, комиссару в Анконе: «Весьма полезно поддерживать хорошие и деятельные отношения с Триестом, который, насколько мне известно, стал менее верноподданным и более итальянским. Это не значит, однако, что я собираюсь аннексировать этот город в ближайшее время, но если мы хотим, чтобы наши сыновья могли собрать урожай, нужно сеять сейчас». Итак, в этом ирредентизме была своего рода преемственность. инвестирура Рисорджименто, и Орландо это так и воспринял.

Правда, его недюжинный ум позволил ему впоследствии признать, что итальянцы включились в войну большого масштаба, в европейскую войну, где дух подлинного Рисорджименто мог проявиться лишь в неудержимом стремлении освободить угнетенные нации, но в этой борьбе противоречивых империалистических интересов он испарился. И это явилось, как мы потом увидим, горьким разочарованием для Орландо на Парижском конгрессе.

Однако вернемся к молодым годам Орландо, к его первым успехам и первым работам. В 20 лет, не получив еще диплома, он принял участие в конкурсе, организованном Ломбардским институтом науки и литературы. Он представил на конкурс свою работу по вопросу реформы избирательного права (об этой реформе много говорили в 1880—1881 годах, пока наконец она не была одобрена в 1882 году) и оказался победителем.

Эта первая его научная работа представляет значительный интерес. Некоторое время спустя именно благодаря ей он получил диплом, а затем даже приват-доцентуру и таким образом добился кафедры конституционного права в Палермском университете. В этой работе он строго придерживается концепции историзма. Однако этот историзм не привел Орландо на реакционные позиции, как это часто случалось (примером тому служит Сильвио Спавента, который оказался противником реформы). В этой работе есть блестящие страницы, где Орландо оспаривает все мрачные пророчества либералов и консерваторов (знаменательно, что он связывает в один узел как тех, так и других) относительно вероятных результатов избирательной реформы. Консерваторы утверждали, будто расширение избирательного права приведет к тому, что массы сделаются добычей так называемых крайних партий, то есть социалистов и клерикалов; кроме того, она будет способствовать торговле голосами и росту коррупции. Орландо на это возражал: собственно, почему? «В силу каких соображений можно априори считать вредным законное проникновение новых идей и новых принципов, если они имеют базу в народе? По-моему, не существует иной причины, кроме одной — наличия у политических деятелей определенной тенденции считать всех инакомыслящих неправыми и, следовательно, заслуживающими устранения». Итак, мы видим, что здесь

Орландо руководствуется прежде всего здравым смыслом, а не доктриной; его либерализм всегда сохранял свой эмпирический характер, в котором многое было подчинено именно здравому смыслу.

Уже в этой работе о реформе избирательного права бросается в глаза ее ярко выраженный либерализм, который, несмотря на свой несколько умеренный и эклектический характер, мог все же привести к радикализму. Правда, он никогда не стал бы подлинным радикализмом, а тем более не пошел бы дальше. Орландо благосклонно относился к расширению избирательного права, но не считал право голоса естественным правом; он положительно относился к расширению избирательного права, но не для женщин, считая, что время для этого еще не настало, и отвергал, во всяком случае теоретически, доктрину всеобщего избирательного права. Выступив против мажоритарного принципа, за который ратовали тогда консерваторы, он решительно защищает право меньшинства на представительство. Об этом невольно вспоминаешь, когда сталкиваешься с участием Орландо в комиссии по изучению закона Ачербо.

Выступая почти сорок лет спустя в палате (26 апреля 1918 года) по поводу предоставления избирательного права участникам войны, Орландо вспомнил о своей юношеской работе в следующих выражениях:

«Об избирательной реформе я написал книгу, которая мне лично очень дорога, ибо с ней связана так или иначе моя университетская карьера. Это моя первая печатная работа, и ей я обязан своим первым участием в конкурсе на соискание университетской кафедры, в котором я оказался победителем. Тогда я был очень молод (книга была опубликована в 1882 году). С тех пор прошло уже тридцать шесть лет; но в этой книге вы можете найти мою точку зрения на все вопросы, которые могут сегодня возникнуть при дискуссии, ибо работа эта но сила строго научный характер».

Тревис прервал его: «Опаснейшая книга». В ответ Орландо заявил: «Да, книга опасная. Но с тех пор прошло уже столько времени и произошло столько событий, что я мог бы спокойно заявить, что изменил свои взгляды, и это не слишком шокировало бы моих слушателей».

Но факт остается фактом: если в 1918 году (по прошествии 40 лет) Орландо не изменил своих взглядов

на избирательную проблему, то пять лет спустя он уже вел себя совсем по-иному.

Вернемся еще раз к молодому Орландо, к его первым шагам в научной и преподавательской деятельности. Вскоре его бесспорно выдающийся, живой и искрометный ум, обладающий исключительной способностью все усваивать, обеспечил ему блистательный успех. Между 1885 и 1890 годами он опубликовал две основные свои работы: о принципах административного права и о принципах права конституционного; в то же время, оказавшись победителем конкурса, организованного университетом, он получил кафедру в Модене, откуда переехал сначала в Мессину, затем в Палермо и, наконец, в 1901 году в Рим.

Работа Орландо в области конституционного права была с точки зрения итальянского публичного права одной из самых передовых работ, созданных когда-либо буржуазией. Его радикализм, отличавшийся, правда, умеренным и эклектическим характером (ибо Орландо усиленно пользовался работами немецких конституционалистов) и нашедший выражение в работе об избирательной реформе, вновь проявился в его новом труде — «Принципы конституционного права», вышедшем в 1888 году. Можно, пожалуй, сказать, что конституционная теория Орландо служила юридическим обоснованием политики Джолитти, которая как раз в эти годы исподволь подготавливалась, чтобы получить затем широкое развитие.

В основе юридических построений Орландо лежит убеждение, что лишь народ, и никто другой, является носителем власти в государстве, если оно действительно хочет быть конституционным.

Носителем права, говорил он, является народ, хранитель национального суверенитета. Когда народ избирает парламент, он вовсе не отказывается от своей верховной власти, от своего права. Глава государства в данном случае осуществляет функцию, гарантирующую сохранение верховной власти в руках народа, даже если она осуществляется через парламент. В свою очередь, в интересах народа парламент должен быть судьей деятельности и решений правительства. Палаты представителей, пишет В. Э. Орландо, — это органы, которые осуществляют не только общественные функции: «они при-

званы также выражать народные чаяния и, следовательно, должны выявлять тот произвол, который наносит ущерб народной свободе». Но этим не исчерпываются либеральные и прогрессивные концепции сицилийского государственного деятеля. Он не исключает, что палаты могут обмануть надежды народа, и в предвидении этой возможности выдвигает новый тип права — «право на сопротивление», которое в своем крайнем выражении может привести даже к революции.

Каковы же причины, порождающие революции? Отвечая на этот вопрос, Орландо утверждает, что политические формы каждого государства всегда должны соответствовать юридическому сознанию и социальным потребностям народа. Итак, есть *форма* и *содержание*: эти два термина должны находиться в строгом соответствии. Но одного наличия такого соответствия недостаточно: необходимо, чтобы оно постоянно соблюдалось. Если этого нет, если правительство тешит себя иллюзиями, что можно избежать необходимости проведения реформ мирным путем, тогда происходит революция, которая есть не что иное, по словам Орландо, как «один из путей проявления и торжества силы юридических представлений, которые постепенно образуются в сознании народа». Продолжая свои научные рассуждения, Орландо приходит к следующему выводу: необходимо (это его собственные слова), чтобы народное сознание, являющееся показателем эволюции юридических представлений, постоянно оказывало влияние на законодательные органы, что помешало бы осуществлению тех предпосылок, которые содействуют возникновению революций.

Однако, согласно концепции Орландо, не всегда необходимо прибегать к революции, чтобы заставить власти уважать право, которое они собираются поправить. Орландо в этом случае настаивает на так называемых моральных средствах, то есть на политических мерах воздействия. Допустим, правительство хочет провести закон, противоречащий сознанию народа. Вот тут-то и возникает сопротивление, то есть осуществление всех прав, предоставляемых политическими свободами, и особенно свободой дискуссий, печати, собраний, объединений и протеста, которые народ может противопоставить в пределах конституции всякому произволу, насилию и принуждению. Таким образом, закон, понимаемый в самом

высоком значении этого слова, всегда на стороне народа, который, чтобы заставить уважать этот закон, вправе прибегнуть даже к восстанию.

Закон, подлинный закон всегда на стороне народа, и долг народа — заставить его уважать. Впрочем, парламентское большинство, которое состояло из приверженцев Дзанарделли и Джолитти и было призвано управлять судьбами Италии в знаменитое предвоенное десятилетие (в общем с большой пользой для страны), возникло именно во время борьбы 1898—1900 годов, когда левые либералы примкнули к крайней левой, состоявшей из республиканцев, социалистов и радикалов, в целях самого упорного и воинственного обструкционизма, который когда-либо знал итальянский парламент.

Эта теория права на сопротивление и на восстановление, перенесенная в условия конституционализма XIX—XX веков, напоминает и развивает теории XVIII века о праве на сопротивление против тех государей, которые нарушают соглашение, молчаливо заключенное со своими подданными.

Может показаться странным, что именно Орlando, у которого наука была столь тесно связана с жизнью и в котором было столь мало чисто профессорского в худшем смысле этого слова, считался, и притом справедливо, основателем в Италии юридической школы публичного права, следовательно, той школы, согласно которой публичное право должно быть правом, придерживающимся исключительно собственных, то есть юридических, методов и совершенно свободным от политического и философского влияния, оказываемого на наших ревнителей публичного права французской доктриной. Но если теоретически Орlando боролся за чистоту и автономию науки о публичном праве, то все же он был бесконечно далек от тех, кто, считая себя его учениками, понимали право лишь как позитивную норму и замыкались в узком юридическом формализме, в так называемом догматизме, игнорируя жизнь и требование реальной действительности. Для Орlando право не было только юридической нормой, оно было также, и прежде всего, отражением определенного порядка, имманентного обществу, соответствующего интересам и конкретным моральным, культурным и экономическим потребностям данного общества; впрочем, это вполне явствует

уже из того, что нам известно о теории Витторио Эмануэле Орландо о праве народа на защиту конституционного закона от злоупотреблений государственной власти.

Все те, кому довелось слушать Орландо с кафедры, когда он был доцентом университета, помнят его исключительную способность захватывать аудиторию своей доходчивой, плавной и образной речью; впрочем не надо забывать, что он обладал даром талантливого политического оратора. Один из его учеников, Карло Скарфольо, писал в связи с его смертью: «Почти пятьдесят лет тому назад Витторио Эмануэле Орландо преподавал нам конституционное право в небольшом университете в Риме, где он был одним из самых усердных профессоров,— вещь довольно редкая, ибо в то время в университете все кафедры были заняты людьми, которые занимались одновременно активной партийной и политической деятельностью, впрочем, они были тоже настоящими учеными. Его уважали, но не боялись; курс его лекций был предельно ясен, улыбка—мягкой и ободряющей, а сдавать ему экзамены отнюдь не было пыткой. Уже тогда он был видным ученым и политическим деятелем, известным как у себя на родине, так и за рубежом. Во время своего длительного пребывания в министерстве юстиции он был одним из тех двух или трех подлинных «хранителей печати», какие когда-либо существовали в Италии. Более того, он был, пожалуй, единственным «хранителем печати».

Тем временем началась политическая карьера Орландо, к которой он стремился в силу своего бурного темперамента и страсти к общественной деятельности. В 1897 году он был избран депутатом от сицилийского избирательного округа Партинико, близ Палермо, где его продолжали переизбирать вплоть до 1925 года. В палате депутатов он не замедлил примкнуть к сторонникам Дзанарделли и Джолитти. Орландо появился на политической арене как раз в самый напряженный период в истории нашего парламента, и в своей парламентской деятельности он мог выступать тогда наряду с Дзанарделли и Джолитти, наряду с социалистами, радикалами и республиканцами, имея возможность на практике проверить ту идею о сопротивлении, которую он теоретически разработал в своих книгах. И если чи-

сто реакционная попытка Пеллу потерпела тогда неудачу, то исключительно благодаря обструкционизму, который в свою очередь опирался на моральную поддержку нации, ибо большинство палаты представляло меньшинство страны и наоборот. Именно из этой обратной расстановки сил в стране парламентское меньшинство черпало силу и необходимую поддержку в своей борьбе в парламенте.

В 1903 году, когда Джолитти образовал правительство, положившее начало десятилетию, названному джолиттианским, Орlando вошел в него в качестве министра народного просвещения. В самом начале его правительственной карьеры произошел эпизод, о котором не мешает здесь вспомнить, ибо он очень характерен для этого человека, которому я совершенно не склонен петь хвалебные гимны, а просто хочу критически обрисовать его личность. Предшественником Орlando в министерстве просвещения был Нунцио Нази, который после расследования допущенных им административных злоупотреблений был отдан под суд. Сначала его судил обыкновенный суд, а затем он предстал перед лицом Сената, заседавшего совместно с Верховным судом. В это время Орlando было поручено провести административное расследование дела своего земляка, то есть Нази. Спустя четыре года, когда дело перешло из области административной в ведение судебных органов, Орlando, ставшему в это время уже министром юстиции, вновь пришлось заняться им. Что касается этого дела, которое, как известно, было в основном искусственно раздуто сторонниками Джолитти и направлено против одного из самых ярких политических противников Джолитти — Нунцио Нази, то последний оставил нам в своих мемуарах строки, не очень лестно характеризующие Орlando:

«Орlando был министром, руководившим механизмом просвещения в кабинете Джолитти. Ему выпало на долю стать вершителем правосудия, когда Сенат вынес свое решение... Орlando заверял меня, что он не только мой земляк и преемник, но и признательный друг. Когда я представил ему служителей Минервы [чиновники министерства просвещения], он заявил, что ему трудно определить, чего больше в его чувствах ко мне — дружбы или восхищения, и что он боится проиграть в глазах

сотрудников при сравнении, которое им предстоит сделать между им и мной. Однако очень скоро его поведение стало казаться всем двусмысленным, отнюдь не дружжелюбным, а порой даже враждебным по отношению ко мне. Он делал вид, что страдает, взволнован, и до самого конца продолжал разыгрывать эту гнусную комедию. Он не видел от меня ничего, кроме любезности и расположения. Я всем прощу, умирая, только не ему».

И в самом деле, умирая, Нази оставил запечатанный конверт с надписью: «Материалы о депутате В. Э. Орландо»; эти материалы остались неизвестны, ибо само завещание запрещало их обнародовать. Как бы там ни было, но подобное отношение Орландо к Нази создало ему много врагов в Сицилии. Впрочем, как вполне справедливо замечено, нерасположение сицилийцев — это судьба всех тех, кто, подобно ему, являлся определенным типом борца за сицилийский партикуляризм, столь остроумно названный Грамши двуликим сицилийским партикуляризмом: «одна сторона его, обращенная к континенту, прикрыта семью завесами унитаризма, другая, обращенная к Сицилии, куда более откровенна».

Однако эпизод с Нунцио Нази очень типичен и показательен для политических методов Орландо, неслишком корректного в отношении других общественных деятелей. В дальнейшем, как мы увидим, он поступит аналогичным образом с Джолитти и с Кадорна.

Из министерства просвещения, где ему удалось добиться пенсии для Кардуччи незадолго до его кончины, Орландо после смерти Никколо Галло в марте 1907 года перешел в министерство юстиции, став министром в кабинете Джолитти, образованном в 1906 году, после двухгодичного правления Фортиса и Соннино. То были времена грандиозных политических, полицейских и судебных скандалов, времена, когда весьма дельный политический обозреватель Франческо Папафава остроумно озаглавил одну из своих статей в «Джорнале дельи экономисти» «Политическая каморра»*. И в самом деле, во время избирательной кампании Джолитти, не колеб-

* Каморра — общество уголовных элементов, существовавшее в Неаполе в XVI—XIX веках и занимавшееся различными убийствами, бандитизмом. Пользовалось негласной поддержкой правительства, использовавшего его в своих реакционных целях. — *Прим. ред.*

лясь, приказал своим молодчикам, имеющим то или иное отношение к префектуре, перейти от политического чажима в преддверии выборов к самому беззастенчивому союзу с местными каморрами и даже к открытому насилию. Некоторые из наиболее скандальных эпизодов стали достоянием печати и парламентской трибуны как раз спустя несколько дней после прихода Орlando в министерство юстиции, но ловкий маневр Джолитти помешал открытому обсуждению этого щекотливого вопроса. На заседании 23 мая 1907 года социалисты сделали запрос относительно весьма подозрительной личности — депутата Джузеппе Романо, возглавлявшего каморру в Аверса. Разгоряченный обстановкой Орlando, бывший уже министром юстиции, встал было со своего места на правительственной скамье, чтобы ответить, но Джолитти дернул его за фалду сюртука, а председатель Маркора поспешил закрыть заседание; больше этого щекотливый вопрос не поднимали.

Да, пожалуй, это вопрос щекотливый и с исторической точки зрения, ибо до сих пор идут споры относительно избирательных махинаций Джолитти — не были ли они продиктованы, хотя бы до некоторой степени, необходимостью и не выполняли ли они позитивной функции. Я упоминаю об этой проблеме, не имея никакого желания обсуждать ее, а тем более решать в том или ином смысле. Как бы то ни было, но в своем отчете об этом скандальном заседании палаты Папафава так закончил свою «хронику»: «Похоже, что депутат Орlando, министр юстиции, собирается что-то предпринять. Пока же все чиновники апелляционного суда и трибунала Катандзаро предстанут перед Кассационным судом с целью наложения дисциплинарного взыскания. Сумеет ли Орlando с помощью одной только доброй воли одержать победу над отвратительной средой, в которую он попал, войдя в кабинет Джолитти?»

Ничего не скажешь, Орlando вел себя безупречно на этом посту, а его поведение в деле Нази, который предстал в конце 1907 — начале 1908 года перед совместным судилищем Сената и Верховного суда, хотя и рисует нам характерную черту Орlando — дружба на словах и совсем обратное на деле, — все же свидетельствует о том, что министр совершенно не мешал (чего многие опасались) ходу правосудия, пусть даже для порядков того

времени оно и было исключительно суровым и строгим. Нази, которого, по существу, обвинили в разбазаривании министерских средств на избирательную пропаганду среди учителей в интересах умеренной партии, заявил, что так всегда поступали все министры просвещения, — аргумент юридически малосостоятельный, но зато весьма показательный в политическом отношении.

Действительно, если Орландо и противился тогда какой-то «мафии», какой-то каморре, то ни для кого не было секретом, что в Сицилии ни один депутат не мог добиться успеха без поддержки мафии; и, уж конечно, он не избежал общей участи, оставаясь в течение нескольких десятилетий во главе политической жизни округа Партинико. Методы, при помощи которых он был избран депутатом от Партинико, ничем не отличались от тех, что господствовали повсеместно тридцать лет тому назад. У Орландо была своя клиентела, свои «преданные друзья», которые, отдавая ему свои голоса, получали взамен доходы с церковных земель, почетные кресты, разрешения на ношение оружия, рекомендации и т. д. Таким образом вокруг него образовался кружок из самых «видных» людей Партинико. Однако это не значит, что Орландо не пользовался известной популярностью среди местных жителей, с восторгом внимавших его пламенным речам; о его популярности свидетельствуют грандиозные манифестации, которые ему устраивали, когда он приезжал в округ; все жители, по праздничному разодетые, высыпали ему навстречу. Но о популярности этого политического деятеля еще лучше, пожалуй, можно судить по одному выражению, которое вошло в обиход народа; отвечая тому, кто хочет его обмануть или убедить в том, в чем он сомневается, житель Партинико обязательно возразит: «Да что вы, это, конечно, не лозунги Орландо!» Это весьма знаменательно, ибо показывает, что во время избирательных кампаний любая попытка заставить население отдать свои голоса за кандидата, не рекомендованного их депутатом Орландо, была бы напрасной.

С политической точки зрения небезынтересно вспомнить и о позиции Орландо в отношении церкви, когда он был на посту министра юстиции и культа. Когда в конце 1909 года пал кабинет Джолитти и Орландо, естественно, должен был оставить свой пост, то он

был первым итальянским министром, получившим, пусть даже в неофициальной форме, специальное благословение папы (Пия X). Какую же политику проводил Орландо в отношении Ватикана? Как он сам рассказывает в одной из глав своей книги «Мои отношения в качестве члена правительства с Ватиканом» («*Miei rapporti di governo con la Santa Sede*»), он прежде всего отказался от услуг «римских адвокатов» и прибег к посредничеству некоего молодого прелата, своего земляка, к которому благоволил папа. Таким образом с папой были установлены как бы непосредственные дипломатические отношения. И в эти годы многие вопросы были мирно разрешены на основе прямых соглашений между церковью и государством.

В связи с этим стоит снова подчеркнуть эмпирический характер либерализма Орландо и вообще всей его политики. Если прочесть книгу, которую мы сейчас упоминали, то, пожалуй, можно подумать, что это желание жить в мире с папским престолом объяснялось исключительно личными соображениями министра, его личными умозаключениями, не имеющими никакого отношения к общей ситуации. Однако мы знаем, что дело обстояло совсем иначе. Орландо проводил лишь ту политику, которую вполне ясно наметил Джолитти, искавший и добивавшийся после всеобщей забастовки 1904 года более тесного контакта с католиками, стремясь таким образом уравновесить свою политику заигрывания с социалистами-реформистами. Следовательно, отношения Орландо с папой были лишь одним из аспектов, способом осуществления очень четко выраженной политической линии, хотя, возможно, сам Орландо и не отдавал себе в этом полного отчета.

Впрочем, читая эту книгу, мы вновь убеждаемся в малой органичности либерализма Орландо: говоря о папе Пие X и о суровых репрессиях, которым тот подверг течение модернистов*, Орландо не скупится на

* Модернизм — течение в католическом богословии конца XIX—начала XX века, представители которого пытались «согласовать» католическое вероучение с современностью и наукой. Модернисты критиковали отдельные стороны учения церкви, отвергали веру в чудеса, отрицали божественный характер библии и незыблемость церковных догматов. Папство считало модернизм большой опасностью для церкви и вело с ним непримиримую борьбу.— *Прим. ред.*

похвалы. Он считает это вполне оправданным историческим явлением, даже если оно и не нравится «интеллигентам», «которые,— пишет Орlando,— должны все-таки убедиться, что к действиям папы нельзя подходить с критерием того рационализма, который на протяжении веков неизменно приводил к ереси». Эта неприязнь к рационализму, идущему от энциклопедистов, ярко проявилась уже в первой теоретической работе Витторио Эмануэле Орlando по поводу избирательной реформы и навсегда осталась характерной особенностью его мировоззрения; но это лишало либерализм его исторических корней.

После падения кабинета Джолитти в 1909 году мы на несколько лет теряем Орlando из виду. А затем он появляется на политической арене, но уже совсем в ином обличье. В ноябре 1914 года он вновь возглавляет министерство юстиции, но на этот раз он ориентируется уже не на Джолитти, а на Соннино. Во главе этого кабинета стоял Саландра, а пост министра иностранных дел занимал Соннино, лидер консервативного крыла; именно этот кабинет будет вести переговоры с Антантой, заключит злополучный Лондонский договор и объявит войну Австрии. Об этой перемене, происшедшей с Орlando, я уже упоминал. Однако, если верить свидетельствам некоторых лиц (например, Скарфольо), Орlando все еще был сторонником нейтрализма Джолитти. Разумеется, не в такой степени, чтобы выйти из состава кабинета, и не в такой (а это еще более знаменательно), чтобы не почувствовать необходимости (выступая 21 ноября 1915 года в Палермо, после вступления Италии в войну) восхваления не только вступления Италии в войну, но даже майских дней, означавших победу уличной толпы над волей парламента, дней, начисто перечеркнувших осторожный нейтрализм Джолитти и вообще совершенно дискредитировавших политическую позицию политика из Дронеро.

Что касается отношений с церковью, то, став министром юстиции в кабинете Саландра — Соннино, Орlando вновь пошел по тому пути, которого он придерживался ранее, занимая этот пост. Когда Италия в мае 1915 года вступила в войну, перед ней впервые после ее объединения встал вопрос о применении «закона о

гарантиях» * в условиях войны. Эта проблема была исключительно трудной, об этом свидетельствует хотя бы то, что даже тогдашние законодатели намеренно избегали этого вопроса. Когда в 1871 году в ходе дебатов на последнем заседании парламента один депутат спросил у Бонги (бывшего докладчиком по этому закону), как же следует поступать во время войны, то Бонги ответил: «Ради бога, не будем сейчас этим заниматься! Поживем — увидим!» Орландо говорил об этом в упомянутой речи в Палермо.

Принятое решение было в высшей степени беспристрастным и великодушным: все дипломатические представительства могли остаться на месте, и им были предоставлены самые широкие гарантии. Однако впоследствии дипломаты стран, воюющих с Италией, предпочли покинуть Рим, и тем самым было устранено одно из немаловажных осложнений; правительство же со своей стороны сделало все, что было возможно.

С Бенедиктом XV, как в свое время и с Пием X, Орландо поддерживал непосредственные отношения через доверенное лицо, используя ту же систему, что и несколько лет назад, которая принесла прекрасные результаты. И когда в июне 1916 года, после кризиса кабинета Саландра, был создан новый кабинет «национального единения» во главе со стариком Бозелли и Орландо занял в нем важный пост министра внутренних дел, Бенедикт XV выразил Бозелли пожелание, чтобы отношения между итальянским государством и католической церковью, носящие политический, а отнюдь не административный характер, по-прежнему поддерживались через министра внутренних дел (Орландо), а не юстиции. что и было исполнено. Небезынтересно отметить, что этот факт нашел отражение даже в официальном документе, точнее, в ответе итальянского правительства (6 октября 1916 года) на меморандум Ватикана относительно занятия палаццо Венеция.

Этот эпизод показывает, что отношения между Ватиканом и воюющей Италией, хотя они и были доверены умелым рукам Орландо, не всегда были легкими и дружественными.

* Согласно «Закону о гарантиях» («legge delle guarentigie») итальянское государство обязано было, в частности, обеспечить папские условия для выполнения им своих функций. — *Прим. перев.*

Но гораздо более серьезным, чем спор из-за занятия итальянцами палатцо Венеция, резиденции австрийского посла при святом престоле, рассматривавшем этот секвестр как оскорбительный и враждебный акт итальянского правительства по отношению к Ватикану, был другой инцидент: после Октябрьской революции русские опубликовали секретный текст Лондонского договора, статья 15 которого гласила, что представители Ватикана не будут допущены к мирным переговорам между державами Антанты. Новые разногласия были осложнены еще тем обстоятельством, что эта статья 15 была опубликована в английской прессе в переводе с русского, и притом очень неточном, что давало возможность рассматривать договор как некую договоренность держав помешать какой бы то ни было попытке папы выступить посредником в мирных переговорах. Инцидент этот мог быть легко исчерпан, согласись итальянское правительство восстановить истину, опубликовав точный текст этой статьи, о чем настойчиво просили французское и английское правительства. Однако Соннино, стремившийся сохранить Лондонский договор в тайне, наотрез отказался от такого уточнения, оставив таким образом Ватикан в полном убеждении, что Италия и другие державы Антанты вполне солидарны с опубликованным текстом статьи 15, что привело к ожесточенной полемике, продолжавшейся длительное время. Это было первое столкновение между Орландо и Соннино, победителем в котором оказался последний, что *повторилось* и во время мирных переговоров в Париже и нанесло Италии большой ущерб.

Поскольку мы коснулись вопроса о взаимоотношениях с Ватиканом, то проследим их вплоть до 1 июня 1919 года, когда у Орландо состоялся в Париже (во время мирной конференции) важный разговор с марсальером Черретти (впоследствии кардиналом) относительно разрешения «римского вопроса».

10 июня Орландо покинул Париж, а 19-го пал его кабинет. Однако эти переговоры имеют важное значение с точки зрения Латеранских договоров 1929 года. Невольно напрашивается вопрос: почему Пий XI говорил тогда, что только с человеком, свободным от всяких либеральных предрассудков, с таким, какого провидение послало ему в лице Муссолини, мог быть разрешен «рим-

ский вопрос»? Это стоит прокомментировать. Во время переговоров Орlando с монсеньером Черретти ничего не говорилось ни о финансовых обязательствах Италии по отношению к Ватикану, ни о конкордате. Поэтому решение «римского вопроса»*, разрабатывавшееся обеими договаривающимися сторонами, не касалось ни финансового соглашения, ни вопросов конкордата; между тем хорошо известно, какую победу одержал Ватикан именно в этой области при окончательных переговорах с фашистским правительством. Когда же в 1929 году, отойдя от своих друзей из антифашистской оппозиции, Орlando одобрил Латеранские договоры и написал о них для иностранного журнала очерк юридического характера, то он обошел в своем анализе как финансовое соглашение (которое было все же приложением к договорам), так и конкордат, продемонстрировав тем самым свое отрицательное отношение к достигнутому соглашению. Совершенно очевидно, что это были две миски с чечевичной похлебкой, к которой нельзя было прикоснуться, не покончив с либеральным режимом.

Как уже упоминалось, в кабинете Бозелли Орlando получил портфель министра внутренних дел. Ведать таким министерством во время войны было делом нелегким. Необходимо было разрешать такие грандиозные проблемы, как эвакуация 200 тысяч беженцев из военной зоны, как организация санитарной службы, помощь сиротам, борьба со шпионажем, для которой итальянская полиция была плохо подготовлена. Орlando, упоминавший об этих проблемах в своей речи, на заседании Государственного совета 28 декабря 1918 года, не захотел отказаться от своего джолиттианского прошлого. Наиболее ярые националистические и интервенционистские элементы, консерваторы, возглавляемые Луиджи Альбертини и «Коррьере делла сера», и так называемые революционеры, руководимые Муссолини и «Пополо д'Италия», не могли простить ему ни его джолиттианского прошлого, ни того факта, что он был сторонником нейтралитета, ни его политической терпимости. Альбертини, например, в своих «Мемуарах» упрекал его даже в том, что он принимал в своем мини-

* Подробнее о «римском вопросе» см. Дж. Канделоро, Католическое движение в Италии, М., ИЛ, 1955 (особенно предисловие М. М. Шейнмана, а также стр. 151—158, 532—541).— *Прим. ред.*

стерстве виднейших представителей социализма, например Турати, просившего Орландо о смягчении суровой цензуры. Его обвиняли ни более и не менее, как в пораженьстве. Нападки на Орландо носили такой характер, что в начале 1917 года он вынужден был потребовать обсуждения на заседании совета министров вопроса о его кандидатуре и добился одобрения проводимого им либерального политического курса.

Но правительство «национального единения», руководимое таким старым и малоэнергичным человеком, как Бозелли, очень скоро показало свою несостоятельность перед лицом тех огромных задач, которые война поставила перед страной. Крайне тяжелое военное положение, уже предвещавшее тот трагический кризис, который достиг своей высшей точки вскоре после Капоретто, заставило палату в июне 1917 года перенести дебаты по этому вопросу в секретный комитет, подобно тому как это ранее произошло во Франции. На втором заседании этого комитета, происходившем при закрытых дверях, Орландо произнес речь, имевшую шумный успех. У этого человека вера в победу была неотделима от веры в торжество свободы, и он хотел добиться первой, не отказываясь и не жертвуя второй. В октябре 1917 года, когда снова началась парламентская дискуссия, стало ясно, что кризис правительства неминуем. Несмотря на враждебность наиболее ярых интервенционистских кругов, в защиту политической линии, проводимой и горячо отстаиваемой Орландо, выступил Франческо Саверио Нитти, оказавший ему поддержку своей осведомленностью в организационных вопросах, не говоря уже о его находчивости; Нитти нанес кабинету Бозелли решительный удар своей уничтожающей и скрупулезной критикой его слабой, непоследовательной и некомпетентной деятельности в экономической области. Между прочим, в своей речи Нитти заявил, что атмосферу дружелюбия нарушили не нейтраллисты, которые сумели молча, с достоинством удалиться, а самые непримиримые интервенционисты.

Эти последние, следуя худшей из реакционных традиций, рассматривали каждое критическое замечание, даже направленное на улучшение руководства военными действиями, как проявление пораженческих настроений, а отнюдь не патриотизма.

Нитти выступил за несколько дней до речи Орландо (23 октября). Орландо призывал страну сплотиться, что же касается недавних волнений в Турине, то он заявил, что свобода требует жертв и что для нее тоже может пробить скорбный час. Хотя он и ставил целью своей политики обеспечение государству необходимых сил для победы в войне, он вместе с тем добивался и сохранения основных конституционных свобод. Когда-то он говорил, что если бы ему пришлось выбирать между свободой и спасением государства, то он отдал бы предпочтение последнему (об этом он действительно заявил в палате 14 мая 1915 года, за несколько дней до вступления Италии в войну, при обсуждении мероприятий по защите государства в военной и экономической областях), теперь же он утверждал, что обе цели неотделимы одна от другой, ибо управлять страной можно лишь при наличии свободы, и верховным защитником этой свободы должен быть парламент.

И хотя противники Орландо говорили и писали тогда, что под свободой он понимает распушенность, однако речь его имела огромный успех, ибо она была убедительной. Когда на следующий день в военной сводке верховного командования было сообщено о начале австрийского наступления, которое должно привести врага к Пьяве, судьба Бозелли определилась и, несмотря на происки консерваторов и интервенционистов, так называемых революционеров, было решено, что его преемником станет Орландо. Италия в этот момент сделала очень мудрый шаг, и апофеоз политической карьеры Орландо тесно связан со счастливой страницей политической истории современной Италии. Когда вопрос о доверии был поставлен на голосование, Бозелли получил лишь 96 голосов «за» и 314 «против». 30 октября 1917 года был обнародован состав нового правительства, возглавляемого Орландо, который оставил за собой также министерство внутренних дел; Франческо Саверио Нитти получил в этом кабинете министерство финансов, и это было вполне заслуженно, учитывая его энергию, знания и организаторские способности, что он и доказал, проведя ряд мероприятий, в том числе национальный заем, прошедший с большим успехом.

С этого момента Орландо всецело посвятил себя пропаганде и организации сопротивления врагу: он изъездил

Италию вдоль и поперек, произнося столь характерные для его темперамента пламенные речи, для которых он, казалось, был рожден. Он принимал участие в межсоюзнической конференции в Рапалло, заявив там, что Италия будет защищаться, даже если ей придется отступить до самой Сицилии. Он повторил эту фразу в своей речи в палате 22 декабря 1917 года, закончив ее знаменитым призывом: «Сопротивляться, сопротивляться и сопротивляться!» В этой речи Орландо полемизировал с социалистами. Однако следует отметить, что он вел эту полемику в очень умеренном тоне, избегая резких выражений, с видимым желанием понять причины, мешавшие социалистам примкнуть к тому националистическому движению, главой и пропагандистом которого был Орландо. Еще более определенно Орландо высказался в палате 15 июня 1918 года: обращаясь к Турати, он сказал, что хотел бы предложить весьма умеренную резолюцию, дабы ни единой фразой не поставит социалистическую партию в неловкое положение.

Не успел Орландо занять пост председателя совета министров, как он оказался перед лицом проблемы Кадорна. Его поведение в отношении Кадорна напоминает нам его поведение в деле Нунцио Нази (это уже второй случай). Правда, Кадорна всегда нападал на него, обвиняя его в политическом благодушии, и в августе 1917 года послал по крайней мере четыре письма правительству, протестуя против политического курса, проводимого министром внутренних дел. Однако когда Орландо занял пост председателя совета министров, то он прежде всего послал телеграмму Кадорна с выражениями доверия, симпатии и восхищения деятельностью начальника штаба, заверяя его в своей неизменной преданности и вере в него, а через несколько дней Кадорна был уже заменен генералом Диасом. И если само по себе решение это и было разумно, то метод действий и на этот раз был крайне лицемерным, и, бесспорно, со своей точки зрения Кадорна был прав, сохранив до конца дней глубочайшую ненависть к Орландо. Возможно, в данном случае Орландо не мог поступить иначе, не желая подрывать авторитета военного руководства и вызвать кризис прежде, чем он подыскал подходящего человека для замены Кадорна. Во всяком случае, благодаря Рапалльской конференции был наконец органи-

зовац тот межсоюзнический совет, которого так упорно добивался даже Луиджи Альбертини и который не был создан до той поры отчасти из-за пассивного сопротивления руководящих политических и военных кругов Италии. Благодаря этому органу, поддерживавшему связь между армиями различных стран, находящимися на разных фронтах, Италия имела возможность заставить больше уважать свои требования, а значит, и защищать свои интересы. В то же время были наконец установлены более тесные отношения между правительством и верховным командованием, между которыми до сих пор существовала как бы глухая стена. Орlando проявил также умение и такт в деле расследования причин поражения при Капоретто; не умаляя престижа комиссии, он все время откладывал ее созыв, стремясь избежать полемики в момент наивысшего военного напряжения, что могло бы причинить вред и расколоть страну.

Военная победа увенчала его усилия, и с тех пор имя Витторио Эмануэле Орlando стало синонимом «премьер-министра победы». Он заслужил, пожалуй, этот титул, ибо если победа является в конечном счете результатом многих и многих слагаемых, то немалую роль сыграл в этом деле и Орlando.

Но после победы начались мирные переговоры в Париже, и Орlando отправился туда вместе с министром иностранных дел Соннино, принимавшим участие в подписании Лондонского договора. Таким образом, Италия была представлена в Париже двумя деятелями совершенно противоположных направлений, которые мешали и вредили друг другу. Миссироли, отличавшийся острой наблюдательностью и политической дальновидностью, писал: «С первых же дней конференции наша дипломатия должна была избрать одну из двух политических линий, причем обе они были одинаково четкими и логичными со своими бесспорными достоинствами и своими возможными недостатками. Одна из них — это упорно и непреклонно настаивать на полном осуществлении Лондонского договора, другая же — начать «в наиболее подходящий момент» переговоры на основе Лондонского договора, пожертвовав некоторыми выгодами, обещанными Италии по этому договору, в обмен за аннексию Фиуме». Первую линию отстаивал Соннино, вторую — Орlando. Но

обе эти линии переплетались, что мешало проведению как одной, так и другой.

Что представлял собой Лондонский договор, за который цеплялся Соннино, как за собственное детище, и от полного осуществления которого он никак не хотел отказаться, меж тем как Италия выдвинула новые притязания в отношении Фиуме, руководствуясь при этом совершенно другими принципами, чем те, во имя которых был в свое время подписан Лондонский договор? О том, что представлял собой Лондонский договор, неплохо сказал Антонио Де Вити Де Марко в своей предвыборной речи в Галлиполи 30 января 1918 года.

«Этот договор не предусматривает и не имеет в виду расчленение Австрии на ее национальные составные части; он не предусматривает и не имеет в виду национальное объединение Югославии, наоборот, он предусматривает и имеет в виду расширение Сербии и уменьшение Австрии; он расчленяет Далмацию, представляющую этническое целое, как расчленяет и другое этническое целое — Албанию, оставляет Фиуме Хорватии, которая будет по-прежнему принадлежать Австрии и не присоединится к Сербии; присоединяет Шибенек к Италии со всей его территорией вплоть до Динарских Альп, где живут одни хорваты; оставляет беззащитными в руках хорватов всех итальянцев, проживающих на далматинском побережье и к югу от Шибенека; не гарантирует автономии славянского и немецкого населения, которое будет присоединено к Италии; не требует гарантии автономии для итальянского населения, которое останется за пределами Италии; не разрешает коммерческого вопроса порта Триест, занятие которого Италией приведет к разногласиям между политическими властями порта и политическими властями внутренней территории. А в довершение всего договор лишил Сербию права участвовать в переговорах и обязывал договаривающиеся стороны хранить полную дипломатическую тайну, дабы скрыть от заинтересованных народов тот торг, предметом которого они являлись. Лондонский договор — это Хартия антинациональных принципов и прямое отрицание принципов, торжественно провозглашенных великой войной».

1 ноября 1919 года, излагая в своей речи в Лечче программу оппозиции, он вновь возвращается к этой

теме: «Лондонский пакт предусматривал и желал лишь территориального уменьшения Австрии, дабы создать нам противовес, учитывая переход к нам тех ее земель, которые мы хотели отторгнуть в наших интересах». Но он исключал цель, ради которой Италия воевала,— «расчленение Австро-Венгрии» и, следовательно, исключал единственное условие, которое позволило бы освободить другие народы, угнетаемые Габсбургами. Какой ошибочный исторический прогноз и какое отсутствие политической дальновидности! Ибо в то время, как мы вели войну всеми нашими силами с исконным врагом и могли бы стать освободителями югославов и чехословаков, мы умудрились восстановить их против себя и заставили их просить освобождения у наших союзников... у которых была лишь одна цель — разбить Германию и которые были бы рады сохранить старую Дунайскую монархию. Враги Австрии, желавшие освобождения итальянцев, отторгнутых от родины, мы фактически стали или казались ее тайными союзниками, стремившимися удержать под ее пятой все другие народы, также жаждущие своего освобождения».

Следует различать основные цели войны, которых ни одной державе Антанты не удалось достичь с такой полнотой, как Италии, ибо она увидела своего векового врага — Австрию поверженным (тем более возмутительной была внешняя политика Муссолини, который, согласившись на Аншлюсс, позволил воссоздать на границах Италии сильное европейское государство), и частные цели, из которых не все могли быть осуществлены после Лондонского договора. Что касается этих частных целей войны, то конфликт между Орландо и Соннино, горячо отстаивавших свои совершенно противоположные и взаимно исключаящие точки зрения, обрек Италию на серьезную неудачу в Париже. От внимания Орландо не ускользнуло, что в результате участия в войне Италия по существу добилась своей самой главной цели, и, выступая в Сенате 15 декабря 1918 года, он сказал:

«Сегодня Италия стала поистине великой державой, и она обязана этим не снисходительной милости дипломатов, а самой себе, ибо она продемонстрировала огромную волю и жизнеспособность, что поставило ее в один ряд с величайшими державами прошлого и настоящего. И это, по-моему, самое большое завоевание Италии, за-

воевание, которое не может стать предметом обсуждения за столом какой-либо международной конференции; его нельзя ни отнять, ни ограничить, ни оспорить. Это поистине начало новой истории Италии, перед которой неизбежно открывается эпоха гражданского величия. Итак, я обращаюсь к итальянскому народу со следующим призывом: он должен решительно подняться и обрести душу и волю великой державы; он не должен допустить, чтобы им владела одна-единственная, стоящая особняком проблема, как бы важна она ни была и какие бы законные и даже святые чувства она ни вызывала в наших сердцах. Пусть итальянский народ не забывает о своем праве и о своем долге; пусть не забывает о жизненно важных для него вопросах, непосредственно и прямо его касающихся; но в то же время он не должен забывать и упускать из виду, что в данный момент все человечество идет по пути обновления и что, помимо экономических и территориальных вопросов, имеющих для Италии огромное значение, существует еще мировая политическая и этическая система, в которую Италия хочет и должна внести свой добровольный вклад — свою мысль и волю».

Но если его взгляд на положение послевоенной Италии был, по существу, правилен, если национальная политика, отстаиваемая им в Париже, была куда более прогрессивной *, чем узкая националистическая политика Соннино, то как председателя совета министров, несущего ответственность за ведение мирных переговоров и судьбы страны, его можно обвинить в излишней терпимости и снисходительности к Соннино, отстаивавшему противоположную точку зрения, и в том, что он не добился устранения этого вредного дуализма (это было следствием его уступчивого и мягкого характера, которому было чуждо всякое проявление решимости и силы).

Столкновение с Вильсоном (который, используя совершенно новые дипломатические методы, лишенные всякой ортодоксальности, выразил в публичном манифесте сомнение в том, что Орlando действительно облечен

* Позиция Орlando на Парижской конференции не имела ничего общего с подлинно национальными интересами итальянского народа и выражала империалистические устремления итальянской буржуазии. В этом отношении никаких существенных различий в позициях Орlando и Соннино не было.— *Прим. ред.*

доверием своей страны и является выразителем ее воли) стало кульминационным пунктом тех противоречий, которые парализовали действия Италии за столом мирной конференции. Реакция Орландо на это вильсоновское выступление много раз подвергалась критике, причем почти всегда несправедливой. Вскоре после смерти Орландо один журналист писал, что, беседуя как-то с группой своих старых друзей, Орландо сказал:

«Многие меня обвиняют в том, что я плакался. Это неправда! Перед лицом враждебности моих противников у меня было три выхода: равнодушие, что было бы преступлением, наглость, что было бы бесполезно, и призыв эценить по справедливости наши бесчисленные жертвы — более шестисот тысяч наших убитых солдат, наших раненых, наших калек, которые спасли также и союзников. Мне оставался только этот последний путь!»

Со своей стороны мы можем напомнить, что подобным же образом вел себя в феврале 1815 года английский министр иностранных дел и полномочный представитель на Венском конгрессе лорд Кестльри, который вернулся в Лондон, чтобы сломить оппозицию общественного мнения проведению его политического курса и получить вотум доверия от палаты представителей и правительства.

Тем не менее после своего столкновения с Вильсоном и возвращения из Рима в качестве полномочного представителя Италии на парижскую конференцию Орландо был уже конченным человеком. Относительно этого мы имеем свидетельство Сильвио Креспи, министра снабжения и члена итальянской делегации на конференции, который сделал 9 мая 1919 года в своем дневнике следующую запись:

«Самое большое впечатление произвели на меня позиция и поведение Орландо. Ни один из трех премьеров с ним больше не считается. Иногда лишь Ллойд Джордж бросит ему несколько вежливых слов. Он словно непрощенный гость; да и вид у него человека, испытывающего глубочайшее унижение, ибо он понимает, что его едва терпят. Орландо вызывает у меня величайшую жалость».

Именно Креспи настаивал тогда на отставке кабинета и на предоставлении постов новым людям, способным возобновить мирные переговоры с большей надеждой на успех. Именно об этом он беседовал с Орландо

12 мая, а на следующий день с Диасом, который согласился с его мнением. 19-го он написал письмо председателю совета министров, начальнику штаба и министру иностранных дел; 20-го он имел беседу с Орландо, который был болен и лежал в постели. Орландо сказал ему: «Я получил твое письмо. Ты прав. Я уже послал телеграмму Колозимо [вице-председателю совета министров.— П. А.], чтобы завтра он был на границе со всеми нашими коллегами министрами. Сегодня вечером мы все тронемся в путь. Я считаю, что я честно выполнил свой долг. И так я буду поступать до конца». Но когда совет министров собрался через день на границе, Орландо неожиданно сделал доклад в самых радужных красках, ни словом не упомянув об отставке, что заставило Креспи выступить, заявив о своей несогласии, и совсем в другом свете представить положение Италии на Парижской конференции. На этот раз вновь удалось избежать кризиса, но вскоре после этого, 23 июня, правительство Орландо пало, причем общий кризис кабинета был вызван именно теми персональными отставками, которые предложил 18 июня Креспи.

Таким образом, будучи не в силах справиться с положением, создавшимся в кабинете, что лишало его возможности проводить четкую линию во время мирных переговоров, Витторио Эмануэле Орландо вынужден был уступить пост председателя совета министров Нитти, который через три месяца после победы при Витторио-Венето оставил свой пост министра казначейства, ибо ясно видел, к чему могут привести разногласия между Орландо, Соннино и Креспи. С тех пор Орландо уже никогда не занимал ответственных правительственных постов.

В период послевоенного кризиса и возникновения фашизма Орландо оказался в том положении и душевном состоянии, в каком находились и другие виднейшие представители итальянского либерализма — от Саландра до Жолитти, от Альбертини до Кроче.

Ни одно из течений итальянского либерализма не могло избавиться от тяготевшего над ними проклятья: они видели опасность только слева и не пытались даже понять значения наступления правых сил, которые за счет фашизма множили свои ряды и создавали благодаря ему свою собственную массовую организацию. Мис-

сироли писал тогда, что либерализма как такового уже не существует, существует лишь его консервативная форма, и вот уже двадцать лет как подлинными либералами являются социалисты. Орландо также оказался в числе приверженцев «национального реванша», который получил название фашизма, и вместе с Антонио Саландра и Гаэтано Моска участвовал в качестве вице-председателя в комиссии, которая должна была изучить и дать свое заключение относительно закона Ачербо (о реформе избирательного права), закона, превращавшего меньшинство — фашистов — в подавляющее парламентское большинство. Трудно объяснить, как Орландо, со своим прошлым либерала и конституционалиста, мог решиться поддержать эту чудовищную реформу; разве что ослеплением (пусть и временным) представителей итальянского либерализма, охваченных страхом перед ростом рабочего движения и социализма. Один политический деятель, крайне заинтересованный идейно в развенчании либерализма, хотя в тот момент он выступал с либеральных позиций, высказал суровое, но вполне правильное суждение. Это был дон Стурцо, который несколько позже писал:

«Обратите внимание на странную судьбу этих известнейших знатоков права, профессоров и государственных советников — таких, как Саландра, Орландо, Перла [председатель государственного совета и председатель сенатской комиссии по изучению закона Ачербо.— П. А.] и Моска [Гаэтано]. Будучи либералами самой чистой формации, а Орландо к тому же чистокровным демократом, они вынуждены зачеркнуть свое прошлое, объявить о банкротстве либерализма, фальсифицировать историю публичного права, провозгласить догмат о праве меньшинства, опирающегося на насилие, и в конце концов прийти к созданию правительства, которое не является больше ни королевским правительством, ни правительством народа, но правительством господствующей политической группировки, облаченной в легальные одежды псевдобольшинства. И эти люди, убежденные поборники монархического начала в конституции итальянского государства, вынуждены против воли сотрудничать в деле создания инструмента, с помощью которого правительство ограничит действия этой самой монархии, которая отныне не сможет разрешить ни конфликт меж-

ду правительством и королем, апеллируя к выборной палате депутатов, включающей 356 избранных палатой Виминале, ни конфликт между королем и парламентом, апеллируя к стране, которая будет иметь к этому весьма мало отношения, поскольку сможет избирать каких-нибудь 179 депутатов меньшинства».

Поддерживая фашизм, идущий на штурм конституционного государства, старые лидеры итальянского либерализма утверждали, что они якобы не отказались от своих либеральных традиций. Когда во время выборов 1924 года Орландо вошел в правительственный «большой список», то первое, что он сделал после одобрения закона Ачербо, это высокопарно заявил на политическом банкете в Партинико, что как белое стекло его бокала остается прозрачным, несмотря на налитое в него красное вино, так и он, участвуя в фашистском списке, навсегда останется либералом и демократом Орландо! Даже после убийства Маттеотти Орландо, как и Саландра и Джолитти, устранился от протеста Авентинского блока, что дало возможность монархии, расточая пустые обещания оппозиции, более легко пережить весь 1924 год, а Муссолини дало возможность оправиться и объявить в своей речи 3 января 1925 года о начале разрушения на этот раз уже конституционного, либерального, законного государства. И только тогда три старых ветерана либерализма один за другим на протяжении нескольких дней объявили о своем переходе в оппозицию; но было, увы, слишком поздно, чтобы спасти положение.

Однако Орландо в конце концов обрел свою гордость либерала и никогда уже больше ее не терял. Это произошло во время муниципальных выборов в Палермо в 1925 году, когда имя его стояло во главе списка оппозиции. Потерпев неизбежное поражение в борьбе, ибо фашисты пустили в ход все средства для избрания своих кандидатов, Орландо отказался и от депутатского мандата (и это после почти тридцатилетней парламентской деятельности). Для него, столь любившего преподавание в университете и нашедшего на кафедре после финала своей политической карьеры величайшее утешение, было тяжелым ударом, когда несколько лет спустя, в 1931 году, фашистское правительство ввело для профессоров присягу верности режиму Муссолини. И что весьма знаменательно, Орландо не было в числе тех

11 профессоров, которых уволили за отказ принести присягу, но он был единственным, подавшим в отставку, чтобы не приносить присягу; этот поступок так соответствовал его характеру, чуждому всяким решительным жестам и скорее склонному к компромиссу и примиренчеству. Аналогично вел он себя и во время агрессивной войны с Эфиопией: он написал письмо Муссолини (и, разумеется, фашистские газеты получили приказ немедленно его опубликовать), заявляя, что в момент, когда родина ведет войну, он солидаризируется с ней,— жест неуместный, жест слабого человека, но когда Муссолини предложил ему пост председателя сената, Орландо сумел с достоинством отказаться. Говорят, что Орландо во время беседы с главой фашизма и правительства относительно этого назначения обусловил свое согласие роспуском фашистской милиции. Тогда Муссолини заявил, что Орландо, возможно, потребует еще и ликвидации фашистской партии, на что последний будто бы ответил: «Нет, что касается партии фашистов, то тут все в порядке, но вам следовало бы разрешить восстановление распущенных партий и расформировать фашистскую милицию, являющуюся антиконституционной». И даже настояния короля, считавшего, что назначение Орландо на пост председателя Сената поднимет престиж режима, не могли заставить его изменить свое решение — он категорически отказался.

Так дело подошло к подготовке 25 июля и к устранению Муссолини, в которых Орландо, пользующийся доверием короны, играл большую роль. Известно, что его перу принадлежало подписанное Бадольо воззвание, где была злополучная фраза: «Война продолжается». Как бы то ни было, но если оставить в стороне те особые формы, в каких произошел государственный переворот, то Орландо вновь оказался в гуще политических событий, поистине исторических для Италии, ибо они имели своей целью реставрацию либерального режима и, следовательно, носили как революционный, так и консервативный характер. Он решительно поддерживал все усилия, направленные на обновление и возрождение страны и столь характерные для жизни Италии в период бсрьбы за освобождение, которой руководил Комитет национального освобождения (CLN). И разумеется, в силу характера всей своей предыдущей деятельности и

занимаемой позиции он не мог одобрять того упорного стремления разрушить единство антифашистского фронта, которое воодушевляло христианских демократов и их случайных и более или менее значительных союзников. Таким образом, после удаления коммунистов и социалистов из правительства он стал потенциальным противником последнего, конечно, не из просоциалистических и прокоммунистических побуждений, а исключительно во имя тех политических целей, на основе которых было сформировано это правительство и которые легли в основу его деятельности. Это недовольство Орlando нашло выражение в 1947 году в его открытом выступлении во время дебатов по поводу ратификации мирного договора: со своей скамьи «сенатора по праву» он бросил в лицо представителям власти ужасное обвинение, заявив, что они обуреваемы «жаждой сервизма». Один журналист писал, что в тот же вечер Орlando и Де Гаспери, дружески беседуя, преспокойно отправились ужинать; у нас нет данных, которые позволили бы нам подтвердить или отрицать этот эпизод, но он мог, конечно, иметь место, учитывая характер Орlando, любителя сильных и эффектных выражений, но неспособного питать личную вражду к кому бы то ни было. Он откликнулся на всякое проявление дружелюбия по отношению к себе и в свою очередь не скупился на него в отношении своих политических противников.

В силу логики политической оппозиции Орlando сблизился в последние годы своей политической деятельности с левыми (речь идет главным образом о действиях по ослаблению напряженности как внутри страны, так и вне ее). К этому вопросу он относился с особым трепетом, как и к вопросу о национальной независимости. Правда, его отношение к вопросу национальной независимости носило явный отпечаток националистической тенденциозности, но этот вопрос был более близок его сердцу, чем какой-либо другой, что побуждало его с особой подозрительностью относиться к правящей клике христианских демократов, контрабандно протаскивавшей под знаменем европейской федерации политику, носившую явный отпечаток холодной войны американских империалистических кругов.

Однако Орlando еще раз вступил на путь открытой оппозиции правительству, прежде чем смерть унесла его

1 декабря 1952 года; это было связано с проектом мажоритарной системы избирательного права, разработанным и выдвинутым христианскими демократами и их сателлитами. Бесспорно, было бы легко упрекнуть Орландо и заклеймить его поведение, припомнив ему его отношение к знаменитому прародителю этой избирательной реформы — закону Ачербо. Однако горький и назидательный опыт фашизма, которому слепота антисоциалистов открыла после первой мировой войны дорогу к власти, послужил ему хорошим предостережением от повторения в дальнейшем подобных ошибок. Поэтому вместе с другими оставшимися в живых представителями старого либерализма (достаточно вспомнить хотя бы одного из них — Франческо Саверио Нитти) Орландо открыто выступил против избирательной реформы, предложенной христианскими демократами. Это была последняя битва Орландо, и битва эта была за либерализм. Когда Орландо сошел уже с политической арены, то другой либерал, депутат Эпикармо Корбино, выступая в палате и пропагандируя во время предвыборной кампании идею национального демократического союза, показал, что либерализм еще может выполнять свою функцию, правда в рамках коалиций, во главе которых стоят крупные массовые партии: речь идет о функции посредника, миротворца, способствующего ослаблению напряженности.

В свои лучшие дни Орландо отвечал именно этому требованию. Он был олицетворением и выразителем идеологии национальной буржуазии, способной пережить такие эпические моменты, как сопротивление нации в войне, готовой на рискованные самоотречения, как это было после первой мировой войны, и способной еще восстать и сказать свое веское и сильное слово, достойное того, чтобы к нему прислушались, как это было после второй мировой войны.

В жизни Орландо, адвоката и юриста, политического и государственного деятеля, который прожил почти целый век и более семидесяти лет играл активную роль в политической жизни, был подданным пяти королей и двух президентов республики и знал пятерых пап, как бы отразилась жизнь самой объединенной Италии, или, лучше сказать, ее правящего класса со всеми его успехами, противоречиями и слабостями.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Основные источники (работы Орландо):

1. Della riforma elettorale, Milano, 1881.
2. Le fratellanze artigiane in Italia, Firenze, 1884.
3. Della resistenza politica individuale e collettiva, Torino, 1885.
4. Principi di diritto amministrativo, Firenze, 1890.
5. Teoria giuridica delle guarentigie della libertà, Torino, 1890.
6. La giustizia amministrativa, Milano, 1901.
7. Le régime parlementaire en Italie, Paris, 1907.
8. Lo Stato e la realtà, Milano, 1911.
9. Discorsi per la guerra, Roma, 1919.
10. Crispi, Palermo, 1923.
11. Discorsi per la guerra e per la pace, Foligno, 1923.
12. Diritto pubblico generale e diritto pubblico positivo, Milano, 1924.
13. Recenti indirizzi circa i rapporti fra diritto e Stato, Tivoli 1926.
14. L'opera storica di M. Amari, Milano, 1928.
15. Su alcuni miei rapporti di governo con la Santa Sede, Napoli, 1939 (nuova ediz. Milano, 1944).
16. Immunità parlamentari e organi sovrani, Tivoli, 1933.
17. Diritto pubblico generale, Milano, 1940.
18. Scritti vari di diritto pubblico e scienza politica, Milano, 1940

II. Критические работы:

В сущности, нет ни одной критической работы, посвященной характеристике личности В. Э. Орландо и написанной на основе общих исторических материалов. Мы пользовались главным образом следующими работами:

1. Francesco Parafava, Dieci anni di vita italiana (1899—1909), Bari, 1913, voll. 2.
2. Arturo Labriola, Storia di dieci anni (1899—1909), Milano, 1910.
3. Luigi Albertini, Venti anni di vita politica, Bologna 5 voll., 1950—1953.
4. Vincenzo Nitti, L'opera di Nitti, Torino, 1924.
5. Antonio De Viti De Marco, Un trentennio di lotte politiche (1894—1922), Roma, s. a.
6. Silvio Crespi, Alla difesa dell'Italia in guerra, Milano, 1940
7. Paolo Alatri, Le origini del fascismo e la classe dirigente italiana, «Belfagor», 1950, fasc. 2, 3, 4 (ora nel presente volume).
8. Gaetano Salvemini, Mussolini diplomatico, Bari, 1952 (cap. «I trattati del Laterano»).

В связи со смертью В. Э. Орландо многие газеты поместили его биографию и очерки о нем, которые могут послужить полезным источником; особенное внимание обращаем на следующие очерки: статью Витторио Горрезии в «Стампа» от 2 декабря 1952 года; статью Умберто Террачини и Франческо Сальваторе Романо в «Унита» от 2 и 4 декабря 1952 года и статью Паоло Алатри и Джино Паллотта в «Паэзе» от 3 декабря 1952 года и 2 января 1953 года.

АНТОНИО САЛАНДРА

Национал-фашистская печать стремилась придать Антонио Саландра ореол великого человека. Но Саландра не был великим человеком, и, надо признаться, он сам отрицал это. Он неоднократно утверждал, что неспособен увлечь своих слушателей, что он плохой оратор. Говоря об отсутствии в стране во время войны полного единодушия, он писал: «Возможно, недостает человека, который смог бы свершить внезапное чудо и властно руководить духовными и материальными силами страны. И если бы даже, сознавая все величие задачи, я вложил бы в ее осуществление весь свой ум, всю свою энергию и всю душу, то все же не сумел бы с ней справиться»¹. Даже один из апологетов Саландра², сравнивая его с Соннино, должен был признать, что рядом с последним «председатель совета министров Саландра играл довольно второстепенную роль. Он не обладал ни проницательностью, ни деловитостью, ни характером своего министра иностранных дел». Жестоко высмеял его за честолюбие Этторе Чиккотти, назвавший его «неотесанным выскочкой» с «голым черепом, достойным быть увенчанным засаленным беретом нотариуса»³. Винченцо Галицци, единственный автор, написавший о Саландра подлинно критический очерк, подчеркивал его карьеризм и провинциализм. Галицци действительно постиг «честолюбие этого выскочки» и напыщенность человека, счи-

¹ Antonio Salandra, *La neutralità italiana* (1914), *Ricordi e pensieri*, Milano, Mondadori, 1928, p. 241.

² Agostino Savelli, Antonio Salandra uomo politico, «Giornale di politica e di letteratura», marzo 1932, p. 125.

³ Ettore Ciccozzi, *L'Italia in rissa* (с предисловием Филиппо Турати), Milano, 1925, p. 48—54.

тающего себя «чуть ли не Иоанном Крестителем нового порядка», академика — «буржуа и демагога», с душой, погрязшей в мелком эгоизме, типичном для буржуа, ставшего землевладельцем и исполненного кастовой и провинциальной спеси»¹.

Пока Антонио Саландра не достиг высот политической власти, он неизменно пребывал в тени Сиднея Соннино. Он познакомился с ним в 1879 году, когда, будучи еще молодым профессором, приехал в Рим, чтобы стать преподавателем университета. Тогда же он начал усиленно сотрудничать в журнале «Рассенья сеттиманале», руководимом как раз Соннино и Франкетти; когда в 1886 году Саландра был избран в палату, Соннино уже шесть лет заседал там на скамьях левого центра. Стремясь быть как можно ближе к нему, он не примкнул, однако, к той группе, которая в 1876 году лишила власти клику умеренных. Молодой профессор из Апулии занял место на скамье правого центра, отделенный от своего кумира лишь узким проходом. С Соннино, министром финансов и казначейства в кабинете Криспи в 1893—1896 годах, Саландра работал последовательно в качестве помощника министра в двух министерствах; в реакционном кабинете Пеллу, которому благодаря Соннино была обеспечена поддержка большинства парламента, Саландра получил портфель министра земледелия. Вместе с Соннино он перешел затем в оппозицию к либеральным кабинетам Саракко, Дзанарделли и Джолитти. Вместе с Соннино он создал «Джорнале д'Италия» и вместе с ним оба раза возвращался в правительство (когда лидер антиджолиттианской оппозиции сформировал министерства ста дней), в первый раз в качестве министра финансов, а во второй — министра казначейства.

О том, как Саландра приступил к осуществлению своих более честолюбивых замыслов, мы скажем несколько позже. Пока же уместно заметить, что первая статья, написанная этим южанином для журнала «Рассенья сеттиманале», в котором он сотрудничал и которым руководили два тосканца, отличалась в соответствии с направлением этого журнала явно консерва-

¹ Vincenzo Galizzi, Giolitti e Salandra (с предисловием Бенедетто Кроче), Bari, Laterza, 1949, p. 19, 43, 49, 82.

тивными тенденциями. Приняв участие в оживленной полемике по Южному вопросу, Саландра сокрушался по поводу стремления противопоставить низшие социальные слои средним слоям, утверждая, что именно последние, а не первые обладают импульсом к реформам, и перенося проблему обогащения из сферы распределения в сферу производства согласно старому припеву всех консерваторов.

Чем объяснить, что Саландра был всегда и во всем согласен с Соннино, несмотря на то, что последний боялся контратаки клерикализма, а первый был сторонником клерикалов, несмотря на то, что Соннино разработал комплексный, хотя и абстрактный план осуществления органических реформ, а Саландра откладывал их до 2000 года? На это можно справедливо ответить, что тесные узы, наподобие пуповины, связывали младшего со старшим. Соннино и слышать не хотел о представительном и парламентарном правлении, мечтая о «возвращении к прежнему статусу», что было идеалом и самого Саландра, который на протяжении всей своей долгой карьеры вынашивал свою самую честолюбивую мечту — систематически и осторожно возродить реакцию, на сей раз в буржуазном духе, дабы свести на нет все завоевания пролетариата¹.

Антонио Саландра родился в Трое, близ Фоджи, в 1853 году в семье чиновников и землевладельцев. Отец его, женившись на наследнице одной весьма зажиточной семьи из Лучеры, значительно увеличил свое состояние. С 1868 по 1872 год Саландра учился в неаполитанском университете, где прослушал курс лекций Франческо де Санктиса, а после 1879 года, находясь уже в Риме, он попал в кружок Сильвио Спавента, одного из парламентских лидеров умеренной оппозиции и, бесспорно, одного из крупнейших теоретиков исторической «правой». Как сам Саландра, так и его виднейшие биографы всегда подчеркивали его духовное и интеллектуальное родство с этими двумя людьми. Но что касается его обучения у Де Санктиса, то вполне справедливо было замечено, что Саландра обладал складом ума французского буржуа, для которого социализм прошел бесследно, а идеализм оказался лишь поверхностным налетом, чисто

¹ V. Galizzi, op. cit., p. 46, 98.

формальным и риторическим¹. Что же касается его правого либерализма в духе Спавента, то сам Кроче высказал мнение, согласно которому последняя форма этого либерализма, выразителем которой был Саландра, является скорее перерождением².

Саландра всегда кичился тем, что он либерал, приписывая либерализму славу Рисорджименто и предвещая «возрождение» партии либералов, но в духе Соннино, в результате «непосредственных контактов с народными массами» (причем он вкладывал в эти слова, как писал Джампьеро Кароччи³, явно реакционный смысл). Свою своеобразную и шаткую либеральную теорию он кратко изложил в своем предвыборном выступлении 19 марта 1924 года в Милане (однако сам Саландра должен был признать, что, пожалуй, «фашисты были более довольны этой речью, чем многие либералы и консерваторы, искавшие оправдания своим симпатиям к фашизму, недостатки и пороки которого они все же признавали») ⁴. «Не существует единой свободы; свобод столько, сколько человеческих способностей и характеров. Есть основные свободы, гражданские, которые дают возможность человеку полностью располагать в своих интересах своей личностью, своим имуществом, своим трудом; и есть свободы политические, которые предполагают осуществление власти над другими людьми. Первые должны быть ограничены лишь в самой малой степени и в соответствии с твердой буквой закона; больше того, государство обязано гарантировать их и способствовать их осуществлению. Другие же права, не являющиеся, подобно первым, естественным правом человека, а лишь правом политическим, могут быть предоставлены лишь в той мере, в какой этого требуют и дозволяют интересы государства, но не больше» ⁵.

¹ V. G a l i z z i, op. cit., p. 46 e passim.

² См. предисловие Бендетто Кроче к работе V. G a l i z z i, op. cit., p. XI.

³ G i a m p i e r o C o r o c c i, Sonnino riformista e imperialista, «Contemporaneo», 16 aprile 1955.

⁴ A n t o n i o S a l a n d r a, Memorie politiche (1916—1925), Milano, Garzanti, 1951, p. 45.

⁵ См. «Corriere della Sera», 20 marzo 1924; A. S a l a n d r a, Liberalismo e fascismo, Milano, 1924. Галицци ошибочно указывает 18 марта (см V. G a l i z z i, op. cit., p. 86). Об утилитарном характере либерализма Саландра см. G a b r i e l e d e R o s a, L'Azione Cattolica. Sto-

Такой путаной, но удобной теории либерализма Саландра придерживался с самого начала своей политической карьеры. В своем первом выступлении в палате по докладу о таможенных пошлинах, представленном Депретисом в 1887 году, он защищал требования об увеличении пошлины на ввоз зерна, утверждая, что речь идет не о предоставлении каких-либо льгот, а об облегчении тяжелого и зависимого положения, в каком по сравнению с промышленностью находится сельское хозяйство. Проблемам сельского хозяйства он посвятил двумя годами ранее несколько страничек, которые, казалось, опережали на двадцать лет националистические призывы к буржуазии в духе Федерцони и Коррадини. Правда, выражаясь в присущей ему туманной манере, Саландра обращался не к «творцам» промышленности, а к крупным землевладельцам, из среды которых он сам вышел, и даже упрекал их в том, что они не очень стремились держать в своем кулаке политику, административное и финансовое законодательство молодого объединенного государства. С этого времени он стал требовать от правительства увеличения пошлины на зерно и финансирования помещиков¹; основной же тезис этого очерка был более четко сформулирован как «реванш буржуазии» уже в канун первой мировой войны, в период наибольшего размаха националистического движения². Словом, этот либерал и сторонник фритредерства, этот восторженный поклонник экономического индивидуализма ни разу не голосовал против какого-либо законодательного акта, так или иначе касавшегося таможенного протекционизма³. Впрочем, он исходил из «совершенно бес-

ria politica dal 1905 al 1919, vol. II, Bari, Laterza, 1954, p. 316—319; Giorgio Guallerzi, Antonio Salandra e la politica della destra in Italia «Mulino», febbraio 1954.

¹ Antonio Salandra, *Politica e legislazione* [очерки, собранные Фортунато (Bari, Laterza 1915, p. 228—238)]. Очерк, на который мы ссылаемся («La questione politica dell'agricoltura»), впервые был опубликован в «Нуова Антолоджа» 15 февраля 1885 года.

² Antonio Salandra, *La politica nazionale e il Partito Liberale*, Milano, 1912, «Introduzione», p. XXII—XXIII.

³ V. Galizzi, *op. cit.*, p. 80. «Антонио Саландра, — писал один из его биографов-апологетов (Corrado de Biase, Antonio Salandra, Roma, Signorelli, 1919, p. 86), — фритредер; но не фритредер-догматик, жертвующий ради теоретических концепций требованиями жизни, а фритредер, следующий традициям и урокам либеральной школы, считающий основным принципом экономического порядка свободу,

спорного», на его взгляд, предположения, что в Италии не существует пахотных земель, плохо или мало обрабатываемых помещиками и именно поэтому, как он полагал, столь желанных для крестьян!¹

Что касается гражданских свобод, которые он связывал со свободой собственности, то, как мы это видели, Саландра толковал их, так сказать, расширительно. Когда же речь заходила о политических свободах, то его концепция была «расширительной» в прямо противоположном смысле, что он и доказал, став в 1914 году главой правительства: так, например, он использовал против забастовок систему угроз, арестовывая ничтоже сумняшеся профсоюзных руководителей, чтобы «затем предать их суду или освободить, как ему заблагорассудится»². Весьма странное поведение для человека, педантично придерживавшегося в теории идеи «правового государства» блаженной памяти Спавента. Но это было лишь началом того законодательства и той формы правления, при которой жестоко и сурово подавлялись все конституционные свободы: это было осуществлением той якобы идеальной формы правления, которую Саландра противопоставлял «десяти годам злосчастной политики» Джолитти. Между тем как раз на протяжении этих 10 лет итальянскому государству удалось выйти из тупика реакционных устремлений Криспи — Рудини — Пеллу; эти годы были самым либеральным периодом в жизни объединенной Италии. С некоторой долей цинизма Саландра заявляет, что рассматривает полицейские мероприятия Пеллу как «попытку, возможно бесполезную, утвердить и упорядочить в законодательном порядке то, что политическая власть по сути дела никогда не переставала осуществлять произвольно»³. Победу обструкционизма после всеобщих выборов 1900 года Саландра расценивал как «победу демократии» над либерализмом вплоть до полного поглощения его демократией; рас-

но допускающий отступления и соглашения, если того требуют общие интересы»; под «общими интересами» здесь, конечно, следует понимать интересы буржуазии.

¹ Antonio Salandra, I discorsi della guerra, Milano, Treves, 1922, p. 187, n. 3.

² Antonio Salandra, La neutralità italiana, p. 212.

³ Antonio Salandra, Pietro Carmine in Parlamento, «Nuova Antologia», 1 marzo 1914.

смаывая эти два термина как «полную антитезу»¹, он тем самым продемонстрировал свое абсолютное непонимание путей развития современного либерализма. Толкуя по-своему концепцию государства Спавента, возражая против отмены религиозного обучения в школах (предложение Биссолати), Саландра писал в 1908 году, предвосхищая Джованни Джентиле, следующее: «Государство—это либо субстанция этическая, либо это не цивилизованное государство. Нельзя допустить, чтобы оно отринуло чувство божественного, чувство абсолютного и неизменного закона, ибо только он может придать силу позитивным законам, дабы побудить пожертвовать личными, ближайшими и минутными интересами во имя идейных интересов, во имя будущего отечества и человеческого общества»². Поэтому непонятно (особенно после его столь пылкой поддержки фашизма) то возмущение, которое вызвал этот философ дубинки, перейдя из партии либералов в фашистскую партию и написав нижеследующее письмо Муссолини: «Либерализм, как я его понимаю и как его понимают люди славной Правой, под руководством которой Италия пришла к Рисорджименто,— это свобода в рамках закона, а следовательно, в рамках сильного государства, понимаемого как этическая реальность: ныне этот либерализм представляют не либералы, которые в той или иной степени открыто выступают против Вас, а именно Вы»³. Как уже было сказано, до конца 1914 года вся политическая карьера Саландра проходила как бы в тени Соннино. В марте 1914 года он почти случайно оказался на посту председателя совета министров. Джолитти, покинутый радикалами, подал в отставку. Выбор пал на лидера так называемой конституционной оппозиции, на Соннино; но Соннино все еще не мог забыть о том, как отнесся к нему ранее парламент, когда он дважды возглавлял кабинет министров; поэтому он предпочел остаться в стороне, предоставив этот пост своему заместителю. Не мешает напомнить, что политический деятель, бравший на себя ответственность за управление страной «в качестве

¹ Antonio Salandra, *La neutralità italiana*, p. 200.

² Это было сказано в парламенте 20 февраля 1908 года; текст этой речи см. Antonio Salandra, *La politica nazionale e il Partito liberale*.

³ A. Salandra, *Memorie politiche*, p. 39.

открытого противника» тех методов правления, которые получили название «джолиттианства», как он сам любил выразиться¹, выставляя за год до этого на всеобщих выборах свою кандидатуру на пост главы правительства в качестве преемника Джолитти, прибег к единственно возможному, по его мнению, образу действий: он отказался от критики государственного деятеля, который, несмотря на сотни противоречий в своей внешней политике, все же завоевал колонии и в то же время расширил избирательное право. Напротив, Саландра рассыпался в похвалах Джолитти и перед лицом левых партий заявил о своем полном согласии с его политикой, словом, очень ловко примазался к его большинству и занял там видное положение².

Не прошло и четырех месяцев после образования кабинета Саландра, как ему пришлось столкнуться с проблемой войны. Провозглашение нейтралитета, диктуемого создавшимся положением и бесспорными интересами страны, но отвергаемого Соннино и националистами, готовыми встать на сторону Австрии и Германии, стоило ему, по его же собственным словам, гораздо больших усилий, чем годом позже решение о вступлении Италии в войну. Но новый, антантовский интервенционизм, очень скоро одержавший верх над интервенционизмом в пользу Тройственного союза, оказался для Саландра ценным орудием в деле «восстановления сильного государства», что вслед за Соннино всегда составляло его заветную политическую цель.

Уже в январе 1915 года, столкнувшись с сильным недовольством правительством, которое не приняло широких мер для оказания помощи пострадавшим от землетрясения жителям Аbruцц, он предостерегал своих противников (по-прежнему из партии «конституционалистов»), что они весьма ошибаются, если думают, что «штурмуют дилижанс»: на этот раз они окажутся не перед дилижансом, а перед «вооруженным броневиком», который, конечно, также может взлететь на воздух, но

¹ См. Antonio Salandra, *Memorie politiche*, p. 2.

² Таков смысл речи, произнесенной Саландра в парламенте в октябре 1913 года во время дискуссии по поводу ответа на речь короля. См. V. Galizzi, *op. cit.*, p. 101.

дело не обойдется без кровопролития¹: он угрожал ни более и ни менее, как гражданской войной. Это была пристрелка в предвещии майских событий, когда меньшинство, как это открыто признавал сам Саландра², поставило себя над парламентом, пограв его права, и, осуществив с помощью фашистских методов под сенью государственных властей настоящий государственный переворот, и заставило Италию вступить в войну³.

Правительство Саландра, в которое тем временем вошел Соннино, занявший в нем после смерти маркиза Сан-Джулиано, скончавшегося 16 октября 1914 года, пост министра иностранных дел, готовился тем временем к вступлению в войну, замышляя дипломатический и внутренний заговор. Сам председатель совета министров открыто заявил, что он и его министр иностранных дел воскресили старую традицию, согласно которой внешняя политика, за исключением конкретных и определенных решений, не является предметом обсуждения даже в совете министров и проводится лишь с одобрения короля. Саландра рассказывает, что предварительная подготовка к вступлению в войну «проводилась без всякого шума и без вотирования парламентом военных кредитов», с тем чтобы попросить затем «общего законодательного одобрения», то есть поставить палату перед свершившимся фактом, лишив ее всякой возможности действенного контроля⁴. В роковые и решительные дни перед лицом возмущения парламента (400 депутатов и сенаторов демонстративно посетили квартиру Джолитти, оставив там свои визитные карточки) Саландра был вынужден подать в отставку. Этот его жест был тщательно обдуман и носил характер чистого шантажа, короне при-

¹ Antonio Salandra, *L'intervento* (1915), *Ricordi e pensieri*, Milano, Mondadori, 1930, p. 30—31.

² См. там же, стр. 228. См. также Antonio Salandra, *Memorie politiche*, p. 4. В этой последней работе Саландра добавляет, что, если бы правительство захотело, оно могло бы очень легко обуздать «предприимчивое и смелое, но в сущности ничтожное меньшинство».

³ См. Luigi Salvatorelli, *Tre colpi di Stato*, «Ponte», aprile 1950.

⁴ Antonio Salandra, *L'intervento* (1915). *Ricordi e pensieri*, p. 64 e 79.

шлось пойти на это¹. Впрочем, теперь возможно ничего другого и не оставалось, ибо правительство уже успело запустить на полный ход дипломатическую машину, при помощи которой оно навязало стране вступление в войну, скомпрометировав саму корону².

Эту войну, в которой Италия преследовала свои экспансионистские цели³, Саландра представлял, не без некоторого академического и профессорского кокетства и той риторической напыщенности, в которой он был такой мастер, как последнюю войну Рисорджименто; но будучи государственным деятелем, он совершенно не позаботился о том, чтобы уберечь страну от финансового кровопускания, к которому война неизбежно должна была привести, и позднее даже кичился этим, как следствием своего идеализма⁴ — правда, несколько туманного и довольно разрушительного идеализма. Как и у всех людей, склонных к риторике (а это еще не означает неискренности), слово у Саландра расходилось с

¹ «В лагере интервенционистов,— писал А. Саландра (A. S a l a n d r a, op. cit., p. 273),— [отставка кабинета.— П. А.] вызвала вначале уныние и возмущение правительством, которое спасалось бегством... Но вскоре они поняли: Саландра не сдвинулся и не уступил. Он ясно поставил вопрос перед страной и королем, являющимся единственным истолкователем подлинной воли и будущих интересов страны, даже вопреки большинству парламента».

² По этому вопросу см. очерк «Интервенционизм и фашизм в новейшей историографии» в конце данной книги.

³ См. G. S a g o s s i, *Sonnino riformista e imperialista*. Но уже последователь Джолитти и Кроче В. Галицци (V. G a l i z z i, op. cit., p. 53) писал в 1928 году: «Это была мировая война наций, великих сил плутократии, за колониальное господство, за новые пути колониальной экспансии, но Саландра этого не видел и не хотел знать».

⁴ A n t o n i o S a l a n d r a, op. cit., p. 188. См. там же относительно организации снабжения. Уже в октябре 1914 года Саландра возражал против требования своего министра казначейства Рубини указать одновременно с ассигнованием 400 миллионов лир на военные нужды также источники поступления этих средств. «Министр,— писал Саландра (op. cit., p. 368),— был непоколебим и рассуждал строго формально, с точки зрения бюджета, уже дефицитного... На заседании совета 28 [октября 1914 года.— П. А.] мне, как и другим, показалось, что нельзя согласиться с предложением Рубини. Соображения финансового порядка должны уступить место более высоким политическим соображениям. Введение новых налогов испугало бы страну. Это не соответствовало бы нашему стремлению поднять дух народа и послужило бы хорошим аргументом для социалистов и нейтралитетов, и это накануне созыва парламента. Рубини вторично подал в отставку. 31-го я заставил совет министров принять решение об отставке всего кабинета, о чем в тот же день сообщил королю».

делом. Войну, готовящуюся и осуществляющуюся с такой халатностью, он называл войной «святого эгоизма»¹. Саландра, бывший закоренелым консерватором, не задумываясь обещал «крестьянам землю» и говорил о «демократии крови», противопоставляя ее «демократии избирательного бюллетеня»². Тем самым он возвел себя в крестные отцы того разрушительного сквадризма, который восторжествовал после войны.

После падения кабинета Саландра в 1916 году нейтраллисты дали почувствовать ему после войны всю свою ненависть. В течение нескольких лет он не мог произнести в палате ни единого слова, не вызвав при этом бури негодования и протестов. Но тем временем на политическом горизонте поднималась звезда фашизма, и Саландра, признанный вождь либеральной или национальной «правой», увидел в нем возможность того «реванша буржуазии», который был осуществлен не только как антидемократический, но и как открыто антилиберальный. Саландра представлял себе тогда реванш буржуазии как разрушение конституционного государства: фашистский гимн «Джовинецца» растрогал старого либерала (заявившего об этом в своей предвыборной речи в Бари 7 мая 1921 года)³. Принимая 24 сентября 1922 года в своем доме в Трое собравшихся на провинциальный съезд политических секретарей фашистских организаций под руководством сквадриста Карадонна, Саландра назвал себя «почетным фашистом», заявив, что только преклонный возраст мешает ему вступить в ряды партии и надеть черную рубашку⁴.

В месяцы, предшествовавшие «походу на Рим», либерализм Саландра ограничивался тем, что он призывал фашистов на страницах «Джорнале д'Италия» помнить о «необходимости не доходить до крайностей» и «избегать эксцессов». Эти уговоры свидетельствуют о поли-

¹ Знаменитое выражение Саландра, произнесенное им 18 октября 1914 года во время выступления в Консультативном совете, когда он временно принял на себя пост министра иностранных дел в связи со смертью маркиза Сан-Джулиано. Полный текст его см. Antonio Salandra, *La neutralità italiana*, p. 377—378.

² Об этом он говорил в неапольском муниципалитете вечером 26 сентября 1915 года; полный текст его выступления см. Antonio Salandra, *I discorsi della guerra*, p. 69.

³ Antonio Salandra, *I discorsi della guerra*, p. 184.

⁴ См. основные итальянские газеты тех дней.

тическом плане Саландра: вновь подняться к вершинам власти, используя фашистские отряды как таран для штурма вражеской крепости и рассматривая фашизм как авангард для реставрации традиционного консерватизма. 6 октября Саландра сделал в палате запрос по поводу захвата фашистами Больцано и Тренто, прокомментировав его в интервью в чисто националистическом духе; он критиковал правительство и его представителей — сенаторов Салата (главу «Центрального управления по делам новых провинций») и Кредаро (правительственного комиссара Венеции-Тридинтины), иначе говоря, открыто солидаризировался с агрессивной речью Муссолини, произнесенной им незадолго до этого перед миланской группой «Антонио Шьеза». Саландра увещевал фашистов не нападать на либеральное государство, давая, таким образом, понять им, что их задача должна ограничиваться разрушением демократического государства, и в скрытой форме предлагал свою кандидатуру на пост премьер-министра.

Но оба варианта разрешения послевоенного политического кризиса Италии, инициаторами которых были соперничавшие между собой Джолитти и Саландра, были перечеркнуты в октябре 1922 года действиями фашистов. Напрасно Саландра ускорил ход событий, заставив действовать внутри кабинета министра Риччо, свою креатуру и пятую колонну «правой» в самом правительстве (который своей отставкой вызвал внепарламентский кризис правительства Факта), теша себя надеждой, что ему удастся отстранить Джолитти. Напрасно Саландра обольщался 26—29 октября, что ему удастся, используя кризис, создать собственное правительство с участием Муссолини. Последний, одержавший победу, ибо декрет об осадном положении так и не был введен, уже не хотел делить власть с кем бы то ни было, ему нужна была личная неограниченная власть. В ночь на 29 октября попытка Антонио Саландра создать собственное правительство, используя кризис демократического и парламентарного государства в традиционно-консервативных целях, провалилась. С этого момента он выступает в жалкой роли «подпевалы» правительства Муссолини.

Среди старых либеральных лидеров, которые отказались поддерживать фашизм, Саландра был самым последним, решившимся на это. И это после того, как он помогал фашистам в проведении закона Ачербо и вошел в «большой список» 1924 года, после того как он поддерживал их в тяжелые для них месяцы, последовавшие за убийством Джакомо Маттеотти. В эти месяцы его преследовала как кошмар мысль о реванше левых, чем Муссолини сумел очень ловко воспользоваться в своих интересах для привлечения на свою сторону всех «конституционалистов».

Даже 22 ноября 1924 года, после убийства Маттеотти, после перехода в оппозицию Орландо и Джолитти, Саландра вновь заявил о своем намерении поддерживать и дальше этот режим, хотя он и предложил в палате резолюцию ультимативного характера в отношении фашизма. «Впрочем,— заявил он на этом парламентском заседании,— Муссолини понимает своим тонким чутьем политика, что правительству гораздо важнее иметь тридцать пять друзей нашей репутации — я говорю о репутации политической—и нашей честности, чем приобрести еще тридцать пять приверженцев. Муссолини знает, что мы не принадлежим к числу его последователей. Мы его открытые друзья, честные, бескорыстные и искренние»¹.

И когда после выступления Муссолини 3 января 1925 года Саландра решил наконец сообщить парламентской группе о своем переходе в оппозицию, то он пожал плоды того, что посеял: из тридцати депутатов либеральной «правой» к нему примкнуло только шесть человек, и среди них не было двух его вернейших последователей — Челезиа, его любимца, воздавшего хвалу своему «великому учителю» за его поддержку фашизма (во время учредительного съезда либеральной партии в Болонье в первой половине октября 1922 года), и Сарроки, которому тот же Саландра прямо советовал после убийства Маттеотти войти вместе с Казати в состав фашистского правительства, чтобы содействовать «нормализации» положения.

Джино Сарроки² был одним из самых типичных

¹ См. Antonio Papa, *L'ultimo della Destra*, «Belfagor», 1952, p. 334.

² Gino Sarrocchi, *Ricordi politici di un esule di Palazzo Madama*, Firenze, Barbera, 1946.

представителей саландризма, что очень ясно видно из его «Политических мемуаров» — документа, свидетельствующего, если хотите, об искреннем, но тем не менее тупом непонимании фашизма. Крупный землевладелец, правый либерал, депутат с 1913 года, сторонник фашизма, министр общественных работ во втором кабинете Муссолини, из которого он вышел 3 января 1925 года, чтобы год спустя все же вступить в ряды фашистской партии, сенатор с 1929 года, он все же утверждает в своих воспоминаниях (в которых он собирался как будто излагать «историю ошибок»), что антифашизм 1946 года вполне примирим с филофашизмом 1921—1926 годов и фашизмом последующих лет, ибо фашизм, по его мнению, был здоровой реакцией на беспорядки послевоенных лет!

Насколько способствовало «нормализации» положения участие Саррокки и Казати в правительстве Муссолини, оба этих представителя либерализма познали на собственном опыте. В 1924 году на одном из последних заседаний совета министров Саррокки предложил Муссолини... подать в отставку и предстать перед судом. Муссолини презрительно и сухо ответил ему: «Да, я готов уйти в отставку, но лишь для того, чтобы выйти на площадь!» Саррокки и Казати ничего больше не оставалось, как сообщить об этом своему «отцу» Саландра.

При таком положении вещей Саррокки, естественно, оказался среди тех, кто покинул в 1925 году Саландра ради Муссолини; выступив 18 января в парламенте, он оправдывал свой, а также своих соратников по группе отход от «великого учителя»¹.

Весьма примечательно, что Саландра и Саррокки, эти крупные землевладельцы (один — апулиец, другой — тосканец), оставались спокойными, когда вопрос шел о свободе и демократии, но они сразу же пришли в волнение, когда в палате стали обсуждать законопроекты фашистского правительства, ставившие под угрозу их земельную собственность (согласно нормам этих законопроектов, можно было легко экспроприировать земли во имя общественного блага). Итак, Саррокки решился выступить против. Он это сделал 25 марта 1925 года в палате депутатов и 27 марта 1931 года в Сенате. После его последнего выступления, обходя молчанием столь

¹ Текст этой речи см. G. S a r r o c c h i, op. cit., p. 32—38.

«второстепенный вопрос», как отношение к фашизму после января 1925 года, Саландра писал ему:

«Дорогой друг, я заболел с начала этого года болезнью, которая в мои годы неизлечима, а посему не знаю, когда смогу появиться в Сенате. Но я прочел твою речь от 27 марта, и мое старое сердце преисполнилось благодарности к тебе, хотя оно и сомневается, что к твоим советам прислушаются или, вернее, последуют им. Во всяком случае, не сердись, что я воспользовался случаем, чтобы послать тебе дружеский привет»¹.

Комментируя речь, которую Челезиа произнес в Болонье в октябре 1922 года, одна миланская радикальная газета назвала Саландра «добровольным патентованным могильщиком либерализма»². И действительно, будучи свидетелем не только развала возглавляемой им парламентской группы, но и исторического конца либерального государства, Антонио Саландра мог на деле убедиться, к чему привел его кошмар консерватора, всегда тяготевший над его псевдолиберализмом. Спрашивая свою совесть и анализируя все содеянное им, он даже после того, как жертва была принесена, не сумел вынести себе справедливый приговор³; и лишь сострадание его родных (заявивших, что в последние годы жизни Антонио Саландра не принимал никакого участия в политической жизни страны) побудило их написать, что это противоречит тому либерализму, «верным и боевым поборником которого он являлся»⁴.

¹ G. S a n g o s c h i, op. cit., p. 63. Законопроекты защищал А. Серпери, перешедший к фашистам. См. A. S e r p i e r i, *La politica agraria in Italia e i recenti provvedimenti legislativi*, Piacenza, 1925.

² *Anticaglie* (редакционная статья), «Il Secolo» di Milano, 11 ottobre 1922.

³ A n t o n i o S a l a n d r a, *Memorie politiche*, p. 77—81.

⁴ Так пишет его сын Джузеппе в предисловии к A. S a l a n d r a, *Memorie politiche*. p. VII.

ЛУИДЖИ АЛЬБЕРТИНИ

Очень трудно в нескольких словах охарактеризовать личность и политические взгляды Луиджи Альбертини. Казалось бы, к нему более всего подходит определение — консервативный либерал. Но сам Альбертини, описывая в своих мемуарах политическую жизнь 1898—1918 годов, подчеркивает, что он не одобрял методов консерваторов, в частности миланских консерваторов, с которыми он был тесно связан, хотя постоянно конфликтовал с ними на протяжении всей своей журналистской и политической карьеры. С другой стороны, если эти его попутчики на жизненном пути и были консерваторами, то все же они претендовали на звание либералов; мы можем, конечно, взять под сомнение правильность подобного утверждения, однако мы не собираемся производить революцию в общепринятых терминах, и поэтому если они были либеральными консерваторами, то для Альбертини нужно подыскать другое определение. Тогда, может быть, определить его как либерала «tout court»? * Но либералами были также Джолитти и джолиттианцы, а Альбертини вел полемику прежде всего с Джолитти и нападал на лагерь джолиттианцев, пожалуй, не слабее, а даже сильнее, чем на консерваторов. Оставим попытку определить в нескольких словах характер либерализма Альбертини и постараемся несколько глуоже разобраться в его существе. В начале своих мемуаров, являющихся в то же время историческим трудом, Луиджи Альбертини не только знакомит нас с самим собой и вспоминает свои первые шаги на поприще журналиста, но и объясняет нам, какое значение имели 1898—

* Tout court — просто, только (франц.). — Прим. ред.

1900 годы для формирования его стойких политических убеждений. На протяжении этих двух лет реакционная политика правящего класса, его чисто репрессивные методы, стремление преобразовать парламентский режим в авторитарном духе привели к глубочайшему политическому кризису, последним трагическим эпизодом которого в новом веке было убийство короля Гумберта. Из этого кризиса Италия смогла выйти, лишь пойдя по новому курсу, провозглашенному Дзанарделли и Джолитти, особенно Джолитти.

Перед лицом этих событий Альбертини занял довольно сложную позицию, которая свидетельствует о двойственности его политической линии (но отнюдь не о двойной игре!), отмеченной как разногласиями с консерваторами, так и разногласиями с джолиттианцами. Действительно, с одной стороны, он не одобрял чисто репрессивных методов, грубое вмешательство властей в деятельность ассоциаций, органов печати, кружков и т. д., безнаказанный произвол префектов и правительственных комиссаров — словом, он не одобрял этих репрессий, ибо им не хватало четкого юридического и законного обоснования. Но, с другой стороны, в силу своего либерального формализма, который уже давал о себе знать, он возмущался обструкционистскими методами оппозиции (в нее, кроме крайне левых партий, входили также и левые конституционалисты), к которым ей приходилось прибегать, чтобы оказывать сопротивление нажиму консервативной и реакционной части палаты.

Предпринятая Альбертини на первых страницах его мемуаров попытка более точно оценить, по сравнению с Кюче (см. его «Storia d'Italia dal 1871 al 1915»), ту роль, которую играли в парламентской жизни того периода правое и левое крыло, например его замечание, что репрессии 1898 года были осуществлены при министре юстиции Дзанарделли, принадлежавшем к левому крылу, не представляет для нас особого интереса. Гораздо более любопытно другое: не одобряя эксцессов и произвола, Альбертини признавался в то же время, что «его морально привлекают люди, которые руководствуются высшими соображениями и интересами общества», такие, как Соннино и Саландра. Теперь всем известно, что Соннино был исключительно упрямым человеком, не прислушивавшимся к разумным доводам, ни к

советам и мнениям других, человеком с очень ограниченным политическим кругозором, что он продемонстрировал *ad abundantiam* * в годы мировой войны; а Саландра был типичным лукавым южанином, готовым на любую авантюру, честолюбцем, стремившимся в своей политической карьере к самым высоким постам. Восторженное преклонение Альбертини перед этими людьми не означает, как он это пытался изобразить, его восхищения их идеалами, которыми они якобы руководствовались. По существу, эта оценка диктуется политическими соображениями, это предпочтение определенного стиля и не более как полемический прием.

Полемику же он вел против джолиттианской левой. По сравнению с относительной прогрессивностью Джолитти Соннино и Саландра являлись представителями чистейшего политического консерватизма.

С 1900 года, замечает Альбертини, невозможно было править сообразно убеждениям большинства, если они резко расходились с мнением социалистического меньшинства. Альбертини видит в этом первопричину всех зол Италии. Он не желает признавать, что прекращением тяжелых общественных смут, кровавых столкновений и сстрой политической борьбы Италия обязана именно тому стремлению к разрядке напряженности и умиротворению, которое у Джолитти нашло выражение в снисходительном отношении к политическим представителям рабочего класса, что этому стремлению Италия обязана и началом новой эры большего согласия, умеренного прогресса и дальнейших успехов цивилизации **. Левых джолиттианцев Альбертини открыто упрекает в том, что их управление было лишено каких бы то ни было нравственных идеалов и что они предоставили свободу действий как правым, так и левым подрывным силам, а это привело к краху либеральной и парламентской системы и открыло фашизму путь к власти.

Следовательно, несмотря на сделанные вначале оговорки, мы можем, не колеблясь, определить либерализм Альбертини как консервативный в отличие от прогрессивного либерализма Джолитти; следовательно, либера-

* *Ad abundantiam* — в изобилии (*лат.*). — *Прим. ред.*

** О политике Джолитти и ее подлинных целях см. другие статьи данного сборника, стр. 63, 91, 92, 95, 96, 98 и др. — *Прим. ред.*

лизм Альбертини является или претендует на то, чтобы являться настоящей альтернативой джолиттианства. Необходимо изучить этот либерализм Альбертини, чтобы судить о том, мог ли он действительно предложить такую здоровую и полезную альтернативу, которая бы благотворно сказалась на политической жизни и грядущих судьбах страны.

* * *

Прежде всего необходимо предупредить одно возражение. Могут заявить, что Альбертини не был политическим деятелем: он никогда не был ни депутатом, ни министром, он был всего лишь журналистом. Но зато каким журналистом! Руководить в те годы такой ежедневной газетой, как «Коррьере делла сера», значило куда больше, чем возглавлять определенное политическое течение. В те дни печатный орган играл куда большую роль, чем в наше время, ввиду отсутствия сильных массовых партий, появившихся лишь после первой мировой войны. Руководя столь влиятельной и популярной в Италии газетой, формирующей общественное мнение страны, Луиджи Альбертини играл, несомненно, ведущую роль во всех основных политических событиях Италии тех дней, правда роль скрытую, ибо он не любил выставлять себя напоказ и до конца 1921 года, когда он уступил политическое руководство газетой своему брату Альберто, его подпись никогда не появлялась под газетными колонками, однако это несколько не умаляло его роли. «В некоторых больших городах,— вспоминает Альбертини в первом томе своих мемуаров,— существовали организации с пышными названиями и малым числом приверженцев, редко собиравшихся и руководимых небольшой группой лиц, которым не терпелось играть решающую роль в предвыборной борьбе и выражать свое мнение в резолюциях, очень торжественных, но малоавторитетных. Так, например, миланская ассоциация демократов насчитывала около 80 членов, приблизительно сто человек состояли в социалистической организации, а либералов было лишь немногим больше. Кроме того, между либеральными организациями различных городов Италии отсутствовала какая-либо серьезная связь, что лишало их возмож-

ности оказывать влияние на общественное мнение, которое до конца 1925 года находилось почти целиком под воздействием печати».

Как Луиджи Альбертини достиг такого положения? Родился он 17 октября 1871 года в богатой анконской семье. Отец его Леонардо и дядюшка Чезаре были компаньонами в деле; будучи банкирами, судовладельцами и хозяевами строительной фирмы, они занимали видное положение в городе, но, ввязавшись в конце века в крупную строительную спекуляцию, слишком грандиозную для их возможностей, и пострадав от разразившегося в те годы кризиса, они вынуждены были в 1889 году объявить себя банкротами. В январе 1892 года скончался отец Альбертини Леонардо; вскоре после отмены решения о несостоятельности умер и дядюшка Чезаре. Луиджи оказался главою многочисленной семьи. Финансовые возможности, которые позволили ему получить прекрасное аристократическое воспитание, значительно сократились, а ответственность легла на его плечи большая. Он переезжает с семьей в Турин, где в 1893 году заканчивает обучение на юридическом факультете. Его дипломная работа «Вопрос о восьмичасовом рабочем дне» была опубликована в «Джурнале дельи экономисти». Затем вместе с Паскуале Яннаконе он становится ассистентом профессора Сальваторе Коньетти Де Мартиаса, учеником которого был тогда и Луиджи Эйнаути. Таким образом, волею судеб ему пришлось жить в атмосфере той «лаборатории политической экономии», которая была рассадником фритредерских идей и оказала глубокое влияние на формирование его интеллекта. Став в 1894—1895 годах корреспондентом туринской «Стампа», Луиджи Альбертини отправился на десять месяцев в Лондон, чтобы продолжить занятия политической экономией на родине фритредерства. Он подружился с административным директором «Таймс» и таким образом получил возможность наблюдать вблизи редакционный механизм крупной современной газеты и изучить технику газетного дела, что ему весьма пригодилось в дальнейшем для «Коррьере делла сера». В то же время он завязал связи с либеральными кругами Англии и завоевал их доверие, усвоив не только их политические идеи, но и тот особый присущий им стиль, который по его возвращении в Италию столь резко от-

личал его от других. Летом 1895 года Альбертини вернулся в Турин; направленный Луиджи Ру, главным редактором «Стампа», на конгресс «народных банков» в Болонье, он познакомился там с Луиджи Луццатти, который, проникшись к нему глубоким уважением и симпатией, пригласил его в Рим, поручив ему руководство газетой «Кредито э кооперационе» (весной 1896 года). Но вскоре Луццатти стал министром и это лишило Альбертини возможности поддерживать с ним близкие отношения; поэтому дальнейшее пребывание в Риме утратило для него всякий интерес. По рекомендации своего покровителя он был представлен промышленнику Эрнесто Де Анджели, совладельцу «Коррьере делла сера», который предложил главному редактору газеты Эудженио Торелли-Виоллье принять Альбертини в качестве одного из редакторов газеты.

«Коррьере делла сера» была основана Торелли в 1876 году, в год «парламентской революции», то есть в дни падения исторической «правой» и прихода к власти «левой». Вскоре промышленник Бениньо Креспи оказал ему финансовую поддержку, благодаря чему в 1886—1895 годах тираж газеты достиг довольно высокой по тем временам цифры. В 1895 году, опасаясь, как бы Де Анджели, отнюдь не новичок в подобных делах, не создал новой газеты, конкурирующей с «Коррьере делла сера». Торелли предложил ему войти в дело и продал ему три четверти своих акций. Таким образом он заинтересовал в руководимой им ежедневной газете промышленника, очень непохожего на Креспи, ибо Анджели был стойким консерватором и протекционистом и, кроме того, упорно стремился определять основное направление газеты. В свою очередь Де Анджели привлек к делу еще двух консерваторов: архитектора Лука Бельтрами и знаменитого «короля резины» Дж. Б. Пирелли.

Трудность совместной работы с новыми пайщиками не замедлила сказаться. Торелли, бывший сторонником фритредерства и, кроме того, либералом, и главный сотрудник «Коррьере делла сера» по экономическим вопросам заядлый фритредер Джакомо Раймонди не могли сработаться с тремя новыми компаньонами-протекционистами. 12 июля 1898 года, вконец измученный, не желая вступать в конфликт с новыми пайщиками и опа-

саясь, как бы более независимый курс не отразился на тираже газеты, Торелли уступил руководство Доменико Олива, опубликовав в то же время для очистки совести в «Стампа» письмо, в котором подтверждал свои либеральные и фритредерские воззрения.

Луиджи Альбертини, ставшего сотрудником «Коррьере делла сера» летом 1896 года, отправили для пробы в Россию на коронацию царя Николая II в качестве корреспондента газеты. Нельзя сказать, чтобы это поручение вполне соответствовало его характеру и способностям, но, вернувшись из Москвы, он получил должность секретаря редакции. Новое назначение было связано с исполнением функций, требовавших от него большого такта и умения, но это вполне соответствовало способностям и нраву молодого Альбертини: наряду с Торелли он должен был проводить в жизнь всевозможные директивы, поддерживать контакт с редакторами, корреспондентами, сотрудниками, заниматься технической и административной работой — словом, быть душой и главной пружиной всей деятельности «Коррьере делла сера». Это была наилучшая практическая школа, какую только Альбертини мог пожелать для своей карьеры журналиста. И когда Торелли отошел от руководства, Луиджи Альбертини уже имел достаточный опыт, чтобы занять пост административного директора газеты. Он ввел большие технические новшества, применил в типографии цилиндрические ротационные машины, что было новинкой для Италии, и создал «Доменика дель коррьере» в красках (другое большое новшество) и «Леттура», которые имели шумный успех и стали для предприятия источником больших доходов.

Когда на смену либералу Торелли пришел консерватор Олива, Луиджи Альбертини старался держаться в стороне, ограничиваясь выполнением чисто технических задач, входящих в его компетенцию административного директора. Однако он с трудом мирился со своим положением и в июле 1900 года, воспользовавшись отсутствием Доменико Олива, уехавшего в Рим, решился на самый настоящий «государственный переворот», опубликовав передовую, в которой кабинет Пеллу подвергся острой критике; статья в корне противоречила всей политической линии, проводившейся до того «Коррьере делла сера» под руководством Олива. Вернувшись в Ми-

лан и переговорив с молодым бунтовщиком, Олива вынужден был предоставить руководство газетой Луиджи Альбертини, который после кончины Торелли стал совладельцем и директором-распорядителем издательства.

Таким образом с июля 1900 года Альбертини стал полновластным хозяином «Коррьере делла сера». Он отдавал ей весь свой пыл и энергию и достиг благодаря этой газете самых высоких вершин в своей журналистской карьере. Благодаря ему типография стала неузнаваема. Он ввел лино типы, заменив таким образом ручной набор машинным, укрепил и расширил аппарат газеты, пополнив его кадрами специализированных редакторов, корреспондентами и квалифицированными сотрудниками. Тираж газеты, составлявший в 1900 году 75 тысяч экземпляров, в 1906 году достиг уже 150 тысяч, позднее же, в 1920 году, — 600 тысяч, а в 1924 году он равнялся почти миллиону экземпляров. В своем кратком, но ярком очерке о Луиджи Альбертини, опубликованном в 1925 году, но написанном годом раньше, Коррадо Альваро (работавший два года в редакции «Коррьере делла сера», где он, однако, не мог заняться тем делом, которое позволило бы ему проявить свои недюжинные литературные способности) рисует довольно сочными красками царившую в газете атмосферу при немногословном, но весьма энергичном руководстве Луиджи Альбертини. «Коррьере делла сера» представляла собой таинственную машину, дававшую великолепнейшую продукцию. Она приводилась в движение не менее таинственной рукой, рукой Луиджи Альбертини, почти не выходявшего из своего кабинета, так что некоторые редакторы, сотрудничавшие долгие годы в газете (и в том числе Альваро, работавший там почти два года), даже не знали в лицо своего главного редактора.

«Коррьере делла сера», — писал Коррадо Альваро, — производит впечатление безупречной машины, которая движется на блестящих колесиках без всяких толчков и перебоев. Попавший в «Коррьере» человек, какое бы видное положение он ни занимал, как бы влиятелен ни был, какими бы достоинствами ни обладал, кончит тем, что будет двигаться с той же неумолимостью, как и колесики точных часов. Помещение, искусно обшитое внутри деревянной панелью, издает запах нового корабля,

и среди поскрипывающего лакированного дерева и запаха краски, который в разгар лета кажется особенно сильным, вы словно путешествуете каждую ночь к надежной гавани, где происходит чудовищная разгрузка десяти ротационных машин, выбрасывающих газеты на тележку, скользящую по рельсам нижнего этажа. Все здесь удобно, солидно и лишено всякой романтики, того дерзкого романтизма и иронии, которые составляют очарование других газетных редакций, где следы повседневной работы напоминают об открытой ране, о непрерывном труде и безнадежном предприятии. Я хочу сказать, что отпечаток однодневности, присущий журнализму ежедневной газеты, не ощущался в «Коррьере делла сера». Если уж прибегать к сравнениям, то редакторы, сидящие в длинных комнатах под зелеными конусообразными абажурами, напоминают фотографов, целиком поглощенных проявлением отпечатка и озабоченных, как бы не передержать его (...). Двадцатипятилетнее руководство Альбертини сделало из «Коррьере» превосходный механизм, почти автомат, и работники его напоминают механика, знающего, что каждая пылинка может повредить работе шестерен. Торелли-Виоллье первым создал для журналистов надежные условия, обеспечившие им сносное существование, в силу этого все журналисты были одинаково заинтересованы в успехе дела. Альбертини полнял эти условия до уровня привилегии и добился создания сплоченного ядра сотрудников, прекрасно понимающих значение совместной работы в стенах столь известного предприятия. Он всегда окружал себя верными люльми: он вербовал их сам и преимущественно среди скромных провинциальных журналистов, требуя от них непрерывного совершенствования, прохождения его суровой школы, где способность к терпению, самопожертвованию и размышлению развивалась в процессе тяжелых испытаний. Этот высокий, широкоплечий человек, с трудным прошлым и бесстрастным лицом, с нескрываемой антипатией относился ко всякому проявлению интеллектуальности. В редакторах, которым надлежало стать анонимными создателями газеты, он предпочитал терпение широкой культуре. От сотрудников и авторов он требовал не столько тонкости ума, сколько точности. И, прежде всего, от всех он требовал понимания одного: «Коррьере» должна

быть для каждого целью его жизни, единственной заботой и главной мыслью (...). Только убеждением, что они участвуют в исключительно важном деле, настолько важном, что собственное имя и собственное лицо могут в ней выделяться лишь в силу необходимости и не больше, и можно объяснить тот факт, что в этом предприятии Альбертини работали и работают сотни журналистов, жертвуя порой самой сокровенной частью своей души. За этими газетными столбцами скрываются безвестные имена, и видные писатели часто кончают тем, что смешиваются с безликой массой. Создается впечатление, что всё напечатанное в «Коррьере» написано одним человеком независимо от того, писалось ли это в Нью-Йорке или Милане, в Париже или Москве. Эта ломка привычек итальянцев, столь склонных к солидным партиям, была необыкновенно смелым шагом. Это принесение в жертву газете своей собственной индивидуальности объясняется не только нежеланием выделяться и привлекать к себе внимание, подобно тем пошлым и вульгарным событиям, которые смакуют в газетах, но и характером человека, создававшего ее в течение долгих лет, воспитанного в семье, где предпринимательство вошло в привычку, и усвоившего привычки и идеи англосаксов. Альбертини управлял людьми, как дирижер оркестром, вернее, как машинист, сидящий в кабине перед батареей звонков, каждому из которых соответствует определенный маневр. Это символическое сравнение было претворено в жизнь одним из секретарей редакции, который установил на столе Альбертини клавиатуру из звонков, столь же сложную, как фортепьяно. Альбертини был почти недоступен для сотрудников, но чтобы представить себе, как был велик его престиж в редакции, достаточно увидеть вытаращенные глаза его курьера, когда он в своей клетушке со священным трепетом наклеивает марки на сотни отправляемых писем».

«Коррьере делла сера» несколько напоминает дом тестя Луиджи Альбертини, драматурга Джакоза, которого Альберто Альбертини описывает в биографии своего брата: «С неизменной любезностью он принимал Д'Аннунцио и Фогаццаро, дьявола и святую воду; Фогаццаро, несколько рассеянного, вечно погруженного в мысли о боге, о будущей жизни и реформе церкви, и Д'Аннунцио — язычника, а для некоторых, пожалуй, да-

же сатану в образе человека». Иначе говоря, «Коррьере делла сера» не отличалась особой принципиальностью. Она скорее угождала вкусам публики, чем воспитывала их, и поэтому гостеприимно открывала двери всем «именам», каковы бы ни были их убеждения. В июле 1900 года в одной из своих ежемесячных политических заметок, опубликованной в «Джорнале дельи экономисти», Франческо Папафава писал: «Известно, что, прежде чем «Коррьере» станет поддерживать какую-нибудь идею, последняя должна целиком овладеть умами ее бесчисленных читателей, то есть она должна настолько созреть, чтобы отдавать даже душком». Но если даже, как говорит все тот же Альберто Альбертини, «Коррьере» «принимает как посланцев providения всех избранных — от Габриеле Д'Аннунцио до Луиджи Пиранделло*, от Панцини до Бальдини и Массимо Бонтемпелли», то все же отношение к Д'Аннунцио представляет особый интерес.

То, что нам известно из обширной переписки между Луиджи Альбертини и Габриеле Д'Аннунцио (600 писем и телеграмм начиная с 1906 года; наиболее интенсивный характер переписка носила в период с 1911 года, а после 1921 года письма становятся все более редкими), то есть та ее часть, которая приведена в биографии Луиджи Альбертини, написанной его братом Альберто Альбертини, а также в статьях Бальдини, опубликованных в «Мондо» в феврале и марте 1949 года, представляет для нас двойной интерес, ибо эта переписка характеризует обоих — как поэта, так и журналиста. Эти письма показывают, как жажда наживы, обуревавшая Д'Аннунцио, оказывала влияние если не на качество, то, во всяком случае, на количество написанных им массовых псевдопатриотических и националистических стихов, а также на его интервенционистские выступления. Обремененный долгами, Д'Аннунцио бежал из Италии, чтобы избавиться от кредиторов. Он обратился к Альбертини, прося продать его виллу в Каппончина и привести в порядок его дела, и Альбертини стал для него почти что отцом и опекуном, хотя он и был моложе Д'Аннунцио. Бальдини правильно подметил, что Альбертини был, по-

* Пиранделло, Луиджи (1867—1936) — итальянский писатель, которому были присущи черты декадентства и символизма. В последние годы жизни примкнул к фашизму. — *Прим. ред.*

жалуй, единственным человеком, от которого Д'Аннунцио покорно выслушивал упреки и с которым разговаривал почти всегда в заискивающем и покорном тоне. Это дает нам представление о том, насколько велик был авторитет Альбертини и его прирожденное умение повелевать. В своих письмах Д'Аннунцио только и делал, что просил денег, а Альбертини всячески убеждал его быть поэкономнее. Достаточно привести один пример: утром 3 августа 1915 года (обратите внимание на эту дату) поэт послал журналисту телеграмму с обычной просьбой о деньгах; в полдень за телеграммой последовало письмо, которое гласило:

«Прошу тебя, выручи. Сегодня я заперся в комнате и велел всем сказать, что уехал. Буду работать. Буду работать для тебя. Я в отчаянии от этой однообразной причины для вечного беспокойства. Каждую минуту мне угрожает безденежье. И так с самого рожденья! С удовольствием продал бы свою душу дьяволу за слиток золота! Отлично знаю, что у тебя множество объяснений причин моего невезения, но никакое лекарство не в силах излечить меня, кроме того, о котором я просил тебя сегодня утром. В сущности, это единственное средство, которое чего-нибудь да стоит, особенно в больших дозах. Но что поделаешь? С помощью какого дьявольского договора можно было бы получить свободу, божественную свободу духа до окончания войны? Почему ты, знающий столько всяких лекарств и такой изобретательный, не придумаешь для меня чего-нибудь легкого и необыкновенного, ну, вроде яйца Колумба, но только не связанного с экономией? Какую частицу своего хорошо тренированного мозга я могу заложить или уступить?»

Однако для характеристики Альбертини его отношения с Д'Аннунцио еще более важны. Война в Ливии, интервенционистская кампания, движение сторонников Д'Аннунцио, фашизм — все это исторические фазы, тесно связанные между собой. Принимая и даже поощряя «патриотические» произведения Д'Аннунцио, помещая их на третьей странице «Коррьере делла сера»*, где в этих случаях применялась необычная верстка, чтобы привлечь внимание читателя, Альбертини тем самым

* «Парадная» полоса в итальянской печати. — *Прим. перев.*

содействовал развитию предпосылок для самого настоящего и неприкрытого националистического движения, от последствий которого он вынужден был сам потом отречься. В этой подготовке новых психологических условий между Альбертини и Д'Аннунцио как бы происходил своеобразный обмен, ибо журналист не оставался пассивным, ограничиваясь лишь публикацией стихов поэта, но и сам организовывал пропагандистские кампании, вроде той, про которую Д'Аннунцио писал ему 15 июня 1916 года: «Твои антипарламентские статьи прекрасны. Мы осуществим, когда настанет время, хорошо подготовленную революцию». Следовательно, Д'Аннунцио делал для себя радикальные выводы из предпосылок Альбертини, строя планы о каком-нибудь походе на Фиуме или на Рим — в данном случае скорее на Рим, чем на Фиуме.

Вплоть до этих лет (годы ливийской войны, а затем первая мировая война), то есть в течение первого десятилетия руководства Альбертини газетой, для «Коррьере делла сера» были характерны несколько основных направлений. Во-первых и вообще, крайне осторожное, консервативное отношение ко всем политическим событиям. Во-вторых, постоянное и неослабное внимание к международной конъюнктуре (которую Альбертини рассматривал как фактор, способный продиктовать нации единую и стоящую превыше партийных интересов политическую линию). Это предвещало ту более откровенную националистическую позицию, которую «Коррьере делла сера» заняла во время ливийской войны и в еще большей мере во время мировой войны. В-третьих, ревнивая защита светского характера государства — линия, которую Альбертини унаследовал от тех представителей «правой», к которым он испытывал чувство величайшего восхищения.

Все эти три линии не могли не привести Альбертини к постоянным столкновениям с Джолитти, особенно вторая, несмотря на временную общность взглядов в 1911—1912 годах по вопросу ливийской войны, ибо Джолитти мало интересовался внешней политикой и ограничивался тем, что подбирал для своих кабинетов хороших министров иностранных дел. Но совершенно несовместимым с политикой Джолитти было главным обра-

зом первое основное направление газеты Альбертини. Главному редактору «Коррьере делла сера» не нравилось в Джолитти как раз то, что другие в свете исторического развития Италии были склонны одобрять: политика уступок пролетариату, радикализму и социализму, политика уступок и соглашений с миром труда. Альбертини оставался глух к доводам Джолитти, который в начале века писал, что, когда в 1893 году он обратился к наиболее богатым классам с просьбой о ничтожной жертве, то «они возмутились гораздо больше, чем бедные сицилийские крестьяне». Между тем, придя к власти после Джолитти и пользуясь поддержкой истых либералов, Соннино стал проводить в области финансов политику дальнейшего повышения цен на соль и пошлин на зерно. «Я больше других сожалею о классовой борьбе,— писал Джолитти,— но будем же справедливы, кто ее начал?» И, сравнивая налоговую систему Италии с налоговой системой других стран, он добавляет: «Я восхищен долготерпением и покорностью простого народа и с ужасом думаю о последствиях его пробуждения».

Наоборот, речь Джолитти, произнесенная им 21 июня 1901 года, вызвала у Альбертини ужас: анализируя результаты аграрного обследования, произведенного Ячини, Джолитти констатировал, что в результате забастовок крестьяне добились экономических выгод. «Ему даже не пришло в голову,— замечает Альбертини,— что результаты обследования являются куда более сложными, что существует взаимосвязь между уровнем заработной платы и положением сельского хозяйства, а посему на пути увеличения заработной платы стоят препятствия, которые можно преодолеть только путем медленных и планомерных действий, и что ни в коем случае нельзя было со скамей либерального правительства возбуждать недовольство масс и толкать их на чрезмерные требования и бессмысленные забастовки, обреченные на провал» [курсив наш.— П. А.]. При этом Альбертини сам не задумывался над собственными утверждениями, ибо эти забастовки вовсе не были такими уж неоправданными и бессмысленными, так как послужили мощным стимулом для технического прогресса в деревне. Как явствует из обследования, проведенного Обществом земледельцев (опрос проводился путем анкеты), крупные аграрии, отнюдь не желая отказываться от

Своих прибылей, вынуждены были под давлением пришедших в волнение крестьян, требовавших большего вознаграждения за свой труд, применять усовершенствованную технику, улучшать способы обработки земли и вводить машины, что позволило им безболезненно для себя увеличить крестьянам заработную плату. «Но этот процесс,— комментирует Альбертини, пытаясь уменьшить значение предыдущего аргумента,— был отнюдь не простым и наталкивался на серьезные препятствия. Техника не может развиваться рывками и скачками, она прогрессирует постепенно...» Все это прекрасные слова, но лишь слепой может не видеть, что негодование Альбертини против Джолитти и его политики объясняется не либеральной взыскательностью Альбертини и его заботой об увеличении производства, а желанием защитить интересы землевладельцев.

После всеобщей забастовки 1904 года, первой крупной национальной забастовки в Италии, столь напугавшей буржуазию, заставившей Ватикан пересмотреть свои политические установки и пробившей первую брешь в «*pop exedit*» (которая все более расширялась, приведя в конце концов к заключению в 1913 году пакта Джентилони), Альбертини резко разошелся с Джолитти, ибо, по его мнению, председатель совета министров не использовал наступления реакции, дабы повести энергичную борьбу с левыми, ряды которых в парламенте значительно поредели после выборов*. «Сделай глава правительства упор на острую борьбу,— писал Альбертини,— мы имели бы совсем другие результаты! Между тем в докладе королю о роспуске палаты, происшедшем 18 октября, он обвинял зажиточные классы, которые, по его словам, «еще недостаточно усвоили, что при свободном режиме нельзя и не должно требовать, чтобы все делало правительство, необходимы также энергичные действия всех граждан во имя защиты своих законных интересов». Далее он заявил, что «наиболее полезными в деле ограждения свободы от всякой опасности будут следующие мероприятия: улучшение образования и воспитания народных масс, а также воспитание зажиточных классов в духе, более соответствующем совре-

* Относительно отмены принципа «*pop exedit*» и политики Джолитти в этот период см. Дж. Канделоро, Католическое движение в Италии, М., ИЛ, 1955, стр. 344—348.— *Прим. ред.*

менным требованиям». Эти слова Джолитти приводили в ярость Альбертини, и спору нет, что настоящим либералом был первый, а не второй. Именно эти обвинения вызвали бурю негодования у главного редактора «Коррьере делла сера», квалифицировавшего деятельность и выступления Джолитти как демагогические.

Альбертини задевало за живое утверждение Джолитти, что нельзя управлять с помощью винтовок, все же мы должны признать, что на деле Джолитти, к сожалению, не придерживался этого принципа. Хотя Джолитти и отказался в 1893 году, когда развернулось движение сицилийских крестьян, учредить чрезвычайные трибуналы и распустить фаши [организации сицилийских крестьян.— *Ред.*], однако в течение целого года войска безжалостно расстреливали по его приказу манифестации и демонстрации. Альбертини раздражало утверждение Джолитти, что нельзя распускать сельские лиги только потому, что они требуют прибавки для крестьян нескольких центезимо в день; его раздражало, что Джолитти не применил против бастующих государственных служащих суровых мер и тем самым поощрял и другие категории трудящихся не мириться с голодной смертью.

Итак, я позволю себе сказать, хотя это и будет звучать, пожалуй, несколько парадоксально, что для либерала типа Альбертини идеалом правительства было такое правительство, которое управляло бы обществом, где развивалась бы только современная промышленность, но не пролетариат. Это позволило бы установить такое законодательство и такую чисто аристократическую форму правления, при которой заботились бы только об интересах богатых слоев. Только они одни получили бы право на политическое представительство и политическую защиту.

* * *

Из трех основных направлений, характерных для политики Альбертини, два, то есть консервативные устремления и идея светского государства, явно противоречили друг другу. Невольно напрашивается вопрос, как мог этот человек, столь ревниво оберегавший светский характер государства и отвергавший союз с католиками, кто бы его ни предлагал — самые косные консерваторы или Джолитти, — как мог этот человек, казавший-

ся в этом отношении самым передовым и последовательным выразителем лучших либеральных идей, как мог он столь враждебно относиться к более прогрессивной политике в отношении народных масс, проводимой Джолитти в отличие от других либеральных течений, кто бы их ни возглавлял — Соннино или Саландра. Здесь, пожалуй, явное противоречие; но это лишь кажущееся противоречие. В сущности антиклерикализм Альбертини тесно связан с его аристократизмом, подобно тому как у Джолитти политика контакта с католиками имеет совершенно иное значение, чем у ломбардских консерваторов, и тесно связана с другими аспектами его либерализма. Ибо Джолитти ставил перед собой задачу проведения прогрессивной политики при поддержке массовых партий. Таким образом, он протягивал руку социалистам и в то же время добивался поддержки католиков, которые хотя и не были еще организованы в сильную массовую партию, однако представляли широкие массы итальянского народа*. Это признавал с октября 1899 года и Папафава, писавший: «...просачиванию социалистов и клерикалов-демократов в муниципальные советы (то, что консерваторам казалось варварским нашествием) суждено оказать оздоровляющее консервативное влияние, ибо социалисты и клерикалы-демократы являются теперь почти единственными представителями народных масс, единственными звеньями, связывающими эти классы с теми, которые, мягко выражаясь, называют правящими» [курсив мой.— П. А.]. Вот почему в конкретной исторической обстановке Италии антиклерикализм Альбертини и его идея светского государства, бесспорно вызывающие у нас симпатию, являлись, однако, следствием его аристократической и олигархической позиции, ориентированной лишь на узкий круг избранных лиц; именно такой и была политика исторической «правой», на которую Альбертини всегда ссылался, противопоставляя ее «левой»¹.

Если учесть эти консервативные корни позиции Альбертини, то легко объяснить и все последовательно занимаемые им позиции: непримиримость ко всем требо-

* См. примечание на стр. 374.— *Прим. ред.*

¹ Эти наблюдения развиты в книге Gabriele de Rosa, *L'Azione Cattolica. Storia politica dal 1905 al 1919*, v. I, Bari, Laterza, 1953, p. 313 sgg.

ваниям профсоюзов, объяснявшуюся не столько тем, *чего* требовали рабочие, сколько тем, *как* они требовали, ибо он считал, что они ставили волю отдельных профессиональных организаций выше воли законных органов власти; порицание слабости Джолитти, которого Альбертини упрекал в том, что он не принял суровых мер против забастовки государственных служащих, особенно железнодорожников, именно в эти годы укрепивших свою профессиональную организацию; его оппозицию расширению избирательного права или негодование по поводу быстрой перемены фронта Джолитти, который в 1912 году, после того как он противился самой робкой реформе избирательного права, предлагаемой Луццатти, осуществил теперь гораздо более радикальную реформу (здесь от Альбертини ускользнуло главное: если оставить в стороне вопрос о «чистоте нравов», то это расширение избирательного права носило скорее консервативный характер, ибо приобщало к общественной жизни крестьянские массы, которые в те времена были скорее консервативной, чем радикальной силой).

Итак, в общем и целом политика, которую, по мнению Альбертини, следовало проводить в Италии, была куда более консервативной, чем проводимая Джолитти, хотя она и была более щепетильной в отношении предвыборных, парламентских или административных методов. Повторяю, противоречие здесь только кажущееся, и оно напоминает нам о двойственности консервативной политики, столь характерной для исторической «правой». Альбертини по-новому формулирует в условиях современного общества старое требование, согласно которому чем консервативнее политика по существу, тем больше она должна быть рупором и гарантом добросовестного и неукоснительного следования закону. Старая историческая борьба «правой» за справедливое управление возрождалась ныне в новой полемике относительно верности светской традиции и отказа от столь изворотливых и беззастенчивых предвыборных, парламентских и административных методов, какие применял Джолитти. Впрочем, заслуги «правой» не помешали «левой» одержать верх и сменить ее у власти после ее пятнадцатилетнего руководства объединенной Италией. Более свободная от предрассудков в деле управления государством, «левая» оказалась в то же время и более

восприимчивой к первым требованиям проведения политики, менее подчиненной контролю «определенной клики». То же произошло и в результате борьбы между альбертинианской и джолиттианской системами. И если деятельность «правой» в это первое 15-летие после объединения имела определенный смысл, то этого нельзя уже было сказать о новом веке, когда окончательно рухнула олигархическая структура, с которой итальянское общество вышло из битв Рисорджименто, когда уже наметились первые признаки развития сознательности масс, которым морализм Альбертини не был и не мог быть больше созвучен.

Тем более что у этого морализма были свои изъяны. Мне, например, кажется очень характерным то, как реагировал Альбертини в одном типичном случае конфликта, затрагивавшем государственные власти. В ноябре 1908 года доктор Антонино Кампаноцци, первый секретарь министерства почт и телеграфа, сделал на съезде почтово-телеграфных служащих доклад, который содержал серьезнейшие разоблачения, касавшиеся деятельности администрации. В палате был сделан по этому поводу запрос, на который министр ответил, что доклад этот является нарушением служебной тайны. Со стороны министра это была хитрая уловка, позволявшая ему уклониться от рассмотрения обвинений, содержащихся в докладе. Кампаноцци подвергли дисциплинарному суду и уволили. Так вот, в этом случае Альбертини поднял в «Коррьере делла сера» кампанию против секретаря и не только не заикнулся ни словом о проведении расследования в целях улучшения нравов, но даже выступил против предложения социалистов, приведя ничтожные доводы. Вот что он писал в статье от 22 ноября 1908 года: «На таком же основании какой-нибудь сторож квестуры может предать суду министра внутренних дел, обвинив его в разбазаривании секретных фондов или в совершении незаконных действий иного рода». Между тем именно Альбертини, пламенному англоману, не мешало бы подумать, что действительно либеральной и справедливой администрация может быть лишь в том случае, если имеется абсолютная гарантия, что обвинения последнего полицейского, пусть даже по адресу самой высокой особы в государстве, будут проверены и рассмотрены.

Альбертини, правда, не умалчивает о росте коррупции в верхах, в военных и промышленных кругах, что приводит к периодическим скандалам и расследованиям; он даже уделяет этому явлению нашего недавнего прошлого, весьма часто замалчиваемому историками, много страниц в своих мемуарах, давая очень точный и подробный анализ. Он не замалчивает также убийств и расстрелов крестьян и рабочих, что как тогда, так и теперь является одной из характернейших черт правления господствующих классов Италии. Но готов ли он сделать отсюда все необходимые выводы, чтобы разработать программу подлинного исправления нравов? Тот факт, что социалистический депутат Турати добивается проведения закона, запрещающего подобные кровавые расправы, кажется Альбертини чем-то чудовищным, неприемлемым ни для какого правительства, ибо никто потом не сможет управлять государством, лишившись возможности систематически использовать винтовки карабинеров против рабочих и крестьян в целях «оздоровления» общества. И волну возмущения против этих убийств Альбертини называет сначала в «Коррьере делла сера», а затем через несколько лет в своих «Мемуарах» — «новым безумием».

Именно с этого времени (май 1906 года) Альбертини начинает одобрять то, что впервые произошло во время одной забастовки в Болонье, а именно образование «сквадр», получивших впоследствии, при фашизме, широкое распространение. Впрочем, вспоминая этот эпизод после триумфа фашизма, Альбертини должен был признать, что «это побуждение [«вызвать в стране волну патриотического энтузиазма с помощью таких низменных средств»] было уместным лишь до известной степени. Действительно, последующие факты показали, что реакционное движение, поднявшееся в стране, дабы придать правительству ту энергию, которой оно было лишено, могло завершиться лишь подменой законных форм правления незаконными и вылиться в мрачную реакцию».

Что касается этого аспекта, то есть отстаивания твердых и строгих принципов, неоднократно опровергаемых самой практикой, то теория либерализма Луиджи Альбертини может быть охарактеризована как абстрактный морализм. Он взывал к восстановлению «безупреч-

ных нравов», к «абсолютно моральному правительству», к «исключительной честности в управлении и в соблюдении законов», он хотел видеть людей, воодушевляемых «высокими целями», «людей с возвышенной и чистой душой»; но эти идеалы не могли осуществиться, они противоречили действительности, ибо эти благороднейшие намерения нарушались на каждом шагу во имя сохранения существующего строя. Абстрактный морализм и полная аморальность на практике имели один источник: утопическое стремление остановить развитие общества на определенном этапе, который уже почти был пройден, на том этапе, когда правительство, функции которого в силах осуществлять лишь немногие, могло и должно было состоять из небольшого числа честных людей с хорошими традициями и добрыми нравами. В силу этого абстрактного морализма ревнителя строгих нравов, унаследованного от «янсенистской» традиции исторической «правой», многие считали, что конфликт между Альбертини и Джолитти нельзя рассматривать с классовой точки зрения, а лишь с точки зрения различия их нравов, привычек, стиля и характеров. Характеру Альбертини, по его собственному признанию, претило «единодушие, столь дорогое политическому темпераменту итальянца», претили «священные союзы», эти искусственные и развращающие порождения. Наоборот, гораздо правильнее объяснять все это именно с классовой точки зрения, ибо это отращивание рассеивается, как туман от солнечных лучей, когда Альбертини и «Коррьере дела сера» выступили по тождественным мотивам на стороне интервенционистов или, по его собственному признанию, одобрили «отпущение грехов» д'аннунционизму, что, безусловно, весьма знаменательно и к чему мы еще вернемся в дальнейшем.

Разумеется, центральным пунктом разногласий с джолиттианством, в котором наиболее ярко проявилась отсталость альбертинианства по сравнению с джолиттианством, являлся вопрос отношений между так называемой партией конституционалистов и социалистами. Даже когда кажется, что Альбертини может придерживаться более прогрессивного курса, не следует впадать в ошибку. Посмотрим, например, что пишет Альбертини в «Коррьере дела сера» 25 сентября 1908 года

относительно долга конституционалистов бороться с «демагогическими слабостями» социалистов, преследуя при этом педагогическую цель, то есть стремясь сделать из них честных и хороших государственных деятелей:

«Мы должны всячески содействовать уничтожению траншей, в которых гнездятся их разрушительные силы, и сделать из них представителей сил труда, разумных, спокойных и умеренных, прямых последователей той радикальной демократии, которая, будучи в высшей степени буржуазной, не может сильно отличаться от других буржуазных партий в экономической области».

Эти заявления не должны, однако, вводить нас в заблуждение, ибо в случае осуществления такого педагогического и трансформистского эксперимента Альбертини вновь оказался бы лицом к лицу с воплощением столь ненавистных ему идей: джолиттианских и радикальных.

Сотрудничество с социалистами—это очередное больное место Альбертини. И в этом вопросе вновь проявляется его фокусничество: стремясь к определенной цели, он тут же отказывается от нее и с отвращением ее отвергает, как только убедится, что ее осуществление приближается. По поводу успехов крайних партий на выборах в 1909, 1913 и 1919 годах Альбертини писал:

«Что же делать? Ничего не остается, как поставить эти численно выросшие партии перед трудностями, встречающимися на нашем пути, дабы и они участвовали в наших усилиях по их преодолению, заставить их разделять с нами ответственность, разочарования и горести, которых немало в нашей деятельности и избежать которых можно лишь в области чистой риторики».

Но все это одни слова, ибо, когда вопрос о сотрудничестве с этими «поумневшими» социалистами встал конкретно, Альбертини поднялся на дыбы. Когда в 1910 году Джолитти предложил Биссолати, одному из стана «одумавшихся» или находившемуся на пути к этому, портфель в своем кабинете, Альбертини писал:

«Было бы большой близорукостью не видеть, что Биссолати и его друзья уступают в том, от чего они уже открыто и фактически давно отказались, меж тем как мы уступаем в чем-то гораздо более существенном. Мы уступаем еще раз и более основательно, чем когда-либо, мы уступаем в том, что касается наших прав

большинства. Мы признаем, что без помощи, одобрения и содействия меньшинства мы не можем управлять государством, принимаем от меньшинства невыгодные для нас реформы и еще кое-что похуже, лишь бы не сражаться в защиту наших идей и за право их осуществления, потому что мы в большинстве».

Аналогичную позицию занял Альбертини и одиннадцать лет спустя, когда в июне 1921 года Джолитти заявил, что настало, пожалуй, время привлечь социалистов к управлению страной.

Но несостоятельность консерватизма Альбертини подкрепляется еще и другим соображением. Вне журналистской деятельности, в области чисто политической и парламентской позицию Альбертини представлял по сути дела Соннино, с которым он связал свою общественную деятельность, правда с некоторыми оговорками и при полной независимости суждений, что особенно сказалось в более поздние годы, когда шла дипломатическая подготовка к вступлению Италии в первую мировую войну. Соннино же не только отвергал на деле все теоретические обещания мужественно приступить к проведению «самых смелых реформ» (согласно стереотипному языку тогдашних консерваторов, да и вообще консерваторов всех времен), но в силу неотвратимой необходимости, диктуемой политической и парламентской жизнью, кончил тем, что отказался даже от своего излюбленного тезиса «морального совершенства», сильно разбавил водой вино своей прославленной непримиримости и сделал свои кабинеты куда более разнородными по составу, чем кабинеты Джолитти; сам Альбертини время от времени вынужден был признавать это. Так что в конце концов у Джолитти было то преимущество, что он не прибегал к политике репрессий, на проведение которой его часто толкали депутаты «правой».

Однако прогрессивный либерализм Джолитти и консервативный либерализм Альбертини были, в сущности, лишь двумя сторонами политики буржуазии, готовыми сомкнуть свои ряды перед лицом общей опасности, но в период послевоенного кризиса они продемонстрировали свою полную несостоятельность.

Вся литература об Альбертини, за исключением краткого очерка Коррадо Альваро, обходит молчанием его отношение к фашизму до «похода на Рим» и вполне

заслуженно отмечает антифашистскую непримиримость Альбертини после «похода на Рим» (находившую яркое выражение на страницах «Коррьере делла сера» вплоть до 1925 года, когда он был удален с поста главного редактора), а также его антифашистскую позицию в Сенате и после 1925 года, вплоть до того дня, когда значительно поредевшая группа сенаторов-антифашистов, в которую входили Кроче и Руффини, смогла с честью вступить в зал заседаний палатцо Мадама*. На деле же отношение Альбертини к фашизму в годы его зарождения и прихода к власти, нашедшее отражение на страницах «Коррьере делла сера», имеет большое значение, ибо оно позволяет нам убедиться в том, что не только Джолитти с его прогрессивным либерализмом, но и Альбертини с его консервативным либерализмом полностью отказались от незыблемых канонов подлинного либерализма, когда социализм продемонстрировал достаточную силу, чтобы претендовать на власть.

Мы можем относительно легко установить предпосылки этого начального филофашизма Луиджи Альбертини. С одной стороны, это непримиримость антисоциалиста, антирадикала и антидемократа, о чем он всегда открыто заявлял, а с другой стороны, это то, что я хотел бы определить как его «преднационализм», некоторые симптомы которого я уже отмечал.

Правда, это еще не национализм в полном смысле этого слова, но налицо уже все предпосылки для него: он оценивал авантюру в Ливии даже не как следствие военной и экономической необходимости, а как «долг чести», «вопрос скорее моральный, чем территориальный» (слова его брата Альберто, но мысли самого Луиджи). Ливийская война была для Италии предпосылкой к мировой войне, и нам известна роль, которую сыграла газета «Коррьере делла сера» в этой интервенционистской кампании.

Если Антонио Саландра в своих недавно опубликованных политических мемуарах честно признавался, что Италия в 1914 году «не хотела никакой войны», но год спустя участие в мировом конфликте «было задумано и претворено в жизнь предприимчивым и смелым, но в сущ-

* Здание, в котором заседает Сенат.— *Прим. ред.*

ности ничтожным меньшинством, которое правительство могло очень легко обуздать», то сам Альбертини в третьем и четвертом томе своих мемуаров неоднократно подтверждает это заявление.

Когда война была объявлена, Альбертини наладил личный контакт с виднейшими представителями политических и военных кругов Италии и даже Франции, стремясь повлиять на них в смысле интервенционистской непримиримости и форсирования военных действий. Если в марте 1915 года Альбертини отправился к Саландра, чтобы показать ему памятную записку относительно проблемы военного снабжения, в значении которой он убедился после его длительных бесед с Брианом и Галлиени во Франции, а также с некоторыми магнатами итальянской промышленности, в том числе с Анжелли, то 15 июня, то есть спустя несколько недель после вступления Италии в войну, главный редактор «Коррьере делла сера» был вызван генералом Порро в главный штаб, где у них состоялся длительный разговор с участием Кадорна. После первого посещения ставки верховного командования визиты Альбертини туда участились; каждый месяц он проводил 3—4 дня в Удине в качестве гостя главнокомандующего, с которым потом объезжал позиции на фронтах. Альбертини сам признавался, что эти постоянные тесные отношения с Кадорна, Порро и их сотрудниками создали ему особое положение, он стал чем-то вроде *trait-d'union** между верховным командованием, в штаб которого было не так-то легко проникнуть, и теми, кто хотел бы довести до сведения военных кругов свои критические замечания и т. д. Альбертини поддерживал регулярную связь с двумя видными политическими деятелями — с Амендола и Биссолати, совершенно примирившись с последним на основе общности интервенционистских настроений; в Милане же, преодолев свою непреклонность антисоциалиста, он стал сотрудничать в деле организации комитетов содействия с муниципалитетом, руководимым социалистом Кальдара. Еще большее значение имели те отношения, которые Альбертини поддерживал в годы войны с Саландра. Он часто беседовал с Саландра и писал ему, пытаясь, в частности, исправить ошибки, вы-

* Связующего звена (франц.). — Прим. ред.

званные негибкостью и ограниченностью Соннино и хорошо заметные для опытного глаза главного редактора «Коррьере делла сера» (что, впрочем, не мешало ему по-прежнему защищать Соннино от нападков его противников), или же стремясь сгладить противоречия, нередко возникавшие между Саландра и Кадорна. Так, например, 2 января 1916 года Альбертини пишет председателю совета министров следующее:

«Что кабинет действует по своему усмотрению — это необходимо и разумно. Храни нас бог от правительства, поворачивающегося, подобно флюгеру на крыше, в ту сторону, откуда дует ветер. Но неправильно, когда правительство полностью изолируется от всех интеллектуальных и моральных сил, которые могут быть ему полезны. Ни в одной из воюющих стран как в одном, так и в другом лагере вы не увидите того, что имеет место у нас, в Италии, где парламент, пресса, общественное мнение, промышленность, торговля, банки отказались от всякого контроля, от всякой критики, от всякого, даже частного, выражения своей воли и вручили свою настоящую и будущую судьбу двум людям: главе правительства и министру иностранных дел».

Невольно напрашивается вопрос, как можно согласовать эти слова Альбертини с его поведением в 1917 году, когда он возмущался умеренностью нового министра внутренних дел Витторио Эмануэле Орландо (всячески стараясь помешать ему занять пост председателя совета министров), ибо тот не хотел ограничивать конституционные свободы, то есть хотел воспользоваться именно той помощью всех моральных и интеллектуальных сил, развитию и оживлению которых как раз и способствует свобода. Но вскоре стало ясно, что Альбертини хотел, в сущности, лишь укрепления интервенционистских сил и сурового подавления всякого иного выражения мнений и политических тенденций.

Подобно тому как Альбертини защищал Саландра и Соннино, несмотря на их крупнейшие ошибки, точно так же защищал он и Кадорна, человека, который, предпринимая ужасающие лобовые атаки, неизбежно обреченные на провал, посылал на убой десятки и десятки тысяч итальянских солдат и на которого почти полностью ложится ответственность за поражение при Капо-

ретто, несмотря на его столь же постыдное*, сколь и широко известное, донесение. От Альбертини не ускользнула импульсивность Кадорна, его халатность, недалекость, непонимание психологии солдата, но зато он ценил в нем «ту силу воли и ту энергию, которые пришлось ему по душе в силу его властного характера, не терпящего ни медлительности, ни противоречий», как писал брат Луиджи Альбертини. Но, рассуждая хладнокровно, последний должен был признать, что сам он страдает теми же недостатками: «Стремление непременно добиться торжества этой идеи [интервенционизма.— П. А.] в жестокой борьбе со всеми, кто проповедовал противоположную идею, поглотило все наши силы, помешало изучить и проанализировать условия, важность момента, руководящие принципы величайшего решения». То же настроение и те же соображения помешали Альбертини и другим интервенционистам понять гуманность протеста против чудовищного фронтального наступления, затеянного Кадорна после провала его первого военного плана, который даже Альбертини считал ошибочным, ибо в результате трех месяцев войны Италия потеряла 37 тысяч убитыми и 88 тысяч ранеными, в то время как Австрия потеряла лишь 9 тысяч убитыми и 43 тысячи ранеными. В связи с этим ужасающим наступлением, в результате которого почти каждая итальянская семья потеряла кого-нибудь из своих близких, Альбертини часто ездил в ставку и в одно из своих посещений даже поссорился с теми людьми, с которыми был связан узами дружбы и уважения, а именно с Амендола и Д'Аннунцио, так как эти последние выражали свое глубочайшее сожаление по поводу методов ведения войны Кадорна, избегавшего обходных маневров и предпочитавшего кровопролитные и бесполезные лобовые атаки; и эту критику действий Кадорна Альбертини считал «жалким бредом»!

Если газета «Коррьере делла сера» была первым и самым решительным пропагандистом интервенционистских настроений, то впоследствии она писала о войне как о некоей героической схватке, положив тем самым начало тому риторическому восхвалению этой резни,

* В первом донесении о поражении при Капоретто Кадорна пытался свалить всю ответственность на отдельные войсковые части, обвиняя их в трусости.— *Прим. перев.*

которое способствовало созданию психологической атмосферы, породившей фашизм. Если есть еще необходимость доказывать, что вопросы «стиля» мало что значат в политике, где преобладают вопросы строго и чисто политического порядка, то мы можем указать на следующее обстоятельство: Альбертини, воспитанный на английский образец, ненавидевший риторику, сдержанный и серьезный, оказался в этом случае, как и в период кампании в Ливии, когда он расчистил путь движению Д'Аннунцио, рассадником дурных вкусов и пропагандистом риторики. Коррадо Альваро был единственным человеком, обратившим внимание на эту особенность кампании, проводимой «Коррьере делла сера». Примечательно, что он писал в книге, отрывок из которой мы сейчас процитируем и задача которой была, конечно, далека от желания опорочить Альбертини.

«Когда обнищавшему и невежественному народу преподносится миф о военных парадах и победных маршах, трудно убедить его в том, что речь идет о пропаганде и о призыве устоять перед натиском врага. Война — этот долг, который каждое поколение должно выполнить в современном мире как одно из доказательств своей возмужалости,— приобретает у нас облик ремесла, которым можно заниматься всю жизнь».

Однако в связи с этим не мешает отметить то благоразумие, которое стал проявлять с 1917 года Луиджи Альбертини в области международных вопросов: его участие в заключении Римского соглашения показывает, что уже тогда он прекрасно отдавал себе отчет в тех опасных последствиях, к которым мог привести националистический экспансионизм, лелеявший нездоровые мечты о присоединении Далмации, всей Далмации, подготавливавший тот миф об «урезанной победе», который столь содействовал рождению и становлению фашизма. Да, Альбертини отдавал себе во всем этом отчет и даже пытался найти противоядие: так, непосредственно после войны он «развернул в «Коррьере делла сера» кампанию против националистических бредней, из-за которой ему пришлось поступиться непосредственными интересами газеты. И все-таки (Сальвемини недавно признал это в своей статье, опубликованной в журнале «Мондо» и посвященной выходу в свет третьего тома мемуаров Альбертини), как и раньше, он стал

искать противоядие лишь тогда, когда было уже слишком поздно. «Коррьере делла сера» не поднимала этих вопросов, когда это было нужно и полезно, а подняла свой голос тогда, когда «зло проникло слишком глубоко, настолько глубоко, что, оказавшись перед лицом стихии и вынужденная дать сражение, она проиграла его, даже не начав... Альбертини не воспротивился пропаганде далматинской авантюры, меж тем как с помощью своей газеты он мог бы создать для нее непреодолимую преграду. Когда он прибег к противоядию, избежать последствий уже было невозможно».

Как бы то ни было, политическая дальновидность и благоразумие, проявленные (пусть даже с некоторым опозданием) Альбертини, занявшим позицию, враждебную националистическому экспансионизму, стоили ему дружбы с Д'Аннунцио, бесповоротно избравшим тот самый путь, на который его толкала до этого «Коррьере делла сера», и продолжавшим идти по нему, все более отдаляясь от Альбертини.

Но если Альбертини не поддался националистическому угару, зато он поддался той панике, которая охватила весь правящий класс Италии, когда социалисты продемонстрировали свою силу и дали понять, что настало время для их прихода к власти. Тут уж все разногласия были забыты, все бреши заполнены, и сторонники Альбертини и Джолитти нашли общий язык, забытый уже много лет назад; все были заодно, поддерживая фашистское движение, в котором они видели желанное противоядие социализму. В этом отношении очень показательны слова Коррадо Альваро:

«До 1920 года Альбертини знал лишь людей, бывших его единомышленниками, и мне кажется, что, когда он сталкивался с другими, у него создавалось впечатление, что опасность не так уж велика, как о ней кричали. Во всяком случае, в развитии итальянского кризиса, приведшего к фашизму, буржуазия и консерваторы сыграли большую роль: они, пожалуй, были готовы пойти на самые невероятные жертвы, на любые соглашения вместо того, чтобы изучить природу этого движения, которое невозможно было остановить, свести его на нет или преобразовать. В этом случае фабриковались всякие имена, которые затем должны

были стать пугалом и защитой для движений, куда более опасных и губительных.

Итальянская буржуазия, весьма далекая от желания удовлетворить в какой-то мере чаяния итальянского народа, возникшие в результате войны и мира, была охвачена страхом. «Коррьере делла сера» вела тогда крайне интенсивную пропаганду. Так был осуществлен поход на Рим, оплаченный и поддержанный напуганной буржуазией, выпестовавшей в течение трех лет движение, преследовавшее по существу единственную цель: уничтожить все то, что было завоевано в результате классовой борьбы, которая в годы войны сожгла последние бастионы буржуазии. До этого момента, то есть до октября 1922 года, фигура сенатора Альбертини стоит в одном ряду с самыми крайними реакционерами Италии...

Его сердце консерватора при первых схватках классовой борьбы должно было содрогнуться от негодования (...). Тогда казалось, что кризис все сокрушит, теперь мы видим, что это было детской игрушкой по сравнению с «утонченными методами» фашизма. Либеральная буржуазия во главе с королевским правительством пыталась овладеть этой борьбой, благоприятствуя сначала ее развитию, чтобы затем подавить ее. Именно тогда позиция «Коррьере делла сера» стала крайне непримиримой: никакого соглашения, никакого перемирия. В хронике, которую мы читали в этой газете, чрезмерно раздувались жестокости, имевшие место в процессе этой борьбы, причем каждому эпизоду, подчас совершенно пустяковому, придавалось значение осуществления пролетарского апокалипсиса. Эта пропаганда не отличалась большим благоразумием. Идейной полемики ей было недостаточно, она избрала в качестве самого сильного оружия для пропаганды своих идей раздувание мелких случаев насилия в отношении частной собственности. Как будто с помощью этого можно было подавить борьбу, подвластную лишь одному законному и подлинному инстинкту — стремлению к материальным завоеваниям. До сих пор непонятно, как мог правящий класс тешить себя иллюзиями сохранить любой ценой свои довоенные позиции после стольких потрясений, после того, как человечество прошло такой путь. В результате провала этого движения классовая победа не мог-

ла не стать победой государства, наступлением на важнейшие основы итальянской жизни, что позволило навязать свои условия побежденным. Когда рассеялся дым битвы, Альбертини ничего не оставалось, как прибегнуть к обычным уверткам итальянских министров, к теории о микробах, убивающих друг друга, приветствовать фашистскую реакцию и поддержать предвыборный союз с Муссолини в Милане в 1921 году».

Были, разумеется, различные способы поддерживать фашизм и расчищать ему дорогу для триумфального шествия: и если «Джорнале д'Италия» применяла варварскую тактику систематического разжигания гражданской войны, то газета «Коррьере делла сера», следуя своим традициям, действовала, конечно, более тонко и завуалированно, однако не менее эффективно. Тенденциозное описание конфликтов между социалистами и фашистами, которыми ознаменовались послевоенные годы, бесконечное прославление «национальных сил» и хула по адресу «подрывных элементов»; поддержка избирательного блока с участием фашистов на парламентских выборах 1921 года, а год спустя на муниципальных выборах в Милане, поддержка избирательного блока, в который входили наряду с фашистами ненавистные популяри; восторженное одобрение насилия, учиненного фашистами и националистами с помощью Д'Аннунцио над миланским муниципалитетом в августе 1922 года, когда из него были изгнаны социалисты, всегда бывшие бельмом на глазу для аристократа и консерватора Альбертини; требование предоставить фашистам правительственные посты, в которых было категорически отказано социалистам,— вот некоторые фазы и главные аспекты филофашизма Альбертини, перед которым не устоял даже его стойкий антиклерикализм недавнего прошлого и идея светского характера государства.

Для оправдания своей поддержки фашизма Альбертини ссылается, конечно, на угрозу захвата власти социалистами. Выступая в сенате 18 июня 1921 года, он сказал:

«Когда стране угрожает опасность оказаться всецело во власти меньшинства, у нее остается только два пути: либо уступить власть этому меньшинству, либо бороться. Никто не станет отрицать, что в последние месяцы

1920 года Италия была доведена до такого состояния, что должна была либо передать власть социалистам, либо сопротивляться. Общественное мнение Италии оказало сопротивление и тем спасло страну, ибо не допустило, чтобы ее ввергли в пучину коммунизма».

В вышеприведенном абзаце нас, естественно, интересует основной тезис, и мы не станем тратить время, опровергая его рассуждения относительно большинства и меньшинства, в достоверности которых мы позволим себе усомниться.

Но даже в своем выступлении в сенате от 26 ноября 1922 года он осудил лишь методы борьбы, с помощью которых фашисты пришли к власти, и вновь подтвердил свою реакционную позицию.

«Как я уже утверждал ранее и повторяю сегодня: совесть моя говорит мне, что фашистская реакция спасла Италию от социализма, который, несомненно, в более или менее угрожающей форме надвигался на нас, а до этого на протяжении 20 лет медленно отравлял нашу жизнь. Моя совесть говорит мне также, что ответные действия фашистов, стремившихся восстановить авторитет государства и влить новую энергию в его руководителей, выражали самые горячие надежды всех подлинных итальянцев».

На этом, в сущности, сошлись оба противника в прошлом, Альбертини и Джолитти. Однако все же необходимо заметить, что если первый пошел на это, побуждаемый принципиальными мотивами, которые годами и десятилетиями его воодушевляли, то второй, наоборот, не настолько боялся социализма, чтобы желать его уничтожения, но он намеревался произвести с помощью фашизма один из тех маневров, которые ему в прошлом удавались, но на этот раз привели к неудаче. Но, по сути дела, в том и в другом случае налицо было полное непонимание исторического значения фашизма, что являлось результатом слишком поверхностного анализа, а также узкого толкования всей истории объединенной Италии, свидетельством которого является цитированная выше фраза (социализм, «на протяжении двадцати лет отравлявший жизнь Италии») или аналогичное утверждение в «Коррьере делла сера» от 2 октября 1924 года, что после Рисорджименто и объединения Италии «неожиданно появился социализм в самой его

неорганизованной и яркой форме, что помешало процессу спокойного развития».

Когда же фашизм восторжествовал в той форме, которая наносила смертельный удар конституционной законности, когда после его триумфа он стал открыто проводить политику разрушения старого либерального и парламентарного режима, Альбертини решительно перешел в оппозицию. Он даже не колебался и не придерживался более осторожного курса, не ждал окончательного завершения процесса. В противоположность всем без исключения крупнейшим представителям традиционного либерализма, от Джолитти до Кроче, от Орландо до Саландра, которые до конца 1924 года оставались так или иначе на борту фашистского правительственного корабля и в адрес которых он неоднократно посылал меткие стрелы за их трусливую политику абсентеизма, Альбертини занял с 28 октября 1922 года открыто враждебную фашизму позицию. И в дни «похода на Рим» выпуск «Коррьере делла сера», а также «Аванти!» и «Джустиция» был приостановлен фашистами. С этого момента в спокойном тоне, свойственном его газете, Альбертини выступает в качестве защитника либерализма от фашистских притеснений. Он все более усиливал свою оппозицию фашизму как на страницах «Коррьере делла сера», так и с трибуны палатцо Мадама. Альбертини стал одним из самых ярких сторонников борьбы против кровавого режима, особенно после убийства Маттеотти. Консерватор, человек ограниченных принципов, но все же принципов, он стремился таким образом искупить свои прошлые ошибки, свою помощь фашизму, свою уступчивость либерала перед лицом антилиберального насилия.

Благотворное влияние, которое кризис оказал на Альбертини, было даже более глубоким. У него заговорила совесть, и он (проявив при этом особое мужество) признал свои собственные ошибки. А обратившись к своей совести, он неизбежно должен был увидеть, какую роль сыграл в трагедии Италии консерватизм столь многих либералов, не исключая из числа виновных и его самого. В 1924 году, возвращаясь мысленно к прошлому, он написал следующие горькие строки:

«Я уже говорил, что деление итальянских партий не

соответствовало их реальной программе. Демократы и либералы, правые и левые — это просто пустые названия, лишённые серьёзного и глубокого содержания. Все или почти все сумели приспособиться и шли за Джолитти, как сегодня идут за Муссолини. В основе всегда, как теперь, лежала мысль о спасении отечества, и этим оправдывали желание любой ценой добиться министерского поста. С другой стороны, распространение сначала влияния социалистической партии, затем партии «пополяри» побудило конституционалистов сплотить свои ряды, дабы легче противостоять массовым партиям. Я сам трудился много лет во имя этой цели, заранее поставив перед собой эту задачу. И теперь я должен спросить себя, не было ли это с моей стороны, да и со стороны многих других (независимо от их названий и формальных различий), следовавших по тому же пути, большой ошибкой, иначе говоря, не приводило ли к путанице и к разрушению партий наше стремление объединить подлинных консерваторов и искренних либералов только потому, что мы одинаково оценивали их стремления... Понадобился великий кризис, чтобы обнажить истинную сущность всех громких наименований и определить их подлинную тенденцию... Освободившись от синдикалистской мишуры, фашизм остался живейшим, необузданным иступленным проявлением консервативного духа, иступленным постольку, поскольку на протяжении десятилетий он был сдавлен и как бы находился под прессом. Вот почему фашизм вызывает энтузиазм у наиболее имущих классов и у тех, кто искренне или нет верили или верят и поныне, что они являются «либералами».

А в статье в «Коррьере делла сера» от 2 октября 1924 года по поводу съезда либералов в Ливорно он писал:

«...либеральная партия до сих пор полностью одобряла линию правительства [фашистского.— П. А.], была его главной опорой, если не по своей численности, то по удельному весу ее членов и их влиянию в стране. Сегодня она собирается пересмотреть свои позиции и потребовать уважения конституционных свобод и институтов. Об этом свидетельствуют высказывания либеральной печати, решения ряда ее секций и заявления ее видных представителей. Сказать по правде, партия ли-

бералов всегда этого требовала, но без всякой настойчивости, без должного рвения и логики, порой стараясь найти совершенно несуществующее сходство между программой фашистов и программой либералов, порой считая преходящим и временным явлением некоторое нарушение конституционных свобод, а также методы правительства и реформы фашистов; она была всегда снисходительной и по мере возможности закрывала глаза на реальную действительность».

Новый голос Альбертини раздавался со страниц «Коррьере делла сера» только до 1925 года. В этом году Креспи, компаньону Альбертини, удалось успешно осуществить маневр, который за два года до этого провалился. Он нашел формальный юридический казус (контракт 1919 года хотя и был заключен по всем правилам, однако не был зарегистрирован), с помощью которого можно было удовлетворить настоятельное желание Муссолини: выбросить вон из «Коррьере делла сера» обоих Альбертини (Луиджи и его брата Альберто, которому первый уступил руководство газетой, отправившись в 1921 году в Соединенные Штаты в качестве члена итальянской делегации на международную конференцию по сокращению морских вооружений), после чего низвести постепенно и эту крупнейшую ежедневную газету Италии до уровня остальных органов фашистской прессы. Лишившись газеты (это было для Альбертини большой душевной трагедией), он продолжал сражаться с фашистами в Сенате вплоть до своего последнего выступления 12 мая 1928 года (когда он выступил против реформы политического представительства, лишившей парламент, как представительный орган, какого бы то ни было значения) и заявления о том, что он будет голосовать против соглашений 1929 года. Затем он вынужден был умолкнуть. Четверть века он был журналистом; страсть к журналистике была у него в крови. Когда он лишился газеты, он занялся другим делом: принялся улучшать свое имение в Торре ин Пьетра, неподалеку от Рима (к этому времени он уже жил в Риме, где и умер 29 декабря 1941 года), которое он хотел превратить в показательное хозяйство для разведения скота и производства молочных продуктов. В настоящее время этим имением управляют его сын Леонардо и зять граф Никколо Карандини. Альбертини стал исто-

риографом, ибо, намереваясь написать воспоминания о своей деятельности на основе подшивок «Коррьере делла сера», он должен был восстановить в памяти события политической жизни за двадцатилетний период (от 1898 года и до конца первой мировой войны), уделив особое внимание причинам этого конфликта, для чего он не только изучал весь огромный материал, поднятый в архивах разных европейских столиц, но и провел по собственному почину и с помощью своего бывшего сотрудника по газете Лучано Магрини целый ряд интервью с политическими деятелями, игравшими ведущую роль в событиях тех времен.

Высокий, прямой, широкоплечий Луиджи Альбертини сохранил гордый характер и присущие ему благородные манеры. В своих мемуарах он утверждал принципы, которых всегда твердо держался. Его либерализм не мог служить альтернативой джолиттианству, ибо в отличие от Джолитти он не понимал развития социальной структуры общества, которое в конечном счете не могло не обусловить эволюции политических сил и союзов. Верный своим консервативным взглядам, Луиджи Альбертини постоянно содействовал с помощью мощного оружия, им самим же выкованного,— газеты «Коррьере делла сера» созданию предпосылок для развития националистического и антилиберального движения в Италии нового века, чтобы затем отречься от его последствий и закономерных результатов. Он содействовал появлению на политической арене Д'Аннунцио, поддерживал его движение, а затем осудил поход на Фиуме; он поощрял воспевание войны, а затем стал противником тех, кто продолжал ее воспевать; он преподносил фашизм как здоровое движение национального возрождения, которое должно было сломить опасный социализм, а затем возмущался, когда фашизм в конце концов сделал свое дело. Когда наступил окончательный кризис либерального и конституционного государства, то он содействовал самому худшему варианту его разрешения, подготовленному задолго до того во многих отношениях им самим, и в гораздо большей степени, чем Джолитти. Так, после «похода на Рим» (как и в других случаях) он попытался исправить дело тогда, когда было уже слишком поздно и когда другие (увы!) слишком хорошо усвоили тот урок, который он им пре-

подал. Если резюмировать в одной фразе, пожалуй несколько вульгарной, но достаточно выразительной, всю его печальную судьбу, то следует сказать, что на протяжении всей своей карьеры Луиджи Альбертини всегда начинал запирать хлев после того, как скот разбежался.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Произведения Луиджи Альбертини:

1. «La questione delle otto ore di lavoro», «Giornale degli Economisti» (serie II, anno V, vol. 8°, Torino, 1894, p. 1—23, 241—260, 351—378, 455—489).
2. «Le origini della guerra del 1914», Milano, Bocca, 1943, 3 voll.
3. «In difesa della libertà. Discorsi e scritti», Milano — Roma, Rizzoli, 1947.
4. «Venti anni di vita politica», Bologna, Zanichelli, 5 voll., 1950—1953.

II. Основные критические работы:

1. A. G. Bianchi, L. Albertini, Milano, 1916 e 1945.
2. U. Notari, Il duello Mussolini — Albertini, Milano, 1924 (сборник статей, направленных против Л. Альбертини и опубликованных в журнале «Амброзиано» за август — сентябрь 1924 года).
3. Corrado Alvaro, L. Albertini, Roma, Formiggini, 1925.
4. Luigi Lodi, Giornalisti, Bari, 1930.
5. Alberto Albertini, Vita di L. Albertini, Roma, Mondadori, 1945.
6. Alfredo Galletti, L. Albertini e la lotta liberale, «Nuova Antologia», aprile 1946.
7. Arnaldo Pozzi, Come li ho visti io, Milano, 1947.
8. Gabriele Baldini, Carteggio D'Annunzio — Albertini, «Mondo» del 19 febbraio, 5, 12, 19, 26 marzo 1949.
9. Gaetano Salvemini, Albertini 1914—1915, «Mondo» del 9 febbraio 1952.
10. Gaetano Salvemini, I manutengoli del fascismo, «Ponte», aprile 1952.

ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМ И ФАШИЗМ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Издания, о которых мы собираемся здесь говорить, вышли в свет за сравнительно короткий промежуток времени; и поскольку все они имеют прямое отношение к политической истории Италии с 1915 по 1945 год (то есть от вступления Италии в первую мировую войну и до Освобождения), уделяя главное внимание фашизму, с которым связан значительный период истории Италии этих лет, то мы считаем возможным рассмотреть их последовательно одно за другим в одном обзоре.

¹ Guido Dorso, *Mussolini alla conquista del potere*, Torino, Einaudi, 1949, p. XIII—286; его же, «Dittatura, classe politica e classe dirigente», p. XIV—186; его же, «La rivoluzione meridionale», p. LVII—280; Piero Gobetti, *Coscienza liberale e classe operaia*, p. 300; Angelo Tasca, *Nascita e avvento del fascismo. L'Italia dal 1918 al 1922*, Firenze, La Nuova Italia, s. a. ma 1950, p. LXXX—584; Luigi Albertini, *Venti anni di vita politica. Parte seconda: «L'Italia nella guerra mondiale»*, voll. 3, Bologna, Zanichelli, 1952—1953, p. x—579, x—597, x—566; Cesare Spellanzon, *Interpretazioni giolittiane*, «Quaderni di cultura e storia sociale», aprile 1952; Gaetano Salvemini, *Giolitti e il Patto di Londra*, «Quaderni di cultura e storia sociale», nn. 7 e 8—9 (luglio e agosto — settembre 1953); «Ancora su Giolitti e il Patto di Londra». Lettere di Luigi Salvatorelli e Cesare Spellanzon, in «Quaderni di cultura e storia sociale», n. 10 (ottobre 1953); Gaetano Natale, *Le «giornate radiose» del maggio 1915*, «Quaderni di cultura e storia sociale», n. 11, (novembre 1953); Ivano e Bonomi, *La politica italiana dopo Vittorio Veneto*, Torino, Einaudi, 1953, p. 173; Filippo Turati—Anna Kuliscioff, *Carteggio*, vol. V, «Dopoguerra e fascismo (1919—1922)», Torino, Einaudi, 1953, p. XXVI—621; Luigi Salvatorelli e Giovanni Mira, *Storia del fascismo — L'Italia dal 1919 al 1945*, Roma, Edizioni di Novissima, 1952, p. 1040.

Дорсо и Гобетти поддерживали довольно тесные личные отношения. Они встретились, проявив полное взаимопонимание, в тот период, когда первый стремился найти политическую силу, на которую можно было бы опереться при разрешении Южного вопроса, а второй обратил свои взоры за пределы Турина, стремясь расширить рамки своей организационной антифашистской деятельности.

Анализируя трагический крах либерального государства, ознаменовавшийся триумфом фашизма, они самостоятельно пришли к одинаковым выводам: по сути дела они оба разделяли убеждение, что нельзя говорить о крахе либерального государства, ибо подлинного либерального государства в Италии никогда не существовало.

В результате внимательного и беспристрастного изучения новой истории Италии, далекого от традиционных канонов интерпретации и защиты консервативных интересов, они обнаружили весьма серьезные исторические промахи, совершенные итальянским обществом в его взаимоотношениях с другими странами Европы, многие из которых на несколько веков опередили Италию в деле завершения того процесса, который получил у нас название «Рисорджименто». Они сосредоточили свою критику главным образом на так называемых либерально-демократических правящих кругах, всегда протаскивавших под этой этикеткой свою политику защиты олигархических привилегий, свою изобиловавшую националистической риторикой узкоклассовую политику. «Редко где в странах Европы,— замечает, к примеру, Дорсо,— политические наименования «либеральных» и «демократических» принимались как раз теми партиями и группировками, которые отличались наиболее сильным антилиберальным и антидемократическим духом». В свою очередь Гобетти писал: «Фашизм одержал победу над демократическими силами без всякой борьбы с ними. Нельзя придумать ничего более оскорбительного для итальянских демократов, чем принятое тогда в их рядах разделение на фашистских демократов и демократических фашистов. Тот факт, что подобное соединение слов не вызывало протеста с их стороны, свидетельствовал об одном: они должны были неминуемо про-

валиться в ходе этого экзамена: у итальянской демократии не было людей, которые учились бы ей всерьез».

Эти горькие выводы позволили Дорсо и Гобетти правильно поставить проблему обновления. При этом Дорсо обращал свои взоры преимущественно к Югу, Гобетти же — к великой борьбе туринского пролетариата на заводах «Фиат», которому он не раз посвящал взволнованные панегирики. Можно сказать, что обе точки зрения дополняли друг друга: Дорсо обращал внимание на революционные потенции крестьян Юга, а Гобетти хорошо понял значение того оплота подлинной свободы и демократии, каким всегда являлись эти отряды рабочих.

Оба либеральных мыслителя (которые так и остались либералами, не став социалистами) считали необходимым предоставить так называемые либерально-демократические традиционные правящие группы их жалкой и бесславной участи, возлагая свои надежды на будущее только на пролетариат и его возможных союзников — в этом они видели якорь спасения.

Ни Дорсо, ни Гобетти не обольщали себя надеждой, что фашизм недолговечен; напротив, в своих статьях 1922—1925 годов они предсказывали длительный позор, который суждено пережить Италии, дабы обрести затем свободу. «Антикапиталистический и антирабочий и в силу этого инфантильный фашизм,— писал Гобетти в апреле 1924 года,— посягает на будущее страны, собирается обречь Италию на политическое ничтожество и на заискивание перед покровителями; фашистское правление вряд ли будет кратковременным, но история наверняка пойдет по Марксу — рабочий авангард и *élites** непримиримых похоронят фашизм вместе с его демагогией».

Словом, на страницах работ Дорсо и Гобетти читатель встречает предостережение, которое представляет сегодня не только чисто историографический интерес. Свобода — это вечная ценность, и никому не позволено пренебрегать и не дорожить ею, свободу нужно беречь, более того — за нее нужно бороться и постоянно расширять ее на деле, а не на словах, которые напоминают красивую обертку, скрывающую негодный товар.

* *Élite* — элита (франц.). — Прим. ред.

И не с сегодняшнего дня, а еще в ту пору, когда фашизм торжествовал, настоящие либералы поняли, что нельзя проводить либеральный курс, не обновляя структуры итальянского общества и не поддерживая в связи с этим экономических, социальных, политических и моральных требований восходящих классов. Всякая другая политика, какой бы ее ни изображали, является более или менее прикрытой реакцией.

Вопреки абстрактному пустословию несчетного числа фальшивых моралистов, всегда готовых превозносить «дух» в противовес «материи», ибо они получают приличное вознаграждение или обеспечили себе спокойную жизнь благодаря какой-либо синекуре, Дорсо и Гобетти вскрыли конкретный характер моральной проблемы как политико-экономической проблемы, как проблемы обновления структуры итальянского общества.

Работа Дорсо «Муссолини» («Mussolini») представляет собой политическую биографию главаря фашизма, доведенную хронологически до прихода фашизма к власти (1922 год). Это, несомненно, первая критическая биография Муссолини среди бесчисленных апологетических писаний, появившихся в течение последней четверти столетия.

Дорсо приступил к написанию этой работы, как сообщает нам в предисловии к книге Карло Мушетта, зимой 1938/39 года, когда стала назревать перспектива поражения Италии в разворачивающейся второй мировой войне, и продолжал свою работу, несмотря на трудности (ибо, находясь в провинциальном городе, он с трудом доставал необходимые материалы), до 1941—1942 годов, когда книга была закончена.

Судя по результатам работы, главная задача его исследования состояла в следующем: очистить предмет исследования от буйно разросшихся — благодаря апологетическим и прямо-таки обожествляющим писаниям — сорных трав. Чтобы достигнуть этой цели, автору пришлось тщательно сверить между собой все источники: эта скрупулезная работа позволила ему восстановить с предельной точностью и достоверностью жизненный путь и главные этапы деятельности Муссолини. Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с библиографией, посвященной самому Муссолини и происхождению фашизма,

должен отметить, насколько успешно преодолел Дорсо трудности, связанные с разысканием и использованием различных редких книг, достать которые было для Дорсо особенно трудно, если вспомнить, где и когда ему пришлось заниматься этой работой.

Вполне естественно, что чем больше углублялся Дорсо в исследование и продвигался к его концу, тем больше сказывался оригинальный характер взятой им на себя задачи. Действительно, по мере чтения его книги мы замечаем, как частные подробности биографии Муссолини все более отступают на второй план перед лицом серьезной исторической и политической оценки деятельности Муссолини и всего фашизма в целом. И если, например, на первых страницах, посвященных детству Муссолини, Дорсо не упускает в своей скрупулезности самых незначительных подробностей, то, дойдя к годам войны, автор даже не упоминает об известном инциденте с Муссолини, в результате которого он был ранен и вынужден был пролежать некоторое время в больнице. И уж поскольку мы затронули эту тему, заметим, что по вопросу финансирования «Пополо д'Италия» имеется много других свидетельств, помимо приводимых Дорсо (стр. 95—97). О поддержке фашизма некоторыми членами королевской фамилии и вообще о связях фашизма с монархией можно было бы также привести гораздо больше фактов, эпизодов и подробностей (Дорсо же говорит только о приглашении Де Векки и Де Боно на обед к королеве Маргерите); отказ короля подписать декрет о введении осадного положения также послужил на пользу фашизму, с чем не согласен Дорсо и против чего следует самым категорическим образом возразить. Следует также отметить, что отказ Муссолини от предложений Саландра, сделанных в ночь с 28 на 29 октября 1922 года, объяснялся колебаниями и маневрами главаря фашизма, о чем Дорсо не говорит ни слова, возможно потому, что соответствующие документы увидели свет в основном позднее¹.

В общем же мы должны с удовлетворением отметить, что критические оценки в книге выражены не столько словами автора, сколько вытекают из самого

¹ Следует напомнить, например, книгу E. Ferraris, *La marcia su Roma vista dal Viminale*, Roma, Leonardo, 1946.

изложения в результате, например, сопоставления высказываний из статей и речей Муссолини, иногда очень близких по времени, так что автору довольно редко приходится выступать с комментариями, а если и приходится, то эти комментарии представляются чем-то привнесенным извне и нарушающим ход повествования. Тот же Мушетта пишет в связи с этим, что «некоторые побочные комментарии автора... могут показаться даже несколько наивными».

Если это замечание касается частных, то нечто более существенное можно и нужно отметить, когда речь заходит об общей критической оценке этого произведения. Во-первых, следует сказать, что Дорсо не нашел той четкой отправной точки, из которой следует исходить при оценке деятельности Муссолини и политических событий того времени. В самом деле, Дорсо исходит отнюдь не из марксистских позиций, которые натолкнули бы его на совершенно другой анализ не только превратностей социализма, но и природы фашизма как социально-политического явления. Нельзя также сказать, чтобы он придерживался чисто либерально-демократической точки зрения; но не следует думать, что бросающаяся в глаза неопределенность критической ориентации автора объясняется тем, что ему не удалось в своей работе гармонично связать биографию Муссолини с историей возникновения фашизма.

Во-вторых (это, впрочем, является следствием первого недостатка), действительная природа Муссолини как политического деятеля и главы фашистского движения теряет у Дорсо некоторые свои наиболее характерные особенности. Ведь недостаточно подчеркивать довольно многочисленные и серьезные противоречия в «идеях» Муссолини и в способе их выражения, недостаточно показать непрерывные превращения этого человека, начавшего с «революционно»-анархистского социализма и кончившего крайней реакцией; и, наконец, совершенно недостаточно считать причиной подобной эволюции простое стремление любыми средствами добиться власти. Историк в данном случае должен поставить перед собой другую задачу, а именно объяснить, что лежало в основе этих превращений, какие силы вдохновляли и поддерживали эти преобразования и что в действительности позволило возглавляемому Муссо-

лини движению захватить власть. В своей книге Дорсо не уделяет этому достаточного внимания.

Чтобы показать на конкретном материале справедливость этих замечаний, возьмем одну фразу Дорсо по поводу политической борьбы 1921 года: «В схватке с применением насилия социалисты оказались слабее» [своих противников.— *Прим. перев.*]. Эта фраза не должна была оставаться столь неясной, ибо она позволяла думать, что речь идет о слабости, объясняющейся недостатками характера, темперамента, организации и т. д. Дорсо должен был дать анализ общей политической обстановки того времени, что придало бы этому замечанию совершенно другой смысл. Надо было показать, что эта слабость обуславливалась союзом между силами фашизма и правительством, бюрократией, церковной иерархией, земельными собственниками, крупным промышленным и финансовым капиталом; что именно в результате этого союза создалось неравное соотношение сил между фашистами и социалистами. И тогда в результате исторической критики будет раскрыта действительная сущность фашизма как социально-политического явления, которая между тем остается невыявленной и, возможно, искаженной, если следовать критическому направлению группы Гобетти и обращать внимание, как это делает Дорсо (стр. 227 и далее), в основном на различные группы мелкой буржуазии, получившей гуманитарное или техническое образование.

Дорсо считает, что определение фашизма как превентивной контрреволюции недостаточно, ибо в фашистском движении участвуют самые различные по своему социальному происхождению массы, поэтому он предпочитает тезис об «итальянской конституционной слабости», что, несомненно, облегчило приход фашизма к власти, но этот тезис не раскрывает всей сложности вопроса. Поэтому Дорсо сводит все (стр. 230—235) к причинам исключительно психологического порядка, а это приводит его к утверждению, что «партии, которые теперь следует считать консервативными и к числу которых принадлежала и социалистическая партия, видели опасность, но не имели мужества встретить ее во всеоружии и продолжали оставаться во власти своих пустых формул». Таким образом, он одинаково осуждает как те силы и партии, которые видели опасность и в пределах своих

Возможностей, освобождаясь от ошибок, боролись с ней, так и те, которые, внешне оставаясь безучастными, в действительности были верными союзниками фашизма. Только признав это, можно понять и объяснить причины победы фашизма, который в противном случае остается загадочным феноменом послевоенного периода истории Италии.

Мы должны, однако, сказать, что Дорсо — хотя и слишком общо и непоследовательно — однако в конце концов признает это на последних страницах своей книги, кратко анализируя более или менее «революционный» и повстанческий характер «похода на Рим». Дорсо соглашается здесь с тезисом, высказанным уже в 1922 году английским писателем Изрейелом Цэнгвиллом, согласно которому «восстание было лишь комедией, призванной замаскировать игру монархии» (стр. 276). На основе этого суждения Дорсо углубил свою концепцию и предпринял более серьезный анализ связей фашистского движения с правительственно-бюрократическим аппаратом и монархией, придя к следующему выводу: «Без промышленников и банкиров, которые его [фашизм.— *Ред.*] финансировали, без вооруженных сил, которые дали ему оружие и организацию, без реакционных политиков, которые его направляли и поддерживали в самый ответственный момент, фашизм просуществовал бы, пожалуй, еще неделю, на этот раз трехцветную и более бурную неделю, но в конце концов наверняка был бы подавлен при помощи силы» (стр. 277).

Что же касается того портрета Муссолини, который Дорсо дает на великолепно документированных страницах своей книги, то мы должны сказать, что он целиком подтверждает уже установившееся мнение о фашистском диктаторе. Обладая анархистской и вместе с тем деспотической натурой, Муссолини готов был проповедовать любые взгляды, стать на любую позицию, поддержать любой тезис, сколь бы они ни были непоследовательны и противоречивы, каждодневно и с поразительной беззастенчивостью опровергать самого себя, беспокоясь лишь о том, чтобы остаться на поверхности политической жизни и пробиваться все выше и выше, ко все большей и большей власти. Если 26—27 сентября 1914 года Муссолини выступал на страницах возглавляемой им газеты «Аванти!» глашатаем нейтралистско-

го референдума, то неделю спустя, 5 октября, на страницах этой же газеты он уже намекал, что социалистической партии следовало бы ослабить свои антивоенные позиции в случае выступления Италии на стороне Антанты, а через несколько дней открыто возглавил крестовый поход за вступление Италии в войну, основав для этого газету «Пополо д'Италия». И если, наконец, 4 февраля 1915 года Муссолини писал: «Война, быть может, окончится уже этой весной», то 28 октября 1921 года он мог бы спокойно зачислить себя в дураки, ибо заявил, что «на непродолжительную войну могли надеяться только дурачки».

Но несмотря на эти непрестанные противоречия в доктрине и пропаганде Муссолини (мы здесь взяли только два наиболее показательных в силу своей датировки примера), мы должны выделить два этапа в его политической карьере: этап анархизирующего социализма, который завершается выходом из «Аванти!», и чисто реакционный этап, этап, который начался с отказа от нейтрализма социалистической партии и с псевдореволюционной воинственной демагогии и закончился союзом с антинародными силами и промышленным и аграрным капиталом. Переход от одного этапа к другому стал возможен как раз в силу анархических и тиранических черт характера Муссолини, поэтому его биография является весьма существенным подспорьем для понимания фашизма. Содержащийся на страницах книги Дорсо детальный анализ публицистики Муссолини, сопровождаемый обильным цитированием оригинала, подтверждает импровизированный и поверхностный характер не только полемики, но и политической «логики» Муссолини, что нашло свое выражение в резких поворотах его жизненного пути.

В качестве примера заслуживают внимания цитаты по вопросу интервенционистского шантажа (если не объявите войну, будет революция); таким образом, война рассматривалась по сути дела как антинародное мероприятие, а не как средство приближения революционного взрыва, о чем разглагольствовал Муссолини. (Впрочем, в 1921 году он высказывал уже противоположную точку зрения: «Некоторые думают, например, что война должна привести (sic!) к революции. Более вероятно противоположное. Политические потрясения, которые

мы пережили, скорее могут послужить началом упрочения строя».)

Читая всю эту часть книги, читатель должен сам критически оценивать излагаемый в ней материал, не ожидая этого от автора, ибо, как бывший интервенционист, последний не в состоянии дать глубокого анализа и признать тот исторический факт, что объявление войны в 1915 году было вполне логичным шагом для традиционной политики итальянских правящих классов, которые за семьдесят лет существования единой Италии ввергли страну в семь войн, сумев найти для этого необходимые капиталы, но не сочли для себя возможным провести воду в деревни юга страны. Дорсо, однако, признает, что в начале 1915 года «огромное большинство итальянского народа стояло за нейтралитет» (стр. 106).

В сущности, наиболее верное толкование исторического значения деятельности Муссолини было дано им самим; достаточно вспомнить следующие его слова («Gerarchia», а. I, п. I): «Итак, в XIX веке капитализм нуждался в демократии, теперь же без нее можно обойтись». Достаточно лишь заменить слово «можно» на «нужно», и мы получим наилучшую из всех возможных оценку фашизма: на определенной ступени своего развития капитализм собственными руками создает себе настолько сильного противника, что последний начинает угрожать его господству, и тогда капитализм отказывается от либеральных и демократических форм правления, с помощью которых было создано его государство, и прибегает к диктатуре. Вышесказанное отнюдь не означает, что на данный процесс не воздействуют и другие, более многочисленные и более сложные тенденции, которые нельзя отразить в одной общей фразе. Равным образом это не означает и того, что, столкнувшись с угрозой потери своего господства, к чему его приводит в конце концов диктатура, капитализм не сочтет возможным, хотя бы внешне, вновь обратиться к либеральным и демократическим формам правления. Но капитализм всегда готов пойти как на чрезвычайное вероломство, отбросив так называемые демократические гарантии, ибо время от времени они кажутся ему несовместимыми с собственной безопасностью, так и на ту крайнюю авантюру, которая, как уже

было сказано, всегда представляется ему спасительным якорем и предохранительным клапаном при разрешении внутренних кризисов, то есть на войну.

Данная проблематика целиком отсутствует в книге Дорсо «Муссолини», однако она рассматривается в статьях, вошедших во второй том его «Полного собрания сочинений», который имеет несравненно более важное значение, чем первый том. Второй том отличается глубоким критическим анализом, чего не хватало исследованию о фашистском диктаторе, поэтому оба тома дополняют в этом отношении друг друга, и было бы неправильно не учитывать последний том при оценке позиции Дорсо как историка, занимающегося изучением фашизма.

Три статьи (помимо краткой заметки «Mazzini e la politica dell'irrealità»), из которых состоит том, были написаны Дорсо в период между 1944 и 1946 годами, то есть после окончания «Mussolini»; они действительно свидетельствуют о более зрелом подходе к исследованию и о более глубоком проникновении автора в сущность исторических событий.

Прежде всего нужно отметить, что здесь отчетливо видно стремление автора связать исторические проблемы с теоретическими и наоборот. Его статьи «Правящий класс Южной Италии» («La classe dirigente dell'Italia meridionale»), «Буржуазная диктатура от Наполеона до Гитлера» («La dittatura borghese da Napoleone a Hitler») и «Политические группы и правящий класс» («Classe politica e classe dirigente») начинаются с постановки целой серии вопросов. Каков политический и социальный облик современной Италии? Какую роль сыграл Юг страны в деле складывания этой современной Италии? Как исторически возник Южный вопрос, без учета которого нельзя понять природу современной Италии? Ответы на эти вопросы нашли отражение в первой статье, но историческая проблема в свою очередь потребовала разрешения теоретической проблемы: что такое «политические группы»? Что такое «правящий класс»? Так родилась вторая статья. И, наконец, нужно было посмотреть этот современный правящий буржуазный класс в действии — этому посвящена статья о буржуазной диктатуре от Наполеона до Гитлера. Следовательно, данный том, несмотря на его разделение на статьи, имеет внутреннее единство и представляет собой

одно из наиболее значительных достижений итальянской исторической науки последних лет.

Итак, мы имеем здесь не только единство теоретических и исторических проблем, но и связь между исторической и политической постановкой вопросов. Предметом исследования и размышлений Дорсо (как справедливо отмечает в своем предисловии Карло Мушетта) неизменно остается проблема Юга, своего рода «мания» революционного возрождения Юга. Статья о правящем классе Южной Италии представляет собой доклад Дорсо на совещании в Бари в декабре 1944 года. Доклад этот построен в сугубо историческом плане, но автор стремился придать и придал ему политический характер и политическую остроту, как он сам это подчеркнул, отвечая на возражения, которые выдвинул на этом заседании в адрес доклада депутат Ассеннато (документы, относящиеся к этой краткой полемике и содержащиеся в данном томе, заслуживают изучения и анализа: по существу, они представляют собой столкновение на конкретной почве двух программ, совершенно различных по своему происхождению).

При чтении этой статьи невозможно отделить исторические проблемы от проблем политических. Возникновение южного аграрного блока, формирование глубоко консервативной психологии земельной буржуазии, которая своей политикой сама же осуждала себя на убогое и жалкое существование, пьемонтское вторжение, сопровождавшееся унификацией государственного долга, уравниванием налогового бремени и утечкой капиталов вследствие продажи государственных и церковных имуществ, последовавшее затем присоединение на зависимых началах южного аграрного блока к промышленному блоку Севера — все эти явления и этапы развития новой истории Италии стали неотъемлемой составной частью нашего сегодняшнего дня, той политической и социальной действительности, которая день за днем разворачивается перед нашими глазами. Понять это недавнее прошлое — значит также понять и настоящее. История и политика сливаются здесь в единое целое.

Вначале я уже упоминал об исправлении в данной работе Дорсо тех недостатков, которые, на мой взгляд, были присущи его книге «Mussolini»: речь идет о со-

действии правящих групп возникновению того сложного исторического явления, каким был фашизм. В статье о правящем классе Южной Италии мы находим страницы, которые восполняют этот пробел; подобные страницы мы найдем и в исследовании о буржуазной диктатуре, посвященном периоду, когда происходило формирование фашизма. Здесь фашизм рассматривается в той правильной исторической перспективе, которой, как мне кажется, Дорсо целиком пренебрег в «Mussolini»: оценка фашизма дается в свете многолетней истории буржуазной диктатуры.

В статье о правящем классе Южной Италии Дорсо определяет директиву фашистской буржуазии следующим образом: «Необходимо возродить джолиттианство, но на совершенно других, более современных основах»; таким образом, он совершенно справедливо устанавливает историческую преемственность между дофашистской псевдодемократией и диктатурой Муссолини. Эту линию преемственности Дорсо неопровержимо доказывает в статье о буржуазной диктатуре: «Чистая демократия никогда не существовала в Италии, а псевдодемократию итальянский господствующий класс всегда лишь терпел как некое излишество. Наконец представилась историческая возможность избавиться от этой псевдодемократии. Почему же не воспользоваться этим? Подобные исторические возможности всегда фатальны для того, кто позволяет соблазнить себя ими, но эти возможности никогда не остаются неиспользованными» (стр. 111).

Это была «превентивная контрреволюция», как говорили уже в период 1922 года многие современные политические писатели, наблюдая приход фашизма к власти. Дорсо в данном томе соглашается с этой оценкой, чего нельзя сказать о его работе «Mussolini».

Отношения между зависимым классом, правящим классом и политическими группами изучены в третьей статье, в которой содержится социологический анализ современного общества (богатый ценными мыслями по истории нашей страны) и преобладающей «политической формулы» (Дорсо использует здесь терминологию Моска), то есть господствующей идеологии, являющейся выражением сущности правящего класса и орудием его правления.

В 1934—1938 годах Таска написал во Франции большую книгу о возникновении и приходе к власти фашизма; она была опубликована в 1938 году на французском языке (французский оригинал наложил на нынешнее итальянское издание определенную печать — обилие галлицизмов) без примечаний и документальных приложений (последние были обещаны во втором томе, который итальянское издательство не опубликовало, однако, до сих пор). Однако читатель не поймет особенности этой книги, если не познакомить его с биографией самого автора. Туринский социалист, являвшийся вместе с Тольятти и Террачини редактором «Ордине нуово», Анджелло Таска был одним из создателей Итальянской коммунистической партии, из рядов которой он, однако, был в 1929 году исключен, после чего в эмиграции примкнул к социал-демократическому течению и кончил тем, что в период нацистской оккупации Франции занял весьма двусмысленную позицию в отношении режима Петена и Лавалея. Эта эволюция лучше всего объясняет особенности данной книги, свидетельствующей о литературном даровании автора, о чем мы скажем ниже, но в целом настолько «объективной», что автор проявляет великодушие ко всем политическим силам, за исключением сил социализма и коммунизма, к которым он относится чрезвычайно предубежденно.

Ввиду отсутствия серьезных источников по политической истории тех лет вообще и особенно по истории Итальянской коммунистической партии (давно обещанных, но так, к сожалению, до сих пор еще не появившихся, что постоянно дает о себе знать), мы можем сослаться именно на Гобетти, чтобы показать в социалисте и коммунисте Таска тех лет, которым посвящена его книга, ростки того политического перерождения, которые впоследствии завели его столь далеко. В своих работах «История туринских коммунистов, написанная либералом» («Storia dei comunisti torinesi scritta da un liberale») ¹ и «Либеральная революция» («La rivoluzione liberale») ² Гобетти говорит, что Таска занялся политической деятельностью, имея преимущественно литературную подготовку. Сотрудничая в «Ордине нуово», он уже

¹ См. P. Gobetti, *Coscienza liberale e classe operaia*, p. 213—229.

² P. Gobetti, *La rivoluzione liberale*, Torino, Einaudi, 1948.

тогда поднимал вопрос о «ревизии марксизма», что всегда было, добавим мы, той банановой коркой, на которой готовы были поскользнуться все псевдомарксисты, превращавшиеся затем в самых злобных противников марксизма. «Он начал,— писал Гобетти,— серией статей о Луи Блане и стал интересоваться проблемой мелкой собственности, занимая сентиментальные, почти мелкобуржуазные позиции: в его идеях всегда было что-то от Турати, от патриархальщины. Это был «социализм» литератора, мессианский социализм», рассматривающий освобождение масс как некое просветительское возрождение и противопоставляющий современной цивилизации свою убогую мечту о трудовой мелкобуржуазной добродетели, которая порождает и консервирует патриархальные привычки и утверждает идеал тихой жизни в доме с садиком». Когда Грамши отверг абстрактные формулы и организовал вполне реальные Фабрично-заводские советы, Таска, пытающийся сегодня изобразить себя верным последователем и истолкователем Грамши, вступил с ним в спор, ибо «исходя из своих синдикалистских воззрений,— объясняет Гобетти,— Таска принимал советы, стремясь придать им то же значение, что и профсоюзам», и таким образом «разоблачил свою несостоятельность в условиях возросшего сознания рабочих, которое нужно было утверждать». Но в силу своего реформизма Таска еще раньше вступил в конфликт с Грамши: еженедельник «Ордине нуово» начал выходить с 1 мая 1919 года, но не прошло и двух месяцев,— рассказывает Феличе Платоне, вспоминая слова самого Грамши («Унита», 29 января 1950 года),— как «Грамши и Тольятти при полном согласии Террачини совершили небольшой переворот, чтобы удалить из руководства журнала реформиста Таска». Какое-то время казалось («по недоразумению»,— говорит Гобетти), что Таска должен восторжествовать, но вместо этого ему пришлось оставить «Ордине нуово» и остаться «в стороне от новых экспериментов классовой борьбы». Эти мысли, высказанные (это следует особо подчеркнуть) не коммунистом, а либералом, достаточно ярко характеризуют Таска, чтобы увидеть предпосылки того извилистого пути, который впоследствии должен был привести его в его естественную политическую среду, среду социал-реформизма, а отсюда он последовал еще дальше; впрочем, так случилось не с ним одним и не с

ним первым (если говорить только об Италии, когда у власти стоял Муссолини, то достаточно вспомнить о Бальдези и Д'Арагона).

Все вышесказанное необходимо для того, чтобы читатель, взявший в руки книгу бывшего члена Итальянской компартии и даже более того — бывшего основателя и руководителя этой партии, не очень удивлялся, обнаружив с первых же страниц предисловия, написанного для итальянского издания, что друзья Таска — почти все без исключения социал-демократы (стр. XVII—XVIII) и что для автора теоретиком «ревизии марксизма», наибольшим авторитетом в этой области является Родольфо Мондольфо (стр. XXXVI). Ведь Таска, разумеется, никогда не упускает случая напасть на марксизм, не брезгуя злобными выпадами и лично против Маркса (стр. XLV). Однако в этих нападках мы можем вновь обнаружить общие места, принадлежащие Мондольфо: относительно масс, якобы рассматриваемых руководящей элитой в качестве «инструмента», относительно революционного автоматизма, подавляющего инициативу, и другие подобные же банальности (см. особенно стр. XLV и LXVIII). Интересно все же отметить, что, встав однажды на этот путь, Таска не мог уже сойти с него; в пылу борьбы он обрушивается не только на марксизм, но и на историзм, ибо последний не позволяет «настоящему преодолеть» Гегеля и Маркса. Далее Таска приходит к заключению, что «исходя из принципа историзма, нельзя найти и установить ни одного верного критерия возникновения и исчезновения идей и институтов», более того, он говорит о необходимости «реставрации философии» (стр. LXVI—LXVII) и «автономии философии», причем не известно, то ли это должно означать возвращение к метафизике, то ли — куда ни шло — к доброму и здоровому католическому объективизму. Именно к этому последнему и приводит логически кривая развития «истинного марксиста»!

Итак, при рассмотрении периода 1918—1922 годов Таска исходит главным образом из социал-демократической точки зрения. Пренебрегая неоднократными признаниями Турати, что если бы социал-демократическим лидерам удалось претворить в жизнь свою политику, то они остались бы без последователей (Бономи уже убедился в этом на опыте), Таска идет дальше, и если он обвиняет

«правых представителей» социалистической партии, то только за то, что они были недостаточно правыми, что у них не хватило твердости последовательно проводить свою политику, то есть довести ее до сотрудничества с теми послевоенными правительствами, главной задачей которых* (и это не следует забывать) было подавление сил социализма и рабочего движения при помощи фашизма (стр. XXI, XXII—XXXIII). Таска пытается вновь выдвинуть «демократический» тезис, согласно которому, приди социалисты к власти до 1922 года, все пошло бы по-другому и мы не пережили бы победы фашизма; эти страницы заставят, несомненно, прослезиться от волнения нашу «нерешительную» буржуазию. Но совершенно другой исторический и политический подход к этому встречаем мы у либерала Гобетти, писавшего: «Поскольку крах был неминуем, нужно было, чтобы авангард отделил свою ответственность от ответственности обессилевшей и деморализованной толпы и в качестве единственного урока на будущее вынес непоколебимое стремление к мщению». Гобетти считал, что защищаемая Таска социал-демократическая политика представляет опасность для социализма, ибо «защищая кооперативистские привилегии, партия фактически постепенно приспосабливается к старому государству и начинает выступать в качестве консервативной силы; отныне она не в состоянии внести в национальную жизнь новые идеи или выступить с новой инициативой и довольствуется наследием Джолитти».

Неизбежности поражения немало способствовали ничемность максималистского крыла социалистической партии, представители которого действительно постоянно разглагольствовали о революции, но ровным счетом ничего не делали, чтобы попытаться перейти от слов к делу; этот момент вполне удовлетворительно показан в книге Таска.

Неизбежности поражения сильно содействовала широко раскинувшаяся липкая паутина интриг финансового, промышленного и аграрного капитала, которую они ткали с невероятной быстротой, стремясь заполучить в свои сети социализм. С одной стороны, они создавали фашистские отряды действия, а с другой стороны, подчиняли себе все другие политические формирования, используя их в антисоциалистических целях. Сам Таска по-

казывает (стр. 315), что, когда в период кризиса кабинета Факта в июле 1922 года социал-реформисты решили принять участие в правительстве, именно партия «популярных», сама же развязавшая кризис, поспешила отступить назад и вновь соединиться с правыми. И даже социал-демократ Альдо Гароши, рецензент работы Таска, писал в «Мондо» 13 января 1951 года следующее: «Можно представить себе, как велики были ошибки социалистов и какую ловкость проявил Муссолини, натравливая друг на друга старых государственных деятелей; но что больше всего облегчило победу фашизма, так это убеждение старых государственных деятелей, что для восстановления порядка нельзя брезговать никакими средствами и можно даже пойти на уступки врагу».

Наконец (о чем Таска совершенно забывает), в данном процессе весьма важную роль сыграл саботаж социал-демократов, которые в отличие от максималистов, ничего не делавших для подготовки революции в силу своей неспособности, *не хотели* революции, считая ее наименее худшим из всех зол. Это несомненный факт, и это дает основание считать социал-демократов не социалистами, а резервом демократической или, вернее, псевдодемократической буржуазии.

Правильность того, что писал о социал-демократе Гобетти, подтверждает сам Таска (стр. 22). Говоря о позиции, занятой ими в 1919 году по вопросу пропаганды в пользу Учредительного собрания, он заявляет: «Некоторые реформисты, хотя и обращались к идее Учредительного собрания, дабы противопоставить ее идее «диктатуры пролетариата», на деле совершенно не собирались бороться за него, ибо предвидели в недалеком будущем сотрудничество с Джолитти, гораздо легче осуществимое при конституционной монархии».

Однобокое и неполное освещение Таска действительного положения вещей (он всячески подчеркивает бездействие максималистов, не уделяя между тем должного внимания силе капиталистической и правительственной реакции и саботажу социал-демократов) внушает недоверие к автору, несмотря на его усилия как можно полнее документировать свою работу. Это извращение фактов наблюдается и при освещении основных событий послевоенного периода, как, например, захвата фабрик. Замечание, что захват фабрик со всеми вытекающими от-

сюда осложнениями во внутривластном плане потерпел крах, ибо «никто» не хотел идти до конца (стр. 121—122), неверно. О конфликте между коммунистами и социалистическим руководством, конфликте, имеющем весьма важное значение для понимания того, как тогда в действительности развивались события, Таска не говорит ни слова¹. Впрочем, несколько ниже, перейдя к вопросу о расторжении Всеобщей конфедерацией труда пакта о союзе с социалистической партией, он вынужден признать, что в тот момент подобное решение «не могло означать ничего иного, кроме поспешного отступления перед лицом врага» (стр. 381—382).

Реформисты надеялись, что подобными версломными действиями они смогут что-либо спасти среди всеобщего крушения. В плену этой иллюзии (возникшей, возможно, именно в результате того страха перед революцией, о котором мы уже говорили) они не колеблясь пошли на соглашение с фашизмом и отреклись от социализма, позволив зачаровать себя муссолиниевской сирене, которая не переставала напевать следующее: «Если ВКТ хочет спасти себя от окончательного краха, то в обстановке этого развала ей не остается ничего другого, как принять единственно правильное решение — действовать самостоятельно. Мы повторяем то, о чем говорили уже тысячи раз... Фашизм должен изменить и немедленно изменит свое отношение к конфедерации, как только она решительно и окончательно порвет свои связи с различными социалистическими партиями». Нет нужды добавлять, ибо это общеизвестно, что, желая спасти тело ценою отказа от души, реформисты вместе с душой потеряли и тело. Но когда Таска упрекает максималистов за их «пораженческий фатализм» (стр. 471), то уместно спросить его, как он может восторгаться «мужеством» социал-демократов, которые на следующий день после «забастовки в защиту закона» в августе 1922 года опубликовали свой известный пораженческий бюллетень, в котором писали: «Нужно иметь мужество признать, что забастовка, объявленная и организованная Союзом труда, стала нашим Капоретто. Мы вышли из этого испытания,

¹ В этом отношении книге Таска можно противопоставить книгу Дж. Канделоро — G. C a n d e l o r o, *Il movimento sindacale in Italia*, Roma, 1950, p. 106—112. (Дж. Канделоро, Профсоюзное движение в Италии, М., ИЛ, 1953.)

потерпев скандальный провал. Мы сделали ставку на последнюю карту» и т. д. Если нужен документ, свидетельствующий о пораженческих настроениях и предательстве интересов пролетариата социал-демократией, то эта страница из газеты «Джуститица» — как раз то, что нужно.

Основной недостаток этой книги заключается, таким образом, в непонимании социализма, причин его беспощадной борьбы против фашизма и филофашистского государства, неизбежной вначале изоляции коммунистов, стремившихся к созданию новой руководящей партии пролетариата, которая в дальнейшем должна была сделать невозможным повторение чего-либо подобного этой послевоенной драме (стало быть, они стремились спасти достояние, которое было более ценным, чем безжалостно уничтожаемые Палаты труда и социалистические клубы). Основной недостаток книги объясняется исходной позицией автора, придерживающегося социал-демократической точки зрения. Мы отвлеклись в данном случае от высказанной выше мысли: став однажды на путь реформизма, трудно уже с него сойти. Мы отвлекались, следовательно, от этой разновидности квалюнквизма*, в соответствии с которым автор считает, что Италия после первой мировой войны могла бы избежать опасности, отказавшись от каких бы то ни было антифашистских действий (стр. 384). Факт остается фактом: несомненные, хотя и вполне естественные ошибки роста великой политической силы, находившейся у истоков своего развития, вызывают у Таска, столь снисходительного ко всем другим силам, начиная от реакционеров и кончая либералами и социал-демократами, такую злобу, что под покровом критики нетрудно обнаружить простое злопыхательство дезертира. Трудно согласиться с выдвигаемым Таска в предисловии тезисом о его принципиальных разногласиях с руководством Итальянской коммунистической партии, которые к 1928 году стали якобы настолько серьезными, что он должен был порвать с нею. Трудно поверить этому, когда видишь, что наиболее резкой критике

* Квалюнквизм — политическая беспринципность. От итальянского выражения «Uomo Qualunque» (букв. «любой человек») — название партии, которая в годы непосредственно последовавшие за Освобождением, объединяла остатки фашистской партии и демагогически заявляла, что она защищает интересы «всех людей» независимо от их классовой и социальной принадлежности. — *Прим. перев.*

он подвергает политическую линию, проводившуюся партией не в 1928 году, а в период 1921—1922 годов, то есть в течение первых двух лет жизни партии, когда нынешний литератор был одним из деятелей, отвечавших за разработку столь резко критикуемой им политической линии, и, во всяком случае, одним из руководителей этой партии, причины возникновения которой, стоявшие перед нею задачи, ход ее развития и ее усиление автор совершенно не в состоянии объяснить.

А дело между тем заключается в том, что Таска с самого начала *саботировал* изнутри работу по созданию сильной коммунистической партии; что он примыкал к оппортунистической фракции, а после победы фашизма в силу своего оппортунизма выступил против подпольной борьбы с фашистским режимом; именно поэтому он и был окончательно изгнан из рядов Итальянской коммунистической партии.

В своей книге автор повторяет набившие оскомину и надоевшие измышления антикоммунистической пропаганды (см. стр. LVI, LVIII, LXX, 181, 189, 199, 241, 313 и всю последнюю часть эпилога). Выпады его против коммунистов довольно несуразны. Так, например, Таска пишет о традиционном интернационализме социалистов, противопоставляя его мифическому национализму коммунистов, и тут же, на этой же странице, забыв о данном тезисе, вспоминает, как «в 1926 году коммунистическая ежедневная газета «Унита», выходившая в Милане, организовала подписку в пользу китайской революции, подписку, увенчавшуюся громадным успехом». А так как Таска вспоминает в своей книге о благородном поступке итальянских трудящихся-социалистов, принявших в другой момент послевоенной истории Италии детей из Вены и венгерских беженцев, то следовало бы напомнить ему, что если сегодня в Италии и есть организация, осуществляющая подобные акты пролетарской солидарности, то этой организацией является коммунистическая партия (вспомним, к примеру, о детях Юга, нашедших приют в селах Эмилии, и о связях между коммунистическими партиями европейских стран, которые из года в год принимают в летние лагеря детей из других стран. Беда лишь в том, что разные Сфорца и Шельба, друзья Таска, мешают этому обмену!).

Одним из центральных тезисов этой книги является следующий: фашизм никогда не «спасал» Италию от большевизма, как это стремилась доказать фашистская пропаганда и в чем она убедила немалое число людей, ибо в тот период, к которому относится рост и усиление фашизма и его устремления к власти, рабочее движение и социализм уже были подавлены правительственной реакцией и «конституционными» партиями. Тезис этот правилен, и он был уже выдвинут Иваноэ Бономи в его книге «От социализма к фашизму» («Dal socialismo al fascismo») ¹. Но такой «социалист», как Таска, не нашел другого способа выдвинуть этот тезис, как используя терминологию фашизма, которой пользуются и поныне многие весьма далекие от социализма «демократы». Приведем, например, цитату со страницы 562: «Фальшивым является утверждение, будто он [фашизм.— П. А.] «спас Италию», ибо она *спаслась бы и сама, без его помощи...*» Слова, выделенные нами курсивом, показывают, что Таска разделяет мнение, согласно которому помещать установлению в Италии социалистических порядков — это значит спасти ее! Для «истинного» социалиста в этом нет ничего плохого!

Книга Таска, безусловно, написана на основе весьма тщательно подобранной документации; автор не пропустил ни одного источника (помимо других, следует отметить «Bulletin périodique de la presse italienne», выпускавшийся Кэ-д'Орсе и содержащий богатый фактический материал о событиях тех лет и обширные выдержки из печати), причем письменные источники дополнены устными свидетельствами, полученными автором от многочисленных деятелей того периода (последним автор предполагал специально посвятить второй том своей работы, который, как известно, до сих пор еще не появился). Автор очень подробно излагает историю Италии в период с 1918 по 1922 год, и многие вопросы истории тех лет впервые получили в этой книге полное документированное освещение. Это относится, например, к описанию маневров Муссолини накануне выборов 1921 года, когда он занимал самые различные политические позиции, а также его маневров в период июля — октября 1922 года, когда

¹ I. B o n o m i, Dal socialismo al fascismo, 1^a ed.— Roma, Formiggini, 1924; 2^a ed.— Milano, Garzanti, 1946.

наряду с военной подготовкой на случай действительно го похода на Рим он плел политические интриги в парламенте, в результате которых отпала нужда в военных действиях. Это касается также освещения связей между Гранди и Муссолини и особенно отношений Муссолини и Д'Аннунцио, отношений довольно сложных и запутанных. Следует отметить также, как автор охарактеризовал самого Муссолини (стр. XXVI и далее), Нитти (стр. 92), а также политическую линию Джолитти в отношении социализма и фашизма (стр. 113—114, 181, 187—189).

Надо сказать, что в книге Таска чувствуется знание исторического материала; недостает же ей должной глубины и ясности, которые совершенно недоступны тому, кто так исполнен злопыхательства. Сведения, которые сообщает нам о Таска Гобетти (о чем мы говорили вначале), объясняют нам психологию этого человека, мелкого буржуа по своему мировоззрению, оказавшегося в такой политической организации, где подобные взгляды считались безнадежно устаревшими. Таска, очевидно, чувствовал свою изоляцию и стремился переложить вину за это на товарищей, хотя он был виноват в этом сам. Именно этим и объясняется то обстоятельство, что после того, как он освободился в результате развития событий от этой «изоляции», он продемонстрировал столь большое предубеждение и непонимание действительности как раз в тех вопросах, в которых благодаря непосредственному участию в событиях и занимаемому им тогда высокому положению он должен был бы проявить большее проникновение в суть вещей и большую ясность. Впрочем, мы думаем, что это неизбежное предубеждение объясняется главным образом той особой психологией, которая присуща большей части перебежчиков. И Таска, намеревавшийся написать книгу с объективных, надпартийных позиций, не сумел избежать той смертельной опасности, которая угрожает всякому, собирающемуся писать историю подобным образом.

Посмертно вышедшие книги Альбертини и Бономи обладают, с нашей точки зрения, одним главным достоинством: они вновь подняли в нашей исторической и политической литературе проблему, скажем, не интервенционизма, а самого факта вступления Италии в первую мировую войну, то есть такую проблему, от которой не-

обходимо отталкиваться при изучении новейшей истории нашей страны.

Теперь нас уже не удивляет тот странный факт, что понадобилось тридцать лет, прежде чем отдельные единицы смогли приступить к критическому осмыслению проблемы возникновения первой мировой войны, к определению характера этого конфликта и значения итальянского интервенционистского движения и самого вступления Италии в войну. Вопрос о вступлении Италии в войну и связанных с этим «радужных днях» был особенно запретной темой: совершенно недопустимо и немыслимо было сомневаться в необходимости, правильности и священном характере этого акта; немыслимо было даже думать о том, чтобы дать объективную оценку причин нейтрализма. Но кризис фашизма, порожденный целиком или в значительной мере интервенционизмом и идеологией войны; воинственный пыл самого фашизма, который обострил до предела все противоречия войны как ложного средства разрешения внутринациональных проблем; новое вступление в войну в 1940 году, которое во многих отношениях (техническая неподготовленность армии и глубокая уверенность в том, что конфликт будет кратковременным) напоминало то, которое было 25 лет назад; политическое и военное поражение; восстановление страны на таких основах, которые порывали со всеми прежними основами, со всеми традициями консервативных правительств и сил, правивших Италией после объединения,— вот чем во многом объясняются критические настроения и последовавшие за ними попытки критического пересмотра некоторых вопросов итальянской истории даже со стороны тех людей, которые были когда-то интервенционистами. Мы имеем в виду, например, Луиджи Руссо, который в последние годы не раз указывал на необходимость пересмотра всего комплекса глубоко укоренившихся представлений, связанных с теми проблемами, в центре которых стоит по существу неприкосновенная, как святыня, проблема вступления Италии в первую мировую войну. Мы не говорим о Луиджи Сальваторелли и его оценке «радужных майских дней» как прямого прецедента фашизма, ибо Сальваторелли всегда занимал в этом отношении замечательно последовательную позицию и имел мужество еще тогда написать такую книгу, как «Национал-фашизм». Нет, мы скорее имеем

в виду Гаэтано Сальвемини, возобновившего после большого перерыва в весьма полемическом тоне защиту интервенционизма (см. заметку, появившуюся в «Мондо» 9 февраля 1952 года). Сальвемини вынужден был рассеять мистический туман, окружавший это движение и силы, руководившие им, но нельзя сказать, чтобы эта его попытка показать фатальную неизбежность вступления Италии в войну была удачной; здесь налицо печать детерминизма.

В этой новой политической и историографической атмосфере посмертная публикация мемуаров Луиджи Альбертини, упорного и последовательного сторонника вступления Италии в войну, но в то же время честного и скрупулезного автора, способствовала утверждению политического тезиса о «фатальной неизбежности» участия Италии в первой мировой войне (не случайно Сальвемини пользуется этим термином именно в связи с работой Альбертини), однако она предоставила немало ценного материала и для тех, кто критически оценивал как способ и формы вступления Италии в войну, так и основные цели, которые она при этом преследовала.

Международная обстановка 1914 года, накануне конфликта, осложнялась твердым желанием Австрии настолько обострить отношения с Сербией, чтобы довести дело до войны. При этом она не отдавала себе отчета, что от искры, вызванной столкновением с Сербией, вспыхнет пожар во всей Европе. В этой критической обстановке Италия могла бы сыграть важную роль. Будучи связанной с Австрией и Германией союзом более чем тридцатилетней давности (наряду с этим она заключила в начале века дружественные соглашения и с державами другой группировки), опираясь на тот опыт, который она приобрела за год до этого, когда в результате своеговременного шага итальянского правительства была предотвращена австро-сербская война, Италия могла бы и в 1914 году снова попытаться спасти мир в Европе. Подробности относительно этой возможности наряду с другими важнейшими деталями истории Европы этого переломного момента необыкновенно четко и ясно изложены в первом томе второй части работы Альбертини (третий том полного издания).

Летом 1914 года итальянская дипломатия проявила поразительную пассивность, что ухудшило позиции

Италии на мирной конференции; кроме того, в результате этой пассивности был упущен самый удобный случай предотвратить мировую войну. Итальянское правительство, как мы уже говорили, имело прецедент (июль 1913 года), когда Джолитти твердо заявил Австрии, что в случае, если ее агрессия против Сербии вызовет общеевропейскую войну, Италия откажется признать предусмотренный договором о Тройственном союзе *casus foederis**. Год спустя, сменив Джолитти, Саландра должен был бы поступить точно так же. Но он не сделал этого. Большая ответственность за это ложится на маркиза Ди Сан-Джулиано, занимавшего в обоих кабинетах пост министра иностранных дел, который обязан был поставить об этом в известность нового председателя совета министров. Альбертини же свидетельствует о том, что Ди Сан-Джулиано не уведомил об этом Саландра в силу своей приверженности к Тройственному союзу, толкавшей его в объятия Австрии и Германии.

Можно сказать, что история вступления Италии в войну начинается именно здесь, с этого звена той фатальной цепи, которая позволила разгореться конфликту и привела к вступлению в него Италии. Начало и дальнейшее развитие связанных с этим событий отмечены одной весьма характерной чертой: непрерывное наложение идеологических устремлений (являющихся выражением тех или иных интересов) на объективно и трезво понимаемые национальные интересы. Постоянные ссылки фашизма на его воинственные истоки не были такими уж бесосновательными в этом отношении, ибо внешняя политика режима была целиком соткана из ложных псевдопатриотических чувств, которые воспитывались в интересах этого режима.

В то время Австрия и Германия придавали первостепенное значение сотрудничеству с третьим союзником — с Италией. В те дни начальник австрийского генерального штаба генерал Конрад, отвечая министру иностранных дел Берхтольду, писал: «Если мы должны опасаться и Италии, то незачем проводить мобилизацию», ибо невозможно «вести войну на три фронта»; в то же время

* *Casus foederis* (лат.) — буквально «случай союза», обстоятельства, которые обязывают государство согласно договору о военном союзе вступить в войну, которую ведет другая сторона, или начать войну в защиту союзника. — *Прим. ред.*

начальник германского генерального штаба генерал Мольтке считал, что «абсолютно необходимо удерживать Италию в рамках Тройственного союза».

Итальянское правительство прекрасно знало, что Австрия намерена предъявить Сербии неприемлемые требования, чтобы добиться отказа и иметь возможность объявить войну. Однако 21 июля Ди Сан-Джулиано во время беседы с австрийским послом Мереем не потребовал от него заранее сообщить ему в соответствии со статьями I и VII договора о Тройственном союзе те требования, которые будут предъявлены Сербии. В телеграммах, направленных нашим послам в Вене и Берлине, министр иностранных дел не отметил агрессивного характера (что освободило бы Италию от обязательств, налагаемых договором) того демарша, который Австрия собиралась предпринять против Сербии, и утверждал, что Италия «не принимала на себя обязательств» участвовать в возможной войне; потому, продолжал он, мы не сделаем никакого благожелательного жеста в отношении Австрии «до тех пор, пока не будем твердо уверены в правильном истолковании статьи VII договора и пока не будет удовлетворительно решен вопрос о компенсациях». Итак, обязательства вступать в войну Италия не брала на себя, но возможность вмешательства в конфликт отнюдь не была исключена, если бы Вена предложила Италии соответствующие компенсации. Позиция крайне противоречивая, ибо либо война действительно носила агрессивный характер и Италия должна была выступить против нее и твердо заявить об этом, либо она не была таковой, и тогда Италия должна была без промедлений принять в ней участие, отодвинув на второй план вопрос о возможных компенсациях за счет австрийских приобретений на Балканах. Итальянскому правительству, однако, не хватало смелости, но в то же время оно не желало отказываться от возможности кое-что заработать.

Итальянское правительство тем временем пыталось толкнуть Румынию на тот шаг, на который оно само не решилось. 23 июля на аудиенции у короля Кароля итальянский посланник в Бухаресте Фашотти заявил ему, что, как считают в Риме, предстоящий австрийский ультиматум Сербии не будет принят, а это неизбежно приведет к войне. Он просил Румынию повлиять на Австрию с

целью смягчения содержащихся в этом ультиматуме требований, дабы сделать его более приемлемым и предотвратить таким образом войну.

Итак, зная за десять дней до последнего демарша Вены о ее намерениях, итальянское правительство не пожелало взять на себя роль посредника и умиротворителя.

Получив столь неясные директивы, итальянские послы в Берлине и Вене, Боллати и Аварна, естественно, дали свободу своей личной приверженности Тройственному союзу, выйдя даже за рамки полученных (и не полученных) инструкций. Аварна ди Гуальтиери, итальянский посол в Вене, сделал австрийскому министру иностранных дел в предвидении будущего австро-сербского конфликта весьма дружественное заявление, которое Берхтольд, разумеется, не преминул использовать; преданное вовремя гласности, оно вызвало даже публичные манифестации в честь Италии перед зданием Венского муниципалитета! Но Рим и не подумал дать опровержение, чтобы не упустить возможности вести переговоры о компенсациях.

Но как велись эти переговоры! В ноте, направленной 28 июля Ди Сан-Джулиано австрийскому правительству, итальянское правительство обещало «проводить такую политику, которая облегчит» австрийскую оккупацию Сербии, в обмен на неопределенные обещания со стороны Австрии компенсаций, объем которых не был даже уточнен Италией. Это фактически означало подстрекать Австрию к войне без каких бы то ни было попыток использовать обстановку, чтобы извлечь выгоду. Эта часть мемуаров Альбертини решительно опровергает многие апологетические утверждения и соответствующим образом препарированные дипломатические документы, которые содержатся в известных работах Антонио Саландра о нейтралитете Италии и о ее вступлении в войну.

У этих политических деятелей, сыновей национализма и отцов фашизма, не было широкой, европейской точки зрения на драматические события тех дней, как не было у них и непреклонного и последовательного желания спасти мир. Представители итальянских правящих кругов почти все были сторонниками того национализма, который в своей непомерной защите «священного эгоизма» пренебрег не только самыми высокими соображе-

ниями международной безопасности, но и самыми важными и существенными интересами своей страны.

Помимо документальных свидетельств о серьезных и непростительных ошибках итальянской дипломатии в период европейского кризиса в июле 1914 года, третий том мемуаров Луиджи Альбертини содержит анализ политики Ватикана того периода, который, поддерживая и науськивая Австрию, объективно способствовал разжиганию европейского пожара.

Как это действительно явствует из дипломатических документов и католической печати, Ватикан не только ничего не сделал для предотвращения австро-сербского конфликта, но одобрил как австрийский ультиматум, так и войну Австрии против Сербии. 24 июля в одной из телеграмм в Мюнхен баварский поверенный в делах при Ватикане утверждал, что «папа одобряет суровую акцию Австрии против Сербии». «Кардинал статс-секретарь [Мерри дель Валь.— П. А.],— добавлял он,— надеется, что на этот раз Австро-Венгрия, во всяком случае, *tendra le coup* *. Когда же еще, говорит он, решится она на войну, если не воспользуется сейчас своей силой...» Пять дней спустя австро-венгерский посол в Ватикане, излагая содержание своей беседы с кардиналом Мерри дель Валь, писал: «В словах его высокопреосвященства нельзя отметить ничего такого, что говорило бы в пользу особого смягчения и разрядки обстановки. Он сказал, что нота, направленная Сербии, очень сурова, однако он одобрил ее без всяких оговорок и косвенным образом дал понять, что надеется на то, что монархия будет настаивать на своем до конца... Эти выражения соответствуют образу мыслей папы, который в последнее время не раз выражал свое сожаление по поводу того, что Австро-Венгрия не прибрала к рукам своего опасного соседа на Дунае».

Когда газеты католического треста («Коррьере д'Италия», «Авенире д'Италия» и т. д.) выразили сожаление по поводу австрийского ультиматума Сербии, флорентийская газета «Унита каттолика», непосредственно вдохновляемая Ватиканом, опубликовала 26 июля порицающую их редакционную статью и напечатала жирным шрифтом официозное сообщение Ватикана, в котором

* *Tendra le coup* (франц.) — устоит, выдержит.— *Прим. перев.*

утверждалось, что «Австрия давно уже ждала момента возмездия»; кроме того, она заявляла, что позиция католических газет в отношении австрийской ноты, «хотя и энергичной, но вполне закономерной», произвела в Риме «плохое впечатление». На следующий день в дело вмешался и официальный орган Ватикана «Оссерваторе романо», который еще до начала войны выражался следующим образом: «Прежде чем предоставить слово пушкам, политики повсюду произносят свои выпренные речи». Следовательно, «Оссерваторе романо» высмеивала тех, кто, стремясь помешать пушечной канонаде, пытался спасти мир в Европе.

При последующем развитии военных действий комментарии той же «Унита каттолика» стали поистине потрясающими: во всем виновата одна Сербия; Бельгия, варварски растоптанная немцами, заслужила эту кару своей приверженностью либеральным идеям; уничтожение библиотеки в Лувене вполне естественно в момент, «когда говорят пушки дорогие друзья»; а Франция хотя и католическая страна, но дерзко отделилась от церкви и по сему справедливо наказана Германией, страной хотя и лютеранской, но сохранившей почтение к Ватикану. Последний же, сурово увещевая те католические газеты, которые осмелились в июле критиковать австрийский ультиматум Сербии, не только не подумал призвать к порядку «Унита каттолика» и заставить ее умерить свой пыл, но открыто одобрил ее позицию. И действительно, Пий X принял директора этой газеты дон Кавалланти и заявил ему, что он доволен его деятельностью, даровал апостолическое благословение всем редакторам и сотрудникам газеты и всецело одобрил продолжение *bonum certamen* *.

Чем же объясняется, что католическая церковь, руководимая в тот период таким человеком, как папа Сарто, которого многие верующие считали святым, заняла перед лицом угрозы войны и во время самой мировой войны такую позицию, проявляя столь неумеренную воинственность? Именно этот вопрос задавал себе австрийский посол в Ватикане после указанной беседы с кардиналом статс-секретарем. Австрийский дипломат, имев-

* *Bonum certamen* (лат.) — битва за правое дело. — Прим. перев.

ший все основания быть довольным подобной позицией папы и Ватикана, отмечал:

«Ответ простой. Папа и курия видят в Сербии носителя заразной болезни, которая со временем может поразить жизненный нерв монархии и разрушить ее. Австро-Венгрия, несмотря на все эксперименты, проделанные курией в последние годы, остается образцом католического государства, самым надежным оплотом веры, оставшимся у христианской церкви в нашу эпоху. Если бы церковь позволила разрушить этот оплот, то она лишилась бы самой мощной своей опоры и позволила бы пасть самому сильному борцу против православия. И подобно тому, как Австро-Венгрии необходимо было для сохранения своего существования любым способом ликвидировать разъедающую ее болезнь, не пренебрегая в случае нужды и силой, так и для католической церкви необходимо было любым путем, прямым или косвенным, способствовать всему тому, что служило этой цели. При учете этого становится понятным сочетание апостолического образа мыслей с воинственными настроениями».

В сдержанных дипломатических выражениях граф Паллфи (хотя он был католическим представителем католического государства) правильно подметил переплетение политических и религиозных мотивов, обусловивших выступление церкви как фактора войны, а не фактора мира. Это свидетельствует о том, что пацифизм, о котором разглагольствовал порой Ватикан, не имел ничего общего с тем абсолютным стремлением к миру и согласию независимо от политической ситуации, которое предписывает дух евангелия. Став могущественным международным политическим организмом, католическая церковь включилась наряду с другими в сложную и порой жестокую противоречивую игру земных сил и заходит порой так далеко, что явно предпочитает войну миру.

В своих политических мемуарах, также опубликованных посмертно, в 1951 году, Антонио Саландра честно признает, что в 1914 году Италия «не желала никакой войны» и что в момент вступления Италии в конфликт к войне «стремилось только предприимчивое и смелое, но, в сущности, ничтожное меньшинство, которое правительство легко могло бы обуздать». Том мемуаров Альбертини, который мы здесь разбираем, неоднократно

свидетельствует о том же (вопреки намерениям автора) и содержит много данных, подтверждающих тезис Луиджи Сальваторелли, согласно которому в мае 1915 года в истории Италии нового времени был совершен первый государственный монархический переворот. Интервенционизм осени 1914 года Альбертини называет «слабым и хрупким», а желание ввергнуть Италию в войну считает желанием меньшинства, и даже «избранного меньшинства». Несколько ниже он признает, что все лица, входившие в правительство, левые и правые, за исключением сторонников Джолитти, разделявших его нейтралитет, считали, что необходимо действовать осторожно. Однако то, что пишет в своих воспоминаниях Альбертини о майских днях, подтверждает мнение Нитти, высказанное им во время эмиграции—это интервенционистское меньшинство было не столько избранным, сколько шумным и наглым. В майские дни интервенционистская пресса во главе с «Коррьере делла сера» Альбертини и «Джорнале д'Италия» Сиднея Соннино инспирировала и всячески восхваляла наихудшие проявления зверств и насилий. Джолитти, стремившийся спасти мир, был объявлен римскими интервенционистскими ассоциациями «иностранным агентом и врагом отечества» (и, как всегда, пытались разжечь ненависть к той державе, с которой правительство в данный момент не желало заключать союза). Д'Аннунцио, вернувшийся из Франции, куда он бежал от кредиторов, и возглавивший интервенционистское движение, кричал об измене и призывал к насилию. Он говорил: «Освободитесь же, освободитесь от грязи, сбросьте в клоаку всяческую гниль». Эти слова привели к желанному результату, и день спустя, 13 мая, был избит и оплеван депутат-джолиттианец Бертолини, а Факта, Грациаден, Валенцани и Де Беллис после угроз по их адресу были освистаны. Конфликты имели место во многих городах Италии, помещения редакций газет (например, неаполитанской «Маттино») подверглись нападению и разгрому, а в Болонье был подвергнут преследованию и избит депутат-социалист Нино Маццони. 14 мая, когда стало известно об отставке кабинета Саландра, парламент захватила толпа, устроившая настоящую охоту на депутатов—сторонников Джолитти. С некоторой наивностью Альбертини заявляет, что правительство не было причастно к организации этих демон-

страций, и тут же вспоминает, что 15-го числа «в поддержку Саландра, Соннино и соответствующих министров состоялись демонстрации служащих всех министерств с генеральными директорами и начальниками отделов во главе». Мы говорим «с некоторой наивностью», ибо не нужно хорошо знать мир министерских чиновников, чтобы понять: без разрешения свыше эти служащие, предводительствуемые генеральными директорами и начальниками отделов, не решились бы на что-либо подобное! Впрочем, это не только общеизвестно, но постепенно находит и документальное подтверждение (например, документы, опубликованные Чезаре Спелланцоном относительно журналиста-сквадриста Марио Равазини); даже вторжение в Монтечиторио было осуществлено с благословения правительства и лично Саландра, который, между прочим, обещал организаторам этой хулиганской выходки полную безнаказанность.

Впрочем, в том, что правительство не бездействовало в этой обстановке, можно убедиться даже на основе той документации, которую предоставляет нашему вниманию сам Альбертини. Правительство стремилось поставить страну в безвыходное положение. Если вполне справедливо то, что сказал Альбертини по другому поводу, а именно что «решения, созревающие в тиши правительственных кабинетов, вне контроля общественного мнения и печати, нередко нас глубоко поражают», то надо сказать, что вряд ли когда-либо раньше так вынашивалось в тиши кабинетов решение, имеющее столь серьезное значение для судеб страны, как решение о вступлении Италии в 1915 году в войну. Правительство даже высшим военным властям ничего не сообщило относительно переговоров с державами Антанты и решения принять участие в конфликте: Кадорна не знал текста Лондонского договора до тех пор, пока он не был опубликован советским правительством в 1917 году! Более того, в то время как переговоры с Францией, Англией и Россией были закончены, Лондонский договор подписан и правительство взяло на себя обязательство о вступлении Италии в войну не позже 26 мая, Италия все еще продолжала переговоры с Австрией на основе согласованного во всех деталях и облеченного в дипломатическую форму проекта соглашения. Если бы Австрия приняла этот проект, то Италия в одно и то же вре-

мя была бы связана с двуединой монархией договором о дружбе и нейтралитете, а с Антантой — обязательством о вступлении в войну против Австрии.

Отсюда необходимость для Саландра и Соннино держать страну в своих руках, создавая посредством манифестаций, о которых здесь уже говорилось, искусственную атмосферу интервенционизма. В этих маневрах оба политических деятеля опирались на полную солидарность короны, которую ревностный интервенционист Бенито Муссолини уже пытался публично шантажировать, заявив 13 мая в речи на Пьяцца дель Дуомо в Милане следующее: «Мы хотим войны, и если вы, монарх, обладающий правом в силу статьи 5 Конституции призвать к границе всех солдат, откажетесь сделать это, то вы потеряете корону». Виктор Эммануил, опасавшийся за свой трон, позволил себя запугать и в беседе с одним сенатором как-то сказал: «Я должен начать войну, иначе вспыхнет революция».

В этой связи (отмеченный факт важен и сам по себе) значительный интерес представляет мысль Сальвемини, высказанная им в упоминавшейся уже статье в «Мондо», которая была написана по поводу мемуаров Альбертини и стремилась доказать фатальную неизбежность вступления Италии в войну в 1915 году. Тем более важны его признания, что «ни действительное большинство населения страны, ни парламентское большинство не хотели вступления страны в войну», что «если бы «Коррьере делла сера» боролась, чего бы это ей ни стоило, за нейтралитет, вступление Италии в войну стало бы невозможным», и последнее: «если бы итальянские правители согласились с мнением Боллати и Аварна [*относительно абсолютного нейтралитета.* — П. А.], в Италии наверняка не было бы никакой революции». За 25 лет национал-фашистская псевдоисториография приучила итальянцев к мысли, что в 1915 году интервенционистский поток был непреодолимым. В действительности же (об этом теперь начинают все более ярко свидетельствовать даже документы интервенционистского лагеря) интервенционисты составляли тогда ничтожное меньшинство, сумевшее при помощи короны и правительства подавить общественное мнение и его конституционный орган — парламент.

Итак, подавив волю большинства страны, пролетариата, большинства Сената и палаты, объединявшегося

вокруг Джолитти, не подготовив должным образом вооруженные силы, во главе которых стоял начальник генерального штаба, специализировавшийся по организации маневров на французском фронте, строя близорукие и ошибочные дипломатические расчеты, за что пришлось поплатиться в конце войны, обольщая себя надеждой закончить войну в течение нескольких месяцев, более того, боясь опоздать, итальянское правительство ввергло страну в горнило европейской войны, в котором ей пришлось гореть почти четыре года.

В связи со всем этим возникает вопрос: знал ли Джолитти в мае 1915 года о Лондонском договоре? В 1919 году этот вопрос вызвал спор между Джолитти и Саландра. Вновь поставленный перед общественным мнением в связи с опубликованием мемуаров Альбертини и серии статей и заметок в газетах и журналах¹, он был наконец совершенно пересмотрен Гаэтано Сальвемини, выступившим в «Куадерни ди культура э сториа социале».

Вопрос заключается в следующем: в то время как Джолитти заявлял, что он не знал о заключении Лондонского договора и о его содержании, Саландра утверждал, что политик из Дронеро был в основном информирован об этом в ходе беседы с министром Каркано 9 мая 1915 года, на приеме 10 мая и, наконец, во время беседы с самим Саландра, состоявшейся в тот же день. Сальваторелли и Спелланзон решительно отстаивали правоту Джолитти; Сальвемини же стремится показать, что правда не на стороне Джолитти, как думали многие, а на стороне Саландра. И надо признать, что доказательства, приводимые боевым, остроумным и резким полеми-

¹ Этот вопрос был затронут Луиджи Сальваторелли в ряде статей (см. журнал «Понте» за апрель 1950 года, «Мессаджеро» за 22 февраля и 22 марта и «Стампа» за 22 марта 1952 года); в дело вмешались также Гаэтано Сальвемини, выступивший в «Мондо» 9 февраля, Чезаре Спелланзон, выступивший сначала в «Мессаджеро» за 21 февраля, а затем в «Куадерни ди культура э сториа социале» за февраль и апрель 1952 года, Маффио Маффи («Мессаджеро» от 23 февраля), Джифуни («Гадзетта дель медзоджорно» от 12 марта) и Гуидо Куацца («Мулино» за ноябрь 1952 года).

стом и историком, таковы, что способны поколебать уверенность в справедливости противоположных доводов¹.

В данном вопросе мы сталкиваемся с весьма деликатным и острым моментом, который может привести к далеко идущим выводам. Джолитти признавал, что Каркано и Саландра (о короле он не мог ничего сказать в силу традиционной сдержанности, с которой политические деятели должны были говорить о главе государства) сообщили ему относительно принятого Италией обязательства о вступлении в войну, но он отрицал, что был информирован как о характере и точном объеме этих обязательств, так и об их содержании. Другими словами, он утверждал, будто информация обоих членов правительства позволяла ему думать, что поскольку речь идет о вступлении в войну, то правительство не зашло еще так далеко, чтобы облечь свое обязательство в форму регулярного дипломатического договора, который меж тем уже существовал и должен был войти в силу. Со своей стороны Саландра признавал, что он не показывал Джолитти формального акта, который отныне связывал Италию с Антантой, но уверял, что он сообщил главе парламентского большинства о его существовании и его основные пункты.

Во время полемики 1919 года Джолитти был вынужден признать, что Каркано и Саландра действительно говорили ему «о решениях и обязательствах, принятых правительством, невыполнение которых неизбежно должно было бы повлечь за собой отставку кабинета, которому впоследствии действительно пришлось уйти в отставку». Сальвемини задает справедливый вопрос: о чем же ином могла идти речь, как не об обязательстве итальянского правительства вступить в войну на стороне Антанты? Затем Сальвемини приводит одно за другим

¹ В качестве косвенного доказательства неискренности Джолитти, когда он рассказывает о своей деятельности в этот период итальянской истории, Сальвемини указывает на приемы, с помощью которых пьемонтский деятель отвергал обвинения Саландра, будто в период нейтралитета он (Джолитти) поддерживал «косвенные связи» с князем Бюловым, немецким послом в Риме. Говоря о том, что, собственно, в самом факте этих контактов не было ничего греховного, Сальвемини отмечал в то же время массу недомолвок Джолитти, использовавшего такие фарисейские выражения, что даже в том случае, если их буква соответствовала правде, в целом они все-таки искажали истину и действительное положение вещей.

свидетельства, прямые и косвенные, используя частично новые документы, полученные им у наследников политических деятелей того времени, и показывает, что в мае 1915 года существование как Лондонского договора, так и той его статьи 16, которая обязывала Италию вступить в войну через месяц после подписания договора, были секретом полишинеля, и подкрепляет это множеством документов. Если это знали все, то мог ли об этом не знать Джолитти?

Здесь начинается наиболее интересная и, мы бы сказали, пикантная часть построений Сальвемини. Фрассати, тогдашний директор газеты «Стампа» и близкий друг Джолитти, писал, что последний не раз говорил ему следующее: «Если бы я знал о Лондонском договоре, то у меня было бы лишь два выхода: либо поддержать войну (чего я совершенно не желаю), либо отправиться на отдых. Третий выход — образование кабинета с нейтралистской программой — низвел бы Италию до положения одной из самых жалких южноамериканских республик». Сальвемини следующим образом комментирует эти слова: Джолитти, звавший о Лондонском договоре и абсолютно не желавший войны, тем не менее отказался от идеи формирования нового правительства с нейтралистской программой и удалился на свою виллу в городе Кавуре. Как же это совместить с его убеждением, что война будет большим несчастьем для страны? Дело в том, серьезно и убедительно разъясняет Сальвемини, что Лондонский договор связывал не только правительство, которое могло, конечно, потерпеть крах, тем более что парламент еще не санкционировал этот дипломатический акт, но и короля, который заранее одобрил переговоры и, более того, официально согласился с последними решениями, направив телеграммы русскому царю, королю Англии и президенту Французской республики. Следовательно, если бы Саландра по воле парламента уступил свое место Джолитти и если бы таким образом Джолитти спас Италию от неизбежного, с его точки зрения, военного крушения, то он вынужден был бы обязать короля отречься от престола. Таким образом, правительственный кризис неизбежно сам по себе привел бы к конституционному кризису. Джолитти, верный монархист, не хотел такого оборота дела, и ему не оста-

валось ничего другого, как проглотить горькую пилюлю и удалиться в свой Пьемонт.

«Подобная постановка вопроса,— пишет Сальвемини,— проливает яркий свет на один из самых ответственных актов Саландра и Соннино при подготовке Лондонского договора. Они возложили ответственность за подписание договора также и на короля, не уведомив об этом заранее Джолитти, который возглавлял парламентское большинство. Они поставили его перед свершившимся фактом; таким образом, он должен был либо разделить с ними ответственность за это, либо принудить короля к отречению, вызвав конституционный кризис, последствия которого трудно было предвидеть».

Но здесь, однако, в спор вступает Сальваторелли. В письме, опубликованном в «Куадерни ди культура э сториа сочиале» (за которым последовало краткое письмо Спелланцона, который поддержал его точку зрения), он заявлял, что соображения «выдающегося учителя и дорогого друга» по существу не противоречат утверждениям его самого и Спелланцона, и более того, они в конечном счете подтверждают их точку зрения. Согласно Сальваторелли, в своей аргументации Сальвемини не касается того пункта, который, по его, Сальваторелли, мнению, является самым существенным, а именно: было ли сообщено Джолитти о существовании договора, предписывающего Италии вступить в войну, в том смысле, что уклонение от этого означало бы нарушение взятого по договору обязательства? Иначе говоря, Сальваторелли считает, что Сальвемини косвенным путем дает на данный вопрос отрицательный ответ, поскольку он думает, что Лондонский договор не имел характера строго определенного «государственного» обязательства; такой характер (и в этом заключается тезис Сальвемини) он приобрел бы только после одобрения его парламентом и вступления Италии в войну. Но — и в этом главная мысль Сальваторелли — «такая точка зрения несостоятельна по трем причинам. Первая: Лондонский договор был межгосударственным договором, а не простым обязательством нескольких правительств относительно возможного превращения его в договор (под Лондонским договором стояли не «инициалы», а полные подписи); как таковой, он и рассматривался всеми сторонами. Вторая: подобные трактаты согласно

тогдашнему итальянскому конституционному праву не нуждались в одобрении парламента (вотирует последний фонды или нет — это, в сущности, было уже внутри-итальянским делом). Третья: обязательство вступить в войну было несомненным, и об этом с полной определенностью свидетельствовало указание точных сроков и отсутствие каких бы то ни было оговорок».

Из этих трех причин вторая, без сомнения, представляется наиболее убедительной, грозя разрушить все построение Сальвемини. Но сам Сальваторелли не оставляет проблему на данной стадии разрешения, более того, идя дальше, он тут же сводит ее в некотором смысле к более общей проблеме, снова открывая пути для ее различного толкования.

«Я сам,— пишет он,— в конце стал сомневаться, что Саландра рассматривал Лондонский договор именно так, как доказывает Сальвемини; при этом для подтверждения своей точки зрения я приводил некоторые его высказывания. Но это было бы окончательным и решающим доводом в пользу того, что Джолитти говорил правду, утверждая, что в мае 1915 года ему не говорили о «государственном» обязательстве относительно вступления Италии в войну, приуроченного к точно установленному сроку. Вернемся теперь к главному пункту: сократив характер этого обязательства, по злому или доброму умыслу, привело к тому, что Джолитти по-прежнему настаивал на продолжении («*rebus sic stantibus*»*) политики нейтралитета и переговоров с Австрией. Это обстоятельство дало повод для развязывания против него клеветнической кампании, оно явилось существенным элементом того разделения умов, с которым нация вступила в войну и которое сохранилось и в период самой войны. В этом, по-моему, состоит основа всех зол, а не в войне самой по себе (как это предполагает Сальвемини). Здесь речь идет о «майских днях» как прологе «похода на Рим».

К вопросу о майских днях возвращается также и Гаэгано Натале в своей статье, опубликованной в «Куадерни ди культура э сториа сочиале», она представляет ценность своим богатым фактическим материалом и

* *Rebus sic stantibus* (лат.) — поскольку положение вещей оставалось прежним. — *Прим. перев.*

комментариями, а главное — своим великолепным логическим и историческим построением. Начав с тонкого описания личности и деятельности французского посла в Риме Баррера (Натале противопоставляет его немецкому послу Бюлову), обрисовав различные интервенционистские течения и ясно поставив вопрос о возникновении и дальнейшем углублении разногласий между Саландра и Джолитти, Гаэтано Натале переходит к описанию «радужных дней», разоблачая методы этого «отвратительного, не знавшего никаких границ запугивания, с помощью которого оказывали давление на правительство, парламент, полицию, армию и суд и брали под обстрел отдельных лиц и партии, занимавшие нейтралистские позиции или хотя бы подозреваемые в этом». Это насильственное подавление действительной и законной воли страны прославлялось впоследствии традиционной национал-фашистской историографией в качестве «радужных майских дней».

Что касается политики и дипломатии Саландра и Соннино, то в настоящее время все историки придерживаются единых взглядов и оценки, не исключая Спелланцона и Сальвемини, которые занимают противоположные позиции в вышеизложенном вопросе.

С точки зрения Спелланцона, оба политических деятеля «правой» «были, коротко говоря, настоящим национальным бедствием»; с точки же зрения Сальвемини, — «редко в истории дипломатии разрешение такой трудной проблемы находилось в столь неумелых руках и совершалось столь диким образом. Многие из порожденных войною отрицательных последствий стали возможными именно благодаря этой дикости».

Но Сальвемини не ошибался, добавляя в связи с этим, что данный вопрос — вопрос особый, что он не связан с другими, более существенными вопросами, относящимися к вступлению Италии в войну, а именно с вопросом о том, смогло ли бы какое бы то ни было другое итальянское правительство остаться нейтральным в 1915 году и к каким последствиям для Италии привела бы в этом случае война. Сальвемини предполагает вернуться к этому вопросу, и мы, конечно, с интересом ожидаем его работу, хотя уже сейчас можно представить себе, что скажет тот, кто, повторяем, говорил о вступле-

нии Италии в войну как об «исторической неизбежности». Перед нами разновидность идеалистического детерминизма одного из наиболее видных противников исторического материализма и порожденный полемикой парадокс!

Возвращаясь к мемуарам Альбертини, скажем, что четвертый том (второй том второй части) представляет особый интерес своим серьезным анализом того дипломатического орудия, с помощью которого Италию заставили вступить в войну,— Лондонского договора. Кроме того, он показывает, что Италия вступила в войну либо слишком преждевременно, либо слишком поздно, учитывая военно-политическую ситуацию европейского конфликта, разразившегося за год до этого.

Лондонский договор, которым Соннино впоследствии дорожил, как собственным сыном, был дипломатической кодификацией близорукой, ограниченной и лишенной широты политики. Еще более удивительным было последнее нежелание выполнить все обязательства, которые налагал этот договор на Италию (пока на посту председателя совета министров оставался Саландра, война Германии в силу невероятного умственного убеждения так и не была объявлена), и особенно стремление сохранить этот договор в качестве неоспоримого документа как раз в тот момент, когда выдвигались новые, не содержащиеся в нем требования. Что же касается вступления Италии в войну, то оно состоялось некоторое время спустя после того немецкого наступления на русском фронте, которое должно было открыть глаза на возможности противного блока. На итальянском фронте оно было несвоевременным¹, и при этом не были даже использованы те во многих отношениях благоприятные для Италии условия, благодаря которым, по мнению итальянских наблюдателей и даже австрийских генералов (многих из них впоследствии по поручению Альбертини проинтервьюировал Лучано Магрини), Италия могла бы вначале одержать серьезные успехи в тот важный для решения общих судеб войны момент.

Альбертини выступает в защиту Кадорна и, как мы уже подчеркивали в его биографическом очерке, не воз-

¹ Относительно проектируемых и действительных сроков вступления Италии в войну см. глубокие замечания в работах А. Грамши (A. Gramsci, *Passato e presente*, Torino, Einaudi, 1951, p. 40).

мущается даже ужасающими кровопролитными фронтальными атаками, предпринятыми по указанию начальника генерального штаба после того, как потерпел крах его план ведения войны, который даже Альбертини считал ошибочным. Это было какое-то ослепление, приводившее к игнорированию даже тех здоровых тенденций, направленных на ослабление напряженности и на умиротворение страны, которые воодушевляли Орландо (вначале министра внутренних дел в кабинете Бозелли, а затем председателя совета министров) на проведение политики большей терпимости, корректных отношений с социалистами — словом, на установление менее суровой правительственной и полицейской диктатуры. Тех, кто в 1917 году пытался требовать от правительства большего уважения политических прав, предоставленных конституцией, Альбертини упрекал в пораженчестве. В этих установках Альбертини, нашедших, естественно, отражение на страницах «Коррьере делла сера», видны те опасные ростки антипарламентаризма, которые, развиваясь, должны были принести горькие плоды в послевоенный период, вылившись в фашизм (см. по этому вопросу данный сборник, стр. 447—448).

И наконец последний том работы Альбертини: от Капоретто к Витторио-Венето. Первые его страницы поистине драматичны: широкое австро-германское наступление осенью 1917 года за несколько часов опрокинуло итальянскую армию, противник взломал линию обороны и обратил армию в беспорядочное бегство, продолжавшееся до тех пор, пока прорыв у Капоретто не был ликвидирован и противник не был остановлен на реке Пьяве. Описывая со свойственной ему скрупулезностью и добросовестностью военно-политические события, которые можно объединить под общим названием Капоретто, Луиджи Альбертини весьма реалистически орудует скальпелем своей критики в итальянских языках. Он начинает с исповеди: «Несомненно, что «Коррьере делла сера» и я лично долгое время не могли обнаружить причин катастрофы, крившихся в военной организации». Далее он описывает состояние итальянской армии накануне вражеского наступления и ее поведение во время боев этих дней; он создает картину, действующую на не в меру восторженных почитателей военной славы Италии, подобно холодному душу, ибо вновь со всей оче-

видностью доказывает, что армия стоит ровно столько, сколько стоят политические деятели, руководящие страной, сколько стоят генералы, командующие армией; словом столько, сколько стоит весь правящий класс.

И, говоря о правящем классе, Альбертини приходит к весьма безутешному и горькому выводу: «Вся ответственность за моральный кризис Капоретто,— пишет он,— ложится на итальянский правящий класс, тот класс, который сначала был с Джолитти, с Орландо и Нитти, очень высоко ценя их гибкие методы правления, и который затем примкнул к Муссолини, одобряя любое серьезное нарушение им наших конституционных законов... Что же, впрочем, представляет из себя этот правящий класс, если не мой собственный класс, тот, к которому принадлежат мои дети, родственники, друзья, коллеги, составляющие костяк, нервы, мозг моей страны, которой я посвятил всего себя?»

Но вернемся к Капоретто: разрыв между правительством и страной, между правительством и высшим командованием, между высшим командованием и армией— вот три причины, о которых с полной определенностью свидетельствует книга Альбертини и которых вполне достаточно для объяснения поражения. И естественно, что, когда к этому добавляются объективные трудности, плотина не в силах сдержать потока. Начинается обезличка, ответственность перелagается с одних плеч на другие. Здесь и стратегические ошибки главнокомандующего Кадорна, наряду с его просчетами чисто психологического и человеческого порядка, и ошибки, проистекавшие из чрезмерного самомнения командующих крупными соединениями, вроде Капелло и Бадольо, и своеволие генералов, не подчинявшихся приказам сверху и обрекавших тем самым на неудачу действия других частей, и ничтожество офицеров, в страхе покидавших поле боя. Почти никто из тех, кто несет ответственность за руководство армией в октябре 1917 года, не избег сурового суда Альбертини при описании им ситуации того времени и поведения руководителей.

И все же в результате героического сопротивления на Пьяве, а затем битвы при горе Граппа итальянская армия пришла к славе Витторио-Венето. Альбертини, который прослеживает не только военные события на всех фронтах, но и рассказывает об итальянской и международной

политической жизни того времени, который посвящает особенно интересные страницы кампании в защиту угнетенных народов, завершившейся Римским конгрессом, а также политическим последствиям кампании, в ходе которой так ярко проявились непоследовательность Орландо и тупая враждебность Соннино, пролил новый свет на ту страницу нашей истории, относительно которой мы имеем обыкновение даже не спорить. Итальянское наступление, которому суждено было завершиться Витторио-Венето, было начато с непростительным опозданием из-за нерешительности и колебаний ответственных политических и военных деятелей и их хитроумных стремлений победить, не подвергая себя риску. Альбертини прямо признает, что приводящему нас в бешенство тезису иностранцев об ограниченном значении для общего хода войны итальянского наступления в октябре 1918 года и о поверженном уже и лежащем на земле враге мы способствуем сами, когда, не соблюдая меры, отстаиваем истину, всячески преувеличивая значение этого наступления, а «преувеличиваем мы тогда, когда отрицаем, что атаковали неприятеля с опозданием, и не признаем, что после первых двух-трех дней боев начались восстания солдат австрийской армии, содействовавшие ее разложению».

В своей книге Бономи затрагивает проблему итальянского интервенционизма лишь косвенно, что отнюдь не снижает, однако, ее ценности. В самом деле, речь идет о полном крахе задач послевоенной политики того «демократического» или «левого» интервенционизма, одним из наиболее крупных и опытных представителей которого был наряду с Биссолати и Сальвемини автор рассматриваемой нами книги — Бономи. Именно в послевоенный период полностью рассеялись иллюзии этих интервенционистов, мечтавших придать «демократический характер» такому фактору, как война, которая в консервативной и капиталистической стране с сильно развитыми кастовыми прослойками и традиционно замкнутыми корпорациями может превратиться в демократический фактор, только породив революционную ситуацию, как это произошло в России в 1917 году. Но эти левые интервенционисты ненавидели революцию, и именно поэтому некоторые из них, а именно Биссолати

и Бономи, вышли за несколько лет до начала войны из социалистической партии, основав реформистское течение, и с этого момента включились в механизм государства, традиционно руководимого консервативными и даже реакционными силами. Могли ли они придать вступлению Италии в войну демократический характер и добиться того, чтобы оно привело к благоприятным для демократии результатам? Послевоенный период похоронил их благие, но утопические и потому никчемные иллюзии.

Главы работы Бономи об итальянской политике после Витторио-Венето служат продолжением задуманного им труда, который был начат большим томом об итальянской политике от Порто Пиа до Витторио-Венето и опубликован издательством Эйнауди в 1944 году, вызвав значительный интерес и благоприятное отношение критики в силу несомненных способностей автора воспроизводить исторические события. Новая работа Бономи, опубликованная посмертно, много меньше прежней по размерам, так как автор умер, не осуществив до конца своего замысла — довести изложение до установления фашистской диктатуры и далее до 1925 года; в действительности же он довел его лишь до времени существования последнего кабинета Джолитти.

Вышедшая уже после смерти Бономи книга с первых же страниц весьма остро ставит рассматриваемый нами вопрос. Бономи не мог не признать краха «демократического» интервенционизма. В первой главе нашел отражение шумный обструкционизм, организованный националистами при участии Муссолини против Биссолати в связи с его выступлением в театре Ла Скала; однако автор, как правильно отметил Раджоньери в своей рецензии в «Нуово коррьере», отводит в ней центральное место самозащите. Итальянскую внешнюю политику он изображает здесь разумной и дальновидной лишь из полемических соображений, так что на этих страницах не видно никаких следов подлинной исторической критики.

Парижская конференция, разногласия между слабым, но гибким Орландо и упорным, но ограниченным Соннино, полемика внутри страны относительно целей войны, фиумская экспедиция — все это занимает большую часть книги Бономи, в которой также имеются неплохие страницы, где автор вновь проявляет свой та-

лант и умение исследовать и описывать сложную и непрерывно и быстро развивающуюся ситуацию; достаточно сослаться на всю девятую главу, посвященную возвращению к власти Джолитти, пережившего пренебрежительное забвение за свой нейтраллизм. Джолитти дождался, что к нему вновь стали обращаться, как к человеку, наиболее подходящему в тех условиях, по мнению многих из тех, кто когда-то поставил на нем крест, но теперь снова верил в деятеля, прошедшего через все испытания и сохранившего свое олимпийское, оптимистическое спокойствие. В период существования последнего кабинета Джолитти (когда развернулось грандиозное движение рабочих по захвату фабрик, преданное реформистами, заседавшими в руководстве и в парламентской фракции социалистической партии Италии и особенно в Конфедерации труда) наметился спад революционного порыва послевоенного периода, который максималистское на словах крыло социалистической партии совершенно не использовало в политическом плане. Бономи не без удовлетворения сообщает следующее: «Турати... вместе со своими наиболее авторитетными друзьями договорился о том, чтобы преградить путь движению и избежать революционного кризиса»; Бономи дает нам свежие данные, которые позволяют считать, что этот лидер реформистского социализма совершенно порвал к этому времени с подлинным социализмом и скорее являлся представителем расплывчатого либерально-демократического течения, чем социализма. Автор отмечает также и саботажническую роль Конфедерации труда, тормозившую революционное движение. Он отчетливо говорит о «поражении» пролетариата и свидетельствует лишь о том, что это поражение «хотя и подсекло под корень революционные течения, но породило в конечном счете еще более тревожную и тяжелую обстановку», которая облегчала игру консервативных и реакционных сил, стремившихся использовать это поражение в удобный для них момент в своих целях. Таким образом, можно считать неопровержимой ответственность реформизма (независимо от того, действовали ли реформисты внутри социалистической партии или вне ее) за появление фашизма, который, согласно одному по существу справедливому тезису, отстаиваемому с самого начала Бономи, готовился вовсе не к тому, чтобы

выступить против социализма в момент наибольшего успеха последнего, а к тому, чтобы, используя определенное уже поражение социалистического движения, пойти по намеченному традиционными правящими группами пути, надежно и надолго заменив эти группы.

Поэтому жалкое впечатление производит та часть работы (несомненно, наиболее слабая), где защищается политика кабинетов Джолитти и Бономи, тесно связанных между собой, помимо всего прочего, тем, что в первом из них Бономи последовательно возглавлял военное министерство и министерство государственной казны. Вопрос о существовании профашистского циркуляра Бономи военным властям, о котором в то время говорили многие, но существование которого автор отрицает, отходит на второй план по сравнению с той линией, которой придерживались оба эти правительства в политической области и в области избирательной борьбы, поставив перед собой заранее обдуманную цель — включить фашизм в политическую жизнь Италии; по сравнению с тем фактом, что то ли в силу их твердого и обдуманного решения, то ли, наоборот, по слабости и неспособности обуздать вырвавшиеся на свободу темные силы, они довели дело до того, что за несколько месяцев (конец 1920 — начало 1921 года) бюрократия, суд, полиция и армия тесно сомкнули свои ряды с фашизмом, раскрыв перед ним двери палаты и дав ему возможность стать важнейшей политической и парламентской силой Италии. Чего же после этого стоит заявление Бономи, отрицавшего факт подписания им приказа о передаче фашистам военных грузовиков и оружия для проведения «карательных экспедиций»? Факт остается фактом — при посредстве сначала Джолитти, а затем Бономи, возглавлявших в тот период правительство, это оружие и грузовики регулярно передавались военными властями в руки фашистов, что никто никогда не осмелился даже взять под сомнение.

В заключение скажем, что эта книга Бономи, опубликованная после его смерти, принадлежит к числу апологетических произведений тех правящих групп, политика которых потерпела полный крах, ибо они превыше всего ставили задачу подавления «революции» и противодействия росту левых сил. Эта апологетическая литература, не имея никакой ценности в смысле критиче-

ского анализа, заслуживает, однако, внимания, ибо предоставляет в руки ученого богатый фактический материал для выводов, которые должны явиться результатом изучения с точки зрения общеисторической перспективы усилий, надежд, ошибок, нерешительности и колебаний правящих групп дофашистского периода. Но гораздо более важным источником по этому же периоду, источником, отличающимся богатым фактическим материалом и интересной постановкой ряда вопросов, является пятый том переписки Турати и Кулишовой, который был очень кстати выпущен редактором Алессандро Скьяви, правда, нарушившим хронологическую последовательность томов, опубликовав сначала часть переписки, относящуюся к периоду 1900—1918 годов (четыре же года назад публика весьма благосклонно встретила выход первого тома, относящегося к 1898—1899 годам, где авторы переписки касаются миланских волнений и последовавших за ними жестоких репрессий, осадного положения, военных трибуналов и приговоров, вынесенных в том числе и самим авторам переписки). Скьяви сделал очень полезное дело, за что ему воздал благодарность и Луилжи Сальваторелли, рецензировавший данный том в «Стампа», ибо речь идет о включении в научную литературу весьма необходимого материала, касающегося, например, послевоенного кризиса, прихода фашизма к власти и Авентинского блока.

Этот пятый том переписки открывается началом мирной конференции и завершается кануном «похода на Рим». Это был очень бурный период в истории Италии и всего мира, когда все проблемы, поставленные мировым конфликтом, сплелись в единый клубок, когда петля затянулась вокруг горла, настали сроки платежа по векселям и противоречия раскрылись во всем своем драматизме, когда с каждым днем все более выяснялась несостоятельность либеральных правящих кругов, склонявшихся к мысли передать власть в руки поднимавшегося националистического движения, исполненного мрачного стремления расправиться с пробудившимися к жизни народными массами и силами социализма, который, несмотря на переживаемые им тогда глубокие противоречия и допущенные тяжелые ошибки, все же выражал политические чаяния этих масс.

Строго последовательной и весьма полной работой, в отличие от предыдущих, является «История фашизма» Луиджи Сальваторелли и Джованни Мира, которая широко и детально обобщает весь двадцатипятилетний период 1919—1945 годов. В конце книги авторы предупреждают читателя, что их работа представляет собой «всего лишь первую попытку систематизации исторического материала по фашизму, цель которой послужить основой для дальнейших изысканий и обобщений». Принимая во внимание это предупреждение авторов относительно ограниченных задач данной работы, следует сказать, что предпринятый ими нелегкий труд увенчался успехом. Исключительное обилие фактического материала, дополняемого большим числом иллюстраций, как правило, либо еще не опубликованных, либо редко встречающихся; стройное расположение материала, который очень трудно поддается последовательному изложению; обоснованность критических суждений — это лишь некоторые основные достоинства данной работы, очень ценной, нужной и интересной.

И все же мы сомневаемся в правильности принятого авторами решения — отказаться от более почетной задачи, которая наверняка была бы им по плечу; они остались верны преимущественно повествовательной манере изложения, отказавшись от подлинно историографической трактовки вопроса. Однако трудно ожидать от Сальваторелли и Мира такой критической индифферентности, что, впрочем, само по себе абсолютно неосуществимо; поэтому обоим авторам вопреки объявленному ими намерению пришлось давать оценку событиям, имевшим слишком важное значение для истории нашей страны, чтобы можно было бесстрастно говорить о них тому, кто взялся за их систематизацию и изложение. И не следовало ли авторам пройти то расстояние, которое еще отделяет их от подлинно критической и историографической систематизации событий рассматриваемого периода? И не следовало ли авторам, подобно тому как это сделал Чезаре Спелланзон в своей «Истории Рисорджименто и Объединения Италии» (она имеет такой же популярно-критический характер, как и рассматриваемая работа), снабдить свою книгу библиографическими ссылками, имеющими большое значение для продолжения тех изысканий, которым они хотели поло-

жить начало и которые они хотели ускорить своим трудом?

Это тем более верно, что, остановившись на полпути, оба автора делают то тут, то там неверные замечания, дезориентируют читателя, обходя главные вопросы, касаясь их только вскользь вместо глубокого проникновения в их сущность и четкого анализа. Возьмем, к примеру, фиумскую экспедицию и политику Д'Аннунцио в Фиуме: можем ли мы удовлетвориться их краткими и ироническими замечаниями (например, на стр. 50) относительно проведенного Д'Аннунцио плебисцита, не имея анализа этого тревожного явления, которое представляло реальную опасность, имело такое большое значение, что признают авторы, для фашистского режима и явилось результатом (они признают и это) не одного только простого принуждения? То же самое (но здесь речь идет о более важном вопросе) можно сказать и относительно изложения позиции социалистической партии в послевоенный период — проблемы, получившей такое драматическое освещение и столь обильно документированной (хотя и с узкопартийных позиций) в том томе переписки Турати с Кулишовой, о котором говорилось выше. Позиция максималистов, нашедшая отражение на страницах «Аванти!», получила следующую ироническую оценку (стр. 168): «Социалисты не были побеждены, напротив — поражение потерпел буржуазный парламентаризм. Что касается пролетариата, то он не позволил Рабагасу* провести себя». Но сказать так — значит сказать слишком мало. Если посмотреть в корень вещей и оставить шутки, то окажется, что «Аванти!» была права. И в самом деле, побежденным из послевоенного кризиса вышел не социализм, которому было суждено после рокового фашистского гнета стать еще более неотразимой силой, чем раньше, а либеральная демократия, которая помогла фашизму стать на ноги и передала ему власть именно для того, чтобы нанести поражение социализму. Поглядите вокруг, чем же кончила либеральная демократия после уничтожения фашистского гнета? Она существует сейчас в виде разрозненных, политически беспомощных группок, все

* Рабагас — герой одноименной комедии французского драматурга В. Сарду (1881—1908), имя которого стало нарицательным для обозначения бессовестного проходимца и карьериста. — *Прим. перев.*

более оказывающихся в плену своих собственных консервативных устремлений. Социалистическое же движение, представляемое коммунистической и социалистической партиями, бурно развивается, оно сумело извлечь урок из послевоенного кризиса, пагубной и самоубийственной политики либеральной демократии, милитаристской реакции и фашистской террористической демагогии и вышло на политическую арену еще более зрелым и более близким к власти.

Правда, Сальваторелли и Мира ясно говорят об ответственности либералов и демократов, об их преступном оптимизме и непонимании действительной природы фашизма, о корыстных интересах, так часто лежавших в основе поддержки и попустительства фашизму. Авторы вспоминают, что, когда первый кабинет Муссолини был представлен палате, за него вместе с другими голосовали Бономи, Де Гаспери, Гасперотто, Джолитти, Гронки, Меда, Орландо, Параторе, Саландра и Солери. Они подчеркивают отказ от власти правящих групп, прогрессирующее приспособление их к все более возрастающему давлению фашистского пресса, отсутствие решимости и мужества у антифашистской оппозиции, когда такая оппозиция начала формироваться (особенно после убийства Маттеотти) в среде либеральной демократии. Но за нерешительностью Факта стояли колебания Бономи, Нитти, Орландо, Джолитти, всех правящих кругов, и любая «история», если она не желает походить на простую хронику, должна объяснять эту многообразную и сложную действительность, в основе которой всегда лежит борьба между социализмом и реакцией, маскирующейся с помощью самых различных и удобных для себя способов, ибо антисоциалистические функции, выполнявшиеся сначала разными Джолитти и Бономи (мы называем вещи своими именами), перешли затем к Муссолини¹.

И, быть может, именно тогда, на фоне этой широкой картины, где отмечены все факты и где читатель заме-

¹ Мы хотим здесь отметить две самые последние статьи о происхождении фашизма: статью Джузеппе Карбоне «Кризис итальянского общества в период от начала войны до победы фашизма (1915—1922)», опубликованную в журнале «Società», 1953, № 1—2, которая посвящена преимущественно экономическому и социальному аспекту фашизма, и статью Лино Марини «К вопросу о происхождении фашизма», опублико-

чает внутренние связи даже тогда, когда о них не говорится достаточно четко, тезис о фашизме как мелкобуржуазном явлении, выдвинутый Луиджи Сальваторелли тридцать лет назад и впоследствии всегда им отстаиваемый, показал бы свою полную несостоятельность. Именно поэтому с целью получения более надежных историографических результатов мы бы хотели, чтобы это было доказано в этом труде, столь широком по охвату событий.

Но стоит ли здесь подробно разбирать эту книгу, насчитывающую свыше тысячи страниц? Стоит ли отмечать все, с чем мы согласны и с чем, напротив, мы согласиться не можем? Нужно ли, к примеру, говорить, что в этой книге, предназначенной для широкого читателя, мы наконец находим изображение истинной физиономии Муссолини, о которой до сих пор имели представление, по существу, только ученые и специалисты. Если не говорить о том, что доступно здравому народному смыслу? Или о том, что в книге имеется очень тонкий анализ процесса прогрессирующего разложения, переживаемого фашизмом, а следовательно, и страной? И, наоборот, следует ли говорить о том, что мы считаем недопустимым то соотношение, которое авторы устанавливают между антисоциализмом и антилиберализмом Муссолини (они ставят вопрос с ног на голову) и согласно которому «авторитарные мероприятия Муссолини в отношении рабочего класса были продиктованы отнюдь не сознательной враждой к пролетариату, тогда как подобные мероприятия в отношении либеральных и демократических деятелей объяснялись его отрицанием принципа свободы»? Можно было бы и дальше идти по этому пути, но работа слишком обширна, слишком богата фактическим материалом и наблюдениями, слишком органична, чтобы можно было дать здесь ее детальный анализ.

С учетом сделанных здесь оговорок можно сказать, что изложение этого двадцатипятилетнего периода ис-

ванную в журнале «Itinerari», 1953, № 3—4 и представляющую собою полный и самый последний обзор различных точек зрения по данному вопросу. Что касается более глубоких связей между *Рисорджименто*, *Объединенной Италией и фашизмом*, то мы позволим себе отослать читателя к нашей небольшой статье под этим заголовком в том же номере «Itinerari».

тории Италии дано авторами в целом неплохо¹. Луиджи Сальваторелли является всем известным знатоком этого периода; Джованни Мира должен был внести особенно ценный вклад в анализ движения бывших фронтовиков, этого важного явления послевоенного периода, ибо он сам был одним из его главных демократических представителей. Авторы на страницах своей книги отводят подобающее место этому явлению и должным образом оценивают его. В свою очередь в послесловии Сальваторелли и Мира отмечают ту помощь, которую им оказали другие ученые по отдельным аспектам и проблемам, затрагиваемым в работе: например, Видар Чезарини-Сфорца — по вопросу внутренней, главным образом экономической, политики фашизма, генерал Камилло Калевффи — по вопросам военной политики, Марио Тоскано — по вопросам внешней политики и истории дипломатии.

¹ Этого нельзя сказать об очерке, написанном одним Луиджи Сальваторелли для сборника «*Venticinque anni di storia (1920—1945)*», (Roma, «Scuola e vita»), переизданном впоследствии под заголовком «*Lineamenti di storia mondiale recentissima (1919—1953)*», (Firenze, Le Monnier, 1953); очерк был написан по поручению министерства народного просвещения и во многих отношениях не удовлетворяет читателя. См. также резкие рецензии Костанцо Казуччи в «*Mulino*» за апрель 1954 года (стр. 287—288) и Пьетро Пиццарелли в «*Nuova Rivista Storica*» за январь—апрель 1955 года.

СОДЕРЖАНИЕ

От Издательства	5
Предисловие к русскому изданию	8
Националистическая идеология и фашистский эксперимент	27
Истоки фашизма и правящие круги Италии	59
Второй кабинет Факта и «поход на Рим»	157
Витторио Эмануэле Орландо	321
Антонио Саландра	357
Луиджи Альбертини	372
Интервенционизм и фашизм в новейшей историографии .	409

Паоло Алатри

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФАШИЗМА

Редактор *Н. В. Рудницкая*
Художник *Г. А. Щепилин*
Художественный редактор *Б. И. Астафьев*
Технический редактор *В. И. Александров*
Корректор *Р. Я. Новик*

Сдано в производство 22/VI 1960 г. Подписано
к печати 10/X 1960 г. Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32}$
= 7,3 бум. л. Печ. л. 23,8. Уч.-изд. л. 26,0.
Изд. № 6/4119. Цена 1 р. 76 к. Заказ № 676.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ
ЛИГЕРАТУРЫ**

Москва, 1-й Рижский пр., 2.

Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Московского городского
совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28.

1970 г.

МАСЛО АНАТРИ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФАШИЗМА